

Александра Елисеева

Заложница мага

Пролог

— Айрин! Несносная девчонка, ну где же ты прячешься? Айри-ин!

Я быстро пробежала по деревянной лестнице, мысленно радуясь, что перед отъездом отец успел ее починить. Теперь доски не скрипели под ногами, оповещая весь дом, что кто-то поднимается на чердак.

Приоткрыв лаз, я подтянулась на руках и пролезла через отверстие. К грязному подолу тут же прилипло сено. Не боясь испачкаться еще больше, припала к полу, разглядывая сквозь щель, не заметила ли дородная тетушка моего маневра. Она уж точно не полезет на чердак, но, если выяснит, чем занимается любимая племянница, мне придется несладко.

— Айрин! Я знаю, что ты тут. Немедленно выйди, иначе... — что тогда произойдет тетушка не договорила, между ее ног внезапно прошмыгнул кот, и она едва не упала, запутавшись в юбках. Рыжий поднял мордочку и, требуя еды, жалобно мяукнул, будто всего час назад не вылакал полгоршочка сметаны, которую я, торопясь выбраться из дома, забыла убрать в холод.

— Демоново исчадие! — от души выругалась тетушка. — Брысь! Мышей бы половил — они на днях прогрызли мешок с крупой!

Кот оскорбленно отвернулся, всем своим видом демонстрируя, что прозвучавшие обвинения не более чем жалкий поклеп, а ни один вредитель не проскочит в дом под его строгим надзором.

И снова раздался крик, оповещая, что обо мне еще помнят:

— Айри-и-н!

Надо поучиться у пушистого прохиндея. Мне никогда не удавалось изобразить такую невинность в глазах, как у него, хотя я очень старалась.

Наблюдая одним глазом за происходящим внизу, я торопливо спрятала сумку с книгами за тюком сена. Как назло, хлипкая застежка щелкнула, и из набитой сумки выскочил скальпель, мгновенно проскользнув между досками и с громким звуком упав прямо перед ногами рассерженной тетушки. Я растерянно на нее посмотрела, с обреченностью понимая, что наказания не избежать.

Клотильда Сольн подняла голову и разразилась криками:

— Айри-и-и-н!!!

Я понуро вжала голову в плечи. Жаль только, тетушка всего это не видит. С досадой посмотрев на спрятанные вещи, я поняла, что ох как не скоро в следующий раз увижу лекаря. А ведь тот даже недавно расщедрился на похвалу и пообещал взять помощницей... Эх, не ведать мне больше уроков господина Камеля.

Высунув голову в лаз, я встретилась взглядом с тетушкой, покрытой пунцовыми пятнами. Что же сейчас будет!.. Я приготовилась выслушать длинную нотацию о непотребном поведении некоторых девиц и горько вздохнула. Ну что поделаешь, если я не уродилась кроткой леди, какой меня жаждет увидеть Клотильда? И ладно бы сама она могла похвастаться громким титулом, но нет. Если в нашей семье и был кто-то благородный, то только чистокровный калунский жеребец, замученный прежним хозяином и после обретший покой в нашем доме.

Лишь Клотильда этого не понимала, спуская последние деньги на учителей для нерадивой племянницы. Но, боги, зачем мне в нашем захолустье уметь красиво танцевать и грациозно двигаться?!

Тетушка нетерпеливо притоптывала, пока я, потупив глаза, медленно спускалась. Расстраивать ее совсем не хотелось, но рисовать, вопреки всякому желанию, или кропотливо вышивать — явно не мое.

— И что же мне с тобой делать?

Клотильда задумчиво оглядела меня, размышляя над чем-то, только ей понятным. Я всем своим видом демонстрировала смирение и покорность. Хотя кого я обманываю? Даже Рыжий и тот с сомнением покосился в мою сторону.

— Посмотри, во что ты превратила платье! Айрин, ну куда это годится? Ты похожа на какую-то оборванку!

Мне велели немедленно переодеться и вернуться в гостиную, что я и незамедлительно сделала. В своей комнате едва удержалась от соблазна оттянуть момент, но решила, что не стоит нагнетать обстановку в доме еще сильнее.

Клотильда тоже времени зря не теряла: придя назад, я с ненавистью взглянула на начатую вышивку, которую тетушка держала в руках. А я ведь думала, что под кроватью ненавистные пальцы никто не найдет... Нежели она намеревалась заставить меня дальше вышивать? По лицу поняла — именно это она и собирается сделать.

— Ну, тетушка!..

— Не смотри на меня так, Айрин, — тяжело вздохнула она. — Кто тебя замуж возьмет с такими интересами? — намекнула Клотильда на уроки лекаря. — И послали же боги мне испытание...

Я с ненавистью взяла в руки канву и едва не поколола руки, яростно схватившись за иголку. Для рукоделия у меня никогда не хватало терпения. Тетушка наблюдала за мной уперев руки в бока. Уж у нее-то и стежки ровнее, и изнанка аккуратнее. А я только злилась, со всей силы прокалывая ткань. И кто вообще придумал это бесполезное занятие?! Какой толк от всех этих рюшей и остальных украшений?

Вдруг снаружи послышался шум. Я удивленно подняла голову, раздумывая кто бы это мог быть. Гостей мы не ждали, отец обещал вернуться домой лишь через неделю, и у меня не появилось никаких догадок, кто бы сейчас мог пожаловать.

Раздались громкое ржание лошадей и топот копыт. Тетушка подала мне знак оставаться на месте, а сама подскочила к окну, заглянула за занавеску и страшно побледнела.

— Айрин, на чердак. Сейчас же!

Я ошарашенно уставилась на Клотильду, никогда не видев ее такой испуганной. Что же ее так взволновало?

— Айрин!

Я бросила вышивку на кушетку. Страшно хотелось выглянуть в окно, но властные нотки в голосе тетушки заставили меня не раздумывая подчиниться. Я спешно взобралась по лестнице на чердак. Клотильда закрыла дверь на замок, отрезав для меня все пути отступления.

— Сиди тихо! — напоследок сказала она мне.

Все тело била непонятно откуда взявшаяся нервная дрожь. Меня жгло нехорошее предчувствие, к вспотевшим ладоням лип противный страх.

В дом Сольнов ворвались чужаки.

Кому могли помешать мирно живущие люди? Мне казалось, мы вели совсем неприметную жизнь.

Между тем тетушка открыла скрипучую входную дверь и что-то сказала неожиданным гостям. Внизу раздалась ругань и прозвучал лязг металла. Клотильда пронзительно вскрикнула. Я резко дернула за дверь лаза, но та не поддавалась. Металлический замок не дал мне помочь тетушке. Сердце сжалось. Что же делать? И угораздило меня в кои-то веки действительно послушаться родственницу!..

Но я не знала, что опасность угрожает вовсе не тетушке. А мне.

— Где девчонка? — прозвучал внизу рассерженный мужской голос.

— Не знаю! Богами клянусь, не знаю! — залепетала тетушка.

— Сомневаюсь, что твоя вера в богов простирается столь широко. Обыскать дом!

Я подскочила с насиженного места. Зачем я, обычная уроженка Сагасса, кому-то понадобилась? Чутье подсказывало, что ничего хорошего меня не ждет. Я юркнула за тюк сена и притаилась. Может, повезет?

Но сегодня удача явно обошла меня стороной...

— Пафий, и чердак проверьте.

Сердце гулко забилося в груди, как у птицы, которую вот-вот посадят в клетку. Я замерла, забыв, как дышать, и зарылась носом в сухую траву, пытаясь успокоиться. Пряный запах сена, вопреки обыкновению, не мог усмирить мои чувства. Ладони вспотели от страха, когда по лестнице раздались шаги.

— Заперто!

— Не мне тебе рассказывать, как избавляться от замков.

Что-то хлопнуло, отчего дверь лаза резко подскочила, ударившись о пол. В нос ударил неприятный запах гари. Я замерла, молясь, чтобы меня не заметили, но незнакомец не удовлетворился беглым осмотром чердака. Он внимательно прошелся по кругу и заглянул за тюк, столкнувшись с моим испуганным взглядом.

— Пожалуйста!.. — прошептала я, надеясь на милосердие незнакомца мужчины, но яркое солнце, доселе освещавшее мой путь, неожиданно зашло за горизонт, погружая жизнь в жестокий сумрак.

Не вняв мольбам, незнакомец вытащил меня, как глупого котенка, за шкурку. Я растерянно заморгала, уставившись в непроницаемые серые глаза.

— Нашел? — послышалось снизу.

— Да, — довольно ответил, как я догадалась, Пафий и потащил меня за собой. Я было дернулась в сторону, но меня грубо схватили, будто не заметив сопротивления, и заставили спуститься вниз.

Если я думала, что Клотильда до этого сильно побледнела, то я ошибалась. Сейчас она выглядела так, что краше в гроб кладут. Губы тетушки предательски задрожали.

— Молю, не трогайте ее! Она же совсем дитя и многого не понимает!

Она рухнула на колени перед тем, кого я сразу приняла за главаря. Его зеленые глаза, абсолютно спокойные, несмотря на мольбы Клотильды, посмотрели в мою сторону, и я ощутила, как ноги словно сковывает льдом. Этот холодный взгляд надолго мне запомнился, когда я потом просыпалась от кошмаров, безумно шепча его имя, желая отомстить и вырваться на свободу.

Передо мной стоял Дамиан Грасаль. Один из семи князей царства Льен. Лорд замка Семи Скал.

Но тогда я всего это не знала.

Темные волосы зачесаны назад, лицо стервятника, не гнушающегося подлых методов. Я сразу поняла, что он не из тех, кто дарует пощаду. Мне стало страшно, как никогда в жизни.

Он подошел ко мне и встал так близко, что я почувствовала чужое дыхание на своей щеке. Коснулся шершавыми пальцами подбородка, задирая его вверх. Некоторое время он молчал. На секунду мне померещилось смятение в его задумчивом взгляде, но потом оно исчезло, растворившись, как мед в прогоркшем молоке.

— Ну, здравствуй, Айрин, дочь наследника престола и неизвестной шлюхи.

Я дернулась, глаза предательски увлажнились, не выдерживая его присутствия рядом.

— Что вы такое говорите? Я не та, кого вы ищете. Мой отец — плотник, а мать давно умерла, и я ее не знаю.

Люди князя засмеялись. Один из них решил присесть на кушетку, но тут же подскочил, потирая зад. Смех мужчин зазвучал еще громче и с новой силой, но уже насмеялись не надо мной, а над ним. Это на мгновение позволило мне воспрянуть духом.

Я поняла, что тетушка говорила правду. Вышивание действительно отлично успокаивает нервы, особенно когда ты видишь, как на оставленные иголки садится недоброжелатель.

— Тихо! — громогласно приказал князь. Все мгновенно подчинились и опустили глаза, страшась его гнева.

Я обернулась к Дамиану Грасалю. Он сухо произнес, игнорируя инцидент:

— Тебе ввали. Ты незаконнорожденная дочь Викара Фалькса. Он не простой ремесленник, а законный наследник престола.

— Нет! — дернулась я, не понимая, о ком речь. — Тетушка, скажи!

Клотильда потупила взор, избегая смотреть в мою сторону. Я до последнего не верила, что надо мной решила посмеяться судьба, хотя многое после признания Грасаля встало на свои места: и уроки танцев и этикета, совершенно бесполезные для дочери плотника, и скучное вышивание, и музицирование с чистописанием.... Всего не перечислить.

Наверное, сомнения и раньше терзали душу, хотя, конечно, правда оказалась слишком невероятной, чтобы я могла в точности о ней догадаться. Но все же мне нравилось лгать себе, нравилось думать, что все ненавистные занятия — просто блажь тетушки и за ними ничего не стоит.

Но я ошибалась.

Между тем в опасной близости от моего горла сверкнуло лезвие ножа. Не успела я шелохнуться, как Дамиан Грасаль отрезал локон моих волос, необычно черных для этого района Сагасса, и дернул за цепочку, срывая с шеи маленький кулон в форме капли — давний подарок отца.

— Ты поедешь со мной, в царство Лъен.

Все, что я знала прежде об этой стране, заключалось лишь в том, что она располагается по ту сторону Вльнистого моря. Но карта легла так, что мне пришлось в ней побывать.

С этого момента все в моей жизни кардинально изменилось и уже не было прежним. Даже я.

Глава 1

Три года спустя...

— Айрин!

Выбежав из кабинета настоятельницы, я не обратила никакого внимания на удивленные взгляды обитателей монастыря. Все застыли, не смея сделать ни шага вперед, пока я пронеслась мимо.

За спиной громко хлопнула дверь. Даже я никогда не позволяла себе такой дерзости, но сейчас было не до соблюдения приличий. Хотелось спрятаться в своей комнате и никогда не выходить, но я знала, что там меня будут искать в первую очередь.

Мевил тоже выскочила из кабинета, громко и четко выкрикивая на ходу мое имя, но не успела догнать.

— Айрин, стой! Мы не договорили.

Я совершенно не желала ее слушать. Что бы она сейчас ни сказала, все равно не смогла бы исправить то, что уже произошло. Каждое новое слово лишь подкидывало бревна в огонь моего гнева, и я задыхалась от боли, будто пробившей в теле зияющую рану.

Я стремительно пробежала по лестнице вниз, едва умудряясь не запутаться в подоле платья. Эхо разносило крик настоятельницы по пролету, безжалостно напоминая о неприятной беседе. Из-за хорошей слышимости создавалось ощущение присутствия Мевил рядом. Казалось, оглянешься — а она стоит за плечом.

По лицу текли горькие слезы. Горячие капли стекали по щекам, боль и обида жгли изнутри. В горле стоял ком. Как он мог меня предать?! Как он мог?.. Демоны!

Я оперлась на стену и закрыла лицо руками, никак не переставая рыдать. Кто угодно, только не отец. Это Дамиан Грасаль его вынудил. Ненавижу!

— Айр-и-ин! — глухо разносилось по монастырю Алого утра.

Я подобрала юбки и снова побежала, пока крик настоятельницы совсем не стих. Не хотелось никого видеть, даже ее. Наигранное сочувствие в глазах Мевил до боли претило. Я ни на секунду не забывала, чьи приказы она на самом деле выполняет, несмотря на желание со мной сблизиться. Ей меня не обмануть.

Я бежала до боли в боку, до сухости в горле и горького пота, стекающего по спине. Бежала и бежала куда глаза глядят, пока меня не сломило пополам и я не стала, прерывисто дыша, жадно глотать воздух. Лишь тогда перешла на шаг.

Отвыкшие от нагрузок голени отозвались болью. Я неожиданно осознала, что в мягких туфельках набила ноги, и окончательно остановилась, безуспешно пытаюсь выровнять дыхание. Я слабо понимала, где нахожусь, не видя ничего перед собой за пеленой слез. Желая оглядеться вокруг, протерла воспаленные глаза. Сердце бешено стучало в груди.

В носу засвербело от покрывавшей все вокруг пыли, и я оглушительно чихнула. Отголоски звука пронесли по коридору, и снова вернулась звенящая тишина. Я поняла, что оказалась в уголке, отрезанном от остального монастыря. Даже эхо, гулявшее по его коридорам, не доносило сюда обычного шума. Присутствия людей совсем не ощущалось: не раздавалось благоговейного шепота послушниц, не ощущалось легкого флера духов настоятельницы, не протерся до блеска каменный пол. Я наконец-то осталась одна.

С трудом сфокусировав взгляд, я рассеянно посмотрела перед собой и обнаружила вход в подземную галерею, охраняемый грозными мраморными стражами с опущенными клинками. Забыв обо всем, я подошла к ним вплотную и, не сдержавшись, положила руку на щеку ближайшего. Под теплой ладонью холодный камень быстро нагрелся.

Даже в подземелье некуда было деться от мрачных мыслей. Поняла неприятный факт: на самом деле я хотела сбежать не от Мев, а от себя самой.

А ведь когда смута постигла царство Льен, в бытии монастыря Алого утра практически ничего не изменилось: как и раньше шли службы, на которых возносились молитвы Треокому богу, и во все языки звенели медные, переливающиеся на солнце колокола. Жизнь в обители шла своим чередом, без суеты и тревоги. Но все же кое-что произошло: сначала появилась я, а потом сменилась и настоятельница, которая теперь следила как сыч за каждым моим шагом.

Ненавижу. Ненавижу. Ненавижу!

Я зачарованно оглядела каменные статуи, попытавшись ненадолго забыть о постигшем меня несчастье. Без постоянного надзора Мевил даже дышалось легче. Мне чудилось, будто внешне столь совершенные творения неизвестного скульптора способны ожить и заговорить.

Глаза стражей, обрамленные тончайшими ресницами, словно внимательно наблюдали за нежданной гостьей. Я прошла между ними, всем телом ощущая рядом чужое присутствие. Затылок буравил чей-то внимательный взгляд.

Вздрыгнула.

— Айр-и-ин... — раздалось за спиной, и я не узнала голоса Мевил. Обернулась, но никого не увидела. Тело покрылось внезапно появившимися мурашками, и волосы встали дыбом. Неужели померещилось?

Я обхватила себя за плечи, чувствуя несвойственный помещениям монастыря холод. Внутреннее опустошение мешало быстро собраться и трезво мыслить. Из рта вырвалось облачко пара, а ноги заledenели. Мне стало не по себе, и я развернулась назад, чтобы все-таки вернуться в комнату, но, когда подошла ближе к мраморным стражам, они резко подняли клинки и перекрыли проход.

Я ощутила, как кровь отливает от лица. Ладони резко вспотели, и я сжала их в кулаки. Ногти иглами впились в кисти.

— Демоны! — не сдержалась я. — Что происходит?

Стало по-настоящему жутко. Ничто не выдавало того, что всего мгновение назад статуи шевелились, словно живые люди, состоящие не из мрамора, а из плоти и крови. В них явно дремала древняя магия, и нельзя предположить, как именно она себя поведет. Не оказалась ли я здесь запертой навечно?

Не на шутку перепугавшись, попыталась пролезть под скрещенными мечами, но скульптуры зашевелились и грубо оттолкнули меня, полностью загораживая проход. Я упала в пыль, больно ударившись спиной о каменный пол.

Лица застывших статуй, как и прежде, ничего не выражали. Они выглядели отрешенными и хладнокровными, и я не знала, что мне теперь делать. Глаза давно высохли, и лишь все еще влажные щеки напоминали об охватившем недавно отчаянии. Я не понимала, что происходит, но страх резко сменился решимостью вырваться из подземелья во что бы то ни стало. Меньше всего мне хотелось умереть по собственной глупости.

Зло посмотрев в сторону каменных изваяний, я развернулась в противоположную сторону, надеясь отыскать другой выход, и пошла по темному туннелю. За спиной не раздавалось ни звука, а когда я посмотрела назад, то увидела, что стражи все так же стоят во вновь приобретенных позах, загораживая проход. Казалось, будто все случившееся мне лишь померещилось, но отсутствие выхода в зоне видимости свидетельствовало об обратном.

Сердце замерло от тревожного предчувствия. С каждым шагом становилось все темнее. Свет, проникавший с лестницы, практически не попадал сюда. Когда я уже передвигалась практически на ощупь, обнаружила висящие на каменной кладке светильники. Ими явно давно не пользовались, но это не помешало магии, когда-то вживленной в механизм, откликнуться на мой зов и зажечь пламя. Я часто заморгала от яркого света, ударившего в глаза, и от неожиданности вскрикнула, обнаружив себя невольно опирающейся о каменный саркофаг. Он оказался не единственным: ряды

других простирались по всей галерее, похожие на стройные лодки, на которых усопшие отправляются в чертоги мира мертвых.

И вот тогда мне действительно стало по-настоящему жутко. Зная историю обители, догадалась, где именно очутилась. Крипта Фальксов. Огромный некрополь царской семьи Льен занимал подземелья монастыря Алого утра. Я проходила склеп за склепом, чувствуя себя будто во сне. Не верилось, что в мраморных ящиках лежали мои предки. С тех пор, как я узнала, кто на самом деле мой отец, так и не свыклась с мыслью, что и в моих жилах течет благородная кровь.

Но для государей лишь сыновья — надежда и опора. Дочери же лишь пешки, которыми можно при необходимости пожертвовать. Вот и я оказалась слабой фигурой, когда дело касалось политических интриг...

Любящий папа, баловавший меня в детстве, превратился в угрюмого тирана, который потворствует Дамиану Грасалю. Именно благодаря уловкам князя отец занял престол, хотя тот по праву должен был принадлежать его племяннику — Лирану Красный Сокол.

Я ничуть не сомневалась, что это Грасаль нашептал царю избавиться от незаконнорожденной дочери, выгодно выдав ее замуж. Отец даже не удосужился сообщить мне об этом лично, отправив сухое письмо, сообщившее, что карета приедет через три дня.

«Пришло время выполнить свой долг перед семьей и царством», — сама собой вспомнилась строчка из ненавистного послания. Дорогая бумага горела ничуть не хуже любой другой...

Равнодушие родителя злило больше навязанного брака. Мне хотелось лично увидеть отца и заглянуть в глаза, чтобы достучаться до человека, которого знала раньше. Я верила, где-то за этой бордовой мантией и золотой короной прячется мой папа, рассказывавший в детстве истории о заколдованном Тьмой царстве и ожидающийся, пока я усну, прежде чем уйти. Не может быть, чтобы новый советник так его ослепил!

Нет ничего ужаснее предательства родного человека...

Больше не беспокоясь о сохранности платья, я села на пол и помассировала уставшие ноги. Усталость после всего пережитого лишала всяческих сил. Глаза предательски увлажнились, но в этот раз я не позволила себе слабости зарыдать. Достаточно и того, что весь монастырь стал свидетелем моего позора. Как бы ни потрудились в свое время учителя, в нужную минуту я так и не сдержала обуревавшие меня чувства. Да и не хотелось этого делать... Разве я царица? Всего лишь незаконнорожденная дочь.

Проклятая крипта исподтишка ударила по больному месту. Род Фальксов принес мне больше горя, чем добра. Из-за внезапно обнаруженного родства я лишилась всего, чем дорожила, а получила вместо этого только придворные интриги и незавидное положение бастарды.

Отовсюду на меня смотрели застывшие лица членов царской семьи, высеченные из мрамора. Скульптуры лежали на крышках саркофагов. Рука невольно потянулась к ближайшему, и, увидев сбоку табличку, я стерла пыль, мысленно читая надпись: «Ее Величество Илис II».

В тот же миг что-то невидимое ударило меня в солнечное сплетение, ненадолго парализовав тело. Я вскрикнула, резко ощутив, как в голове нарастает давление и появляется боль. Прижала ладони к ушам и спрятала лицо в коленях, не в силах с ней бороться. Из носа пошла кровь, окрашивая руки, платье и каменный пол алым цветом. Неприятные ощущения все усиливались, и я взывала, неспособная с ними справиться.

Раздался непонятный скрежет, но я не сразу его услышала и лишь только позже поняла, что этот громкий шум — звук отодвигающейся крышки саркофага. Она съехала набок и упала, разбившись на множество мелких осколков.

Боль в голове резко исчезла, растворившись, будто и не возникала. Я поднялась с пола, пытаюсь успокоиться и прийти в себя. Тяжело дыша, осторожно посмотрела в сторону распахнутого саркофага и зачарованно подошла ближе. Мною двигало непонятное

чувство. Голова немного кружилась, но это не помешало мне ясно разглядеть женщину, лежащую внутри.

На мгновение мне показалось, будто я увидела... себя. Но это ощущение было обманчиво.

Черные локоны незнакомки разметались по бледно-розовой шелковой подушке. Лицо выглядело абсолютно расслабленным и спокойным. Казалось, она просто спала и вот-вот откроет глаза — такие же, как и у меня, — васильково-синие. На щеках застыл ненастоящий румянец, оставленный мягкой пуховкой. Платье из золотой парчи выглядело совсем новым, блестящим и не померкшим от времени.

А на голове лежала сапфировая диадема, от которой я не могла отвести взгляд, как ни пыталась. Несмотря на крупные камни, она смотрелась изящной и нежной, будто созданной для своей хозяйки.

Слишком невероятно для правды.

На секунду я забыла, как дышать, и протянула руку, чтобы убедиться — все это реально. Но не успели пальцы коснуться насыщенных сапфиров, как женщина резко открыла глаза, действительно синие, и сказала:

— Наша кровь — сила, наша душа — расплата.

Я почувствовала, что слабость окончательно одерживает надо мной верх. Все померкло, и я упала навзничь, ощущая, будто меня затягивает в синее марево. Перед глазами все поплыло, и краски смешались, оставляя лишь один цвет — сапфиров из диадемы ее величества, а потом и он исчез, растворившись во тьме.

Пробуждалась я нелегко: с трудом подняла свинцовые веки — перед глазами плясали огни. Я часто заморгала, пытаясь сосредоточить взгляд. Воспоминания возвращались неохотно, отрывками. Сначала воскресила в голове визит к настоятельнице, потом вспомнила, как в чувствах бежала не глядя вниз и оказалась в подземелье. Когда в голове возник эпизод с мертвой королевой, я подскочила, забыв о слабости, и ошарашенно уставилась на саркофаг.

Он был закрыт. Плита, абсолютно целая, лежала на нем, словно и не падала на пол. Я подошла ближе, желая окончательно убедиться в отсутствии трещин. Я бы решила, что все произошедшее померещилось в забытии, если бы не сапфировая диадема, лежащая возле рук ее величества Илис II.

Синие камни так и манили...

Я чувствовала, что не стоит этого делать, чувствовала буквально всем нутром, но все равно не сдержалась, взяла в руки и надела на себя. Жаль, поблизости не оказалось зеркала, и я лишь могла предположить, как она смотрится. В то мгновение, когда украшение оказалось на голове, на меня снизошло такое спокойствие, которое можно ощутить лишь тогда, когда прибрежный шум ласково баюкает, а небо, даруя чувство защищенности, возвышается сверху темным шатром с миллиардами мерцающих звезд. Но я подозревала, что это обманчивое ощущение.

Несмотря на инстинкт, скребущийся под кожей и напоминающий, что ни принадлежность к царской семье, ни ее дары не принесут мне ничего хорошего, появилась подспудная мысль оставить диадему себе. Ведь как-то же она появилась на саркофаге? Не верилось, что, даже если мне почудилась Илис, дорогое украшение просто лежало здесь много времени, никем не тронутое.

Я посмотрела на мраморную королеву. Она выглядела такой же, как в моем видении, даже мраморная диадема-двойник была прочно закреплена в волосах.

Демоны! Я потянула за украшение, красующееся на моей голове, желая его снять, но оно никак не поддавалось, точно запутавшись в прядях. Сколько бы я ни дергала, диадема не сдвигалась в сторону. После бесчисленных тщетных попыток вернуть ее туда, откуда взяла, я прочно уверилась, что во всем замешена магия. Только непредсказуемых заклинаний мне не хватало!

Теперь безмятежное лицо мраморной королевы казалось уже не таким умиротворенным, а в изгибе ее губ мерещилась ехидная улыбка.

В отчаянии я вспомнила о Мевил и подумала, что будет, если я вернусь с неожиданным приобретением. Хотелось надеяться, что маги смогут его снять. Хотя... я ведь еще не вышла. Удастся ли мне найти выход из этого проклятого места?

Чутье подсказывало, что с этим больше не будет проблем. Я оставила саркофаг покойной королевы и направилась туда, откуда все началось, — к каменным стражам.

Увидев статуи, я заскрежетала зубами от злости и одновременно схватила за спину, вспомнив об ушибе. Скульптуры стояли вдоль входа в крипту с опущенными клинками, как будто не чиня препятствий, чтобы забредшая путница смогла наконец выйти. Я медленно к ним приблизилась и с осторожностью сделала первый шаг. От напряжения задержала дыхание, опасаясь повторять предыдущий опыт.

Но то ли сапфировая диадема сделала свое дело, то ли причина заключалась в другом, стражи не шелохнулись. Спокойно пройдя через проем, перевела дух.

Я коснулась «подарка» королевы, механически проверяя, не растворился ли после выхода из крипты, но он все еще оставался на месте. Несмотря на крупные сапфиры, диадема казалась совсем невесомой и не давила на голову. Кинув последний взгляд на оставленные позади захоронения царской семьи Льен, я поспешила к лестнице, не веря, что приключение подошло к концу.

Но на самом деле оно только начиналось.

Казалось, будто я бежала по лестнице, получив злополучное письмо из рук настоятельницы, целую вечность назад. С тех пор эмоции поутихли, хотя все равно кровь в жилах закипала, стоило вспомнить, как отец со мной обошелся.

Монастырь гудел как никогда. Все разом кричали, перебивая друг друга. Я зажала уши руками, не в силах это терпеть, и зажмурилась.

— Луиза, что происходит? — окликнула я знакомую.

Она развернулась, теребя глухой ворот серого платья, и пробормотала:

— До чего колючий, ух! Как обычно кому все, а кому — ничего. Царская дочка-то поди в шелках ходит... Айрин?!

Я ошарашенно уставилась на Луизу, обычно не поднимающую глаз от пола и боящуюся слово сказать поперек, хотя я общалась с ней, как и с другими девушками, на равных. Да они и не были обязаны передо мной робеть. Хотя отец, обеспечивший мне счастливое детство, не скрывал наше родство, это не делало меня царевной.

— Айрин, куда ты пропала? Тебя уже три дня по всей обители ищут!

— Как три дня?!

Я резко вдохнула. По моим подсчетам прошло всего несколько часов. Загадок становилось все больше. Время в подземелье текло совсем не так, как снаружи, и мне еще повезло, что прошло всего несколько дней, а не, к примеру, лет. В воздухе крипты витало древнее колдовство, непредсказуемое и капризное. Три дня... Демоны, отец! За мной ведь послали карету... Наверное, настоятельница решила, что я сбежала из монастыря, испугавшись навязанного брака. Но я не могла так поступить совсем не потому, что боялась перечить отцу, — хотела сама до него достучаться и отговорить от опрометчивого шага.

— Что произошло? Явилась! В грязи, как последняя оборванка, но зато корону нацепила всем свои драгоценности продемонстрировать. Глаза — сама невинность, но я-то знаю, какая она дрянь... И еще эти пятна на платье... кровь?!

— Что ты себе позволяешь?! — вырвалось у меня. Я смерила Луизу разгневанным взглядом, заставляя ее виновато потупиться.

— То же мне царская дочка... Что-то царь не торопится дать ей титул, видно, даже ему она не нужна.

— Да как ты смеешь? Мои отношения с отцом тебя не касаются, — потребовала я и уже сама себе пробормотала, устав от непривычно разносящегося по обители гомона: — Боги, что за шум? Как в этом хаосе вообще можно что-то услышать?

Луиза вздрогнула и растерянно на меня посмотрела. И тут я поняла... Она не разжимала губ. Она вообще не разжимала губ. А я... Кажется, только что я услышала чужие мысли.

Глава 2

Луиза решила, что невольно заговорила вслух, и рассыпалась в извинениях, которые я не желала слышать. Меньше всего меня волновало, что она думает обо мне, куда важнее понять, что теперь делать. Возможно, неожиданное приобретение удастся применить во благо.

«Наша кровь — сила, наша душа — расплата...» — возникли в голове слова покойной королевы. Я отбросила неприятные мысли прочь. Позже пойму, что имела в виду Илис.

Солнечные лучи едва проникали через небольшое оконце. Пылинки, повисшие в воздухе, сверкали в них, как серебряная пудра. Я протянула руку, наблюдая за игрой света и тени, а затем приблизилась к раме и с внезапно возникшей яростью дернула за решетку. Та не поддавалась, напоминая мне, что я — заложница князя Дамиана Грасаля. Моя жизнь лежит в его руках, и я не в праве сама вершить свою судьбу.

Железные прутья перечеркивали будущее, ставя крест на любых планах. Передумав разглядывать пейзаж, я с колотящимся сердцем взбежала по лестнице.

Пришло время выполнить свой долг... Перед семьей... Перед царством...

В голове стучало. Я подошла к двери, которой грубо хлопнула несколько часов назад, — к двери настоятельницы, но не спешила стучать. Я слышала мысли Мевил, пишущей письмо Грасалю о моем исчезновении, буквально чувствовала, как она нервно сжимает перо, вдавливая в лист кончик, испачканный в чернилах. Одновременно пыталась абстрагироваться от громких дум остальных обитателей монастыря. Получалось из рук вон плохо. Слушая Мевил, смахнула со вспотевшего лба прилипшую пружинку волос.

Почему она решила сообщить князю обо всем только сейчас, спустя три дня? Неужели так боялась его гнева? Я осознала: да, действительно он так ее пугал. Но в то же время другие причины тоже имели место. Она хотела меня переубедить, найти раньше людей лорда Семи Скал и не дать ему узнать о моем «побеге». Шпионка действительно искренне меня оберегала. Но почему? Кто я ей?

Я постучала и толкнула дверь. В этот самый момент настоятельница собиралась опустить письмо в длинный блестящий футляр — почтомат, мгновенно переносящий важные послания на большие расстояния. Всего лишь мгновение отделяло нас обеих от гнева ближайшего советника царя. О самом отце я мало думала: скорее всего, он бы просто не узнал о своемвольном поступке дочери, пока молчание не затянулось бы на слишком долгий срок.

— Айрин! — дрожащими губами выговорила Мевил, оглядев меня с головы до пят. Почему-то она совсем ничего не сказала про мой потрепанный внешний вид, хотя я знала — он произвел на нее должное впечатление.

Повисла неловкая пауза. Настоятельница напряженно размышляла, как лучше узнать о произошедшем со мной, а я рассматривала ее каким-то новым и цепким взглядом, будто никогда прежде не видела. Сапфировая диадема посеяла холод в моих мыслях, и я уже не знала, кто говорил моими устами — я или дар мертвой королевы.

Вот она, Мевил, какой я давно ее знала: каштановые волосы, которые настоятельница красит с помощью высушенных листьев верянской лавсонии, желая скрыть рано появившуюся седину. Чуть раскосые зеленые глаза, смотрящие будто бы в душу. Легкая горбинка на носу, о происхождении которой прежде могла только догадываться.

Теперь я видела ее всю, читала, как раскрытую книгу, строчку за строчкой. Ее мысли кружили вокруг меня, требуя им внять. Я слушала их и слышала.

— Айрин, я знаю, как нелегко принять то, что с тобой произошло. Мы все пленники капризов судьбы. Если ты боишься, что будущий муж будет плохим человеком, то...

— Я не боюсь, — прервала ее монолог и села в кресло. — Но прежде всего я должна встретиться с отцом.

— Ты знаешь, что это невозможно.

— Нет ничего невозможного, Мев, — вырвалось у меня. Это короткое имя, услышанное в ее мыслях, подходило протеже Грасаля гораздо лучше, чем полное, которым она пользовалась в монастыре. Мне хотелось узнать больше о ее прошлом, но пока она сама не вспомнит о нем, приходилось довольствоваться лишь крупными фактами.

Настоятельница вздрогнула и отрезала:

— Не смей меня так называть.

Я пожала плечами, всеми силами изображая равнодушие. На самом деле испугалась. Достаточно дернуть за ниточку, как рухнет вся стена чужой уверенности в себе. Вот и я коснулась того, чего мне знать не следовало, не подумав, что всего лишь одно слово сможет пробить броню хладнокровия Мевил.

Воспоминания настоятельница закружились вокруг меня снежным вихрем. Я видела ее детство, проведенное на севере царства Льен, семью, дом, а затем... голод, разруху и войну. Сквозь глаза Мев открывались картины ее прошлого. Некоторые из них вызвали нервную дрожь по всему телу, но я чувствовала, что самое жуткое еще впереди.

— Айрин, с тобой все хорошо?

Я совсем не ощущала себя в порядке — чужие мысли били по вискам молотками. Мевил обеспокоенно на меня уставилась, будто не зная, что следует сказать. Ее взор остановился на диадеме, венчающей мою голову. В отличие от Луизы она точно знала, что никаких драгоценностей отец мне не дарил.

— Откуда это у тебя?

Я попыталась ответить, но не смогла — язык онемел и не поворачивался. Во рту появился резкий вяжущий вкус, будто я откусила кусок еще не созревшей хурмы, выращенной в Арманьеле. Тем временем Мев в уме перебрала все возможные, на ее взгляд, варианты, как мне могла достаться столь ценная вещь, но все предположения шпионки были далеки от реальности.

Я выдавила из себя:

— Не имеет значения. Когда за мной приедут?

— Скоро... — рассеянно ответила настоятельница. — Ближе к вечеру.

По лбу скатилась капелька пота. Дар покойной королевы вытягивал из меня все силы, замутняя рассудок. Перед глазами стояли мушки, и я вцепилась пальцами в подлокотники кресла, пытаясь прийти в себя. Шум в голове все нарастал, а проклятая диадема никак не снималась, мешая спокойно думать. Ничто не помогало, чужие мысли не смолкали. Обитатели монастыря как будто наперебой кричали, и их голоса сливались в единый гул. Я стерла с лица испарину и закрыла глаза, не в силах это больше терпеть.

— Айрин!

Глазами Мевил увидела свое страшно побледневшее лицо, а затем все наконец-то стихло, и я провалилась во тьму, мягко поймавшую меня в свои объятья.

Мир грубо ворвался в мою голову, разбив вдребезги хрупкие сны. Чужие мысли пиявками присосались к телу, вытягивая силы. Не открывая глаз, я застонала. Теперь уже всерьез подумала, справлюсь ли со свалившимися испытаниями. Воображая перспективы, ощутила нешуточный страх.

— Дальше лучше не будет.

Прищурившись, с удивлением разглядела фигуру Дамиана Грасаля, укутанную в дорожный плащ. Капельки влаги стекали по полам, давая понять, что он только что зашел с улицы.

Я не стала размышлять над тем, сколько времени прошло, пока провалилась в беспамятстве, раз советник царя успел пересечь полцарства и попасть в монастырь. Видимо, я слишком сильно испугала Мев, раз она все-таки решила отправить ему

срочное письмо.

Глаза князя едва мерцали в полутьме, заставляя усомниться, человек ли он на самом деле. Мне казалось, он практически не мигал.

Я перевернулась на бок, не желая на него смотреть, и положила голову под подушку, безуспешно пытаюсь заглушить назойливый шум чужих голосов, но ничего не помогало. Весь монастырь будто разом на меня ополчился. В один миг все стали врагами: хотя сами они этого не ведали, жители обители причиняли мне зло.

— Откуда вы знаете? — пробормотала я.

Некоторое время князь ничего не отвечал, и я решила, что он не расслышал вопроса. Но повторять мне не пришлось. Прочистив горло, Дамиан сказал:

— Потому что либо ты подчинишь ее, либо она — тебя.

По спине пошел холодок.

— Ее?..

— Ты знаешь, о чем я. Можешь лгать всем вокруг, притворяясь, что она твоя, но я знаю правду. Сапфировая диадема и сила, которую она дает, — опасные игрушки. Особенно в неумелых руках.

Как?! Как он узнал об этом?.. Я присела на кровати, придерживая руками лиф платья. Его расшнуровали, но не сняли с меня, пока была в забытьи. Советник царя сел в кресло и закурил, хотя в стенах монастыря подобное поведение не поощрялось.

— Вы... Вы...

— Как чувствовал, не стоит оставлять тебя надолго одну.

Я растерянно замерла, ощущая слабость из-за колдовства проклятого венца. Меня пронзила страшная догадка. Напряглась, пытаюсь выудить из сети мыслей окружающих людей думы одного-единственного человека, но ничего не выходило, как я ни силилась это сделать. Тщетно! Истинные помыслы Дамиана Грасаля закрывала прочная стена, через которую мне не удавалось пробиться — что-то защищало ее от моего воздействия.

Лицо князя не дрогнуло.

— Наигралась? — изогнул он бровь.

— Как вы это сделали?

Он поднялся и, проигнорировав мое любопытство, направился к выходу.

— Приведи себя в порядок. Мы уезжаем. Немедленно.

Прежде, чем я успела задать вопрос, каковы его дальнейшие планы, советник грубо захлопнул дверь. Незнание вызвала невольную вспышку гнева. Я заскрипела зубами от досады и поморщилась — диадема все еще пагубно воздействовала на мое состояние.

Вещи собирать не пришлось. Я встала с кровати и увидела, что их давно вынесли, оставив лишь дорожное платье и обувь. Оделась, хотя руки дрожали от возникшего напряжения и плохо слушались. Вздурораженная после общения со своим тюремщиком, не могла трезво мыслить.

За дверью, притаившись, что тень, стояла Луиза.

Послушница нервно теребила юбку, избегая смотреть в мою сторону, но я все равно узнала о ее истинных суждениях. Погрузившись в ее думы, ощутила себя искупавшейся в помоях зависти. Я закусил губу, чтобы не рассмеяться над нелепым предположением, прозвучавшим в голове у Луизы. Увидев Грасаля, она по незнанию решила, что он и есть обещанный мне жених!

Но, опустив иронию, я признала, что девушке из бедной семьи, отправленной сюда, чтобы избавиться от лишнего рта в семье, такая партия и не снилась. Луиза мечтала выгодно выйти замуж, чтобы разом решить все проблемы, но увы, ее мечтам не суждено сбыться. Богатые вельможи не интересуются такими, как она.

— Мне велели тебя проводить.

Этого не требовалось. Из сознания приставленной ко мне послушницы я узнала, возле какого выхода поджидает экипаж, но все же сделала вид, что нуждаюсь в компании. Правда, после той желчи, которую она в сердцах на меня вылила, я так и не нашла в себе сил весело щебетать, поддерживая разговор.

После спуска по лестнице к горлу подкатила тошнота. Захотелось на кого-нибудь опереться, но меньше всего я желала помощи Луизы. Она молчала, но ее мысли будто кричали в пустоту, и я морщилась всякий раз, когда нечто неприятное в очередной раз до меня доносилось. Никогда бы не подумала, что так сильно ей не нравлюсь.

Когда я преодолела последнюю ступеньку, ноги уже подкашивались от усталости. Снаружи моросил дождь. Я подставила лицо навстречу остужающим каплям и облегченно зажмурилась, чувствуя, как они стекают по щекам.

Недовольный взгляд князя заставил поморщиться. Любопытно стрельнув глазами в его сторону, я задумалась, как он защитился от моего воздействия, но ответа так и не нашла.

— Если ты сейчас едва держишься, чтобы не упасть, то как выдержишь завтра? — вопрос советника ударил хлыстом, заставляя немедленно взять себя в руки и тверже встать на ноги.

— А что случится завтра?

— Не научишься справляться с полученной силой, и я тебя убью.

— Да как вы смеете?! Отец...

— Отблагодарит меня за то, что я избавлю его дочь от мучений. А ведь я уже говорил — дальше проще не будет.

Дамиан Грасаль подошел к экипажу и открыл дверцу, сделав приглашающий жест рукой. Я не торопилась отправиться в путешествие.

— Вы должны помочь ее снять.

Он так и замер, в нелепой позе с раскрытой ладонью. Глядя, как расширились глаза князя, я поняла, что он все-таки не такой всезнающий, как хочет показать.

— Что, прости?.. Ты не можешь снять диадему и я узнаю об этом только сейчас?

— А почему, по-вашему, я все еще ее ношу? — невольно огрызнулась я, вспомнив его угрозу.

— Родовая магия должна на тебя настроиться. Если сейчас снять диадему, то она продолжит тянуть силу, пока не высосет ее целиком.

— Но я хочу это прекратить.

— Ничего не выйдет, владелец уже выбран. Нельзя повернуть время вспять.

Я ничего не ответила и бросила тоскливый взгляд на монастырь, ставший пристанищем в последние годы. Тихая жизнь в Сагассе, когда предположение о принадлежности отца к царскому роду Льен вызвало бы только усмешку, вспоминалась как сон. Дамиан Грасаль выяснил эту тайну и заточил меня в обитель Треокого, желая извлечь из моего происхождения максимум пользы.

Но несмотря на обстоятельства, я не могла не думать о монастыре без теплоты. Желая запомнить как можно больше деталей, внимательно осмотрела фасад из мрачного серого камня, пробежала взором по высоким башням, увенчанным куполами, задержалась на

медных трехязычных колоколах. В окнах горел свет, обрисовывая фигуры служительниц Треокого. На одном из верхних этажей я с удивлением обнаружила настоятельницу, с высоты наблюдающую за моим отъездом. Мевил стояла, сложив руки на груди. Издалека я не смогла понять, что она чувствует. Ее мысли смешались с вереницей других.

— Садись, Айрин. Обсудим все по пути.

— Вы даже не сказали, кому меня сосватали.

— Это больше не важно, — махнул Грасаль рукой. — Теперь твое замужество больше не выгодно.

Не без помощи князя я залезла в экипаж, обескураженная тем, как неожиданно изменилась моя судьба. Как только мы сели, ощутила неловкость от изучающего мужского взгляда. Он смотрел на меня так, будто видел впервые. Стало неудобно. Желая избавиться от этого чувства, пошла в наступление:

— Я слышу мысли всех людей, кроме вас. Почему?

Никаких внутренних блоков, как тогда с Мев, не возникло. Видимо, диадема различала, кто уже знал ее тайну, а кому не следовало даже приоткрывать завесу.

Дамиан Грасаль хищно улыбнулся, и я увидела притаившуюся хитринку в зеленых глазах. Он пожал плечами, но я не поймалась на его показное равнодушие.

— Откуда мне знать? Мне известно многое, но не все секреты рода Фалькс.

Я с досадой поджала губы, не зная, что сказать. Похоже, ответ на этот вопрос я должна отыскать без чужих подсказок.

Больше мы не разговаривали. Экипаж трясся на ухабах, и меня волновало, скоро ли мы доберемся до места ночлега. Я задумчиво разглядывала князя, в свою очередь он так же пристально смотрел в мою сторону. Прошло три года со времени нашей последней встречи, и он совсем не изменился, тогда как я стала совершенно другой — и внешне, и внутренне. Жизнь в монастыре не могла не закалить: без постоянной опеки Клотильды я научилась полагаться только на себя. Поменялось и отношение к Грасалю: презренный страх сменился жгучей ненавистью. Мне претило его присутствие рядом. Своим видом он напоминал о предательстве отца, бросившем меня ради престола.

Наконец я не выдержала:

— Вы до сих пор не сказали, куда мы едем.

— Я этого особенно и не скрывал. Если бы ты спросила, то уже бы знала, — подтрунил Грасаль прежде чем снизойти до ответа: — В Маурону.

— В столицу?! — не веря, выдохнула я.

— Да, — подтвердил князь, хотя это и не требовалось.

— И я увижу отца?

— Вероятно, — ухмыльнулся он.

Я отвернулась к окну и посмотрела в темноту. Деревья, едва различимые в полумраке, быстро проносились за стеклом, и я не успевала ни на чем задержать взор. Когда монастырь остался позади, я почувствовала себя лучше. Мысли немногочисленных людей князя практически не докучали, и я ненадолго расслабилась и подумала о своем. За размышлениями о предстоящей встрече с царем время проходило незаметно.

Резко вздрогнула, неожиданно обнаружив руку князя возле лица. Заметив мой испуг, он осторожно поинтересовался, больше не делая попыток дотронуться:

— Можно?

Сама не знаю почему, но кивнула. Дамиан Грасаль убрал прядь со лба, вызвав волну

мурашек по всему телу, и, едва касаясь, провел пальцами по сапфировой диадеме. Уже смелее, поняв, что та не отталкивает его, он попытался снять венец. Но это дорого ему стоило: будто ужаленный, князь резко отдернул руку и, поморщившись, потер кисть. Доставшееся мне украшение явно было не без характера.

Я спрятала за волосами лукавый блеск в глазах. Досада на лице князя не могла не доставить мне удовольствия.

— Зря радуешься, Айрин. В первый раз вижу, чтобы артефакт так цеплялся за человека.

Я непроизвольно фыркнула, чем только раздражила советника царя. Он начал перебирать пальцами по сиденью, вероятно пытаясь их размять. Рука, будто парализованная, плохо его слушалась, и все движения получались рваными и тяжелыми.

Обещание князя меня убить, если я не справлюсь с могуществом артефакта, все еще оставалось свежим в памяти. Дамиан Грасаль не бросал слов на ветер. Никогда.

Я отвернулась от него, злясь на собственное бессилие, но советник привлек мое внимание, заговорив. Его вкрадчивый голос с нотками стальной уверенности в себе развеял неловкую тишину, ставшую привычной в экипаже, и растворился в ударах колес, монотонно звучащих фоном снаружи.

— Сапфировая диадема исчезла много лет назад. По преданиям ее захоронили вместе с ее величеством Илис II, одной из самых значимых фигур в истории царства. Царица прославилась как проницательная и мудрая женщина, и современники поражались ее умению видеть скрытую для всех истину. Никто не предполагал, что она способна читать мысли.

— Люди не знали о ее даре? — удивилась я. — Тогда как вы разгадали эту тайну?

Дамиан Грасаль расправил плечи и закинул ногу на ногу, принимая более расслабленную позу. Зеленые глаза отражали свет зажженной лампы.

— Все символы царской власти хранят в себе магию: хризолитовая шкатулка служитместилищем для демонов, перстень цесаревича указывает на одаренных колдовской силой, царский скипетр веками считался наделенным магией стихий... При таком раскладе поневоле задумаешься, на что способна диадема.

— Кому она принадлежала до Илис?

— Ты задаешь верные вопросы. Я выяснил, что ее передавали царицам, хотя не все они носили этот дар. Артефакт явно подчиняется немногим. А на что по-настоящему он способен... К сожалению, мы можем лишь догадываться обо всех гранях приобретенной тобой способности. С большим трудом я раздобыл фрагменты дневника Илис. Он и раскрыл мне многие секреты диадемы, многие, но увы, не все.

Снова задалась вопросом, как он понял, что я действительно завладела именно утерянным артефактом, а не похожим украшением. Догадка ударила с силой молнии:

— Вы разговаривали с Луизой!

Дамиан Грасаль издал смешок.

— Я хотел окончательно убедиться, что не обманулся, обнаружив на рухнувшей в обморок бастарде царя диадему, как две капли похожую на изображенную на старых полотнах. Чутье меня не подвело, когда я решил лично отвезти тебя к жениху. Разговор с твоей подругой развеял последние сомнения.

— Луиза мне не подруга, — нахмурилась я.

— Это не имеет значения.

Он отвернулся к окну, разглядывая наше отражение в блике от зажженного светильника. Теперь я могла рассмотреть проносящийся снаружи пейзаж, только придвинувшись вплотную к стеклу. Осенью мгла быстро поглощала небо, напоминая, что холода становятся все ближе и пора готовиться к приходу зимы. Вероятно, советник

царя тоже об этом задумался.

— Смотри, Айрин, совсем стемнело. Это значит, что пришло время для страшных историй.

Я непроизвольно наклонилась к князю и смерила его взглядом, строя безуспешные догадки, к чему он клонит. Лицо Грасалья оставалось совершенно бесстрастным, но в приподнятых уголках губ чувствовалось лукавство. Набравшись смелости, я спросила:

— О чем вы?

— Все просто. Я хочу узнать, как малограмотной девушке удалось то, что не под силу лучшим умам царства. Мощнейшие заклинания охраняют гробницу Фальксов от вторжения чужаков. Открыть саркофаг с покойной царицей, где была захоронена диадема все это время, не смогли даже ее потомки.

— Во-первых, в Сагассе я получила достойное образование, — яростно прошипела я, добрым словом вспоминая старания Клотильды и одновременно ощущая, как к щекам от его заявления приливает кровь. — А во-вторых, я тоже Фалькс.

— Нет, — выставил Грасаль вперед раскрытую ладонь, не принимая мой аргумент. — Ты незаконнорожденная. Это совершенно меняет дело.

В знак протеста мне захотелось заявить об обратном, хотя мысли о принадлежности к царскому роду вызывали стойкую неприязнь.

— Уверены, что отец вам не солгал? — выпалила я и тут же осеклась, пораженная порывом.

Я знала, что мама давно умерла, но никогда не поднимала тему о своем происхождении, пока жила в Сагассе. Это не играло никакой роли, пока не выяснилось, что отец вправе претендовать на трон царства Льен. Теперь детали прошлого уже не казались столь бессмысленными, как сейчас.

Мы оба — и я, и князь — понимали, насколько невероятно мое предположение. Услышь он его еще вчера, Грасаль бы точно рассмеялся надо мной, не сочтя его достаточно весомым, но инцидент с диадемой все же заставил его на мгновение задуматься и лишь затем покачать головой:

— Викару незачем скрывать, что он был женат. Царь никто, пока не оставит наследников. В отсутствии других претендентов на престол даже дочь может сыграть важную роль для укрепления власти.

— А если он этого совершенно не жаждет? — тихо озвучила я то, что не могло не прийти в голову князю.

— Это не более, чем пустые надежды, Айрин. Ты бастарда, смирись.

Дамиан Грасаль держался твердо и непоколебимо, но в изумрудных глазах я видела, что посеяла семена сомнений. Он не верил, что его картина мира могла резко затрещать и развалиться на куски, открывая совсем иную реальность.

Признаться, я тоже мало на это надеялась, что не отменяло дерзкого желания указать князю на его промах.

Я промолчала, укоряя себя за потребность затронуть болезную тему. Меня стало укачивать, и веки сами собой опустились от усталости. Я задремала, погрузившись, как мне показалось, в неглубокий сон. Периодически просыпаясь, каждый раз наталкивалась на задумчивый взгляд князя и снова закрывала глаза. Экипаж стремительно мчался по лесу, подпрыгивая на ухабах и укачивая мерным звоном колес. Внутри кабины пахло лесной хвоей, пряным духом осенних листьев и бодрящей свежестью ночного дождя, а где-то поверх всех этих запахов разливался древесный мужской аромат, непохожий ни на что более.

Спина быстро затекла от жесткой спинки сиденья. Какую позу я бы ни приняла, все равно было тесно и неудобно. Постепенно привыкла к монотонному шуму экипажа,

совсем перестав его замечать. Зато рядом, будто бы над ухом, стало раздаваться громкое сопение.

— Вы слишком громко дышите, — сквозь сон пробормотала я советнику, устраиваясь поудобнее на сидении. В кабине заметно потеплело, но вдыхаемый воздух все равно казался слишком холодным и колючим, попадая в горло.

В уме пронеслось, что подобное высказывание может дорого мне стоить, но эту мысль затащило зыбучим песком сна.

Экипаж подскочил на очередной кочке и мелко затрясся.

— Зато вы даже очаровательны, пока не открываете рот, — почудилось мне, смеясь, проворчал Грасаль.

Я провалилась в глубокий мир сновидений, где не было места для надоедливого князя, преследующего, где бы я ни оказалась. Неудобство кабины уже перестало меня волновать...

Мев проводила взглядом отъезжающий экипаж. Верь она в Треокого, то обязательно бы помолилась, но после пережитого утратила всякие надежды на его существование. Если бог и существовал, то только в сердцах ему служащих.

Наивная Айрин наверняка обрадовалась, что избежала нежеланного брака, даже не подозревая, что теперь ее ждет. Мев как никто понимала участь марионетки Дамиана Грасалья. Когда-то ее сердце тоже горело, но теперь его покрывала толстая корочка льда. Мевил жила без сожалений и угрызений совести.

Настоятельница отошла от окна и села за стол. Некоторое время она просто рассеянно смотрела прямо перед собой, затем достала два бокала. Стекло призывно зазвенело, не оставляя выбора. Подумав немного, Мев вытащила графин с сагасским бренди, к которому давно пристрастилась, и налила любимый напиток, чтобы тут же выпить залпом. По телу разлилось приятное тепло. Она облизала губы, смакуя терпкое послевкусие.

Все повторялось. Раз за разом. Только Мевил уже перестала быть робкой. Смелости не прибавилось, зато она научилась хладнокровию, топя чувства в крепком алкоголе.

Мев вздохнула и, оперевшись локтями о стол, закрыла руками глаза, воскрешая в памяти прошлое. Князь запретил своей протеже провожать экипаж, справедливо подумав, что она не сдержит мыслей. Она его не винила... По-своему советник царя поступил верно. Время узнать всю правду для Айрин еще не пришло.

Но есть тайны, которые не знает даже Дамиан Грасаль. Айрин совершенно не догадывалась, как сильно походила на мать. Даже не внешне — характером. В горле настоятельница пересохло, когда она подумала, как отреагирует князь, узнав, что именно Мев от него скрывала все это время.

А ведь Айрин с самого начала представляла для князя кладезь с секретами. Викар спрятал ее хорошо, но недостаточно хорошо, чтобы о его дочери не узнал лорд Семи Скал. Едва догадываясь о возрасте бастарды, Дамиан уж точно не ожидал увидеть вместо розовощекой малышки красивую девушку, не боящуюся дерзить даже князю. Все постоянно шло с ней наперекосяк. Даже в монастыре заложница мага не смогла жить спокойно, отыскав ни много ни мало утерянную реликвию царского рода.

Чем не идеальное решение: управлять отцом, дергая за ниточки любви к дочери? Одно время Мев думала, что советнику таки не удастся помыкать царем, но она ошибалась. Грасаль был бы не Грасалем, если бы не нашел выход. Теперь судьба явно решила посмеяться над его предусмотрительностью. Айрин не смирилась и никогда не смирится с незавидной ролью пленницы.

В дверь постучали.

— Войдите!

Луиза робко просунула голову и, только увидев подбадривающую улыбку

настоятельница, зашла целиком. Девушка скромно опустила глаза и по привычке теребила руками складки на серой юбке, явно чувствуя себя не своей тарелке и не подозревая, зачем понадобилась Мевил.

— Я хочу тебя поздравить. Ты приехала в обитель, чтобы постигнуть азы наук, в ожидании дня, когда полученные знания смогут перевернуть твою жизнь. Это произошло. Сегодня я получила письмо, в котором одна добропорядочная семья желает нанять скромную и образованную девушку для воспитания дочери. Поздравляю, Луиза. Я решила им тебя порекомендовать.

Лицо послушницы озарилось. Мев небрежно взяла в руки сложенный пополам лист бумаги, исписанный размашистым почерком, и ненавязчиво им помахала, подчеркивая только что сказанное.

— Спасибо, матушка! — залепетала Луиза. — Я не подведу!

— В этом я не сомневаюсь, — мягко улыбнулась настоятельница. — Садись. В честь такого события можно дать себе послабление.

Счастливая послушница села в кресло напротив, едва веря в улыбнувшуюся удачу. «И правильно сомневаешься...» — пронеслось в голове Мев. Но несмотря на глас интуиции, триумф все же перечеркнул всякую осторожность девушки, без возражений наблюдающей, как настоятельница наполняет янтарной жидкостью бокалы.

Чего Луиза не заметила, так это того, что, наливая ее виски, Мевил неувлимо для глаза нажала на перстень и внесла в бокал дополнительный ингредиент — порошок быстродействующего яда шайларе, тут же бесследно растворившийся в напитке.

Ничего не подозревающая послушница сделала всего один глоток. Этого оказалось достаточно, чтобы навсегда избавиться от опасной свидетельницы. Глаза Луизы неприятно закатились, а изо рта пошла мерзкая пена. Она схватилась за горло и захрипела.

Мевил не отвела взгляда, чтобы не видеть, как душа девушки покидает тело. Марионетка Грасаля ничего не чувствовала, отсекая переживания глухой стеной.

Ветер из распахнутого окна подхватил листок, который она торжественно держала всего минуту назад, и опустил перед ногами дергающейся в конвульсиях Луизы. Посмотри она сейчас на него внимательно, то увидела бы, что никакое это не письмо, а всего лишь смета расходов монастыря за месяц.

Но послушница ничего этого не увидела. Больше не могла.

Мевил молча салютовала бокалом и быстро его опустошила, словно чувствуя, как кто-то незримый внимательно наблюдает за ней из пустоты...

Глава 3

Еще не открывая глаз, я отметила про себя, что лежать мне слишком удобно для тесной кабинки экипажа. Под телом находилось что-то явно помягче жесткого сиденья, а сама я располагалась чересчур свободно, вытянув ноги во всю длину. Подняв веки, с удивлением обнаружила себя в комнате, вероятно расположенной в придорожном трактире, и осознала, что совершенно не представляю, как здесь очутилась.

Я резко села, прижав руки к пылающим щекам. Боги! Вот почему экипаж так странно двигался — это был никакой не экипаж, а Дамиан. Но неужели расчетливый князь сам перенес меня в постель? Глупости какие-то! И как я только до этого додумалась? Ну не мог советник так поступить. Скорее всего, он попросил кого-то из своих людей взять ценную пленницу на руки, а сам просто шел рядом. Мысль, что Грасаль касался тела, одновременно вызвала невольную волну жара и смущения.

Я оглядела себя: платье, к счастью, на месте, правда, шнуровка ослаблена. Кажется, пробуждаться в непонятном месте вошло у меня в дурную привычку. В смятении встала с кровати и подошла к окну. В комнате стояла такая духота, что так и тянуло открыть створки и впустить сквозняк. С упоением вдохнув хрустальный воздух, я заглянула вниз и увидела наш экипаж. Возле него трудились люди князя. Заметив меня, один из них поднял голову и крикнул:

— Светлого дня, миледи! — непривычное обращение резануло слух. — Не беспокойтесь, еще пару часов — и мы все уладим.

— Что-то с повозкой? — спросила я, хотя уже узнала ответ.

— Дык колесо... — почесав затылок, многозначительно сообщил мужчина. — Не забивайте свою хорошенькую головку. Отдыхайте!

Я пожала плечами и отошла от окна. Без лишней спешки приведя себя в порядок, спустилась вниз и встретила князя. Дамиан Грасаль хмуро наблюдал за починкой экипажа, стоя в проеме входной двери, и ничем не показал, что меня заметил. Неожиданно для себя отметила легкую небритость мужчины. Странно, но щетина его совсем не портила. Правда, если задуматься, его вообще ничего не могло испортить — дальше уже некуда.

— Налюбовалась? — прервал он мои размышления. С внезапным стыдом осознала, что князь давно оторвался от того, что его интересовало до этого, и повернулся ко мне, чтобы вовсе потешиться.

— Вы загораживаете проход.

— Прошу, — он демонстративно отошел в сторону и сделал приглашающий жест рукой. Я хмуро поблагодарила его за любезность и вышла наружу.

На губах сама собой возникла мечтательная улыбка. Трактир стоял на пересечении торговых путей, и со всех сторон его окружал сосновый лес. Три года не покидав территорию монастыря, я не могла сдержать своего восхищения, разглядывая пейзаж. Как бы ни старались монахи благоустроить обитель, их умениям далеко до того, что уже создал Треокий.

Небо, утянутое тучами, нависало над стройными соснами, одинокие солнечные лучи выскальзывали из-под мощного натиска облаков, словно размазанных серой краской. Белыми пятнами горел сухой олений мох на фоне мягкого сфагнома. Светлый лес легко просматривался вокруг, и я сразу поняла, что гулять по нему — одно удовольствие. Уже представляя, как шагаю по мягкой земле, я сделала шаг к тропинке, но почувствовала, как меня схватили за руку.

— Айрин, сейчас не самое удачное время, чтобы уходить из трактира. Мы уедем максимум через два часа.

— Через три, — коварно ухмыльнулась я и добила: — минимум.

Дамиан Грасаль выругался сквозь зубы и кинул рассерженный взгляд на занятых

починкой экипажа людей. По всей видимости, мне, прочитавшей их мысли, он верил больше, нежели пустым обещаниям.

— Постой. Одну тебя никуда не пущу. Стой здесь, я сейчас вернусь.

Я заинтригованно проследила за его фигурой, исчезнувшей в трактире. Вдыхая теплый воздух, пахнувший хвоей, совсем не ощущала течение времени. Князь появился гораздо быстрее, чем ожидала.

Я не обманывалась его заботой. Ясно же, он не меня сторожит, а неожиданное преимущество в моем лице. Еще не известно, как советник воспользуется помощью диадемы и что будет ждать меня, если артефакт внезапно подведет.

Но пока я старалась не думать о будущем. До столицы еще далеко, и можно сполна насладиться очарованием леса, на некоторое время забыв, что рядом — враг.

Я подняла глаза, рассматривая смыкающиеся верхушки сосен, поддерживающие густыми кронами небосвод. Ветер дергал за ветви, раскачивая колыбель из сучьев. Деревья убаюкивающе скрипели, и им вторили дятлы, отбивая дробь.

— Ты начинаешь справляться с магией диадемы, — ворвался Дамиан Грасаль в мои мысли внезапно, как гроза в солнечный день.

— Я все еще помню вашу угрозу меня убить.

— Хуже жестокого наемника только беспорядочно выстреливающий лук.

— Вы действительно думаете, что от этого мне должно быть легче? — резко обернулась к князю.

— А ты в самом деле веришь, что меня это волнует?

Глаза Грасаля предостерегающе сверкнули, а по его губам скользнула опасная ухмылка. На эмоциях я непроизвольно ускорила шаг, в глубине души желая никогда больше не видеть князя. Но он не отставал, прицепившись будто репей к платью.

Я остановилась и сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться, но Грасаль только подливал масло в огонь:

— Мягкая.

— Что? — широко распахнула я глаза.

— Ты. Слишком мягкая. Ты как та фиалка в царской оранжерее. Бывает, выйдешь на опушку леса, а дикой — полно. Только тепличная без опеки садовника едва выживет.

Я ощутила, как покрываюсь пунцовыми пятнами. В душе бушевали противоречивые чувства после его слов. Гнев контрастировал со смущением, удивление — с обидой. Я выпрямила спину и процедила, хотя где-то в глубине понимала, что он прав:

— Я же вас не забочу.

Князь снова всколыхнул в душе страхи. «Не выдержишь!» — читалось на лице советника, — «Затопчут, уничтожат! Другая...»

— Меня волнует, как бы ты не навлекла зло на царство Льен. Вот что меня занимает, Айрин. Пока ты носишь диадему — представляешь угрозу, подобно неудачному заклинанию, которое не ясно, когда рванет.

Злая правда разъедала сердце. Грасаль нещадно бил словами, попадая по самому больному и говоря то, что я боялась произнести вслух.

— Реальность такова, Айрин: при дворе новичка съедят и только в твоих силах сделать так, чтобы злопыхатели поперхнулись. Учись управлять своим даром, потому что за тебя это никто не сделает. Он бесспорное преимущество и в то же время уязвимое место.

Я упрямо задрала подбородок, боясь выглядеть слабой в его глазах. Грасаль умеет

ломать людей. Хуже придворных интриг только козни советника его величества. Судьба подарила мне шанс выбиться из простой шашки в «дамки». Мой вес в этой партии сильно вырос, и князь тоже это прекрасно осознает, желая самостоятельно переставлять фигуры на доске.

— Прошло совсем немного времени. Как видите, я уже делаю успехи. Скоро вы будете умолять меня стать вашим осведомителем.

Лицо Грасаля скривилось как от зубной боли.

— Я не прошу, а приказываю, Айри-ин. Пора бы уже это усвоить.

Полностью опустошенная, я промолчала, но он не сдержал ехидства:

— Надеюсь, ты хотя бы помнишь, что скоро состоится заключительная часть [*В царстве Льен коронация проводится в два этапа] коронации твоего отца. Викар как никогда уязвим.

Сообщив мне это, советник опустился на землю и потянулся за брусникой, цеплявшей взгляд красными пятнами посреди блестящих, словно натертых воском, темных листьев. Я последовала примеру князя и зачерпнула сразу целую горсть. Зажмурившись от удовольствия, ощутила во рту кисловатый вкус нагретых на солнце ягод.

Мы молча собирали бруснику, пока Грасаль так же без слов не достал кусок полотна с восхитительно пахнущим свежим домашним сыром. Я завистливо покосилась на князя, нарезающего добычу припасенным ножом. Совершенно не глядя в мою сторону, советник придвинул ко мне несколько кусков.

Некстати вспомнила, что не стала завтракать, в нетерпении желая отправиться на прогулку. Но Дамиан Грасаль был бы не Дамианом Грасалем, если бы даже не предусмотрел взять с собой еды. Нет никого более расчетливого и корыстного, чем лорд Семи Скал. Осталось только понять, чем в данный момент вызвана его щедрость.

— Пока мне нет нужды тебя травить, — не поднимая глаз от головки сыра, прокомментировал он. Это «пока» неприятно резануло мой слух, но я сдержалась, чтобы не уязвить его в ответ. Раз уж я пленница, то хоть наемся. Иллюзий насчет побега не строила — этим я ничего не добьюсь. Если я хочу победы, нужно действовать через отца.

Я поддалась соблазну и закусила бруснику приобретенным в трактире сыром. Чуть пресноватый вкус угощения князя удачно оттенял сладковато-вяжущий — ягод. Я разомлела от еды и лесного жара, отдыхая от цинизма Грасаля, взявшего привычку безжалостно возвращать меня неприятными словами в реальность. Но передышка длилась недолго:

— Живая ты ценнее, чем мертвая, и я попытаюсь сохранить тебе жизнь. В твоих интересах, чтобы это продолжалось как можно дольше.

Я вспыхнула, задетая его честностью. Подняв голову к пасмурному небу, ощутила, как по лицу ударили первые дождевые капли. Они заструились вдовьими слезами по разгоряченной коже, затекая за шиворот.

В один миг жаркая духота сменилась приятной свежестью. Запах хвои еще сильнее ударил в нос. Вдали от людей, с их вездесущими мыслями, я почувствовала себя как никогда спокойно. Даже присутствие Дамиана Грасаля не просыпалось солью на раны. Я с упоением вдыхала тягучий аромат сосновой смолы, дразнящий — хвои и терпкий дух сухой поросли, растущей по краю лесной тропы.

Но даже волшебные мгновения когда-нибудь подходят к концу.

— Пойдем, Айрин, пока непогода еще не усилилась.

С сожалением поднялась со мха и отряхнула платье. Дамиан Грасаль взволнованно посмотрел на небо, явно раздумывая, какие сюрпризы оно еще преподнесет.

Дождь быстро усиливался. Казалось, мы недалеко ушли от трактира, но всего за минуту ходьбы вымокли до нитки. Ко всему тому же я едва поспевала за князем, уверенно

шагающим по направлению к укрытию. Оно и понятно: мои движения сковывало намокшее платье, а туфли никак не подходили для прогулок по влажной земле. Грасаль видел, что я не в силах придерживаться его темпа ходьбы, но даже не думал замедлиться. Лорд Семи Скал только отпускал едкие замечания:

— Быстрее! В монастыре совсем разучилась быстро двигаться?

Я стиснула зубы, сдерживая проклятья. Холодные капли били по лицу, ветер продирал до костей, а мой наряд едва ли защищал от его порывов. Я уже не смотрела на дорогу и, совершенно не задумываясь, перепрыгнула через пенёк. Времени смотреть под ноги просто не оставалось.

— Живее, Айрин! Что ты замерла, как брюхатая олениха?

Кровь забулбила в венах. Я едва сдерживалась, чтобы не расцарапать ему лицо. Хотя нет, не сдерживалась — просто не могла догнать и осуществить задуманное.

— Поторапливайся! — крикнул советник, небрежно отодвигая от себя ветвь орешника и... ударяя меня ею по лицу.

— Ай! — воскликнула я и упала на землю, неудачно подвернув ногу. Лодыжку пронзила резкая боль.

Через несколько метров пути заметив мое отсутствие, Грасаль раздраженно посмотрел назад. Его темные волосы прилипли к коже, оттеняя ее привычную бедность, а глаза горели ядовито-зеленым цветом на безжалостном лице. Я встретила его взгляд с не меньшим жаром и яростно процедила:

— Не все могут похвастаться, что имели возможность научиться двигаться по лесу, как по свободной дороге. Идите, я вернусь сама!

— Я не собираюсь дожидаться тебя в трактире. Вставай, Айрин! Не нужно изображать передо мной кисейную барышню.

Приходилось кричать, чтобы перекрыть шум дождя. Разбивающиеся о землю капли звенели, точно горный хрусталь, и лес гудел, как девушки, рассказывающие о бале дебютанток. Вода ручьями текла под ногами с громким журчанием скатываясь вниз по склону.

— Что бы вы ни думали, я действительно повредила ногу, и, кстати, по вашей вине. Разве вы не знаете, что нужно придерживать ветви, когда идешь впереди?

— Если бы ты шла нормально, не останавливаясь то и дело, она бы тебя даже не задела, — непоколебимо ответил Грасаль.

— Вы же все-таки князь, — без особой надежды проворчала я, понимая, что истории о благородных принцах остались в книгах. — Вас учили быть обходительным с женщинами.

— С леди, — поправил он.

Я ошарашенно вскинула голову. Советник невозмутимо смотрел на меня сверху вниз, даже не делая попыток помочь. В его глазах совершенно не мелькало сочувствие, они оставались привычно-холодными, без проблесков тепла. В одной короткой фразе Грасаль сумел выразить отношение ко мне.

— Я тебе не гувернантка, чтобы вытирать сопли шелковым платочком.

— У меня никогда не было гувернантки, — сказала я и действительно шмыгнула носом, продрогнув от ветра.

— А зря.

В сердцах выпалила:

— Ну и сволочь же вы, князь!

— Разве я это скрывал?

Он подошел ко мне и в один миг поднял на руки. Я успела только уцепиться за его шею, чтобы снова не свалиться на землю. Невольно прижавшись к советнику, ощутила жар чужого тела. От кожи Грасаля исходил едва уловимый запах сандала и кедра, несмотря на обстоятельства показавшийся мне довольно приятным.

Вскинув голову, растерянно посмотрела на князя, не зная, что и думать. По его виску стекала капелька пота. Мне неожиданно захотелось ее слизнуть, но, испугавшись своих желаний, смущенная, я отвернулась. Боги, что со мной творится?..

— Что? — недовольно спросил князь, вероятно заметив мой румянец.

— Спасибо, — тихо отозвалась я.

Грасаль хмыкнул, не сбавляя скорости. Собравшись с духом, поинтересовалась:

— Это вы вынесли меня из экипажа?

— Если я не бросил тебя в лесу, это еще не значит, что буду охранять твой сон.

Я недоверчиво сощурилась, но ничего не сказала. Время покажет, лукавит князь или нет.

Дождь все еще лил как из ведра, не утихая ни на секунду. Ветер тревожно завывал, дергая за ветви деревьев. Я сощурила глаза, пытаясь разглядеть впереди просвет, но ничего не увидела. Сомнение камнем легло на душу.

— Вы уверены, что идете в верном направлении?

Грасаль столь выразительно на меня посмотрел, что я прикусила губу, больше не решаясь задать вопрос. Вопреки его уверенности, мое беспокойство не иссякало. Время проходило, а мы все еще не вышли к трактуру. Даже вялые отголоски мыслей людей не доносились до моего сознания.

Из-за сильного ливня, смазывающего лесной пейзаж в зеленовато-коричневое пятно, видимость была практически нулевая. Я чихнула и нахохлилась от холода. Насквозь мокрое платье мало защищало от непогоды.

Князь остановился и поставил меня на землю. Я привалилась спиной к стволу, пытаясь ровно стоять на месте, но боль в ноге не утихала. Отдышавшись, Грасаль обошел меня по кругу, всматриваясь в деревья. Сердце кольнуло неприятное предчувствие. Даже тучи как будто сильнее сгустились на небосклоне, погружая все в полумрак.

— Мы заблудились? — обреченно поинтересовалась я, уже готовая ко всему. Никогда бы не подумала, что двое людей могут заплутать в двух соснах, но факты говорили об обратном.

— Я никогда не забываю дорогу.

— Тогда что мы здесь делаем?

Грасаль нахмурился и промолчал. Что-то в его облике неуловимо поменялось, но я не понимала, что именно. Зачерпнув ком сырой земли, он поднес ее к носу и, как зверь, принялся. Я покрылась гусиной кожей и обняла себя руками, понимая, что мурашки не имеют никакого отношения к холоду. Я испугалась, сама не ведая чего.

— Князь? — тихо позвала.

Он обернулся, и, не сдержавшись, я закричала. Глаза Грасаля отчетливо светились в полумраке. Темный зрачок вытянулся, рассекая изумрудную радужку тонкой чертой. Щеки впали, делая скулы такими острыми, что кажется — проведешь рукой и обрежешься. Наружу выступили клыки. Я ощутила себя запертой в кошмарном сне, когда отчаянно хочешь, но не можешь проснуться.

— Беги! — прорычал он.

Я попятилась, практически забыв о боли в поврежденной лодыжке. Он повел носом, втягивая воздух. Мне стало страшно от осознания непредсказуемости происходящего. Я не понимала, что случилось и в кого превратился царский советник. «Чудовище...» — пронеслась в голове неосознанная мысль.

— Дамиан? — пискнула я, от испуга замерев на месте, и с трудом разобрала в его рычании, мало похожем на человеческую речь, все то же слово:

— Б-бе-ги!

Он немного присел, явно готовясь сделать прыжок. Я судорожно вдохнула, не способная подобрать слов. В горле пересохло, и я не могла ничего из себя выдавить. Все нутро замерло, дрожа в каком-то первобытном страхе. Глаза Грасаля горели, будто две зажженных спички. Его рассудок помутился, вытеснив расчетливого князя и вселив в душу незнакомое существо.

Сердце билось, готовое выпрыгнуть из груди. Шум дождя слился в какой-то глубинный звук, похожий на утробное рычание, исходящее из земли. В ушах так звенело, словно вокруг меня не переставая били посуду.

— Д-дамиан...

Он все-таки прыгнул. В последний момент я отпрянула и, хромя, рванула в сторону, забыв о жгучей, проникающей до костей боли, но Грасаль легко схватил меня и повалил на землю. Его зубы еще сильнее удлиннились, и теперь рот полностью напоминал звериную пасть. Я вжалась в землю и безуспешно попыталась скинуть с себя то, во что превратился князь, но ноша оказалась слишком неподъемной. В своей жизни я едва ли поднимала что-то тяжелее кадки с водой, а советник явно держал себя в форме. Мышцы Грасаля перекачивались под намокшей рубахой, а руки грубо вцепились в меня, не позволяя выскользнуть из крепкой хватки. Дождевые капли с его дикого лица стекали на мое, искаженное ужасом.

В зеленых глазах не виднелось ничего человеческого. В них стояли лишь безумная ярость и агрессия. Злясь на собственное бессилие, я обмякла и с жаром взмолилась, надеясь достучаться до его души:

— Дамиан, взгляни на меня! Это все не ты! Дамиан!..

Князь смотрел будто сквозь мое лицо, выглядя как одержимый. Он явно не осознавал, где он и что с ним происходит. То ли от его рук, то ли от страха меня ощутимо трясло. Я вжалась в землю, уворачиваясь от острых клыков.

Когда я уже потеряла надежду что-либо изменить, поймала его озверевший взгляд и выдохнула:

— Дамиан!

В затуманенных глазах что-то промелькнуло — всего лишь маленький огонек сознания, но хватило и его, чтобы поджечь угли тьмы и вытолкнуть страшную тварь из души. Князь уже осмысленнее уставился на меня, и к нему медленно начал возвращаться прежний облик. Звериные черты исчезли, уступая место привычным и настоящим. Он замотал головой, словно сбрасывая остатки наваждения, цепляющиеся паутиной за мысли.

Я вытерла глаза, мокрые от слез. Дождь закончился, и о нем напоминали лишь последние капли, стекающие с деревьев, и смягчившийся от впитанной влаги олений мох. Сев на землю, я бессильно посмотрела на советника, понимая, что, если безумное состояние к нему снова вернется, больше не смогу сдвинуться с места.

Грасаль прерывисто дышал, шумно выдыхая воздух. На его скулах алели красные пятна, а глаза лихорадочно блестели, как у больного, очнувшегося из забытья.

— С вами... — сердце екнуло, когда князь поднял на меня взгляд. — С вами все в порядке?

— Да, — хрипло произнес он.

— Хорошо.

Грасаль протер лицо и отряхнулся, будто пытаюсь взбодриться.

— Больше?..

— Нет.

Князь отвечал хотя и односложно, но явно осознанно. Несмотря на это, я боялась лишний раз шевелиться, чтобы не напоминать о произошедшем. Оглядевшись вокруг, поняла, где мы оказались. На пути виднелась необычная сосна, точно сплетенная из трех стволов-близнецов. До трактира рукой подать!

— Мы не вернемся, — прочистив горло, сказал Грасаль.

— Что? — ошарашенно переспросила я, не веря, что он настроен так решительно.

— Мы не вернемся. Ты различаешь чьи-нибудь мысли?

Задумавшись на мгновение, я помотала головой. Действительно странно — люди должны быть рядом, но никого не слышно — стояла абсолютная тишина...

— Скорее всего, все мертвы.

Я ощутила, как кровь отливает от лица. Заледенев от осознания, что мы едва не погибли, выдавила из себя онемевшими губами:

— Что произошло?

— На нас напали, Айрин. Не обнаружив тебя в трактире, противники поняли, что мы в лесу.

— Он? — тихо спросила я, уже догадываясь, кто за всем стоит. Только одному человеку мое существование достаточно насолило, чтобы пойти на такой шаг. Грасаль кивнул:

— Вероятно. Убрать тебя решили моими руками. В лесу перекрывал дорогу зеркальный экран, который мы не заметили из-за плохой видимости и из-за которого застряли на одном месте, а меня околдовал сильный маг, как только я ощутил неладное.

Я смерила князя недоверчивым взглядом, всем телом чувствуя недосказанность в его словах. Неужели кто-то может найти управу на самого лорда Семи Скал? Мне с трудом верилось, что всего единственное заклинание способно подкосить обычно предусмотрительного советника. Лицо Грасаля ничего не выражало, но кому, как не ему, уметь хорошо врать?

Зубы стучали от переживаний и холода. К счастью, солнце постепенно начало выходить из-за туч, но воздух после дождя нагревался будто бы нехотя. Я вспомнила об экипаже. Теперь уже сомневалась, могло ли повредиться злополучное колесо совершенно случайно.

Дамиан Грасаль осторожно поднялся и оценивающе взглянул на меня.

— Как нога? Нам нужно уходить отсюда как можно скорее.

— Без изменений.

— Едва ли я теперь донесу тебя до лекаря.

Я чуть было не всплеснула руками, пресекая эту возможность на корню. Не горела желанием повторять предыдущий опыт после общения с темной стороной князя. Грасаль приблизился ко мне, заставляя меня напрячь всю силу воли, чтобы не увеличить расстояние между нами и убежать.

Ощувив мое предубеждение, он издал нервный смешок:

— Не кусаюсь.

Я даже не улыбнулась.

— Вы хорошо все помните?

— Нет, урывками... — нахмурился Грасаль. — Но мы целы. Это главное.

Если не вспоминать о людях, отданных на растерзание судьбе как пушечное мясо, то я могла бы согласиться с князем. В отличие от меня он явно привык думать о смерти с холодным сердцем.

Грасаль наклонился и бесцеремонно приподнял подол моего платья, оголяя ноги. Я не сопротивлялась, оставшись без сил. Когда рука князя прикоснулась к щиколотке, невольно зашипела от боли. Его движения стали чуть осторожнее, но я все равно почувствовала напряжение, ставшее комом в горле. Осматривая поврежденную лодыжку, он поделился планами:

— Стоит предупредить, что на этом комфортное путешествие подошло к концу, — не сдержал мрачную ухмылку советник. — Придется идти через лес до селения, а дальше возьмем лошадь. Умеешь ездить верхом?

Я кивнула, едва поспевая за его мыслями. Пальцы Грасаля нежнее заскользили по коже, даря успокаивающую прохладу. Боль немного отступила.

— Я знаю, какие травы следует собрать.

— Травы здесь не помогут. Не двигайся.

Я опустила взор, рассматривая его руки, бережно касающиеся щиколотки. Сощурившись, напрягла глаза и различила едва заметные колебания воздуха возле ладони советника.

— Так вы маг! — ошарашенно воскликнула я.

— А ты думала, я тебя соблазнять пытаюсь?

Цинизм князя огорошил меня, заставив вспыхнуть. Я ощутила, будто на меня вылили ушат ледяной воды, возвращая в нелюбимую реальность. Отек с ноги быстро спадал, и вскоре я смогла двигать ею без всяких неудобств.

— Почему вы не сделали это раньше?

Дамиан Грасаль промолчал. Я вспомнила, как он нес меня на руках, и уже выстроила нелепые предположения, зачем ему это понадобилось, но спустя минуту князь меня успокоил:

— Предпочитаю не раскрывать все свои козыри.

Я поняла, что способности царского советника — запретная тема для разговора, и закусила губу, по-новому взглянув на Грасаля. А я ведь наивно думала, что из нас двоих доступ к магии есть только у меня! И здесь он меня провел. Я сделала ужасную ошибку, недооценив противника.

— Поднимайся, Айрин. Каждая секунда на счету. Я сбил их со следа, но нас продолжают искать.

Я уже последовала за князем, когда боковым зрением поймала странный блеск. Сделав шаг в сторону, повернулась и заинтересовано посмотрела перед собой, чувствуя, как сердце чаще забилось в груди. Воздух едва заметно колебался, и, если бы не выглянувшее из-за туч солнце, я бы прошла мимо. Это казалось столь невероятным, что захватывало дух. Пейзаж, раскинувшийся впереди, в точности повторял прячущийся сзади. Я поняла, что обнаружила тот самый зеркальный экран, который сбил Грасаля со следа.

— Айрин! — не без раздражения окликнул поторапливающий меня маг.

Я подставила лицо под солнечные лучи, больше не ощущая жгучего холода, обвивающего тело тугими путами, и пошла по белому песку, какой обычен для южных

провинций Сагасса, но редок в Льен. Вода проходила сквозь песчаную почву как сквозь решето, и нам не пришлось увязать в грязи. Я не задумываясь пошла за Грасалем, боясь упустить из виду его темную макушку и затеряться в лесу на радость врагам.

Вскоре я осознала все коварство мягкого песка, гостеприимно устлавшего путь. Оглянувшись, заметила ровную дорожку из отпечатков ног, остающихся за нами на лесной тропинке. Поделившись соображениями с князем, увидела, как приподнялись уголки его губ. Не знаю я, с кем имею дело, подумала бы, что советник приятно удивлен.

— Я потратил остатки резерва, чтобы отразить экран в обратную сторону. Мы не будем мешкать, замечая следы. Гораздо разумнее побыстрее добраться до селения.

— Когда вы успели это сделать?!

— Такая магия проявляется не сразу, — снисходительно пояснил он, — но сейчас уже собственные чары обернулись против колдуна.

Я ускорила шаг, с трудом поспевая за Грасалем и опасливо наблюдая, как он отодвигает листву, освобождая проход. К счастью, неудачный опыт князь повторять не желал и теперь искоса поглядывал на меня, тяжело семенящую следом, прежде чем выпустить ветвь. Как он и говорил, путь не занял много времени. Вскоре деревья расступились, и мы очутились возле селения.

Глава 4

Я провела рукой по голове, приглаживая взлохмаченные волосы. Князь больно схватил меня за руку и дернул в сторону.

— Что...

— Тише! — одними губами прошипел он, зажимая мне рот. В нос ударил мягкий аромат его кожи.

Сквозь мозаику листьев мне удалось разглядеть человека, стоящего к нам спиной. Прислушавшись к его мыслям, я поняла, что он не представляет угрозы. У меня отлегло от сердца. Спустя секунду и Грасаль убедился, что это не чужак, а житель селения. Задумчиво почесав затылок, местный житель пошел в противоположную сторону, напевая незатейливую мелодию и ужасно фальшивя.

Дамиан Грасаль убрал руку.

— Не стоит привлекать к себе внимание. Нам нужно в этот дом, — указал он на самый крайний, — там живет мой осведомитель.

Он двинулся в нужном направлении, больше не тратя драгоценное время на объяснения. Незамеченные никем посторонним, мы осторожно пробрались на крыльцо и подошли к двери, в которую советник постучал ровно три раза. Ветер пронзительно завывал за спиной, заставляя меня то и дело нервно оглядываться в поисках подоспевших врагов, но, к счастью, вскоре нам открыли, не заставив долго ждать. В проеме показалось помятое лицо, покрытое ржавыми веснушками. Юноша с копной соломенных волос, торчащих в разные стороны, пораженно распахнул чисто-голубые глаза, признав в вымокшем до нитки путнике лорда Семи Скал.

Дверь широко распахнулась, лучше любых слов приглашая войти. Мы не стали медлить. Дамиан Грасаль по-хозяйски прошел в смежную комнату. Я переступила через порог и помялась на входе, невольно испытывая неловкость. Владелец дома оглядел меня таким хватким взглядом, который никак не ожидаешь увидеть у наивного простачка.

— Платья нет, но мужскую одежду подобрать смогу. Лошади, еда, оружие?..

Последний пункт заставил меня нервно вздрогнуть, как синицу, услышавшую шум человеческих шагов. Впрочем, другого от агента царского советника ожидать трудно. Грасаль кивнул и уточнил, что именно необходимо.

— Поешь пока, — небрежно сказал он, явно желая поскорее избавиться от моей компании и поговорить с хозяином жилища наедине. Задумчиво посмотрев на князя, потом на свежее испеченную, пышущую жаром сдобу, лежащую на столе, я выбрала второе. Дурманящий аромат будоражил дух, не оставляя выбора. Все равно вряд ли услышу сейчас что-нибудь интересное.

В доме стоял приятный запах свежего дерева, отдающий терпкими смолистыми нотками, и пахло сушащимися на стене луговыми травами. Я села на лавку и заметила вольготное расположившегося на подоконнике кота, чем-то похожего на моего Рыжего, оставшегося в Сагассе. Зверь с интересом рассматривал меня из-за шторы, но явно ленился покинуть укрытие. На мгновение я затосковала по спокойному детству, проведенному в другой стране. Наш дом хоть и был больше, но дышал таким же уютным покоем. Вряд ли прием в царских хоробах будет столь же благодушным.

Я взяла горячий пирожок и жадно накинулась на него, попутно раздумывая, кто приготовил угощение. В жилище не чувствовалось женской руки, и я подумала, что знакомый князя жил один. Неужели он сподобился испечь сдобу самостоятельно?

Не успела я наестся, как Дамиан Грасаль с хозяином вернулись. Князь сел за стол и последовал моему примеру, потянувшись к выпечке.

— Миледи, пройдите в комнату. Там я оставил для вас вещи.

Столь учтивое обращение из уст деревенского «простачка» невольно резануло слух. Я

внимательнее взглянула на юношу, запоминая его черты и будто нутром чувствуя, что это далеко не последняя наша встреча. Мой интерес не укрылся от хозяина дома. Он растянул губы в спокойной улыбке и терпеливо пояснил:

— Запоминать мое лицо не имеет смысла, миледи. Настоящую внешность скрывает морок.

Его мысли застали меня врасплох. Безмятежные, словно море в безветренную погоду, они казались такими мягкими и теплыми, что в них захотелось нырнуть с головой. Создавалось ощущение, что этот покой ничто не могло нарушить.

— Тогда как же я вас узнаю?

— Если вам будет угодно, я намекну, когда окажусь рядом.

Я заинтригованно склонила голову набок, не зная, что и думать. Агент князя — весьма любопытная личность, и я не могла оставить ее без внимания.

— Можете звать меня Жером, — учтиво поклонился хозяин.

— Мое имя вы знаете.

— Его знают все.

— Переодевайся, Айрин, — резко прервал беседу Грасаль и кинул недовольный взгляд на соглядатая, будто тот сболтнул лишнего.

— Благодарю за доверие, Жером, — тепло улыбнулась я и скрылась за занавеской, отделявшей одну комнату от другой.

Приготовленная одежда лежала на узкой кровати, явно слишком тесной для мужчины. В ее изголовье спал еще один кот, на этот раз дымчато-серого цвета. Он не повел и мордой, заметив незнакомую гостью, и безмятежно дремал, сладко мурлыча во сне. Я почесала его за ухом и осторожно вытянула из-под крупной тушки одежду, боясь потревожить «охранника», но всякие опасения оказались напрасными: питомец Жерома даже не пошевелился.

В брюках, сшитых будто по мне, я ощутила себя гораздо удобнее, нежели в платье, по-прежнему мокром. Отряхнув с ткани кошачью шерсть, вернулась к мужчинам. Князь, уже готовый к отбытию, направился к выходу из дома, как только меня увидел.

Жером вывел для нас двух лошадей. Я осторожно провела рукой по носу гнедой кобылы, знакомясь с ней и позволяя к себе привыкнуть. Между ее глаз горела белая, с широкой проточиной звезда, выделяющаяся ярким пятном на темной шкуре. Быстро поладив со своей красавицей, я попыталась прикоснуться и к серебристо-вороной лошади Грасаля. Но стоило мне только потянуться к ней, как она недовольно заржала, не подпуская ближе. Норовистой кобыле явно не терпелось пуститься вскачь. Она ударила копытом по земле, поднимая столб песка. Золотистые крупы повисли в воздухе как пыль, которую смахнули со стола ювелира.

Мы залезли в седла, не сочтя нужным вести долгие разговоры, и тронулись. Лошади рванули вперед, с наслаждением разминая затекшие после долгого заточения в стойлах мышцы. Вскоре селение осталось позади, и я расслабилась, наслаждаясь быстрой скачкой.

Ветер бил в лицо, развевая волосы. Над нами, не задерживаясь, проносились пушистые облака, похожие на мягкие совиные перья. Корявые ветви деревьев то и дело норовили зацепиться за ткань, словно порываясь остановить, но потом соскальзывали.

С непривычки казалось, будто кобыла не мчалась, а летела. Она так быстро переставляла ноги, с легкостью перепрыгивая через ямы и едва касаясь копытами рыхлой земли, будто совершенно не могла устать. Иногда я даже опускала взгляд, проверяя, не выросли ли случайно крылья на спине лошади. Легенды гласили, что когда-то на материке жили крылатые звери, способные пересечь даже широкое Вльнистое море.

Когда вдалеке показалась столица царства Льен, Маурона, хороший настрой быстро сошел на нет. Я взволнованно вцепилась в поводья, боясь упасть. Ноги в стремях задрожали.

Три года.

Три демоновых года я не видела отца, а только получала лаконичные письма с формальными вопросами, на которые будто не ждали ответа, и равнодушными наставлениями. Если бы не хорошо знакомый почерк, я бы ни за что не подумала, что автор посланий и человек, воспитавший меня, — одно и то же лицо.

Стражи пропустили нас без лишних вопросов. Мы въехали в незнакомый для меня город, но я и не думала смотреть по сторонам, не обращая внимания на достопримечательности. Все внутри сжималось в тугий узел от волнения, скребущегося ледяными когтями по спине и, словно яд, отравляющего кровь. Я не замечала ничего, что происходило вокруг. Меня занимали лишь собственные тревожные мысли, вытесняющие всякую уверенность в себе.

— Выглядишь так, будто наелась тухлой рыбы в дешевой питейной. Не рассчитывай, что кто-то придержит тебе волосы, Айрин.

— Вы такой хладнокровный! Иногда думаю, не было ли у вас в роду змей.

Дамиан Грасаль держался уверенно и спокойно. Даже неброские вещи не заставили бы никого усомниться в его благосостоянии. По одному взгляду становилось понятно, что он не простой человек. Зелень глаз затягивала в омут, и я казалась себе ничтожной мышью перед матерым котом.

Прожженный интриган всегда думал на несколько шагов вперед и не терял бодрости даже тогда, когда все вокруг лишало сил. Я же ощущала себя как на раскачивающейся палубе корабля, рассекающего бушующее море. Меня штормило от чужих мыслей и трясло перед встречей с царем и придворными. Вытерев со лба пот, я до боли сжала поводья. Лошадь спокойно шла по городу, но меня шатало на ней, как пьяницу после визита в трактир.

«Только бы не свалиться», — постоянно повторяла в уме как колдовское заклинание.

Наконец мы добрались до бокового входа в дворец. В изнеможении облокотилась на шею лошади, полуприкрыв глаза. Рой чужих мыслей, не стихающий ни на секунду, сводил с ума, и голова уже практически привычно закружилась. Князь спешил и подошел ко мне. Забрав поводья из моих рук, он тихо, так, чтобы никто услышал, но в то же время жестко произнес:

— Вставай. Думаешь, если вход — не главный, вокруг никого нет?

Я так точно не считала, сжимая зубы от боли, бьющей по вискам.

— За тобой наблюдают. Попросишь помощи — и навсегда останешься всего лишь жалкой слабачкой, которой удобно помыкать.

— Этикет, князь, — с трудом выдавила из себя, намекая ему, что вообще-то он должен проявить учтивость.

— Придуман для титулованных леди. Когда так же обращаются к тебе — это подхалимство, а не знак уважения. Позволишь хоть на секунду себе поверить, что тоже аристократка, и станешь никем. Простолюдинка, Айрин. Ты простолюдинка, и тебя всего лишь впускают во дворец. Ты не имеешь права здесь находиться по праву рождения, — не без удовольствия сказал князь, наслаждаясь выражением моего лица. Как бы я ни хотела скрыть бушевавшие в душе чувства, они выскальзывали наружу, как утренний туман, зажатый в кулаке.

Я выпрямила спину и мысленно вознесла молитву Берегине, надеясь, что она не даст мне свернуть шею во время падения с лошади. Почему-то жене Треокого я поручала жизнь с большей легкостью, чем ему самому. Наверное, привыкла ждать подвоха от всех мужчин, даже божественного происхождения.

— Поживее, Айрин.

Я прожгла князя гневным взглядом, но он даже не поморщился. Ослабев от гомона людских мыслей, врывающегося в разум, я начала подозревать, что и ноги лошади резко «выросли». По крайней мере, высота, преодолеваемая раньше с легкостью, теперь внушала ужас. Я досчитала про себя до трех и на негнущихся ногах прыгнула вниз, задержав дыхание от страха.

Дамиан Грасаль ничего не сказал, когда я наконец-то покинула седло. Любопытные взгляды обитателей дворца, прячущихся за шторами в окнах, буквально прожгли на мне дыры. Я чувствовала, как на меня смотрят, и знала, что все гадают, кто я. Жаль, что первое впечатление обо мне будет плачевным. Появление дочери царя в мужской одежде явно породит множество слухов. Я вспомнила, что уже попадала в похожую ситуацию, когда вышла из крипты монастыря на жилой этаж. Тогда мой потрепанный наряд тоже контрастировал с крупными сапфирами, горящими в волосах. Только там мое лицо все знали, а здесь я неведомая диковинка, да еще и прибывшая с советником его величества.

Я задумалась.

— Вы будете сообщать о нападении?

Князь внимательно сощурился, хотя явно уже давно все решил.

— Что ты хочешь предложить?

Я пожала плечами. Царь всегда платит кровью за трон. Обязательно найдется тот, кто пожелает занять его место. Но имя Лирана Фалькса все еще сладко звучит у народа на устах. Союзники царевича уверены, что у него больше прав на престол, чем у Викара, захватившего власть, и я понимала, что на самом деле они правы. Но глядя в лицо Грасалья, я бы не рискнула в этом признаться.

— Не обязательно говорить, кто напал на нас. Многие сочтут это клеветой.

— Нет, мы скажем. Доказательств достаточно.

«И их найдут даже больше, чем есть на самом деле», — догадалась я.

— Все узнают, как ты героически перенесла произошедшее, — усмехнулся советник. — Будь ты законнорожденной...

Он осекся.

— Что бы тогда случилось?

— Ничего. Нет смысла обсуждать то, чего никогда не будет.

Мы вошли во дворец. Я боролась с волнением и проклятым колдовством, выворачивающим наизнанку. Величие царских хором, призванное внушать гостям осознание их ничтожности, буквально давило на меня, хорошо справляясь со своей задачей.

Князь поймал идущую по пути служанку.

— Проводи гостью в покои южного крыла.

Девушка робко ответила:

— Хорошо, ваша светлость.

Грасаль ушел, оставив меня наедине с шумом чужих голосов. Стараясь абстрагироваться от размышлений других, я последовала за служанкой, надеясь потом у нее выяснить, где найти государя. Сейчас самое время сбросить оковы князя. Он прав, мне нельзя быть слабой. Я не собираюсь прогибаться под советника и становится его шпионкой. Его планы на меня весьма прозрачны, но я должна сделать все, чтобы они не воплотились в жизнь.

Служанка провела меня в светлую комнату, явно предназначенную для гостей. Чувствовалась в этих покоях какая-то... безликость. Несмотря на чистоту, по затхлomu воздуху быстро становилось понятно, что здесь давно никто не жил. Оглядев гардеробную, я впервые затосковала по загубленным вещам, оставшимся в экипаже. До этого я мало волновалась об одежде. Мои старые платья явно не подходили для придворной жизни, но без них я теперь испытывала неловкость, не зная, во что переодеться.

Стоило попросить Дамиана Грасаля посетить перед визитом во дворец торговую лавку, но из-за плохого самочувствия я многого не учла. Теперь приходилось расплачиваться. Князь же... Он не скрывал, что вел собственную игру, и не всегда его цели совпадали с моими.

Служанка любопытно разглядывала меня из-под ресниц, ожидая дальнейших приказов. Ее бледную кожу покрывали бронзовые веснушки, будто скользящие по лицу и шее, как пятна теплого света. Мягкие волосы пушились и завивались на концах, отливая нетипичной для царства Льен рыжиной.

— Как тебя зовут?

— Ксана.

— Мне нужно платье, — вздохнула я. — Сможешь найти?

Она задумалась на мгновение и кивнула.

— Я найду для вас наряд, но не знаю... подойдет ли он.

Ксана намекала на мое происхождение, неясное для обитателей дворца. Ее интриговало, кто я и что здесь делаю, но я не собиралась отчитываться перед служанкой, тем более пока не задан прямой вопрос.

— Не подскажешь, где я могу найти государя?

— Царя?.. — ошарашенно переспросила она. — Вам нужно дождаться приемных часов.

Ксана посмотрела на меня с еще большим интересом, чем раньше. Я изобразила безразличие, будто ее ответ меня устроил. На самом деле я уже выяснила нужные сведения из мыслей девушки. Жизнь его величества — не тайна для живущих с ним под одной крышей. Сейчас отец присутствовал на совете, и, благодаря новым способностям, от меня это не смогли скрыть.

— Благодарю за помощь. Можешь идти, — сдержанно улыбнулась я.

Как только за служанкой закрылась дверь, я села на кушетку, переводя дух, и помассировала виски. Холодные камни диадемы будто вытащили из ледника. Она так прочно держалась на голове, словно приросла к коже.

Я набрала ванну и сняла одежду, подаренную Жеромом. Вода, в которую добавила несколько капель эфирных масел, благоухала лимоном и базиликом, успокаивая дух. Погрузившись в нее, я с наслаждением закрыла глаза. Не верилось, что моя жизнь теперь постоянно в опасности. Немногие откажутся от удовольствия досадить новоиспеченному царю. А ведь совсем скоро вторая часть коронации...

Когда отец надел корону, он получил право называться государем, но лишь после полного завершения церемонии завладеет всей силой царского рода Льен. Осталось всего несколько дней до назначенного срока. Я уже смирилась с тем, что перестала быть просто Айрин из Сагасса, дочерью обычного плотника, и теперь называю папу — царем.

Я расслабилась в ванне, и давление в голове постепенно сошло на нет. Хаос мыслей уже не беспокоил меня, как раньше. В думах появились ясность и четкость. Чужие мыслеобразы временно удалось запереть на замок, и они не покидали своих клеток, пока это не требовалось. Страшно представить, что бы со мной случилось, окажись я в Мауроне, кишасей человеческими душами, еще вчера.

Я разомлела в горячей воде, благодатно влияющей на дух, и задремала. Сон, что

рыбачья сеть, брошенная в море, подхватил меня, не заметив сопротивления. Я увязла в нем, забыв о заботах, и позволила усталости одержать надо мной верх.

Меня пробудило томление, вызвавшее ломоту в костях. Внизу живота расцвел жар, до напряжения стянувший нутро в тугую узел. Во всем теле ощущалась истома. Я открыла глаза и прижала влажные руки к горящим щекам, совсем не помня, кто мне снился. Узнай в монастыре о моих тайных желаниях, послушниц бы хватил удар. Повернув голову, увидела свое отражение в висащем на стене зеркале. Его поверхность немного запотела, но влага, осевшая на стекле, все равно не скрывала лихорадочного блеска во взоре и румянца на скулах. Красные пятна особенно выделялись на бледной коже, горя на ней метками греха. Цвет сапфиров в диадеме в точности совпадал с оттенком глаз.

Я убрала с лица прилипшие волосы и целиком погрузилась в остывшую воду, гоня наваждение прочь. Сон, что тина в болоте, не желал отпускать. Бархатистый голос будто все еще шептал на ухо, соблазняя, как сладкий шербет: «Айри-и-н...»

— Все, хватит! — резко выкрикнула я, избавляясь от искушающих чар.

Даже холодная ванна не помогала выкинуть запретные думы из головы. Оперевшись о бортик, опустила ноги на холодный камень. Вода с тела стекала на пол. Перекинув за плечи капающие волосы, взяла полотенце и вытерлась. Сердце в груди все еще колотилось как бешеное, будто это не я читаю чужие мысли, а мои — могут прочитать.

В комнате лежало оставленное служанкой платье. Не сдержавшись, я усмехнулась. Все-таки близкое знакомство с советником и дорогое украшение на голове побудило Ксану не рисковать, подбирая наряд странной незнакомке в мужской одежде. Едва ли он годился для важного приема, но все же не мог превратить меня в белую ворону среди знати. Я провела рукой по золотистому лифу, плавно переходящему в юбку спокойного кофейного цвета. Мягкая ткань, приятная и чуть прохладная на ощупь, скользила под пальцами, нежно лаская кожу. Приведя себя в порядок, я поспешила в восточное крыло, где совсем скоро обещал появиться отец.

Мне не хотелось встречаться с ним на публике. Мы так долго не виделись, и я боялась заглянуть ему в глаза. Почему он никогда не рассказывал мне, что его фамилия — Фалькс?

Ведь мы были близки... Читали одни те же книги, которые с трудом находили в нашем захолустье, а потом с жаром обсуждали. Казалось, совсем недавно отец принес домой слепого котенка и мы вместе его выхаживали. А теперь? Ни Рыжего, ни доброго папы...

«Кто она?» — звучало в головах у жадно разглядывающих меня придворных. Я не обращала внимания на заинтересованные взгляды и прятала дрожащие руки в складках платья.

Как вдруг... сердце рухнуло. Папа.

Царь остолбенел, покидая кабинет для переговоров. Ноги сами повели меня вперед. Больше всего я желала немедленно его обнять. Надежда гнала меня вперед и будто щекотала ноги, заставляя подойти ближе.

«Айрин... Доченька!»

Я бросилась к нему навстречу, обезумев от нахлынувших чувств. Между нами осталось всего несколько шагов, когда кто-то грубо схватил мой локоть и дернул в сторону. Я подняла голову и захлебнулась в ярости зеленых глаз. Застигнутая врасплох, растерянно заморгала. Почему меня остановили?

— Только попробуй дернуться, — с угрозой в голосе прошипел Дамиан Грасаль.

Свободной рукой стерла с ресниц выступившие слезы. С болью и обидой посмотрела на отца. Ну сделай же что-нибудь!

Давай! Ну же!..

Царь отвел виноватый взгляд и, не оглядываясь, пошел в противоположную сторону. Его советник надавил мне на плечо, заставляя согнуться в смиренном реверансе. Только

когда его величество покинул коридор, Грасаль дал мне выпрямиться. Сожаление отца все еще витало вокруг легким флером, оставляя неприятный осадок в душе. Я опустила руки.

— Что вы себе позволяете?! — вырвалась я и, не сдержавшись, всхлипнула.

Спокойствие князя окатило ледяной водой. По губам, сжатым в тонкую линию, сразу становилось понятно, что ничего хорошего ждать не следует.

— Я в своем праве, а вот ты, фиалка, забылась. Он царь. Нельзя позволять так своевольно вести себя на публике.

— Может, я и не царевна, но все-таки его дочь.

— Будь ты царевной, умела бы держать себя в руках.

— Ненавижу вас!

— Знаю, — хмыкнул Грасаль, позволяя огоньку злого веселья промелькнуть в глазах, — я и не собирался с тобой подружиться.

На секунду прикрыла глаза, пряча раздражение. По щекам все еще лились горячие слезы, как я ни желала обратного. Не хотелось раскрывать душу перед князем, но пока он читал меня как раскрытую книгу. Не нуждаясь в помощи каких-либо артефактов, Грасаль точно знал, что у меня на душе. Его присутствие рядом вызывало кислый привкус омерзения во рту.

— Приведи себя в порядок. Вечером тебе доставят вещи.

Я мрачно кивнула, отрешенно размышляя, стерли ли с сундука кровь. После учебы у лекаря перестала бояться смерти. Как бы цинично это ни звучало, но никому не под силу ее избежать. Все равны перед Жнецом, сколько злата на себя ни оденут.

— Пошли.

— Бойтесь выпустить из виду?

— Одни в состоянии позаботиться о себе, другие — нет. Помнишь, я говорил о фиалке?

— Отец называл таких людей хрустальными... — едва слышно пробормотала я, но советник все равно услышал.

— Не поспоришь, — приподнял Грасаль уголки губ.

— Но особое отношение зачастую лишь заточает в клетку, в которой мышцы ослабнут, а не станут крепче.

— Ты давно в клетке, Айри-ин.

— Знаю, — тихо ответила я, — но дверца все еще открыта.

Рука князя легла мне на поясницу, подталкивая вперед. Я ощутила жар в том месте, где он меня коснулся.

— Это иллюзия, — отрезал советник.

Страх встал комом в горле. Я поняла, что никогда не смогу передвигаться по дворцу одна. Если не князь, то его люди будут постоянно за мной следовать, напоминая об удавке на шее. Каждый шаг под контролем. Каждое слово — тщательно обдуманное. Я успела убедиться, что такой же поводок накинута и на отца.

Мы оба заложники Дамиана Грасаля.

Я встретила взглядом с князем и оцепенела, осознав перспективы. Добро пожаловать в столицу, Айрин.

Глава 5

Никогда не умела быстро засыпать на новом месте. Подушка промокла от слез, глаза противно щипало, а нос заложило. Сон совершенно не шел. Я заново проигрывала в уме встречу с отцом, пытаюсь понять, где просчиталась. Глупая. Во дворце повсюду соглядатаи князя. От него ничего невозможно скрыть.

Осознав, что слишком взбудоражена для сна, я легла на спину и уставилась в потолок. Пустой и безликий, он навел тоску. Абсолютно на такой же я любовалась в монастыре по ночам, отчаянно воображая яркие звезды, нарисованные светящейся краской в моей спальне в Сагассе, но единственные, которые могла увидеть, сверкали на ночном небе — чужие и незнакомые. Все в царстве Льен отличалось от того, что я знала раньше.

Прозвучал глухой скрип. Я наострила уши. Неужели во дворце водятся мыши? Звук снова повторился, выдавая кого-то значительно тяжелее мелкого грызуна. Я кинула взгляд на канделябр и приготовилась его схватить в случае опасности. Остатки сна так быстро слетели, будто меня окунули в прорубь. Не позволяя себе расслабиться, я притаилась, выжидая появления тайного гостя и одновременно пытаюсь выхватить его мысли из тьмы чужих.

— Папа! — подскочила с кровати, мгновенно забыв о подсвечнике.

— Айрин, доченька! — царь как раз отодвинул гобелен, позволяя лицезреть себя в полный рост. Я поняла всю щекотливость своего положения. Случайно или нет, но меня поселили в покои с потайным входом.

На этот раз отец сам распахнул объятия, и я не раздумывая бросилась к нему, забыв об обидах и предубеждении перед его новым положением.

— Как же ты выросла... — с тоской в голосе констатировал он. — Дай на тебя посмотрю.

Он говорил такое каждый раз, когда покидал наш дом в Сагассе, но никогда между его отъездом и возвращением не проходило так много времени. Я потянулась к стене, желая зажечь свет, но отец остановил меня, перехватив руку.

— Никто не должен знать о нашей встрече.

Глаза предательски увлажнились.

— Почему ты скрываешь, кто я?

— Айрин... — отвел взгляд царь. — Тебя представят после завершения коронации.

— Ты не признаешь меня? — мгновенно потускнев, спросила я. — Официально?

— Доченька, давай сядем. Нам есть что обсудить.

Даже если бы его мысли не бились в моей голове роем диких пчел, я все равно бы догадалась, что это значит. Нет. Он никогда прилюдно не назовет меня своей плотью и кровью. Не позволит почувствовать себя равней и первой заговорить, не сгибаясь в этот миг, как раб перед своим хозяином. Не покажет перед всеми своей любви.

Нет. Нет. Нет!

Отказ ударил меня наотмашь. Я не понимала отца. Его поступок давал понять, что я ничего для него не значу, хотя его сердце, напротив, кричало о любви.

— Мне многое нужно тебе рассказать. Три года! Лишь Треокий ведает, как я страдал, не зная, как ты.

— Я стала заложницей князя.

— Твоя жизнь — вот мое уязвимое место, Айрин. Меньше всего я желал престола.

— Почему ты не рассказывал о своей семье? — не сдержав боли в голосе, задала я вопрос. — Зачем все это притворство, жизнь в созданном своими же руками изгнании?

Отец помрачнел.

— Ты никогда не должна была узнать о моем происхождении, Айрин. Я покинул царство Льен, еще будучи совсем юным. Тогда мне казалось, что поступаю правильно: как младший сын, я не смел рассчитывать на престол. Да и хотел ли я этого? Нет. Политика — это грязь, хоть и поданная в красивой обертке этикета. Постоянные интриги могут выдержать лишь те, кто сам их создает. Я не хотел уподобляться отцу или старшему брату.

Я нутром чуяла, что он недоговаривает, и видела в его мыслях, далеких от разговора, образ красивой светловолосой женщины, но оказалась слишком слабой, чтобы спросить — моя ли это мать. Мне не верилось, что отец, всегда заражавший своей силой, признавался в банальном... страхе. Он боялся, но чего?

Сердце царя разрывалось от боли. Я чувствовала, что ощущал он: хрупкая ладонь возлюбленной в его руке, ее звонкий смех, аромат духов... Он ненавидел придворную жизнь. Но не ненавидел ли он ее лишь потому, что она лишала счастья с околдовавшей его женщиной?

— Дамиан Грасаль создан для власти. Он нашел мою слабость и манипулирует, понимая, что я не пожертвую собственной дочерью. Искренняя любовь — лучшие нити для любого кукловода. Но не думай, что я сдался, доченька.

— Ты нашел выход? — усомнилась я.

— Многие недовольны текущим положением вещей. Князь достиг небывалых высот. Я ишу союзников в борьбе против него и уже имею успехи. Прошлого, к сожалению, не вернуть, но есть шанс сделать будущее немного светлее.

— Я не понимаю тебя, — заломив руки, отодвинулась к стене. Голос дрогнул, выдавая волнение: — Сначала ты говоришь о любви, а потом — что не желаешь называть дочерью.

— Не говори так, — покачал головой отец. — Ты не знаешь, каково жить не ради себя, а для людей. Это не просто ответственность, а настоящая клетка. Я хочу, чтобы ты сама выбирала, с кем связать жизнь и растить детей, и не переживала, полюбишь ли супруга в политическом союзе. Бастарды свободны, хотя и имеют привилегии, которых лишены другие.

— Но ведь еще несколько дней назад я чуть не стала по твоей милости пленницей подобной брачной клятвы! — искренне возмутилась я.

— И все-таки этого не произошло. Хоть какое-то давление на Грасаля я имею, раз он не дал этому случиться. Но будь покойна, Айрин: тебе бы не пришлось страдать в нежеланном союзе. Быть вдовой гораздо выгоднее, чем свободной девушкой. Я бы оставил свой промах на милость судьбе.

Жестокие слова делали отца гораздо больше царем, чем золотая корона на голове. Я горько рассмеялась, в отличие от него зная нелицеприятную истину.

— У тебя нет никакой власти над Дамианом Грасалем. Он передумал не потому, что ты его переубедил. Он решил поступить иначе, когда осознал, что ему это выгоднее.

— Может быть и так, — пожал плечами отец, даже не догадываясь, что я хочу ему сказать, — но я посеял червячок сомнения в его думах.

Отец поднялся с постели, на которой сидел все это время, давая понять, что разговор подошел к концу.

— Ты уходишь? — не сдержала разочарования.

— Да, милая. За мной постоянно наблюдают, и долгое отсутствие может вызвать ненужные вопросы.

Он не хотел уходить. В его мыслях витало горькое сожаление, расставание сеяло тоску и боль. Я чувствовала то же самое. Слишком мало времени мы провели рядом, слишком

мало поговорили. Я невольно коснулась диадемы на голове.

— Почему ты легла спать, не сняв украшения? — без особого любопытства поинтересовался царь, отодвигая гобелен. Папа никогда не обращал внимания на мой внешний вид. Даже сейчас ему бросилась в глаза не дороговизна крупных камней, а это несоответствие. Подумаешь, сапфиры? Да чем они лучше обычной синей шпинели?..

— Потому что не могу, папа, — с болью произнесла я в пустоту.

Гобелен, закрывавший потайной вход, уже ровно висел на стене, и я имела счастье лицезреть скучный высокогорный пейзаж. Ничего не напоминало о том, что в комнате бывал царь, кроме приятного ненавязчивого запаха, напоминавшего мне о детстве. Годы шли, но отец по-прежнему рассказывал мне сказки на ночь. Только он уже сам начинал верить в то, что говорит.

Я закрыла глаза, ощущая опустошение. Встреча с родителем прошла совсем не так, как мне хотелось. Пожив в столице, он стал гораздо больше походить на своих предков, чем думал. Кровь — не водица... А я ведь тоже одна из Фальксов. Страшно представить, какие черты от них передались мне.

Я легла спать совершенно не готовая к тому, что преподнесет следующий день.

Дверь, раскрытая нараспашку, всю надо мной потешалась: петли скрипели, издавая смешки, изогнутая ручка язвительно улыбалась, узоры на дереве походили на веселящиеся глаза. Открыть ее я сумела, а вот закрыть обратно — уже нет. Как и выйти. Стоило сделать шаг вперед, как прозрачная пленка, похожая на капли жира в наваристом супе, отпружинивала назад.

Пока я не касалась преграды, она имела совершенно незаметный для глаза вид. Уплотнившийся воздух оставался таким же бесцветным, лишь, когда подушечки пальцев задевали его, по поверхности шла рябь, расплывавшаяся кругами, как от упавшего в воду камня.

За стеной стояло двое стражей. Оба отчаянно скучали, отсчитывая время до того момента, когда другие займут их пост. Я тряхнула головой, сбрасывая с себя липкие, как смола, и такие же противные мысли одного из них. Меньше всего мне хотелось знать о похождениях этого кутилы!

У меня даже не возникло сомнений, кто за всем стоит. Сегодня день, после которого никто не посмеет усомниться в праве отца занимать престол. Он станет полноправным царем Льен. И я... я должна сделать так, чтобы Дамиан Грасаль больше не смел диктовать условия.

Я негромко постучала по дверной коробке, наблюдая, как стражи лениво поворачивают головы в мою сторону.

— Миледи?.. — без интереса спросил крайний — мужчина со слишком крупным для его маленькой головы носом. Чужое раздражение ударило по мне, как морозящий осенью дождь.

— Я должна поговорить с лордом Семи Скал.

Выражение лица стража ничуть не изменилось. Моя просьба совершенно не нарушила равновесия в его уютном и спокойном мирке.

— Дамиан Грасаль сейчас занят, — так медленно ответил он, словно каждое слово давалось ему тяжело. Уже теряя терпение, я потянулась за кошельком. Все средства, что я имела, остались еще со времен, когда я помогала лекарю. Мне повезло: когда люди князя ворвались в наш дом, деньги лежали в кармане платья.

Я подкинула на руке монетку, с горечью наблюдая, как мгновенно загораются глаза княжеского прихвостня.

— Может быть, найдется причина, чтобы его светлость зашел сюда?

Стражи переглянулись. Сожаление тенью упало на их лики, и страх перед советником

пересилил желание получить легкую наживу. Сквозь чужие размышления до меня донесся голос князя: «Никого не впускать, никого не выпускать... Впрочем, она и сама не выйдет из комнаты».

Значит, даже связаться с прислугой не выйдет. Я задумалась, тербя висящий на шее кулон. Синий цвет капли гармонировал с камнями в диадеме. Давний подарок отца невольно напомнил он том, как он появился в моей комнате. Ничто не мешало выйти через тайный ход, но я знала, что после этого у князя точно появится немало вопросов.

Я подошла к окну и открыла створки. В нос ударил запах сырости. В столицу пришли холода, потеснив привычный для лета жар и напоминая о грядущей осени. Оперевшись на руки, я посмотрела вниз. Словно нарочно, Дамиан Грасаль поселил меня на верхнем этаже. Казалось, свобода была одновременно невообразимо далеко и недостижимо близко. Наблюдая за перемещениями маленьких фигурок людей в саду, я горько вздохнула. Этот путь явно не для меня.

Что же остается? Изобразить недомогание? Продолжить уговаривать людей советника?

Мысленно подкинула монетку. Золотой старой чеканки упал ребром. Едва ли я смогу вызвать сочувствие князя. Дамиан Грасаль не умеет сопереживать.

— Будьте любезны, закройте, — сказала я, притронувшись к петлям и не имея возможности коснуться самой двери.

Страж нехотя подошел и выполнил требуемое. Не видя лиц малознакомых мужчин, я выдохнула и подхватила юбки платья. Так и знала, что за щедрость князя придется платить сторицей! Мне привезли не мои вещи, а новые наряды, явно приобретенные в Мауроне. Их было немного, только самое необходимое на первое время. Раскрыв при получении первый сверток и увидев незнакомую ткань, я сразу поняла, что плохое быстро затмит хорошее. Так и произошло...

Отодвинула гобелен и взмолилась, чтобы тайный ход вел не только в опочивальню монарха. Не хотелось объяснять слугам, как я оказалась в запретной для посещений части дворца. Крепко держа в руке канделябр с зажженными свечами, беспокойно посмотрела по сторонам. Мало ли кто, кроме меня и отца, знает, как передвигаться незаметно от остальных. Пламя беспокойно мерцало, и я придерживала огонь рукой, чтобы он не затух. Вездесущее эхо гулко разносило шаги по темному туннелю, оповещая притаившихся крыс о незваной гостье.

Вскоре я поняла, что напрасно переживала о другом выходе, помимо покоев отца. Волноваться стоило о другом. Весь дворец, точно паутиной, окутывало сеть потайных ходов. Заплутав в бесконечных ответвлениях мрачных коридоров, начала паниковать. В голове появилась неизбежная мысль: «Что же делать дальше?» Я будто муха, попавшая в лапы пауку, бесполезно трепыхающаяся, пытаюсь вырваться на волю, но лишь больше прилипающая к нитям. Запущенность вокруг и тьма служили нелицеприятными напоминаниями о скитаниях в подземелье монастыря. Тогда мне помогло вырваться чудо, но сейчас я могла рассчитывать лишь на себя.

Наверняка те, кто пользовались этими ходами, полагались на карту. Размышляя о судьбе глупцов, подобных мне, споткнулась и едва не упала. Послышался звон, и по полу что-то покатилося, упав прямо к моим ногам.

— Ма-амочки! — от неожиданности заорала я, столкнувшись взглядом с пустыми глазницами черепашки. Сам скелет, на который я натолкнулась, лежал неподалеку, белые кости, начищенные временем, отражали свет от выпавшего из рук канделябра.

Придя в себя, подошла ближе и с любопытством оглядела друга по несчастью. Что он именно «друг», а не «подруга» я не сомневалась — обучение у лекаря не прошло даром. Бережно взяв в руки снесенный моим падением череп, бережно положила его на место. С недавних пор я не горела желанием гневить мертвых. Отряхнув руки и платье, оглядела полученный результат. Целый скелет смотрелся гораздо лучше.

— Хорошего дня. Извините за беспокойство, — глупо пробормотала я. Показалось, будто эхо донесло тихий смешок, но, прислушавшись, ничего больше не расслышала. — Почудится же...

После встречи со скелетом страх и паника внезапно отступили, сменившись холодной собранностью. Я вышла в ответвления, которые отличались от других. Если в предыдущих коридорах мрак не оставлял места для света, то здесь он как-то проникал, слабо брезжа впереди и давая надежду, что рядом есть выход. Но более того — за стеной гудели мысли толпы. Не нужно было вникать в их смысл, чтобы понять — коронация в самом разгаре.

Я провела пальцем по стене, ощущая шершавость камня, и натолкнулась на что-то мягкое. Сердце екнуло в груди. Еще один гобелен! Осторожно отодвинув край ткани, заглянула за полотно и с облегчением поняла, что от взглядов любопытствующих его закрывает колонна. Стараясь создавать поменьше шума, я вышла и за ней спряталась. Глаза пришлось зажмурить от яркого света, режущего так сильно, будто в них закапали горячий воск.

Я смогла без помех смотреть перед собой как раз, когда отец склонился перед верховным служителем. В его темных волосах плясали красные искры, пряди отливали насыщенно-винным цветом. Теперь я понимала, что это отличительная черта многих Фальксов. Даже мои обычно смоляные волосы на полуденном солнце приобретали подобный оттенок.

В зале, полном людей, с легкостью отыскала черную макушку Дамиана Грасалья. Убедившись, что он не заметил, как я появилась из-за гобелена, перевела дух. Хорошо бы, чтобы выход в сеть тайных ходов из моей спальни как можно дольше оставался секретом. Советник не должен обнаружить меня и задаться вопросом, как я вышла из комнаты.

Я перевела взор на папу в нужный момент. Когда посланник Треокого вознес над головой отца золотой венец, настоящий, какой носили еще предыдущие монархи, а не ту безделушку, красовавшуюся на Викаре прежде, корона ярко вспыхнула, признавая в нем царя. Артефакты царской власти, которые царь держал в руках, скипетр и шкатулка, тоже откликнулись на зов, полыхая белым светом.

Я почувствовала, как диадема наливается теплом. Сразу стало легко и приятно, все тревоги разом отступили, и в сердце зажглась радость, как будто я снова побывала дома: под боком, невольно грея и ласково мурлыча, лежал Рыжий, а веки ласкал пробивающийся сквозь шторы свет... Такого душевного подъема уже давно не ощущала. Огонек надежды, что я непременно выдержу посланные невзгоды, зажегся в сердце, все сильнее наполняя душу радостью.

Все не сводили глаз с владетеля престола, но одна женщина обернулась и посмотрела точно на меня. Я знала, что она не могла ничего увидеть за колонной, но все равно возникла смутная тревога, что незнакомка повернулась не случайно. По ее близкому положению к трону я логично предположила, что она из высшей аристократии, а по легко угадываемым северным чертам — что это княгиня Дульбрад.

На лице леди расцвела теплая, всепонимающая улыбка, словно она ведала нечто такое, чего не знали остальные. Она отличалась от всех прочих людей, будто сияя изнутри, и мне стало интересно узнать ее мысли. Напрягшись, я попыталась вычленить их из общего гомона, но это не вызвало ничего, кроме головной боли, резко ударившей по вискам. Все-таки я еще недостаточно хорошо овладела даром, чтобы довериться ему в таком скоплении придворных. На талию княгини легла рука ее супруга, но ее улыбка, направленная на меня, не дрогнула.

«Куда она смотрит?» — задался вопросом князь и тоже обернулся, но, поведив взглядом по залу, не обнаружил ничего интересного.

Его жена нехотя отвела взор от колонны, за которой я скрывалась, и посмотрела на царя, успевшего занять свое место на троне. Княгиня стояла вполоборота. Продолжая разглядывать загадочную особу, я не упустила мига, когда ее взгляд опустился на царский жезл. Она хитро ухмыльнулась и словно укоризненно покачала головой, стрельнув глазами на... Дамиана Грасалья, про которого я уже, стыдно признаться, успела забыть. Только тогда с ужасом осознала, что все это время советник пристально наблюдал за женой своего знакомого.

Грасаль отвел взгляд от княгини и устался в ту сторону, куда она смотрела прежде, —

на меня. Сердце рухнуло в пятки. Я сжала кулаки. Неужели лишусь неожиданно приобретенного преимущества, рассекретив, как здесь очутилась? Выражение лица князя не сулило мне ничего хорошего, но я надеялась, что это лишь показалось. Я юркнула обратно за гобелен, уповав, что судьба милует и советник интересовался вовсе не мной, тайком пробравшейся на коронацию отца.

Рука сама потянулась к диадеме. Камни уже больше не ощущались холодными. Они казались... живыми. Теплые сапфиры едва кололи пальцы, как малые дети, которые играя хватают за ладонь взрослых. Поддавшись порыву, я потянула за подарок Илис и... сняла. Боги миловали меня! По лицу покатались слезы радости. Я больше не буду пленницей злого рока.

Вот только избавившись от артефакта на миг, я тут же захотела его вернуть на место. Это было странно и не поддавалось никакому объяснению, но, убирая с головы диадему, я тосковала по ней и чувствовала в душе боль, раздирающую на части. Я не могла просто освободиться от нее, меня глодало ощущение, словно я выкидываю на улицу маленького щенка, беззащитного перед большим миром. Дар покойной королевы затрагивал в душе те же струны, хотя и не умел жалостливо скулить и преданно заглядывать в глаза, моля вернуть на место.

Чем дольше я держала венец в руках, тем больше это усиливало внутренний разлад. Надеть или выкинуть прочь, оставив томиться в безлюдных коридорах дворца? Сомнения терзали душу.

Ты ведь уже привыкла к чужим мыслям, Айрин. Что ты будешь делать, когда не сможешь ничего противопоставить изощренному уму князя? Да он быстро выкинет тебя из столицы, выдав замуж за какого-нибудь скупого вельможу. Грасаль сбросит тебя с шахматной доски и заменит другой «королевой»...

Я тряхнула головой, желая избавиться от нравоучений внутреннего голоса. Носить диадему слишком опасно. Я уже успела ощутить на собственной шкуре, как могут быть губительны размышления других людей.

Надень! Надень! Надень!

В туннеле потянуло сквозняком. Почти все свечи в канделябре резко потухли, и остался лишь единственный огонек, храбро разгоняющий тьму в одиночку. Я шумно выдохнула. Как мне найти дорогу назад?

Не о том думаешь, Айрин. Верни диадему на голову. Илис избрала ТЕБЯ.

Все тело покрылось мурашками от озноба. Температура в коридоре внезапно опустилась, заставив меня задрожать. Из рта вырвалось облачко пара, и я ощутила себя ящером с Крайнего севера царства Льен, выдыхающим ледяной огонь.

Синие камни призывно сияли, будто подсвеченные изнутри.

— К демонам, — вслух выругалась я и надела венец обратно.

Как только я это сделала, эмоции, слишком сильно бушевавшие внутри, немного погасли, уступив место трезвой расчетливости. Поднявшийся холод погасил вспыльчивый нрав, и я стала чувствовать себя лучше. Дамиан Грасаль еще не знает, что его ждет.

Глава 6

Темнота. Холод. Сырость.

Я полагалась на свою память, блуждая по ходам, пронизывающим, как дырки в сыре, весь дворец. Только в отличие от пустот в любимом берльордском сорте, в жизни коридоры постоянно ветвились, неизменно создавая почву для сомнений: а правильно ли иду?

Но вскоре я увидела впереди очертания старого знакомого. Скелет сидел все в той же позе. Рядом не хватало только бутылки рома и разбросанных монет, чтобы усилить ощущение пребывания в каком-нибудь приключенческом романе, которые так любит читать Клотильда. Мне приходилось постоянно одергивать себя, дабы не назвать ее тетушкой. К сожалению, нас не связывали родственные узы, как я прежде наивно думала. Отец просто хорошо заплатил женщине, чтобы она занялась моим воспитанием.

— Ну здравствуй, — хмыкнула, вглядываясь в щербатую улыбку несчастного, и растерянно потопталась на месте.

Лекарь, чьи уроки брала, сказал бы, что я очутилась в «точке бифуркации». За ученым словом подразумевалось очередное разветвление. Я стояла на перепутье, не зная, как добраться до комнаты. Что хуже — попасться на глаза Дамиану Грасалю, вернувшись назад, или заблудиться во дворце, повторив незавидную судьбу скелета?

Говорят, чаще всего люди сворачивают направо, выбирая, куда отправиться в незнакомом месте. Едва ли меня обычно можно назвать исключением из этого правила. Но сегодня все произошло иначе: я приняла волевое решение, решив пойти наперекор давней привычке и направиться в противоположную сторону. Полная надежд, зашла за угол, но впереди ждало лишь разочарование. Обнаружив на пути новый коридор, я с прискорбием поняла, что ошиблась.

Возвращаться назад не спешила. По неясной причине мне не хотелось покидать этот участок дворца. Что-то невольно заставило задержаться, что-то будто вело сюда.

Подозрение засвербело в душе. Я стойко чувствовала неладное, но не могла разобрать нашептывания интуиции. Наконец я догадалась, что именно было не так и отличало это место от сотен других — стены, облицованные камнем, выглядели слишком идеально, словно их совсем недавно воздвигли: серые булыжники не имели зазубрин и трещин, пыль не забилась в щели, нарушая вида кладки. Неужели служанки наведываются в часть тайных ходов, чтобы убираться? Удивленно приподняв брови, я положила руки на стену, проверяя, не сошла ли с ума после пережитого ранее, и от неожиданности вскрикнула.

Камни начали таять. Медленно и неохотно, они потекли, как воск от пламени, и, зашипев, каплями растворились в возникшем из ниоткуда тумане, оставив меня стоять внутри другой комнаты. Я отдернула ладони и замерла, боясь даже моргать. Чувствуя себя лягушкой на препаровальном столе, приготовилась встретить взгляды остолбеневшей публики. Пока меня еще не заметили, перевела дух.

Не каждый день ненароком оказываешься позади царского престола.

Фигуру отца закрывала спинка трона, но по выстроившейся перед ним веренице аристократов становилось понятно, что он все еще сидит на месте. Высшая знать поочередно подходила к царю и давала присягу. Я пересчитала владетелей провинций царства. Шесть. Отсутствовал лишь предатель, участвовавший в покушении на предыдущего государя, моего дядю (как же непривычно это слово!) Медона. Даже князь Нерстед приехал с Крайнего севера, чтобы склониться перед Викаром, признавая его власть.

Рядом с северянином зашуршало красное платье его жены-арманьелки, сделавшей глубокий реверанс, подойдя к трону. Грасаль прав — одного имени недостаточно, чтобы стать человеком из высшего круга. По тому, как вела себя княгиня Нерстед, сразу становилось ясно, что она из благородной семьи. Ее невесомые жесты, легкая полуулыбка, взмах ресницами в нужный момент — все выдавало знатное происхождение.

Если я не хочу потерять отца, мне придется стать одной из них. Не ею, но такой, как она.

Я должна научиться непринужденно смеяться над нелепыми шутками, впитать в себя непринужденность и изящество и, точно хамелеон, перенять утонченные манеры. Иначе никакая диадема не поможет задержаться во дворце надолго.

Берегиня, знала бы ты, как больно чувствовать себя... никому не нужной. Даже своей семье.

Завершал шествие Дамиан Грасаль. Я вся сжалась, готовясь к его гневу. Сейчас он увидит меня внутри тронного зала, слишком близко к царю, и превратит мою и без того несладкую жизнь в огненную бездну. Князь поднял глаза, я вся похолодела в ожидании его реакции, и... ничего не произошло. Как ни в чем не бывало советник поклонился его величеству и пообещал:

— Клянусь перед очами Треокого бога в том, что буду верно и честно служить...

— Служить, — оторопело повторила за ним, едва шевеля губами.

— Во всем повиноваться и чтить государя своего...

— Во всем повиноваться — чуть громче прошептала я, безвольно внимая доносящимся обрывкам фраз.

— Не щадя себя... — твердо изрек Грасаль.

— Не щадя себя...

— До последней капли крови... До последнего вздоха....

— Не молчать о дурном, что я знаю, слышала или услышу, — по памяти произнесла я, не дожидаясь, когда это скажет Грасаль, и уже в унисон с ним уверенно закончила: — Да славится царство Льен!..

Пальцы покалывало от возбуждения. Я часто дышала, не сводя взгляда с князя. Сердце стучало, будто отбивая барабанную дробь. Его удары скандировали: «Клянусь! Клянусь! Клянусь!».

Я убрала с лица взмокшие от волнения волосы, с недоумением разглядывая Дамиана Грасаля. Он действительно меня не видит или же только делает вид, что не замечает? Как же тяжело не слышать его мыслей! Но ведь остальные... Мое появление тоже должно их смутить, но никого не волнует, что за девушка внезапно появилась за тронном.

Диадема на голове слабо загудела. Вибрации пронеслись по всему телу, вызывая дрожь в ногах. Я увидела, как рука царя, держащая хризолитовую шкатулку, тоже едва не дрогнула. Княгиня Дульбрад резко вскинула глаза, впившись в кисть государя взглядом.

Я напрягла память, пытаюсь вспомнить, как именно ее зовут. Мевил рассказывала мне обо всей знати Льен, будто чувствуя, что эти знания мне понадобятся в будущем, несмотря на навязанный брак.

Простое северное имя. У княгини Дульбрад было простое северное имя, и я должна его знать...

Уна.

Ее зовут Уна, и она слишком остро реагирует на то, что пропускают другие. Тогда смотрела на меня, прячущуюся за колонной, теперь не пропустила странное поведение царя и... снова так же безошибочно обнаружила глазами мое местоположение. Неужели видит? Единственная из всех?

Я напряглась. Мысли княгини должны привести на верные ответы. Подавшись вперед, я прислонилась лбом к прозрачной стене, которая, как неожиданно выяснилось, отделяла меня от присутствующих в зале, и, сжав волю в кулак, бросилась в омут чужих голосов в поисках того единственного, что нужен.

Ну давай же!

Получилось. Капелька пота стекла по виску, выдавая скопившееся внутри напряжение. Прохладная завеса помогала справиться с царившим в голове сумбуром.

«Белое», — звучало в голове северянки.

Наконец я увидела то, что зрела она: белое сияние вокруг хризолитовой шкатулки царя, каменная стена, то стоящая нерушимо, то тающая туманом, и... я. Чистый свет вокруг венца.

Я покрылась потом. Меня вытолкнуло из головы княгини, как пробку из вина бутылки с игристым вином. Кинув последний взгляд на леди, я поняла, что мне нельзя здесь больше оставаться, и бросилась бежать по туннелю.

Прочь, прочь!

Боль в боку судорогой свела внутренности. Тяжело дыша, опустила руку ниже ребер, плотно прижимая к телу и словно зажимая кровоточащую рану. Я задыхалась от секретов Лъен, душащих своим могуществом. Страх поблекнуть и превратиться в тень самой себя усилился, прочно укоренившись в сознании. Слишком много артефактов на меня одну. Слишком много магии, желающей подмять, переделать, поработить.

Каменная кладка без единого изъяна окружала со всех сторон. В отчаянии поддалась эмоциям и с силой ударила руками по стене. Совсем не удивилась, когда она пошла рябью и затем исчезла. Теперь я, словно призрак, очутилась в другом месте.

Служанки заливисто хохотали, перемывая кости знакомой. Чепчики с завязками возле шеи весело подрагивали, делая девушек похожими на гусынь.

— Вы бы только видели ее лицо!

Их истинная натура отравляла меня, мучая изнутри. Мысли, пропитанные ядом, нещадно ужалили, только стоило в них заглянуть. Змеи и то добрее. Я побежала дальше, не желая задерживаться возле неприятной компании. Хотелось перенестись на край света от сплетниц. Ноги горели от самых ступней до бедра, пальцы вцепились в юбку, удерживая, чтобы та не мешала, но я еще долго не позволяла себе замедлиться.

Глухой звук! Я снова ударила ладонями по стене. Она померкла, показывая пустую спальную комнату. На кровати развалился огромный кот. Черная шерсть лоснилась в приглушенном свете, белый кончик на хвосте размеренно бил по кровати. Зверь издал странный звук, не то шипение, не то тихое мяуканье, но я, не задумавшись, бросилась вперед по коридору, не желая задерживаться возле одного места подолгу.

Я словно крутила калейдоскоп, наблюдая, как меняются картинки, и проверяя границы возможностей местного волшебства.

Удар!

Кухня. Молодой слуга, со светлым пушком над верхней губой, беззаботно напевая себе под нос, подошел к кувшину с вином и взял его в руки. Ничего интересного. Я уже разочарованно последовала было в поисках новых мест, как вдруг...

«Шайларе», — название известного яда в размеренных мыслях юноши заставило меня резко замереть. Едва не упав, я оперлась о прозрачную стену и на ватных ногах повернулась назад. Чужие думы рассекли спину кнутом, выбивая дух. Я побледнела и немо открыла рот, чувствуя, как не хватает воздуха.

Папа, папочка!

С внезапно возникшей яростью ударила по прозрачной стене. Та издала странный гул, как дно пустого котелка, но на поверхности не появилось ни трещины. Слуга пел беззаботную песню про желтых цыплят, наливая в кубок светло-рубиновое вино и подмешивая в него порошок, мгновенно растворяющийся в жидкости. Я немного успокоилась, вспомнив, что напиток царя сначала должен попробовать специально обученный человек, но уверенные размышления предателя, ничуть не сомневающегося в своем успехе, вызывали нервную дрожь.

В комнату вошел хмурый мужчина. У него оказался резкий, словно звук натачиваемого ножа, голос:

— Готово?

— Да, господин, — подобострастно поклонился слуга.

— Хорошо. Скоро нужно будет вынести.

Я подскочила, чувствуя, как тошнотворный привкус отчаяния подкатывает к горлу. Меня сейчас не пустят к отцу. Есть только один человек, способный все изменить. Мне срочно нужно увидеться с Дамианом Грасалем. Никогда еще не хотела этого так сильно.

Я побежала, благодарная судьбе за предупреждение. Лишь бы успеть! Путь к тронному залу прошел как в забытьи. Я не заметила даже скелета и, не поворачивая головы, пробежала мимо него к своей цели. Больше не задумываясь о том, что советнику откроется тайна еще одного выхода из моей комнаты, я бросилась к дыре в стене, скрытой гобеленом, надеясь незаметно подойти к князю и сообщить ему важную новость. Но у судьбы оказались другие планы на этот день...

Выбравшись наружу, натолкнулась на обеспокоенный взгляд княгини Дульбрад. Северянка, как нарочно оказавшаяся возле колонны, осторожно положила руку мне на плечо, заставляя замереть на месте и заглянуть в ее серые, подобно утреннему туману, глаза:

— Что с вами?

— Нельзя... — задыхаясь от бега, не без труда выдавила я и с надеждой, что она поймет, перевела взгляд на его величество: — Кубок!

К счастью, она быстро догадалась, что я хотела этим донести. Она переменилась в лице и, быстро потеряв ко мне интерес, решительно направилась к мужу, стоящему возле трона. Дамиан Грасаль тоже находился рядом с царем и безошибочно нашел меня глазами, сведя брови на переносице. Я панически посмотрела на князя, моментально забыв о страхе перед ним.

— Кубок, — одними губами прошептала я, практически не надеясь, что он поймет.

Я вознесла молитву всем богам, которых знала, моля их, чтобы кто-то — либо княгиня Дульбрад, либо советник, успел остановить слугу, торжественно направляющегося к государю со злополучным вином в руке. Это был уже не тот светловолосый юноша, разливавший напиток, а незнакомый мужчина с подкрученными темными усами и идеально ровной спиной. Мне оставалось лишь бессильно наблюдать за происходящим, не делая попыток сдвинуться с места. Стражи напряженно смотрели по сторонам, никого не подпуская к трону, за исключением высшего круга.

Живот скрутило от волнения. Я вцепилась в колонну, беспокойно водя глазами по залу. Все казалось слишком медленным, только несущий кубок усач двигался быстро, заставляя отмерять время его шагами.

Серебристые волосы северянки блестели в свете свечей, цепляя взгляд. Она наклонилась к мужу и практически беззвучно прошептала, что вино отравлено. Я недовольно цокнула языком, коря за нерасторопность князя Дульбрада. Он зачем-то сперва подошел к Грасалю, надеясь выяснить детали, и что-то яростно прошептал ему с искаженным от гнева лицом. Я потеряла нить его мыслей, обуреваемая смятением.

Советник раздраженно сморщился и посмотрел на меня недобрым взглядом. Вложив в ответ все, что сейчас творилось в душе, я не отвела взора и выдержала его гнев. Надежда и мольба сплелись воедино. Страх за отца затмил все чувства, побуждая забыть даже об осторожности. Ну пожалуйста, пожалуйста!

Мужчины не сдвинулись с места. Я растерянно распахнула глаза. Неужели Грасаль мне не поверил? Ледяной ужас змеей закрутился внутри и впился ядовитыми клыками в сердце. Кивнув слуге, отец взял в руки кубок. Уже не тревожась о правилах приличий, я бросилась вперед, желая немедленно предупредить царя о грозящей опасности, но страж остановил меня на полпути, схватив как неразумного котенка.

— Нельзя! — остервенело рявкнул он.

— Пожалуйста! — взывала я. — Вино государя отравлено!

Сомнение тенью промелькнуло в темных глазах, но мужчина все равно не пошевеливался.

— Сказал же — нельзя!

Царь закончил речь, которую я не услышала за стоящим звоном в ушах, и поднес вино ко рту. Когда он сделал глоток, весь мой мир рухнул. Опустошение камнем упало в душу. Я знала, что от шайларе нет спасения. Отец уже мертв, хотя на его скулах все еще горит румянец от стоящей в помещении духоты.

— Эй, — бесцеремонно тряхнул за плечи страж, — вы в порядке?

Земля ушла из-под ног. Я качнулась и едва не рухнула. От падения спасли лишь руки мужчины, вцепившиеся в меня мертвой хваткой.

— Госпожа!

В его голосе мелькнули нотки страха.

— Отойди, я сам разберусь, — прорычал кто-то, грубо схватив меня за руку и потащив куда-то в сторону. Уже не чувствуя ни сил, ни желания сопротивляться, я последовала за ним и через некоторое время полной грудью вдохнула свежий уличный воздух.

В тот же миг лицо обожгла обидная пощечина.

— Ай, — воскликнула я, хватаясь за горящую щеку. Взгляд немного прояснился. Будто выдернутая из глубокого сна, я растерянно посмотрела на князя.

— Ты в своем уме?! — вышел из себя Грасаль и так сильно толкнул меня в сторону стены, что я даже немного ударилась спиной.

Мы находились на балконе. Тучи, как вороны, раскинули крылья по пасмурному небу, пряча солнце за черными перьями. Дома будто тлели на горизонте, исчезая в серой дымке. Немного придя в себя, я потерла уши и озадаченно уставилась на советника, не понимая, что вызвало такую бурную реакцию.

— О чем вы?

— Твое безответственное поведение! Как тебе только в голову пришло устроить это представление в тронном зале? Что внимания захотелось, да, Айрин?

— Да как вы смеете! Папа... папа... — голос сорвался, и я не сдержала слезы, градом покотившиеся из глаз после напоминания о случившемся.

— Теперь он точно не захочет признать тебя. Очень показательно. Возьми себя в руки, наконец, — с заметным пренебрежением советник достал из кармана платок и сунул мне его в руки. Сквозь рыдания я издала нервный смешок, представив, как хладнокровный князь аккуратно складывает в камзол кусок ткани, надеясь успокоить какую-нибудь слабохарактерную девицу.

— Нужна еще одна пощечина? — тут же насторожился он. Я резко замотала головой.

Грасаль повернулся спиной и подошел к перилам. Крепко вцепившись в них, он произнес, постепенно приходя в себя после вспышки гнева:

— Почему ты решила, что вино отравлено?

— Я услышала мысли слуги, — тоже немного успокоившись, ответила я, хотя отчаяние все еще жалило сердце.

— Найти его сможешь?

— Да.

— Хорошо.

Меня удивило, что он даже не задался вопросом, как я вышла из комнаты, но, наверное, это просто не было первоочередной задачей. Грасаль погрузился в раздумья, полностью уйдя в себя, и на его лбу залегла глубокая складка. От напряжения он с такой силой сжал пальцы, что те побелели.

Я приложила ладонь к щеке. Она уже не болела, лишь уязвленное самолюбие оставляло кислый привкус во рту. Облизнув пересохшие губы, я тихо, но уверенно произнесла:

— Вы же маг. Неужели не нашлось другого способа привести меня в чувство?

— Этот самый действенный, — сказал Грасаль и, подумав немного, добавил: — и быстрый.

Я поджала губы, понимая, что никакое объяснение не способно притупить поселившуюся в душе обиду.

Его спокойное отношение к возможной смерти царя, которого он самолично усадил на престол, давало отчаянную надежду, что все не так просто, как кажется на первый взгляд.

— Почему вы не помешали слуге? Или вы подменили напиток?

Ну не мог князь так неосмотрительно проигнорировать мое предупреждение! Не глупец же он, в самом деле, разом лишиться того, чего добивался долгие годы?

Он повернулся ко мне лицом, сложив руки на груди.

— Теперь я вижу, что твой разум прояснился. Царь жив и здоров. Можешь вздохнуть с облегчением.

— Яд?..

— Его добавили в другой кубок, для последующего приема. Вино для церемонии я наливал собственноручно. За него могу поручиться.

От сердца сразу отлегло. Я прикрыла глаза, медленно успокаиваясь после пережитого. Мысль, что отец мог пострадать, приводила в ужас. Больше всего на свете я боялась его потерять.

— Отведыватель государя сегодня на месте?

— Как и обычно.

— Вы думаете, что на приеме он всего лишь сделает вид, что попробует вино?

— Нет, — сказал князь и с таким видом на меня посмотрел, что я поняла — сморозила величайшую глупость. — Как и полагается, сделает глоток.

— Но шайларе! — потрясенно воскликнула я.

— Отведыватели — не бродяжки с улицы, Айрин, а специально обученные люди, всю свою жизнь в малых дозах принимающие яды. Отрава в вине на Эфу не действуют.

Мне доводилось слышать, как еще называют дегустаторов при дворе, но раньше не задумывалась почему. Свой яд зачастую не губителен для змеи. Вот и отведыватели научились справляться, желая сохранить себе жизнь. В голове промелькнула страшная мысль, что «бродяжка с улицы» все-таки был бы надежнее хорошо знающего ремесло слуги. Грасаль сразу догадался, о чем я подумала.

— Эфу способен определить, что именно добавил убийца. Нередко это позволяет напасть на след.

— И может предать.

— Исключено. Дегустатор дает магическую клятву.

Я похолодела. Такие обещания могут дорого стоить. Не знала, что подобное колдовство практикуют во дворце.

— Тогда я ничего не понимаю.

— У меня есть кое-какие догадки. Я попрошу княгиню Дульбрад проверить их для меня. Пойдем, Айрин. Мы должны найти слугу.

Он зашел внутрь, и я, едва поспевая за его быстрой ходьбой, поспешила следом. Князь решительно двинулся к лестнице.

— Стойте, — резко бросила я. — Раз это я буду искать человека, то это мне следует идти впереди.

— Прошу, — скривился он.

Я абстрагировалась от вездесущего шума и, вдохнув полной грудью, принялась за дело. Поймать мысли определенного мужчины в веренице других — все равно, что найти иголку в стогу сена. И тем не менее возможно. Было бы желание. Моя жажда сделать это оказалась достаточно сильна. Полная решимости, я, не жалея себя, отдалась возложенной задаче и ценою собственных сил обрела успех.

— Туда, — моментально ослабевшим голосом произнесла я.

Советник направился в указанном направлении и спустя несколько секунд нарушил тишину.

— Знаешь, Айрин, среди людей тоже есть охотники и жертвы. Кем предпочтешь быть ты?

— Разве в этом деле есть выбор, — горько улыбнулась я, придерживаясь рукой о стену, чтобы не упасть.

— Пока человек молод, он глина. Потом его обжигает жизнь, вселяя ненависть к переменам.

— К чему вы клоните?

Он будто меня не слышал. Мне показалось, будто все звуки во вселенной разом стихли, оставив нас наедине. Даже магия диадемы ненадолго словно померкла. Опустилась звенящая тишина, отрезавшая нас незримым куполом от остального мира.

— Ну так что — охотник или жертва? — в зеленых глазах вспыхнул незнакомый доселе огонек.

По обнаженным плечам побежали мурашки. Все внутри сжалось в тугий узел, не оставляя сомнений, кто из нас двоих хищник.

— Я бы предпочла нападать, а не убегать, — с непонятным волнением ответила я.

— Тогда и води себя соответствующе.

Я задрожала, не понимая, что все это значит, но подозревая, что ничего хорошего меня не ждет. Страшное предчувствие встало комом в горле.

— Что делают с тем, кто желает причинить вред твоей семье?

Он хотел, чтобы именно я произнесла это вслух, и впился взглядом в мое лицо в ожидании ответа. В горле резко пересохло.

— Убивают, — хрипло произнесла я.

Несколько секунд Грасаль задумчиво меня разглядывал, а затем сказал:

— Протяни руки, Айрин.

В мои распахнутые ладони упало два с виду одинаковых мешочка, но один из них был заметно тяжелее другого.

— Вспомни о своих словах, когда придет время.

Глава 7

Слуга, застигнутый врасплох, захлопал белесыми ресницами, точно юная дева в первую брачную ночь. Появление советника царя явно не предвещало для него ничего хорошего, особенно на месте преступления. Я кинула короткий взгляд за его спину: кубок со злополучным вином все еще находился на месте. Мы успели вовремя. Наверное, еще немного и начнется пир.

— Ваша светлость! — нашелся юноша и торопливо поклонился князю, абсолютно игнорируя мое присутствие.

— Как тебя зовут?

— Марн, ваша светлость.

— Скажи мне, Марн, как в царстве Льен карают за измену?

Слуга резко побледнел. Его взгляд панически забегал по комнате, не зная, за что зацепиться. Все это время князь пристально разглядывал парня, что не добавляло тому уверенности.

— В-высшая мера, ваша светлость.

Дамиан Грасаль никак не отреагировал на слова Марна, и тот тихо добавил:

— Смерть.

— Кто приказал тебе отравить вино его величества? — холодно бросил князь.

Марн замешкался и зачем-то посмотрел в мою сторону, будто я могла подсказать верный ответ. Но он даже не подозревал, что на самом деле уже выдал того, кто за всем стоит. Я поразилась своей недогадливости, когда по привычке заподозрила кузена, Лирана. Он больше всех выигрывал от внезапной кончины царя. И упустила главное: монарха повсюду окружают враги. Если одни желают заполучить престол, то другие, недовольные его властью, так же неистово мечтают о мести.

Как и Гарун Калунский... Сын мятежника, чьи дни сейчас сочтены, никак не смирился с незавидной судьбой отца. У Гаруна достаточно причин травить государя. Он ненавидит его всем сердцем. Я слышала злой приказ Калунского сквозь мысли слуги: «Уничтожь его и получишь все, чего желаешь».

— Гарун Калунский, — спустя долгое время выдавил из себя Марн.

Советник вопросительно взглянул на меня, желая окончательно убедиться, что слуга не соврал. Я неохотно кивнула, понимая, что момент, о котором упоминал Дамиан Грасаль, наступил.

— Айрин, — вкрадчиво прошептал в ухо змей-искусителя, — твой выбор.

«Будешь ли ты до конца верна своим словам?» — незаданный вопрос так и остался повисшим в воздухе. Я оцепенела от страха. Советник вождедел преподать мне жестокий урок и вылепить из податливой глины некое подобие себя. Илис II сделала меня лучшим оружием, которое только смел пожелать князь. Теперь мне намеревалось стрелять лишь по его мишеням.

Пальцы судорожно нащупали мешочки. Какой мне выбрать — тяжелый, со звенящими монетами внутри или невесомый, обманывающий пальцы своей мягкостью? Кого убить — слугу или господина?

Князь мог смело обойтись без помощи незаконнорожденной дочери царя, но предпочел втянуть меня в эту авантюру. Интриги царского двора не обходятся без пролитой крови.

— Миледи? — интуитивно догадываясь, что его судьба в моих руках, взмолился Марн.

Я сделала шаг назад и покачала головой, чувствуя, как одинокая слезинка скатывается по щеке, точно первая дождевая капля из неба в преддверии грозы. От отчаяния в горле

пересохло.

— Я так не могу.

— Вышла из своих покоев в поисках приключений, не захотев быть тепличным цветком, — умеи отвечать за свои поступки, — жестко отрезал князь. — Дочери царей не проводят жизнь в забавах и празднествах, а зачастую принимают серьезные решения, которые могут стоить кому-то головы.

Слуга еще сильнее побледнел и с ужасом уставился на меня, внезапно осознав, кем я прихожусь царю.

— Помилуйте, миледи! У меня семья!

Дамиан Грасаль умел жестоко наказывать за непослушание. Но на что он рассчитывал? Я не имею права вершить судьбы людей. Мне всегда претили мысли о смерти.

«Но ведь это справедливо...» — осознала я. В глубине души развернулась безжалостная борьба совести и жажды мести. Мелькнула страшная мысль: что было бы, если б не мой дар? Переживания за отца заставили сжать кулаки от злости. Иногда ярость способна застилать глаза, толкая на чудовищные поступки. Я испугалась саму себя. Это не я. Во что превратил меня советник?

Я не сводила с него взгляда, оцепенев точно перед катящейся с горы лавины. Нервно теребя пальцами один из мешочков, я невольно задела завязки, развязав их. Шайларе просыпался тонкой струйкой из ладони, словно зачерпнутый на побережье песок. Кожа моментально зазудела от соприкосновения с ядом. Я опустила голову, остолбенело смотря под ноги. Желтоватый порошок выделялся на темном полу, как пудра на шоколадном торте.

— Знаешь, как говорят: случайностей не бывает, есть только то, что хочется так назвать.

Я ошарашенно уставилась на князя. Мне явно померещилась его забота во время пути во дворец. Сквозь зеленые человеческие глаза на меня смотрела бездна. Даже демон способен на большие чувства, чем расчетливый советник его величества. Впрочем, иные и не могут выдержать придворную жизнь.

Ничто не мешало Дамиану Грасалю самому поступить так, как нужно, но в этот раз вся черная работа легла на мои плечи. Приподняв занавес, он позволил мне заглянуть в мир лицедейства и безжалостных интриг. Ненадолго в руки протянули поводья, позволив самой поиграть в кукловода.

Охотник или жертва?

Слова какого-то слуги — не более чем клевета против аристократа, а других доказательств нет — никому не выгодно оповещать об опасных способностях незаконнорожденной дочери монарха. Нам не поверят и не решат, что род Калунских попросту решили окончательно низвергнуть. Грасаль прав, выбор давно сделан.

Губы князя дрогнули, и я увидела, как по ним расползается довольная усмешка. Он снисходительно улыбнулся, словно мудрый наставник, созерцающий успехи ученика. Стало мерзко. Я ощутила себя так, будто откусила кусок спелого и сочного яблока, с блестящими, будто натертыми воском боками, а обнаружила внутри жирного червя. Меня всю передернуло от неприятных ассоциаций.

Но ради любви можно отважиться на многое — даже потерять себя. Я долго балансировала на грани и теперь бесстрашно бросилась в пропасть. Прежняя Айрин ни за что бы не выдержала жизнь в столице. Новая — может научиться запирать сердце на ключ.

Мешочек с деньгами со звоном упал на стол. Несколько монет выпало, позволяя лицезреть портрет монарха. Профиль отца подбадривал, вселяя сил. Добрые глаза смотрели без укора, будто оправдывая отвратительный поступок.

Мы все заложники положения, в котором оказались. Только в сказках добро обязательно побеждает зло, никогда не уподобляясь врагу. В реальности же обстоит все по-другому:

главное — победа, а не средства. Нет такой справедливости, что угодила бы одинаково каждому.

Мой голос был как никогда тверд:

— Подай это вино тому, о ком шла речь, и, возможно, царь простит тебя.

— Да благословит вас Треокий, миледи! — облегченно воскликнул Марн. Я не сомневалась — он в точности исполнит приказ. Дамиан Грасаль наградил предателя таким пронзительным взглядом, что никакие угрозы не требовались.

Мы направились к выходу. Рука советника как бы невзначай легла на мою талию. Так гладят по холке собаку, идеально выполнившую команду. Но я не считала себя покорным зверем и сбросила ладонь князя, как только представилась такая возможность.

— Не думайте, что сможете превратить меня в свою копию, — резко бросила ему. От нервного возбуждения пальцы дрожали, и я сцепила их в замок, скрывая проявления чувств от Грасалья. — Сегодня я пошла у вас на поводу, но это не будет продолжаться вечно.

— Только безумец чтит смерть больше, чем жизнь, — не задетый моими словами, философски заметил он. — Я не такой кровавый тиран, как ты думаешь. Мне совершенно не доставляет удовольствия переступить грань, но, когда это требуется, я не строю из себя невинную жертву, а просто выполняю свой долг.

— Долг?! Вы уверены, что знаете значение этого слова?

В змеиных глазах сверкнул опасный огонек.

— К несчастью, побольше многих. А теперь вернись в покои и приведи себя в порядок. Сейчас самое время представить тебя ко двору.

— Вы действительно хотите, чтобы мое первое официальное появление в высшем свете состоялось во время убийства?

— Тем лучше запомнят, — хладнокровно пожал он плечами.

Я не нашлась с ответом. Его цинизм как всегда разбивал любые аргументы. Когда я уже опередила князя, чтобы направиться в свое крыло, то услышала, как мне вслед раздалось тихое:

— Празднества — это обязанность, а не удовольствие.

Мурашки побежали по обнаженным плечам. Я уже смирилась с тем, что в столице ничего не происходит просто так. Но я даже не подозревала, как сильно недооценивала истинную величину закулисных игр...

Лица стражей просто непередаваемо вытянулись. Я никогда не думала, что кто-то действительно может от удивления нараспашку разинуть рот или, подобно выброшенной на берег рыбе, выпучить так сильно глаза, что, кажется, они наружу выпадут. Если бы не подавленное состояние, я бы точно рассмеялась над растерянным видом мужчин, но сейчас лишь вяло приподняла уголки губ.

— Добрый вечер. Разрешите пройти?

Они молча отскочили, не сводя с меня потрясенных взглядов. До меня донесся легкий флер чужого страха. Дамиан Грасаль — не из тех, кто готов прощать чужие промахи. Князь держит подле себя только тех, кто достаточно полезен.

Как и следовало ожидать, прозрачная стена, запершая меня с одной стороны, спокойно пропустила с другой. Я зашла в комнату и, захлопнув дверь перед носом у потрясенных стражей, устало облокотилась на стену. Диадема лишь усугубляя нехваток сил и, пока никто не видит, я сняла ее с себя. Некоторое время простояв просто так глядя в пустоту, я вернула украшение на место и открыла створки шкафа в поисках чистого платья. В этот самый момент в дверь постучали.

— Войдите!

Я озадаченно повернулась в сторону незваного гостя и с облегчением увидела Ксану. Помощь служанки будет как раз кстати.

В этот раз голову девушки закрывал чепец, но несколько непослушных прядей все равно выбились из него, огненными языками скользя по коже. Ксана близоручко сощурилась, разглядывая меня как опытный образец. Наконец она резюмировала, разочарованно покачав головой:

— Времени слишком мало, но придется работать с тем, что есть.

Меня резанула такая бесцеремонность, но вскоре я поняла, что она сказала чистую правду: после скитаний по тайным ходам дворца я выглядела далеко не самым лучшим образом. Служанка приготовила мне ванну. Пройдя в купальную комнату, я довольно втянула носом воздух, уловив ароматы полевых трав.

— Спасибо, Ксана.

Она кивнула, но не сдвинулась с места. Я недоуменно замерла. Стеснения, чтобы раздеться перед малознакомой девушкой, я не испытывала. Наблюдая за работой лекаря в Сагассе, я повидала всякого и избавилась от боязни наготы. В конце концов Треокий создал нас всех одинаково, поместив свет души в глиняный сосуд тела.

Правда, тету... Клотильда не разделяла моего мнения. Сколько крику было, когда она раскрыла одну из одолженных у целителя книг! Наверное, ее громкие причитания потом услышали даже в царстве Льен. По крайней мере у меня заложило уши от повышенных тонов в голосе женщины. Тогда накалившаяся ситуация заставила вмешаться в дело отца, обычно доверявшего все связанное с моим образованием «сестре». К счастью для меня, он неохотно, но разрешил учиться у лекаря, пока это не мешало урокам Клотильды. Ему хватило одного взгляда на мой упрямо задранный подбородок, чтобы понять: от своего я не отступлюсь.

Но поведение служанки меня насторожило. Чего она дожидается? В ее мыслях не проскользнуло даже намек на то, что она собирается делать.

— Можешь приготовить пока платье? — миролюбиво попыталась разрешить неприятную обстановку. Молчание слишком затянулось.

Ксана нахмурилась, сведя острые, точно стрелы, брови на переносице. Я закусила губу, пытаюсь не рассмеяться. Как я могла забыть, что леди даже не в состоянии помыться без помощи прислуги? Служанку приставили ко мне, чтобы не бросить тень на короля неопрятным видом его незаконнорожденной дочери, но та чересчур ответственно подошла к заданию. Я на принадлежу к числу тех особ, что думают, будто сладкие пирожные растут на деревьях, ведь для их создания «не требуется» особого труда, и падают от усталости, сделав пару шагов в парке. Нет, я сама могу о себе позаботиться.

— Боюсь, что отдых в ванной значительно увеличит время сборов и вы опоздаете, миледи.

— Я сама помоюсь, Ксана, но буду очень признательна, если ты поможешь с остальными приготовлениями.

Она широко распахнула глаза.

— Вы уверены, миледи?

— Да, иди.

Девушка неохотно попятилась назад, явно до конца не уверенная в том, что ей не померещились мои слова. Когда за служанкой закрыла дверь, я облегченно выдохнула и, не желая терять время даром, опустила в воду.

Вскоре, посвежевшая и немного отдохнувшая, вернулась в комнату, где застала Ксану распрямляющей складки на платье необыкновенной красоты. Оно было нежного цвета, будто взбитые сливки на торте, атласное, с пышным воланом из сельмского кружева. Я

так и застыла, разглядывая наряд. Служанка тоже смотрела на него с благоговением, втайне мечтая надеть.

— Откуда? — только и смогла выдохнуть я.

— Только что для вас доставили, миледи.

На губы скользнула мягкая улыбка. Я почувствовала, как сразу потеплело в душе, словно солнце вышло из-за туч. Забота отца невероятно растрогала. Мне не терпелось увидеть его, чтобы поздравить с коронацией и поблагодарить за подарок лично.

Я быстро приложила к себе платье, любясь отражением в зеркале, и нетерпеливо избавилась от банного халата, желая поскорее облачиться в обновку. Служанка помогла справиться с корсетом, так туго затянув его, что я только подивилась, как такое возможно. Судорожно сделав вдох, убедилась, что все еще могу дышать.

Корсаж так плотно облегал тело, словно вторая кожа. Его заостренный мыс спускался на пышную юбку. Я не сдержала порыва и довольно покрутилась, наблюдая, как она колоколом кружится вокруг ног. В жизни не носила ничего подобного! Кинув взгляд на зеркало в позолоченной раме, совсем не удивилась порозовевшим от возбуждения скулам и озорному огоньку в глазах.

Служанка хотела завить локоны и так и не поняла, почему я отказалась. Мне не хотелось при ней снимать диадему. Никто не должен знать, что это возможно, даже тот, кто и не догадывается о ее возможностях.

Когда приготовления подошли к концу, Ксана сделала быстрый книксен и удалилась, а я осталась дожидаться Грасалья. Долго томиться в покоях мне не пришлось: совсем скоро князь появился.

Царский советник мазнул равнодушным взглядом по глубокому декольте, открывавшему плечи, критически оглядел мою фигуру и наконец заглянул в глаза:

— Выглядишь хорошо. Для первого выхода в свет вполне не дурно.

Его снисходительный тон что-то задел у меня в душе. Я поджала губы, почему-то уязвленная его недостаточно, по моему мнению, высокой оценкой, но все же спокойно произнесла:

— Я рада, что вы так думаете.

— Пошли, — сказал князь и даже подставил локоть. Его как всегда безукоризненные манеры лишь разозлили. Я знала: за идеальной оболочкой скрывается прогнившая душа.

Мы вышли безо всяких видимых трудностей. Я не представляла, когда Грасаль успел снять заклинание, препятствовавшее мне прежде выйти, но не решилась спросить, пока желая оставить это загадкой. Стражи тоже покинули свой пост. Теперь лишь присутствие советника рядом напоминала о моем положении.

Странно... Я так мечтала оказаться на приеме, но чем сильнее мы приближались к залу, тем быстрее возрастало волнение в душе. Я непроизвольно стала покусывать губы, внутренне дрожа перед встречей со знатью. Князь молчал, будто выстроив между нами ледяную стену и лишь нагнетая нервную обстановку. Я знала, что происходящее совершенно не приходится ему по вкусу. Я гораздо желаннее в качестве тайного оружия, а не выставленного напоказ.

Когда мы подошли к высоким дверям, тревога лишь усилилась, а ноги задрожали.

— Соберись, — тихо процедил советник, и в тот же миг в глаза ударил яркий свет. Меня едва не снесло волной обрушившегося шума. Мысли людей и их голоса смешались в единый гул, который не заглушала даже игра нааля — распространенного в царстве Льен музыкального инструмента.

— Его Светлость князь Дамиан Грасаль, лорд Семи Скал и советник Его Величества! — высокопарно объявил глашатай. — Айрин Сольн из Сагасса!

Я словно очутилась в ином мире и беспокойно огляделась вокруг, не зная, на что обратить внимание в первую очередь. Зал украшали живые цветы с широко распахнутыми венчиками, красными пятнами скользкие по стенам. Бархатные лепестки цепляли взгляд, и я не удержалась, чтобы не потрогать их рукой. Шершавая поверхность защекотала кожу, будто посыпанная сахаром, а золотистые тычинки оставили густой желтый след на подушечках пальцев. Пыльца издавала дурманяще-сладкий запах, кружащий голову своей пронзительной яркостью. С трудом оторвав взгляд от вьющихся растений, перевела взор на кружащихся в танцах людей.

С удивлением обнаружила среди них и своего отца. Его спутница, изящная леди со столь светлыми волосами, что даже пепел от пламени кажется темнее, уверенно держалась рядом с государем, не испытывая страха или смущения. Меня удивило, что и отец смотрел на нее с явным интересом. Я никогда не видела, чтобы какая-нибудь женщина так на него влияла. Раньше его не волновали никакие красавицы, и он оставался равнодушным к явному вниманию с их стороны. Заинтригованная необычным поведением Викара, я тихо спросила у князя:

— Как ее зовут?

— Шанталь, — с явной неохотой ответил Грасаль.

Прозвучавшее имя что-то всколыхнуло у меня в душе. Я задумалась, пытаюсь вспомнить, где его слышала, но в царящей суматохе это давалось не без труда. Как на зло, советник тоже больше ничего не произнес. Это лишь сильнее напрягло, заставив заподозрить неладное. Что он скрывает?

Я не успокоилась, желая выведать как можно больше, и продолжила разговор:

— Красивая.

— Опасная, — мрачно отрезал князь и повел меня в сторону.

Я нехотя отвела взгляд от очаровавшей царя незнакомки и пошла за Грасалем, все еще раздумывая, почему имя девушки показалось мне знакомым. Что-то в его звучании ненароком пробудило воспоминания о доме, и в душе немного потеплело, вызвав приятные ассоциации. Но это продолжалось недолго.

Я резко остолбенела. Осознание обрушилось на меня ледяной волной, и я инстинктивно вцепилась в руку князя, пытаюсь совладать с чувствами. Шанталь! Конечно же, я слышала это имя, ведь оно сагасское. Так звали сестру правящей королевы. Глупо предполагать, что царь пригласит на танец неровню себе.

— Его величеству нужны наследники, — заметив, как изменилось выражение моего лица, вкрадчиво сообщил очевидное Дамиан Грасаль.

Я понимала, что царь не может долго оставаться холостым, но все равно оказалась неготовой к такому быстрому развитию событий. Отец только завладел всей мощью магии Льен, наконец-то завершив коронацию, и уже обдумывает будущее.

Я повернулась, уже по-другому смотря на принцессу. Льдисто-голубые глаза тоже нашли меня в толпе, и по ее нежным губам скользнула мягкая улыбка. Я всем нутром ощутила исходящую от нее угрозу. Шанталь выглядела расслабленно и благосклонно, но при этом ее взор оставался холодным, будто чувства в душе давно разбились на осколки льда.

По коже поползли мурашки. Похоже, характеристика князя оказалась как никогда точной. Такая царица может как возвысить государя до небывалой величины, так и буквально низвергнуть, захватив поводья управления страной в свои руки. Хрупкая снаружи, но твердая, будто камень, внутри, она явно ставит холодный расчет выше слепых эмоций.

Музыка смолкла, и царь медленно опустил руки партнерши по танцу, явно не желая с ней расставаться. Шанталь изящно склонилась в реверансе. Я поймала мысли царя, и на меня резко хлынуло чужое воодушевление. Принцесса умело задела нужные струны в душе Викара, шаг за шагом все больше пленяя его сердце.

Дамиан Грасаль протянул мне тарелку с закусками. От возбуждения я не ощущала

голода, хотя давно не ела. Сперва мне показалось, будто блюдо украшено жемчужинами, но потом поняла, что это серебристо-серые икринки. Они лежали на маленьком ломтике хлеба, вырезанном в виде круга и помазанном маслом. Я опустила в рот порцию и ощутила нежный, чуть солоноватый вкус деликатеса.

— Что это?

Князь не сдержал улыбки, созерцая мое удивление.

— Белужья икра. Вкусно?

Я кивнула.

— Возьми еще.

Я последовала его совету, заглушая неприятные мысли. Но утоляя голод, подняла голову наверх и едва сдержала потрясенный возглас. Под потолком, будто призрак, зависла золотистая иллюзия, изображавшая корону, скипетр и хризолитовую шкатулку. Призванная демонстрировать чужеземцам могущество царства Льен, она оставила неизгладимое впечатление и в моей душе.

— Побудь тут. Мне нужно кое с кем поговорить, — бросил мне Грасаль, и его рука, придерживавшая меня за талию, соскользнула и исчезла.

Я непроизвольно кивнула, поглощенная чудесами, сотканными придворными магами и поджидающими гостей в самых неожиданных местах. Вот принесли очередное блюдо и приподняли крышку, а оттуда выпорхнули эфемерные бабочки, взмахивающие золотистыми, полупрозрачными крыльями. Вот из ниоткуда пронесся сокол, точно стрела пронзая воздух.

Птица облетела зал по кругу, красуясь перед гостями, и приземлилась на спинку царского трона. Снисходительно посмотрев сверху на гостей черными глазами, она пронзительно вскрикнула, привлекая к себе внимание, и принялась чистить темно-бордовые, отороченные золотистыми полосами перья. Одно из них выпало из крыла и мягко опустилось на пол, но когда кто-то попытался поднять — растворилось без следа.

— Поразительно, не правда ли?

Чужой голос резко выдернул меня из наваждения. Я невольно вздрогнула.

— Простите, не хотела вас пугать.

Это было ложью.

— Ваше высочество, — вспомнив об этикете, почтительно поклонилась я, одновременно размышляя, зачем понадобилась принцессе.

От ее дум по коже побежали мурашки, но не потому, что я испытала страх, а потому, что действительно от них замерзла. На мгновение тепло дворца будто исчезло, рассеявшись в воздухе, и я перенеслась куда-то еще, где не было уюта и ярких красок, но зато властвовали всепоглощающий холод. «Так выглядит вечность... — отрешенно подумала я, — Однажды застывший лед больше не меняется, и все остается неизменным».

— Сокол будто сошел с герба Фальксов, не правда ли? — когда Шанталь улыбалась, возле ее губ появились такие очаровательные ямочки, что несколько мужчин забылись и восхищенно уставились на принцессу, слишком надолго задержав на ней взгляд.

— Птица получилась очень красивая, ваше высочество, — аккуратно заметила я. — Маги потрудились на славу.

Ее интерес к моей персоне не обманывал. Невеста царя хотела упрочить свое положение среди знати и показать мне, как мало я стою. Шанталь укрепляла пьедестал своей власти, по которому намеревалась взойти на престол и стать царицей. Ее можно понять — она готовилась к этому всю жизнь. Невольно завидуя сестре, родившейся раньше нее, она тоже мечтала сесть на трон, и вот ей выпал невероятный шанс отправиться в страну, лежащую по ту сторону Вльнистого моря.

В предложении Викара, которое получила принцесса, было все прекрасно, кроме одного: в отличие от Сагасса, в царстве Льен жена государя не имеет права повелевать подданными на равных с супругом. Но Шанталь не слишком печалилась по этому поводу: она знала, что истинный правитель может дергать за ниточки, оставаясь в тени. К несчастью для нее, эта роль уже занята.

Но едва ли проницательная принцесса об этом не догадалась.

— Вы уже выбрали герб для себя?

Я нахмурилась, слабо понимая, куда она клонит. Шанталь давно все рассчитала и теперь постепенно, шаг за шагом, вытворяла план в жизнь. Я неожиданно оказалась одной из важных деталей, без которой все было бы гораздо сложнее.

— Простите, ваше высочество, но, честно говоря, я несколько обескуражена вашим вопросом.

— Обычно фавориткам правителей подбирают хорошую партию, чтобы бастарды получили звучный титул и завидное положение в обществе. Если же это невозможно, внебрачные дети либо обретают герб родителя с левой перевязью, либо им позволяют избрать собственный геральдический знак.

— В царстве Льен последнее касается только сыновей, ваше высочество, — сказала я, чувствуя, как приливает кровь к щекам. Конечно же, она об этом знала! И не упустила случая уколоть меня...

На лице принцессы расцвела довольная улыбка. Задев мое самолюбие, она ощутила небольшое торжество, хотя и умело это скрывала. Правда, ее воодушевило не столько ощущение превосходство над бастардой, сколько осознание того, что она все рассчитала верно.

— Законы пишутся королями. Отец любит вас. Неужели он откажет в титуле? Или... — она изобразила искреннее сочувствие, — ...Викар уже сделал это?

Я помрачнела и опустила глаза, коря себя за неумение сдерживать эмоции, когда это крайне необходимо.

— Бедняжка, мне так вас жаль! Должно быть, это ужасно постоянно чувствовать на себе косые взгляды. Эти люди вокруг даже не подозревают, что вам пришлось пережить.

— Не стоит, ваше высочество. Я привыкла, — соврала ей.

Я бы не составила конкуренции жене или детям царя даже в случае официального признания меня его дочерью. Шанталь не боялась, что я буду представлять угрозу. Для нее я никто.

— И все же вам стоило бы подумать о гербе. Всегда есть вероятность, что царь передумает. Мужчины куда более непостоянны нежели мы, женщины, хотя и корят нас за ветреность. Знаете, как говорят? В других заметнее всего то, что вызывает ненависть в себе.

— Не думаю, что это возможно, ваше высочество, — сказала я, — но обязательно последую вашему совету.

Разумеется, я слукавила, но принцесса, в отличие от меня, не умела читать чужие мысли. Я удивилась, во что вылился наш разговор, и с нетерпением ожидала финала, наконец-то выяснив истинные намерения Шанталь. Перекинув серебристо-белые волосы за плечо, она произнесла таким покровительственным тоном, словно разговаривала с младшей сестрой:

— Правильно. Если не метить на большее, то можно вечность топтаться на одном месте. Но знаете, кто быстрее всего достигнет цели?

Я покачала головой, понимая, что невеста царя и не рассчитывает услышать ответ.

— Тот, кто не идет пешком, а садится в седло.

Вот он — момент истины, то, ради чего все затевалось. Снежный буран, который я чувствовала, но не видела, усилился, подхватывая меня в воздух, чтобы ударить спиной по земле, покрытой толстой коркой льда. Предложение Шанталь, еще не высказанное вслух, дурманило разум, вызывая прогорклый привкус ядовитой опасности на губах.

— Вы родились в Сагассе, а не в Льен, — понизив голос, сладко пропела принцесса. — Всегда можно попросить о милости свою королеву.

У меня пересохло в горле. Владычица страны, в которой я появилась на свет, слыла справедливой, но не милосердной. Ее уважали и боялись. Страх вызывал дрожь в коленях и заставлял подданных падать ниц перед ее величеством, но зато за время царствования королевы Сагасс возвысился до небывалых высот. Все жили в тепле и достатке, как никогда раньше.

Мне даже не пришло в голову, что с иноземной невестой царя можно заключить выгодную сделку, но Шанталь все рассчитала еще до того, как увидела меня в толпе. Даже глупцу понятно, что просто так никому не дадут титул в Сагассе. Но если к королеве обратится ее сестра... Что же, такое вполне допустимо.

— Боюсь оскорбить ее величество подобной просьбой.

— Уверенна, королева отнесется с пониманием к вашей ситуации. Мы обе осознаем, что, если бы не один человек, ставящий многим палки в колеса, никаких затруднений бы вообще не возникло. Он имеет слишком большое влияние на царя.

Конечно, имеет. Ведь даже сейчас, когда Дамиан Грасаль в дальнем углу зала поглощенно беседует с арманьельским послом, за мной пристально наблюдают сразу несколько стражей, вышколенных князем. Отцу не вывести меня из столицы, не спрятать нигде в царстве. Где бы я ни оказалась, моя жизнь везде будет висеть на волоске, ведь шпионы советника есть по всему материку.

— Едва ли я могу ему помешать, — опустошенно ответила я, слабо понимая, что хочет извлечь Шанталь от общения со мной. Она видела во мне нечто больше, нежели я сама. Какую помощь может оказать «пешка» «королеве» на шахматной доске?

Но принцесса искренне верила, что я на что-то способна, хотя даже и не догадывалась о могуществе сапфировой диадемы, венчающей мою голову. Если бы только я могла слышать мысли Грасаля!

— Вместе мы справимся, — с нажимом произнесла Шанталь, взяв мои горячие от возбуждения руки в свои — холодные, как кубики льда, плавающие в шампанском.

Глава 8

Тревога плясала в дрожащих коленях, ледяными стрелами впивалась в спину. Я воровато оглянулась назад. Грасаль все еще беседовал с послом, совсем не обращая внимания на свою пленницу и даже не догадываясь о тайном заговоре, который начал вокруг него строиться. О разговоре с Шанталь напоминал лишь запах морозной свежести, шлейфом оставшийся витать в воздухе за ушедшей принцессой.

Я перевела дух. Шаткое перемирие с царским советником рухнет, словно карточный домик от легкого ветерка, если он узнает о творящихся за его спиной интригах. Риск будоражил, туманя разум, точно крепкое вино.

Я знала, на что шла, и знала, что грозит за непослушание князю, но это не заставило отступить. Предложение невесты царя пленяло, не оставляя выбора поступить иначе. Я хотела думать, что посещение приема может что-то изменить в отношениях со знатью, но это оказалось иначе.

Я стояла так близко к отцу и все же нас разделяла пропасть. Находясь с правителем в одном зале, я даже не могла к нему подойти и завести ни к чему необязывающий разговор, как это с легкостью делала принцесса. О направленных в мою сторону презрительных взглядах вообще стоит умолчать. Я старалась не замечать чужого шепота, щекочущего спину, неприязненно поджатых губ, смрадных мыслей и флера ехидных сплетен, окутывающего меня, как аромат стойких духов. Нет, я не видела всего этого за блеском великолепия зала и позволяла себе ослепнуть, чтобы горечь и тоска не омрачили праздник.

— Хотите поговорить?

Я вздрогнула, совсем не ожидая, что кто-то решится обратиться с вопросом, и ощутила, как буравят затылок взоры придворных, изнывающих от любопытства и зависти. Княгиня Дульбрад смотрела на меня со смесью замешательства и сочувствия, держа в руке бокал с белым вином, к которому даже не прикоснулась.

— Ваша светлость, — сделала книксен я.

Северянка задумчиво покрутила фужер в руке, наблюдая, как преломляется свет в стекающих по стенкам каплях.

— Делали вы когда-нибудь такой выбор, от которого все равно остается тяжесть на сердце, даже если знаешь, что других вариантов нет?

Извиняющийся тон голоса не загладил того, что я увидела в ее мыслях. Кто бы мог подумать, что хрупкая северянка имеет отношение к тому, как отцу достался престол! Она знала, что есть только два прецедента на трон — дядя и племянник. Презирая цесаревича, княгиня обратила внимание на Викара, хотя понимала, какая участь в этом случае будет уготована его дочери. Будет уготована мне.

— Никогда.

Ответ прозвучал слишком поспешно. Мне хотелось думать, что я не покривила душой, но семена сомнений все равно пустили корни, медленно пробуравливая путь наружу.

— Тогда вам несказанно повезло.

Она опустила глаза, пряча печаль от злопыхателей за пушистыми ресницами. На что княгиня надеется? Неужели она рассчитывает, что я ее пожалею?!

— Коронация получилась просто волшебная, не так ли? — взяв себя в руки, жизнерадостно заметила Уна.

Я внутренне похолодела, но быстро спрятала эмоции за замком и осторожно заметила:

— Полагаю, что так, ваша светлость. Я не присутствовала, когда церемония завершилась.

— Да, вы не находились непосредственно в тронном зале... Но это было так красиво! —

покачала она головой. — Как жаль, что никто, кроме меня, этого не видел.

Я не согласилась с ней, понимая, что отпираться о своем визите бессмысленно:

— Я видела свет.

— Это лишь крупица настоящего волшебства.

Княгиня Дульбрад бросила осторожный взгляд на Грасаля, стоящего в отдалении от нас, и, еще сильнее понизив голос, сказала:

— Будьте осторожны, Айрин. Я не поделилась с князем вашим секретом, но не буду отпираться, если он решит выяснить правду.

— Справедливо. Что произошло с отведывателем? Грасаль сообщил мне, что вы можете выяснить, как он нарушил клятву, ваша светлость.

— Единственный способ это сделать — значит смириться с грядущей смертью. Эфу не преступал обетов. Вероятнее всего, настоящего дегустатора убили. Его место занял человек, выглядящий в точности, как и предыдущий отведыватель. Я могу смотреть сквозь иллюзии и обнаружила подставного «эфу», наложившего морок на лицо.

Я ошарашенно уставилась на княгиню, невольно потревожившую клубок змей. Страшно представить, сколько человек замешаны в затевавшемся заговоре. Стоило мне вспомнить о преступлении, как нашла в толпе Марна. Он встретился со мной взглядом и почтительно кивнул. Слуга посмотрел куда-то вдаль, точно подавая мне знак, и исчез, растворившись в скоплении людей. Сердце кольнуло нехорошее предчувствие. Неужели пора?..

Всего минуту спустя игру нааля прервал глухой надсадный кашель.

Молодой аристократ так сильно вцепился в собственное горло, что казалось, желал его выдрать. Его глаза налились кровью, и лопающие сосуды окрасили белок в красный цвет. Вне себя от шока я вцепилась в руку княгини, и та сжала мою ладонь, тоже потрясенная увиденным. Люди оцепили пострадавшего плотным кольцом. Один закричали, другие — страшно побледнели, но никто не подошел ближе. Все словно боялись, что тень смерти может коснуться и их.

Магия способна на многое, но даже она бессильна, когда дело касается яда шайларе. Изменник, покусившийся на жизнь царя, не имел шансов спастись. К счастью, придворные даже не догадывались об истинной причине «недомогания» Гаруна Калунского.

Наконец кто-то подхватил его голову, не давая захлебнуться во рвоте, и, перекрикивая общий гомон, истошно заорал:

— Пошлите за целителем!

К моему удивлению, первым, кто отреагировал на зов, оказался Дамиан Грасаль. Он громогласно рыкнул на неторопливых слуг:

— Лекаря! Немедленно!

Только после его непосредственного приказа те отмерли от шока и выбежали из зала, спеша выполнить требуемое. Я уже забыла о присутствии рядом северянки, когда она покачала головой, тихо пробормотав:

— Чудовищные методы!

— Времена такие, княгиня, — правильно интерпретировал советник, на кого она намекала, и положил руку мне на поясницу. Она бросила на него возмущенный взгляд и поспешила скрыться, будто одно его присутствие рядом вызывало у нее внезапный приступ тошноты.

Я же словно оцепенела. Перед глазами открывалась страшная картина, но еще большие ужасы касались сознания. Страдания несчастного и его паника передались и мне. Меня

разрывало от боли, распустившейся, словно ледяной цветок, и острыми лепестками пронзающей нутро. Я ненавидела себя за то, что пошла на поводу у князя. Неужели нельзя было поступить иначе?

«Делали вы когда-нибудь такой выбор, от которого все равно остается тяжесть на сердце, даже если знаешь, что других вариантов нет?» — прозвучало в голове.

— Царевны не плачут, — произнес Грасаль, так спокойно глядя на бьющегося в конвульсиях Гаруна, будто каждый день наблюдает чужую смерть. — Вытри глаза.

Он сунул мне в руку платок и сжал мою ладонь в кулак. Я поняла, что по щекам действительно катятся горячие слезы.

— Я не царевна.

— Нет, пока не научишься вести себя как особа царской крови. На тебя смотрят, фиалка. Оценивают, делают выводы... Хочешь, чтобы затоптали, вытолкнув с шахматной доски?

— У вас нет сердца! — дрожащим голосом выдавила из себя.

— А у кого оно сейчас есть? — невозмутимо парировал князь.

Тем временем в зал вбежал замыленный лекарь и подскочил к Гаруну, извергающему из себя рвоту вперемешку с кровью. Придворные любопытно поглядывали на разворачивающееся действие, боясь испачкать дорогие наряды в нечистотах и морща носы от едкого запаха.

Но врачебная помощь запоздала: изменник закатил глаза и, захрипев, испустил дух.

— Мертв! — обреченно сообщил лекарь, поправляя скатившиеся на переносице очки.

— Какой кошмар! Ужасно! Как же ужасно! — слышалось ото всюду, но я знала, что это сочувствие притворное. Никто не жалел Гаруна, мстившего за отца. Все радовались, что несчастье обошло их стороной. Даже я скорее испытывала омерзение к самой себе, нежели горевала по погибшему. От этого становилось еще противнее.

Своя семья превыше всего.

— Бедный молодой человек! Так долго страдал и наконец-то отмучился!

Я наострила уши, ошарашенно слушая ложь целителя. Не стоило сомневаться, кто заплатил ему за лукавство. Тем не менее знать жаждала впитать новую сплетню и с удовольствием внимала подробности, расспрашивая лекаря, будто бы нехотя отвечающего на вопросы.

Но все же не все были готовы охотно вкусить приготовленную «утку». Многие не поверили, что пышущий здоровьем Калунский внезапно скончался из-за старого недуга. Непроизнесенное слово кружило по залу вместе с тошнотворной вонью — яд.

— Как?! Такой молодой?

— Некоторые болезни очень коварны. Помогите! Его надо унести.

Я перевела взгляд на Дамиана Грасаля, раздающего приказы подданным. Тело Гаруна вынесли из зала, и сноровистые слуги быстро подчистили пол. Больше ничего не напоминало о случившемся, кроме заторможенных мыслей придворных, словно очнувшихся из глубокого сна. Как ни в чем ни бывало заиграл нааль, и все снова начали веселиться, быстро забыв об умершем, будто он и не появлялся во дворце.

Я же не могла так быстро прийти в себя и в иступлении глядела перед собой, то ли все еще находясь в шоке после пережитых эмоций, то ли больше поражаясь спокойствию окружающих.

— Потанцуем?

Покачала головой.

— Даже не просите.

— Это был не вопрос.

Дамиан Грасаль повел меня в сторону расслабленно прохлаждающихся пар. Дамы игриво обмахивались веерами, пряча лукавый блеск в глазах, их кавалеры с не меньшим удовольствием практиковались в остротах.

Без особого желания я позволила себя вести в танце, тоскливо смотря по сторонам. Тайные мечты о счастливой жизни в столице в один миг рассыпались прахом. Чужое равнодушие ранило в самое сердце. Никто из присутствующих на торжестве не знал о преступлении, на которое пошел Гарун, но это ничего не изменило.

— Фиалка наконец-то столкнулась с реальностью?

Несмотря на ехидный тон, глаза князя немного потеплели, будто зелень на солнце, и мне даже показалось, что где-то в них промелькнуло сочувствие. Или это очередное нелепое заблуждение?

— Нехорошо начинать правление с публичной казни.

— На самом деле трон принадлежит царю с того момента, как на него надевают корону. Клятвы, произнесенные на завершающем этапе церемонии, созданы лишь для того, чтобы передать магическую силу.

— Вторая часть коронации — не такая уж формальность, какой вы хотите ее выставить, — не согласилась с князем, вспомнив, каким тяжким преступлением считается по закону убийство помазанного правителя. За такое обычно расплачивается не только сам изменник, но и весь его род. — Вы не беспокоитесь, что невеста Викара испугается оставаться во дворце после случившегося?

— Шанталь? — насмешливо фыркнул Грасаль. — Ты, право, шутишь. Вспомни о том, как по слухам озолотились плотники, когда на трон Сагасса взошла ее сестра.

Хотя это произошло не так давно, я плохо помнила о тех событиях, но, крепко задумавшись, поняла, что советник прав. В народе тогда действительно говорили, как решительно настроена новая королева — в столице даже стали сооружать новые плахи и виселицы. Ее сестра — тоже явно не тепличный цветочек. Царицей Льен не станет хрупкая девушка, боящаяся крови и смерти. Но может быть, это и к лучшему? Кто еще способен выдержать и придворную жизнь?

Я кинула взгляд на отца. Он величественно сидел на троне, словно созданный для того, чтобы его занимать. Даже не верилось, что он так долго притворялся обычным человеком. Где-то в глубине души ощетинилась неприятная мысль, что Викар не так уж сильно отличается от принцессы, как я думала. Возможно, я совсем не знала его?

Отец встретился со мной глазами, и его суровый взгляд могущественного правителя смягчился. Во время нашей встречи он сказал, что меня представят после завершения коронации, но еще тогда мне не потребовалось никаких усилий, чтобы понять — это ложь. Под одним и тем же словом мы подразумевали слишком разные вещи. Я просто хотела, чтобы он прилюдно назвал меня дочерью, а не общался, как с незнакомкой. А папа... Папа свято верил, что сможет уберечь свою плоть и кровь от придворных интриг. Как же он ошибался! Я — ядро всех заговоров и проблем.

Стол рядом с царем ломился от яств, и слуги быстро наполняли тарелки и бокалы, стоило хоть немного из них пригубить. Возле его величества не оставляли пустой посуды. Считается, что в этот день еда и напитки должны в достаточной мере окружать монарха, чтобы привлечь процветание в страну. Поэтому и первый кубок для государя принесли уже полный, а не налили вино непосредственно в зале. Крайне удобные обстоятельства, чтобы воспользоваться ядом. Но, если подумать, может быть, эта традиция — последняя проверка для новоиспеченного государя?

Танец ускорился. Я отвернулась от отца и без особого желания перевела взгляд на князя. Дамиан Грасаль приподнял уголки губ, наблюдая за сменой эмоций на моем лице. Показалось, будто мы остались в зале одни. Нас то притягивало друг к другу, точно пару магнитов, то отбрасывало прочь, словно сносимых волной.

За легким прикосновением пальцев следовал разворот. Юбка колоколом закружилась вокруг ног. Я подняла глаза, и меня снова затянуло в зеленый омут. Все повторялось, и вот я уже снова отступала назад, будто избегая советника...

Пронзительная игра нааля лишь накаливала повисшее между нами напряжение. Музыка всколыхала в душе противоречивые чувства. Я ощутила, что раскраснелась из-за быстрого танца и переживаний. Душа была натянута как тугая струна.

На нас смотрели. Смотрели исподлобья и прямо, ничуть не стесняясь своего любопытства. Хотя в кулуарах дворца уже давно обсудили внебрачную дочь царя, я все равно оказалась в центре внимания. Близкое знакомство с советником лишь добавляло пикантности в мой образ.

— Так о чем ты разговаривала с Шанталь?

Рука Дамиана Грасалья, облаченная в белую перчатку, как раз коснулась моей, предательски дрогнувшей после его слов. Пальцы князя понимающе погладили мою ладонь, вселяя обманчивое спокойствие. Я постаралась, чтобы мой голос звучал как можно непринужденнее:

— Она хотела познакомиться с дочерью будущего мужа.

— Осторожнее, фиалка.

Мы закружились, но взгляд князя все равно не отпускал меня, вызывая дрожь во всем теле. Я забыла о шуме посторонних мыслей, о принцессе с ее опасной сделкой, об отце, старательно прячущем страх за единственную дочь, и растворилась в волнующей мелодии. Меня и князя словно связывала тонкая нить, не позволявшая разорвать зрительный контакт, что бы нас ни отвлекало.

Наконец музыканты убрали руки от наалей, и партнеры по танцу поклонились друг другу, благодаря за проведенное время. Я тоже сделала книксен, учтиво кивнув Грасалью, хотя меньше всего желала быть с ним вежливой. Князю явно казалось, что он нашел на меня управу, но даже прирученные животные иногда кусаются, чего уж говорить о людях. Шквал эмоций в душе порою может толкнуть на самые безумные поступки.

Я выровняла дыхание и сказала:

— Я потанцевала с вами. Теперь могу идти?

— Можешь, — процедил князь, и его глаза, показавшиеся мне до этого по-летнему теплыми, теперь стали напоминать холодное урановое стекло, добытое из серебряных рудников Сагасса.

Страж, одетый в парадную белую форму, отошел от места у стены, где лениво наблюдал за празднеством все это время, и, мгновенно среагировав, последовал за мной, будто шарнирная кукла в руках ребенка. Взгляд советника, скрестившего руки на груди, прожигал дыры. Я выпрямила спину, не показывая, что его действия имеют какой-то эффект, но на самом деле чувства бурлили в душе. Вздурораженная после дня, полного неприятных открытий, я чувствовала себя точно уличный актер, балансирующий на висящем в воздухе тросе.

Когда за спиной захлопнулась дверь, отрезая мир сверкающих огней и громкой музыки, стало немного спокойнее. Дамиан Грасаль — жестокий манипулятор, не думающий ни о ком, кроме себя. Об этом никогда нельзя забывать и не допускать мысли, что князь способен на сочувствие.

Я бросила взгляд назад, убедившись, что «тюремщик» все еще следует за мной по пятам. Страж застыл с каменным лицом, не проявляя даже признаков эмоций, и сдвинулся с места, только когда я пошла. Дойдя до своей комнаты, не отказала себе в удовольствии грубо хлопнуть перед ним дверью. Я знала, что бедный мужчина ни в чем не виноват, но злость на советника застилала глаза, мешая трезво мыслить.

Я шумно выдохнула и ненадолго сняла с головы диадему, давившую на виски. Без ее привычной тяжести ощущала себя незащищенной. Синие камни призывно блестели, точно

упрашивая вернуть их на место. Услышав стук в дверь, я так и поступила и быстро поправила волосы.

— Заходите!

В комнату вошла Ксана.

— Я пришла помочь вам подготовиться ко сну, миледи.

Я поняла, что служанка появилась очень кстати. Платье, надетое на мне, было таким же красивым, как и неудобным. Сама я бы точно не смогла расшнуровать тугой корсет, но Ксана ловко это сделала.

Наконец я осталась в спальне одна и села на кровать, массируя гудящие ноги. Глаза закрывались от усталости, и я боролась с зевотой, бросая тоскливые взгляды на гобелен. Может, отец захочет меня увидеть?

Я залезла с ногами на постель и уставилась в пустоту, не в силах забыть лицо Гаруна, встретившегося со смертью. Странно видеть, как дух покидает тело. Не верилось, что Калунский уже никогда не сможет заговорить, прогуляться, потанцевать да или просто, как я, сидеть, разглядывая притаившуюся за окном полную луну.

Ее серебристый свет проникал через стекло, проливаясь густой краской на комнату. Наблюдая за тем, как он падает, я обнаружила на трюмо незнакомый предмет. Удивленно подошла ближе и поднесла его к окну, разглядывая новшество. Это оказался клош на золотистой подставке, в котором заточили темно-синюю фиалку с крупными бархатистыми лепестками. Она цвела, не источая запаха, запертая в своей тюрьме. В отличие от меня, растению из нее самостоятельно не выбраться.

Я прикоснулась к стеклянной поверхности и увидела, как возле моих пальцев разошлись кругами золотистые искры. Не стоило проявлять чудес эрудиции, чтобы догадаться, кто оставил цветок — только один человек снисходительно называл меня «фиалкой».

Хрупкое растение могло жить вечно в заточении, подпитываясь магией и не увядая. Вот только и вырасти оно тоже не могло — этому препятствовало заклинание. Стекланный потолок лишал всякой надежды на хороший исход.

Нельзя придумать подарка лучше.

Глава 9

— Миледи!

Я перевернулась на бок, не разлепляя глаз.

— Миледи, проснитесь!

Нехотя подняла веки, в полусне слабо понимая, кому понадобилось меня будить. Ксана виновато потупилась, наткнувшись на раздраженный взгляд, и запричитала:

— Советник обещал скоро прийти. Вам нужно привести себя в порядок. Срочно! Он сказал, что не намерен ждать.

Я откинулась назад на подушки, точно обещая кровати скоро вернуться, и прикрыла глаза, сладко позевывая. Грасаль может и подождать. В конце концов, что за срочное дело потребовало поднимать меня с утра пораньше?!

— Миледи!

— Встаю, — пробормотала я, проникаясь жалостью к служанке. Если разозлю князя, его гнев прольется и на ни в чем не повинную девушку.

Ксана нетерпеливо притоптывала ногой, подгоняя меня и размышляя, как сократить время сборов до минимума. Страшась грандиозных планов служанки, испуганно на нее покосилась. Энтузиазм девушки пугал. Мне вдруг показалось, что я могу не выжить в этой битве за драгоценные секунды.

Ксана поправила чепец и убрала выбившуюся прядь, что маятник, раскачивавшуюся перед глазами. Я вдруг заметила, как плохо она выглядит: кожа отливала голубоватой белизной, а лоб покрывала блестящая испарина. Покашляв в кулак, служанка кинула на меня укоризненный взгляд, но я не торопилась с походом в ванную комнату, беспокоясь за ее самочувствие. Борьба с недугом тяжело ей давалась, но Ксана не позволяла болезни одержать над собой верх.

— У тебя же жар! Почему ты не отпросилась у управляющего?

— Ничего серьезного, миледи! — почему-то испугалась она. — Это всего лишь легкое недомогание. Вот увидите, к вечеру мне уже станет лучше!

— Ты же обращалась к лекарю? Я немного смыслю в травах и тоже могу помочь.

— Миледи, уверяю, не нужно беспокоиться. Время на исходе. Прошу, давайте поторопимся.

Она посмотрела на меня с надеждой, что мы закроем неприятную тему и займемся сборами.

— Хорошо, — поддавшись на уговоры, вздохнула я и тут же со всей строгостью пригрозила: — Но ты сегодня же наведишь целителя! Я проверю.

Служанка грустно кивнула, вроде бы соглашаясь со мной, но ее мысли свидетельствовали об обратном. Я недовольно закусила губу, понимая, что пока не в состоянии изменить ее пренебрежительное отношение к собственному здоровью. Решено! Вечером же обязательно выясню, появилась ли за день Ксана у лекаря.

Я направилась в ванную, проигнорировав желание служанки помочь мне привести себя в порядок. Хотя управилась довольно быстро, за дверью все равно вскоре раздалось ворчливое:

— Миледи!

Да что же это такое! Чем же так напугал ее Грасаль, раз она так боится его задержать?.. К сожалению, ответ на этот вопрос я так и не узнала из дум Ксаны, все мысли которой занимала лишь жажда побыстрее расправиться с работой.

Я мысленно взмолилась богине, прося ее оставить меня живой после напора служанки, и вышла в спальню. Ксана решительно принялась за дело. Меня одели, точно фарфоровую куклу: быстро, как чулок, натянули простое платье и зашнуровали обычный, без всяких изысков корсет. Все возмущенные возгласы служанка пропускала мимо ушей, не обращая внимания, что причиняет боль.

Когда я уже сидела на табурете возле трюмо, опустошенно смотря на себя в зеркало, появился Грасаль. Ксана еще сильнее увеличила темп. Я невольно вскрикнула и вырвала из рук служанки расческу, которой она нещадно драла мои волосы.

— Можно я сама?

Ксана кинула растерянный взгляд на князя, собираясь с духом, чтобы услышать выговор, но тот не обращал на нее никого внимания. Дамиан Грасаль смотрел исключительно на меня. Его пытливый взор будто натолкнулся на нечто такое, что не приходило ему в голову раньше.

— Выйди.

Служанка так быстро сделала книксен, что я подивилась, как только не запуталась в юбках. Облегчение в душе девушки граничило со страхом, что советник передумает и все-таки ее отчитает. Но она даже не догадывалась — на самом деле князь собирается пристыдить меня.

— Ты совершенно не умеешь общаться со слугами.

— Разве для этого требуется особенный навык? — ухмыльнулась я, но Грасаль не разделил моего веселья.

— Ты много знаешь, но не умна. Учителя не могут донести того, уроки чего преподает жизнь.

— Почему вы мне это говорите?

Отсутствие интереса в моем голосе ничуть не поколебало его желания продолжить разговор.

— Чтобы ты начала следить за тем, как себя ведешь, что говоришь и думаешь. С прислугой нельзя общаться на равных. Она по определению ниже по статусу. Не проси — приказывай. Никаких «пожалуйста» и «извините».

— Вы не правы. Они такие же люди, как и мы с вами.

— Они никогда не будут такими, как мы. Челядь глупа и пустологова. Заставить слуг работать можно лишь, как ленивых ослов, — хворостиной.

— Ваши слова омерзительны, — процедила я. — Попробуйте пообщаться с окружающими людьми по-человечески и удивитесь результату.

— Спасибо за пожелание, фиалка, — холодно улыбнулся Грасаль, — но должность советника уже занята.

Я невольно перевела взгляд на цветок, закованный в стеклянный клош. Заметив, что привлекло мое внимание, князь коротко поинтересовался:

— Нравится?

— Да, спасибо.

— Тогда пойдем. Дело действительно не терпит отлагательств.

Я положила щетку для волос в сторону и вышла из комнаты. Князь закрыл за мной дверь и в своей привычной манере направился быстрым шагом по коридору, не интересуясь, поспеваю ли я за ним. Запыхавшись, поняла, что теряю терпение. Советник столь виртуозно размышлял о жизненном опыте, но при этом так и не выучился на ошибках. Приключения в лесу совершенно не изменили его пренебрежительное отношение ко мне.

Я замерла, гадая, сколько времени пройдет прежде чем Грасаль поймет, что я отстала. Но князь заметил мое отсутствие практически мгновенно. Окатив меня ледяным взглядом, советник прорычал:

— Айрин!

— Хотите, чтобы я шла с вами рядом, ступайте медленнее! — огрызнулась в ответ я.

— Лучше бы ты с прислугой так смело общалась.

Злоба Грасаля на удивление быстро иссякла, и он даже спокойно дождался, пока я, пыхтя, выровняюсь с ним рядом.

— Постоянно забываю, какая ты... хрупкая.

Я запнулась и едва не упала, услышав это некое подобие извинения с его стороны. Почему-то стало неловко, и щеки опалило жаром смущения, что мне удалось пробить толстый панцирь, защищающий чувства князя от вторжений. Я не нашлась с ответом и, сгорая от стыда, сменила тему разговора:

— Куда мы идем?

На лицо Грасаля вернулась прежняя непроницаемая маска. Не желая раскрывать всех своих секретов, он непоколебимо отрезал:

— В одно место.

Меня удивило, что на нашем пути практически не появлялось людей. Единичные слуги шли, низко опустив голову, даже не поднимая глаз от пола. Придворные и вовсе не заглядывали в эти тихие уголки, лишённые помпезной роскоши и шика. Только Дамиан Грасаль не чувствовал себя лишним, уверенно передвигаясь по отдаленным частям дворца. Впрочем дорога до столицы научила меня, что князь не выглядит лишённым лоска, даже будучи покрытым грязью и пылью.

Спустя время Грасаль открыл с виду неприглядную дверь и жестом велел мне зайти. Я подчинилась и с удивлением оглядела маленькую темную коморку, в которой даже не было окон. Слабо понимая, зачем меня сюда привели, я кинула вопросительный взгляд на советника. Он зажег свет и произнес:

— Жди здесь.

— К чему тогда спешка, раз вы все равно оставляете меня одну?

Он свел брови на переносице, хмуро сверля меня взглядом. По непроницаемому лицу князя не могла догадаться, о чем он думает. Грасаль ничего не делает просто так. Что же им движет?

— Я не готов сейчас обсуждать с тобой планы. Скоро сама все поймешь. Сядь на кушетку и выполни требуемое.

В комнатке действительно стоял крохотный диванчик, удивительным образом помещающийся между стен. Я с сомнением покосилась на старую зеленую обивку, покрытую узорами в виде золотистых лилий. Касаться пропахшей пылью ткани не очень хотелось.

— Неужели не нашлось места получше?

— Меньше вопросов, Айрин, — сказал князь, захлопывая дверь.

Послышался звук защелкивающегося замка. В душе вспыхнуло яростное возмущение, и из горла само собой вырвалось:

— Вы в своем уме?! Выпустите!

Я не сдержалась и сильно ударила по дереву, не испугавшись даже боли в начавшей саднить руке. Я знала, что Грасаль в своем праве. В конце концов он может делать все, что хочет со своей заложницей, и мне стоит поблагодарить богиню, что со мной все еще

хорошо обращаются. Но от этого не становилось легче.

— Выпустите! Дамиан!

Шаги князя, глухо прозвучавшие снаружи, говорили о том, что он остался равнодушным к моим мольбам. Черствую душу советника не тронут крики о помощи. Наверное, он даже ребенка из горящего дома не вытащит, если не испытает уверенности, что сможет извлечь пользу из этой в будущем.

Я с ненавистью посмотрела на кушетку, видимо пережившую несколько правителей царства Льен. Обивка потрескалась и протерлась, отливая нетипичной желтизной. Мерзкие пятна расплзались по старой ткани, заставляя брезгливо поморщиться. Пол и тот не так отталкивал, чтобы сесть. Я решила, что ни за что не последую совету Грасаля и не сяду на диван.

Светильники едва справлялись со тьмой, и несмотря на них в комнате все равно стоял полумрак. Я заходила по кругу, меряя шагами комнату (пять!) и размышляя, сколько мне придется ждать князя, не думающего ни о ком, кроме себя. Но вскоре ответ нашелся сам собой. Советник и не собирался куда-то меня вести, потому что я уже пришла туда, куда требовалось.

Каменная стена — не преграда для того, кто наделен даром чтения мыслей. Как только смежное помещение наполнилось людьми, их думы вихрем ворвались в мою голову. «Слушай, Айрин, — как будто прозвучал в голове женский голос, — и запоминай!»

По коже поползли мурашки. Высшая знать еще не покинула столицу, и места в малом совете царя еще не заняли вместо князей их представители. До меня доносились размышления четырех глав древних родов царства Льен. Я подозревала, что Дамиан Грасаль тоже находился в круглом зале, но его помыслы, как и обычно, закрывала плотная завеса, не позволяя их различить.

Исконно в царстве Льен всегда насчитывалось семь князей, чьи рода когда-то возвысились над остальной знатью. Семь обширных провинций, семь великих замков. Считалось, что сам Треокий указал на места, где их следует воздвигнуть.

Но сейчас в совете два места оставались свободными. Во времена смуты один княжеский род полностью истребили, за исключением княжны, той самой зрячей Уны, которая вышла замуж за князя Дульбрад. В царстве Льен женщины не наделены правом наследовать. Я не знала, позволят ли ее сыну возглавить сразу два княжества. Я подозревала, что Дамиан Грасаль припас это место для кого-нибудь еще.

Второе же свободное кресло когда-то принадлежало семье изменника, но после поступка его сына, Гаруна, пошедшего по стопам отца, я сомневалась, что мой тюремщик допустит нахождение других Калунских в совете.

Сейчас там заседали уже знакомые мне по коронации князя: Милош Дульбрад, Вемур Нерстед, Ино Ристрих и Канор Сельм-Рамст. Последним в круглый зал зашел отец, его величество Викар Фалькс.

Бордовый исконно считался цветом «моего» рода. Сквозь глаза присутствующих я разглядела изображение золотооперенного сокола, красующегося на мантии правителя. Птица широко расставила крылья, сделавшись похожей на серп, и точно готовилась резко спикировать и поймать дичь.

Зреть. Слышать. Повелевать. Защищать. Искать истину.

Девиз Фальксов, уже бесчисленное количество лет занимающих престол, был вышит на древнем наречии возле символа рода. Догадка быстрокрылым сапсаном пронеслась в голове. А что если в этих словах есть иной, тайный смысл, не посещавший меня раньше? Что если «слышать» — не значит различать звуки ушами? Тогда можно предположить, что и в остальных частях изречения тоже зашифровано нечто интересное...

Сапфировая диадема немного загудела на голове. Камни завибрировали, ощутив близость монарха. Любопытно, а его артефакты тоже чувствуют, что я рядом? В мыслях Викара ничего не выдавало подобного. Видимо, он даже не подозревает, что его отделяет от дочери всего лишь каменная стена.

При появлении царя все стали со своих мест и поклонились. В моей голове сама собой возникла клятва присяги. К сожалению, это — только слова, не наделенные никакой магической силой. После осознания этого неловкого факта в душе появился неприятный осадок.

Но почему отведыватели дают настоящее обещание, которому нельзя не следовать, а могущественные аристократы — нет, несмотря на исходящую от них опасность?! Никто не застрахован от предательства. Даже монархи. Особенно монархи. Страх за отца привычно всколыхнулся в душе, и я судорожно вздохнула, пытаюсь собраться. Ради папы я должна оставаться сильной. По крайней мере, благодаря Илис II, у меня появился козырь, который может помочь в этом деле.

Тем временем сквозь мысли заседающих мужчин я узнала ужасную новость. Досаждавший все это время кузен, не погнушавшийся даже отправить своих людей убить меня, когда я ехала во дворец, предпринял очередную попытку борьбы против Викара. В этот раз Лирана Фалькса ждал успех. Ему удалось захватить один из северных замков, Вижский град. Кажется, права на владение им сыном Уны улетучились, еще не успев появиться...

Я оперлась рукой о стену, взбудоражено подслушивая разговор князей через их мысли.

«Откуда у Лирана деньги? Его армия появилась будто из ниоткуда».

«Арманьела?»

«Вряд ли. У наших южных соседей у самих сейчас голова идет кругом. Таких сумм у них просто нет».

«Сагасс?»

На некоторое время повисло молчание. Смятение князей ошарашивало. Я не ждала угрозы от страны, в которой выросла. До сих пор непривычно осознавать, что мои корни на самом деле происходят из другого государства.

«Об этом не может быть и речи, — резко вставил отец. — Сагасс всегда меня поддерживал. К тому же, скоро я женюсь на принцессе. Ее приезд в царство Льен — лучшее доказательство мирных намерений королевы».

Хотя я и согласилась с ним, князья не ощущали подобной уверенности. Тем не менее большинство из них не рискнуло высказаться вслух. Когда князь Нерстед заговорил, его голос показался всем оглушающим в установившейся тишине.

«Поступки королевы Сагассы зачастую не поддаются никакой логике».

«Не соглашусь. Она точно знает, чего хочет, иначе бы все еще не занимала трон», — отрезал Дульбрад.

«Вы правы. Но ее стратегия поведения зачастую выглядит непредсказуемой ровно до тех пор, пока не приведет к цели. Что-то мне подсказывает, что и беспорядки в Арманьеле начались не просто так. Однажды я общался с ее величеством. Королева хитра и... умна. Опасное сочетание».

Позиция Нерстеда вызвала невольное уважение у присутствующих, но царь не пожелал его слушать, с вождением, слепящим глаза, вспоминая общение с Шанталь на балу.

«Принцесса здесь. Королева не станет жертвовать сестрой. Я ценю ваше мнение, князь Нерстед, но в этот раз вы явно заблуждаетесь».

Тот не стал спорить и сдержанно кивнул. Владения князя простирались на крайнем севере, и ситуация с Вижским градом не могла его не взволновать. Теперь предстояло думать, как преодолеть посланные богами невзгоды.

Дамиан Грасаль молчал, но внимательно слушал обсуждение. Я поразились тому, как по-разному люди воспринимают одного и того же человека. У отца все связанное с лордом Семи Скал вызывало стойкое раздражение, а палитра чувств князей простиралась от сильного презрения до ярого восхищения. В зависимости от этого даже внешность

царского советника коррелировала для каждого по-своему: у кого-то резкие черты лица князя ассоциировались со стервятником, питающимся падалью, а кто-то видел в этом проявление его хищной натуры.

Я невольно задумалась, как сама смотрю на Грасаля. В моем видении советника тоже явно не обошлось без предвзятости... Я отбросила бесполезные размышления прочь, снова погружаясь в происходящее в смежной комнате.

Тем временем в круглом зале поднялось обсуждение, как лучше отразить атаку цесаревича. У меня пошла кругом голова от обилия новых терминов. Если прозвучавшие сначала непонятные слова я еще запомнила, надеясь потом узнать значения из словаря, то после потеряла им счет и окончательно запуталась в планах государя. Ясно было одно: после полного завершения коронации моего отца Лирана называли не иначе, чем изменником.

Едва ли закрепившееся за кузеном прозвище «Красный Сокол» останется с ним надолго. Любовь народа скоротечна и быстро проходит. Его признание легко завоюет новый герой, принесший стране больше пользы. Кровавые завоевания никак не способствуют усилению авторитета.

Когда заседание совета подошло к концу, ноги уже подкашивались от усталости. Я уставилась на дверь в ожидании появления Грасаля. Вскоре в замочную скважину засунули ключ и раздался характерный щелчок. Дверь открылась.

На пороге появился князь. Я сложила руки на груди, молча сверля его взглядом.

— И как тебе разговор? — невозмутимо поинтересовался он, будто не сделал ничего из ряда вон выходящего.

Я наивно захлопала глазами, смиренно потирая ладони.

— О чем вы?

— Айрин! — зарычал Грасаль. — Веди себя подобающе. Ты не уличная актриса, чтобы изображать здесь цирк.

— Ммм... Дайте подумать. Вы заперли меня в этой... с позволения сказать, камере, не сказав ни слова, что я должна что-то слушать, а теперь удивляетесь, как это я не могу ничего сообщить?

— Не делай вид, что глупее, чем есть. Это не красит ни одну женщину, как бы ни судачили в кулуарах.

— Я просто хочу сказать, что не обязана помогать. Если вы хотите чего-то — стоит попросить, а не отдавать приказы.

— Ты ошибаешься, фиалка, — глаза князя стали холоднее травы под снегом. — Все в царстве Льен находится под моим контролем. Стоит мне пожелать и твое пребывание во дворце превратится в огненную бездну. Пожалуй, начну с того, что переселю тебя в другие покои...

— О чем вы? — вздрогнула я.

— Думаешь, я не знаю, как ты очутилась в тронном зале посреди коронации?

Я до последнего не хотела сознаваться в найденной лазейке. Если Берегиня милует, князь намекал на нечто далекое от истины. Пожалуйста, Богиня. Помогите.

— И как же?

Нет...

— Ход у подножия горы, вышитой на гобелене в твоей комнате, гораздо протяженнее, чем может показаться на первый взгляд.

— Как давно вы узнали? — мой голос опустился до шепота.

— С самого начала.

Это известие огорошило. Я вскинула голову, всматриваясь в суровое лицо князя. Его губы были плотно сомкнуты, демонстрируя недобрый настрой, даже темная щетина выглядела более колючей, чем обычно.

Взбудораженные мысли разлетались в разные стороны, погружая в вязкое смятение. Поступок советника казался полной глупостью. Я не понимала, чего он добивался. Совершенно не понимала, и это незнание изводило меня гораздо сильнее страшного известия. К плохому чувствовала себя готовой, а вот к хорошему — нет. Не привыкла ожидать милости от жестокого князя.

— Тогда почему вы выбрали именно эти покои?

— Понимал, что только так ты сможешь по-настоящему повидаться с отцом.

— Значит, царь знал, куда меня поселят?

— Разумеется, нет. Он не вмешивался. Вот только я не учел твою жажду к приключениям. В сети тайных ходов дворца можно так заплутать, что уже никто не найдет. В отличие от других, у Викара есть карта. А вот ты... — он сделал многозначительную паузу. — Дуреха, ты Айрин.

Такое просторечное выражение заставило меня удивленно расширить глаза. Я так не ожидала услышать нечто подобное от такого сноба, как Грасаль, что на некоторое время просто лишилась дара речи. Но князь сполна воспользовался моментом и решил добить:

— Но теперь это все неважно. Ты переезжаешь. Следующую аудиенцию с царем придется заслужить. Я не терплю, когда мне не подчиняются, Айри-ин.

Я почувствовала, как из-под ног уходит земля и схватилась за стену, пытаясь удержать равновесие. С презрением посмотрев прямо в спокойные глаза советника, с жаром воскликнула:

— Ненавижу вас!

— Ничего нового, — совершенно не задетый моим пренебрежением, попытался уязвить князь. — Я думаю, теперь ты согласишься на сотрудничество.

В голове появился образ светловолосой Шанталь, мягко берущей мои руки в свои. Теперь я окончательно убедилась, как важно сотрудничать с принцессой. Если одолеть Дамиана Грасаля можно, лишь вступив в опасную игру, что же, я готова.

Я хмуро посмотрела на князя, даже не догадывающегося, что он добился совершенно противоположного эффекта, чем ожидал. Он не мог подозревать, что своим грубым решением просто толкнул меня в руки будущей царицы Льен.

Я опустила ресницы, скрывая опасный огонек в глазах, и покорно сказала, переборов свою гордость:

— Надеюсь, больше вас не разочарую.

— Другое дело, — смягчился князь. — Так что ты услышала?

И я рассказала. Рассказала все... или почти все.

Глава 10

Непробиваемая броня Дамиана Грасаля оказалась гораздо хрупче, чем он хотел показать. Теперь я знала, что у него тоже есть чувства.

— Берегиня, да он все-таки живой человек, а не мраморная статуя! — ухмыльнулась я, водя пальцем по стеклянной тюрьме хрупкой фиалки.

Но все-таки милость князя имела свои границы: меня-таки пересилили в другие покои. На голых стенах не висело ни гобеленов с вытканными на них пейзажами, ни обычных полотен кистей придворных живописцев. Местный интерьер не украшала даже какая-нибудь крохотная миниатюра в золоченой раме. Это не помешало мне первым делом обойти комнату по кругу и с затаенной надеждой ударить по преграде в поиске пустот. Тщетно! Никаких лазеек нет — отсюда не выбраться, ...

Я потерла лицо от усталости, пытаюсь прийти в себя. В дверь постучали. Ксана едва стояла на ногах. Все перед ее глазами качалось, когда она делала книксен. Я подхватила служанку под руки и усадила на стул, пренебрегнув вялым сопротивлением с ее стороны.

— До чего ты себя довела! Так и не появилась у лекаря?

Она помотала головой.

— Но... почему? Ты же так плохо себя чувствуешь!

Ксана смешалась. Ее щеки опалил румянец стыда.

— Услуги целителя слишком дороги, миледи. Я скоро приду в себя, не беспокойтесь. Никогда не болела подолгу.

Я тихо выругалась сквозь зубы, позволив выражениям, когда-то подслушанным в сагасской провинции, вылететь из рта. Глаза служанки удивленно расширились. Будто не веря, что бранные слова ей не померещились, она приоткрыла рот и таким же шепотом произнесла:

— М-миледи!

Возмущение заиграло в душе, пролившись горячей лавой из жерла вулкана. Мне не верилось, что блеск золотого — цена чей-то жизни. Я жила в твердой уверенности, что придворный лекарь должен помогать всем жителям дворца без исключения. Вот только в царстве Льен не принято считать прислугу за людей...

Жар накаляло и еще то, что в думах служанки пронеслись образы других заболевших. Возможно, в столице начиналась эпидемия, и никто (никто!) не делал ничего, чтобы это предотвратить. Я ударила кулаком по стене, тщетно надеясь совладать с гневом.

— Раздевайся! — прорычала я.

— М-миледи! — потрясенно воскликнула она и подскочила со стула.

— Раздевайся.

Более спокойный тон моего голоса не произвел на Ксану должного впечатления, и она лишь дальше отпрянула в сторону.

— Миледи! Я не из... этих.

Я всплеснула руками и совсем невоспитанно закатила глаза, окончательно решив сегодня отпраздновать День Без Этикета. Пожалуй, надо намекнуть отцу, что было бы хорошо иногда праздновать его по всей стране... Может быть, и жизнь в царстве Льен тогда заиграет новыми красками?

Впрочем, ирония совсем не помогла мне обуздать ярость. Ничто не имело возможности с ней совладать. Я медленно выдохнула и прикрыла глаза. Мой взбудораженный вид и бешеный взгляд лишь пугали служанку. Хочешь с кем-то нормальной поговорить —

начни с себя.

— Ксана, светлые пятна на коже — один из явных признаков болезни, о которой я думаю. Я долго училась у лекаря в Сагассе. Поверь мне, знаю, о чем говорю.

Я не лукавила. «Белый мор» — заболевание, которое даже врагу не пожелаешь. Хотя нет... Я все-таки в достаточной мере злилась на лекаря, отказавшегося принимать у себя прислугу, чтобы мстительно пометчать о справедливом возмездии.

Недуг начинался как обычная простуда: поднималась температура, горло раздирало от едкой боли, горящими стрелами погружающейся в плоть, но затем... на коже появлялись пятна. Сначала совсем крохотные, не вызывающие беспокойства, они разрастались до колоссальных размеров и, постепенно выступая, принимали вид непонятных образований. В книгах, так и оставшихся в доме Клотильды, говорилось, что в конце конечности больного крошатся как мел, пока не просыпаются трухой. Если вовремя не принять меры, Ксану и тех, кому не повезло так же, как и ей, будет ждать незавидная судьба.

Хорошо, что я уловила подсказку из мыслей служанки. Боялась думать, что бы с ней произошло, не вспомни, как разглядывала утром себя в зеркале. Выслушав мои сбивчивые объяснения, Ксана без колебаний разделась.

— Может быть, это не «белый мор», миледи?

Она отчаянно храбрилась, несмотря на страх, бьющий по грудной клетке. Название болезни не прозвучало для нее как пустой звук. Служанка слышала о ней из страшных рассказов матери, ставшей в детстве свидетельницей ужасного мора. Тогда лекари знали лишь единственное средство борьбы с болезнью — истребление несчастных, которых она сразила. Но времена меняются, и сейчас есть и иные способы одолеть недуг. Я сжала кулаки, понимая, что придворному целителю и всем его коллегам в Мауроне лучше не показываться мне на глаза.

Маленькие белые пятна солнечными зайчиками опоясывали спину девушки. Я взяла чистую палочку и коснулась их, с неудовольствием обнаружив мягкий порошок на ее конце. Болезнь стремительно прогрессировала, что пугало меня до дрожи в коленях. Здесь одними травами не обойдешься. К сожалению, боги подарили мне ментальный артефакт, но совершенно не наделили способностями к лекарству. Одна я совершенно бессильна.

— Демоны!

— Миледи?

— В бездну формальности, Ксана! Зови меня по имени.

— Простите, ми...

— Айрин, — надела я. — Я не аристократка.

— Но лорд Семи Ска...

— Грасаля здесь нет, — прервала ее я. — Хотя ему бы не мешало взглянуть, что позволяет себе придворный целитель! Сожалею, но это действительно «белый мор», Ксана.

Она еще сильнее побледнела и схватилась за стену, не в силах больше стоять на ногах. По лицу служанки заскользили горькие слезы, резко хлынувшие из глаз после моих безжалостных слов. Она с отчаянием схватила меня за руки и приблизилась вплотную к моему лицу:

— Айрин, молю! У меня ребенок....

Миловидные черты девушки исказил ужас. С ее головы соскочил чепец, обнажив беспокойно подрагивающие рыжие завитушки волос. Ксану трясло от лихорадки и охватившей душу паники. Страх застилал ей глаза. В голове служанки все помутнело и покрылось дымкой испуга. Лишь только в мыслях стояло имя. Имя ее маленького сына.

— Сделаю все, что смогу!

Огня моей решительности хватило бы, чтобы сковать меч. Мне казалось, жизнь в царстве Льен наладилась, но в красивую оболочку завернули давнюю конфету, испорченную и закаменевшую от времени.

— Жди здесь!

Я круто развернулась и направилась к двери. Выход караулили уже печально знакомые стражи. Плохо. Я досадливо прикусила губу, прекрасно осознавая — прошлая неудача не даст им пойти на уступку. Что же делать?

— Пожалуйста, позовите Грасаля!

— Советник велел его не беспокоить.

Заученная фраза у уст княжеского прихвостня заставила заскрежетать зубами от злости. Я едва сдерживала гнев, борясь с собой, чтобы в чувствах не ударить по закрывавшей проход пленке. Ярость нашептывала в уши, подавляя осмотрительность и заставляя поддаваться эмоциям. Мне нельзя оставаться в заточении.

— Пожалуйста, это очень важно!

— Не велено, — со злорадством процедил страж.

— Ксана, подойди сюда...

Служанка робко приблизилась, искоса наблюдая за невозмутимыми людьми князя. В уме Ксаны пронеслась паническая мысль, что я заставлю ее снова раздеться и продемонстрировать характерные мерзкие пятна страшными метками, простирающиеся по телу. Но это все было бесполезно: хладнокровных мужчин ничто не трогало. Грасаль выбрал их себе под стать.

— Посмотрите, она еле держится! Ксана одна из множества заболевших «белым мором». Мне нужно как можно скорее увидеться с Грасалем, пока не стало слишком поздно.

Страж подозрительно уставился на служанку, выискивая белые отметины на обнаженных участках кожи, и, не найдя ничего, что вызвало бы беспокойство, заметно успокоился. Мне не поверили.

— Спите спокойно, миледи. С прислугой все в порядке.

В этот самый момент Ксана тяжело закашлялась, опровергая только что сказанное, и едва справилась с возникшей тошнотой. Сделать спокойный вдох ей удалось далеко не сразу. С трудом выровняв дыхание, служанка обессиленно села на стул и выпила залпом стакан воды, абсолютно не веря, что мне удастся достичь успеха. Она давно привыкла к тому, что люди вокруг не способны на сочувствие и думают лишь о себе, но я не собиралась мириться с такой несправедливостью.

Стражи упорно делали вид, что глухи и слепы, загнав совесть в дальний угол сознания и не обращая внимания на страдания какой-то служанки. Холодное безразличие заточило их сердца в клетки, выковав прочные прутья из лицемерия.

Право, не мешай прозрачная заслонка — и я бы даже вцепилась мужчинам в горло. Безумно хотелось вылить на кого-нибудь свое возмущение, но пока это было невозможно. Не готовая признавать поражение, я подошла настолько близко к завесе, насколько это позволила ненавистная магия, и с чувством воскликнула:

— Вы меня не услышали? Я должна немедленно поговорить с князем! В столице эпидемия опасной болезни, и я... Я одна из заболевших.

Ксана невольно охнула за моей спиной, в смятении не разбирая, правда это или ложь. Страж ехидно усмехнулся, в отличие от наивной девушки не затрудняясь с верным ответом.

— Его светлость предупреждал, что вы можете притворяться. Он слишком занят, чтобы

тратить время на бессмысленные встречи. В Мауроне нет больных. Вы заблуждаетесь.

— Есть, — со внезапным спокойствием ответила я, понимая, что никакие пятна на коже служанки не смогут убедить толстолобых здоровяков, даже если их продемонстрировать во всей красе. Стражи слишком ограничены узким миром приказов и строгих требований, чтобы мне поверить.

Это на приступы Ксаны закрывали глаза, не видя, как она сгибается пополам от кашля и почти что бредящая от жара выполняет свой долг. Если заболею я, это вызовет нужный резонанс. Придворному магу ничего не стоит избавиться от «белого мора». Он достаточно силен, чтобы поделить крупными силами с дочерью царя. Я даже не успею ощутить недомогания, как с болезнью будет покончено.

Издrevле так повелось, что, если требуется жертва — нужно предложить себя. Я взяла палочку, испачканную в белом порошке, и царапнула кожу, не сводя глаз с недоумевающей стражи. Им придется отвечать перед государем, почему они не выпустили меня из комнаты и не поверили словам. Видимо, что-то промелькнуло в моих глазах, отчего мужчины мигом посерьезнели:

— М-миледи?

— Первые признаки недуга появятся через час. Вы сможете убедиться, что я не врала, а пока... подумайте, что скажете князю. Насколько, по-вашему, будет силен его гнев, когда он узнает, что произошло?

Они побледнели, почему-то даже без веских доказательств решив, что я не блефую. Ксана потрясенно застыла, не мигая наблюдая за разворачивающейся сценой. Ее тело парализовал шок, лишив возможности двигаться и говорить. Стражи переглянулись, и один из них молча покинул пост, растворившись во мрачном коридоре.

Я захлопнула дверь и провела рукой по лбу, стирая пот. Придя в себя от резкого звука, служанка подскочила с места и запричитала:

— Миледи, что же вы натворили?! Как же так... Что же теперь будет?

— Ксана, я же просила...

— По имени, да, — кивнула Ксана и с грустью добавила: — Но боюсь, это наша последняя встреча.

Я поняла, что она готовится услышать от князя об увольнении. Такой поворот судьбы пугал служанку до дрожи в коленях, страшил, может быть, даже больше смертельной болезни. Мысль о судьбе сына невольно наводила ужас. Как скоро удастся найти другой заработок? Или... они будут голодать, побираясь в подворотнях. Я вздрогнула от страшных картин, промелькнувших в голове у девушки и несомненно имевших место раньше.

— Не бойся. Ты не лишишься своего места при дворе. Я позабочусь об этом.

Ксана грустно улыбнулась.

— У вас горячее сердце, но сострадание в царстве Льен не в почете.

Невероятно... Ей, больной девушке, вот-вот готовой остаться без крыши над головой, жаль дочь самого царя. Это глубоко тронуло меня, и я едва сдержала выступившие на глаза слезы.

— Поверьте, я знаю, о чем говорю. Жизнь в высшем свете либо ломает, либо превращает в камень. Они все... не способны на чувства. Но вы другая и не сможете стать такой же черствой.

Ксана даже не ведала, как глубоко заблуждалась. Перед глазами возник образ ехидно усмехающегося Гаруна Калунского. Та же Шанталь явно не мучается угрызениями совести. Если бы не жажда власти принцессы и Грасаля, превратившая их в непримиримых врагов, они смогли бы хорошо поладить.

Стоило вспомнить о князе, как он тут же появился, не заставив себя долго ждать. Зеленые глаза просто полыхали от бешенства. Я невольно сделала шаг назад, борясь с постыдным желанием спрятаться от него за дверь ванной.

— Айрин, что происходит? Почему меня отвлекают от дел, говоря, что ты якобы заразилась «белым мором»?

— Раз вы все-таки пришли сюда, значит, слово «якобы» лишнее.

— Сейчас не время для острот!

— Не могу не согласиться. Вы заперли меня, лишив возможности даже увидеться с целителем.

— Одно твоё слово, и он пришел бы сам! — прорычал советник, не совладав с эмоциями. — Объясни мне наконец, что происходит. Выглядишь вполне недурно. С чего ты взяла, что заболела? И почему именно «белым мором»?

Дверь открылась, впуская взволнованного лекаря, до которого наконец-то достигли известия о моем плохом самочувствии. Глядя на его взъерошенные волосы сразу становилось ясно, как он торопился выслужаться перед царем, помогая бастарде.

— Безумно рада вас видеть! — не скрывая опасного блеска в глазах, воскликнула я.

— Айрин?

Я проигнорировала возглас Дамиана Грасаля, довольно потирая руки перед общением с целителем. Продажная натура врачевателя уже в достаточной мере проявила себя после коронации отца, но теперь я в полной мере убедилась, какова его истинная природа.

— Миледи, — поклонился он. — Мне доложили о вашем недуге. Нам стоит немедленно приступить к лечению. Прошу всех выйти!

Советник нахмурился, с сомнением наблюдая за разворачивающимся действием, Впрочем не вмешиваясь в него, и не сдвинулся с места. Ксана же, напротив, направилась к двери, хотя приказ лекаря касался ее в меньшей степени. После произошедшего она чувствовала неприятный осадок, тяжелым камнем повисший в душе. Горькая вина оставляла неприятный привкус оскомины во рту.

— Остайся!

Она развернулась и недоверчиво посмотрела в мою сторону, вопросительно сведя брови на переносице.

— Остайся, тебе нужна помощь побольше моего.

— Кажется, теперь я понимаю, что здесь произошло, — проворчал князь. — Ты сумасшедшая, Айрин. Надеюсь, ты не ошиблась с диагнозом и не заразилась чем-нибудь гораздо более серьезным.

Гнев Грасаля растворился практически без следа, улетучившись в неизвестном направлении, и теперь в его тоне ощущались лишь должная строгость и обеспокоенность возникшей ситуацией.

— Как говорил лекарь, чьи уроки я брала, сейчас лечат все, кроме больной головы.

— Не могу с этим не согласиться.

Я не успела ответить на это едкое замечание, как в разговор вмешался целитель, окинувший нас озадаченным взглядом.

— Миледи? Прошу прощения за прерванную беседу, но что здесь происходит?

Тяжелый взгляд заставил его невольно поежиться и испытать сильное желание отступить назад. Выражение моего лица не сулило ничего хорошего.

— Я и моя служанка, как и многие люди в столице, не получившие должной

медицинской помощи, больны «белым мором».

— Почему вы не доложили управляющему о дурном самочувствии? — разозлился целитель на Ксану, сжавшуюся в комок после его слов. Легко сделать крайнего того, кто не способен дать достойный ответ, и невообразимо сложно признать собственные ошибки.

— Я... Я...

— Вас должны немедленно отстранить от дел!

— Простите, — опустила она глаза.

— Ксана может и дальше заниматься своими обязанностями, когда вы ее вылечите, — холодно произнесла я.

— Я слежу за здоровьем придворных, но не прислуги, миледи.

— В таком случае вам стоит покинуть комнату, ведь среди аристократии нет больных. Я тоже простолюдинка, как и моя служанка.

Та пораженно охнула, не сдержав эмоций. Ей не верилось, что я так в открытую заявила о своем происхождении. Лекарь, застигнутый врасплох моими дерзкими словами, перевел взгляд на князя. Губы Дамиана Грасаля тронула легкая полуулыбка.

— Хорошо придумано, Айрин.

— Благодарю за столь лестную оценку.

— Но чего ты добиваешься? У казны недостаточно денег, чтобы оплатить услуги целителя такого высокого уровня для челяди.

— Лечение «белого мора» не требует много сил, с ним справится любой недоучка, но несвоевременное вмешательство может стоить человеческих жизней. В столице эпидемия, князь. Я поражена, как допустили подобное.

— Не преувеличивай, Айрин. Болезнь вспыхнула лишь на неделе, всех оповестили, как только это произошло. Большинство, оплативших услуги лекарей, недуг обошел стороной. Основная масса заболевших — бедняки и пьяницы. Их дни и так сочтены. Таких количеств больных, о которых ты говоришь, попросту нет. А служанка уже бы вылечилась, обратись вовремя к целителю и отпросись на несколько дней домой.

— Так вы знали! Это еще хуже...

— Непростительная ошибка с моей стороны.

— Хорошо, что вы это поняли!

— Я лишь сказал то, что ты хотела услышать.

— С ваших слов все так просто, князь. Но вы забываете одно: у Ксаны нет достаточно монет для лечения!

— Царству Льен не хватит золота, чтобы воплотить в жизнь твои прихоти, Айрин. Сейчас достаточно хлопот, помимо благотворительности. Ты забыла о захвате Вижского града?

— Мои прихоти?!

— Не стоит раздавать советы там, где ничего не понимаешь.

— Вы ошибаетесь, — с трудом совладав с гневом, произнесла я. — В Сагассе платят ту же подать, но там не творится подобного безобразия.

— Ты лично пересчитывала монеты в сокровищнице ее величества? — хмыкнул князь.

— Ваша ирония неуместна.

— Царство Льен только пытается оправиться от смуты и затянувшейся войны, когда как в стране, о которой ты говоришь, все спокойно уже долгое время. Чужеземцев может беспокоить лишь скука.

— Процветание Сагасса — личная заслуга королевы. В отличие от вас, она хорошо осознает, что народ, весь народ, — оплот власти монарха.

— Ты ищешь в моих словах злой умысел, но его нет, — поморщился Дамиан Грасаль. — Эпидемия в царстве Льен подавлена на корню, большинство людей уже получило необходимую помощь, и болезнь не сможет распространиться. Твоя служанка, — не без осуждения добавил князь, — лишь взывает к напрасной жалости.

— Но это происходит, князь, — отчаянно произнесла я, пытаюсь достучаться до его сострадания, как мне казалось, погребенному глубоко в душе. — Прямо сейчас, за роскошью этих стен прячутся люди, оказавшееся недостаточно состоятельными, чтобы избавиться от страданий. Но вас не волнует, что происходит... с сором, вас заботит только чистая кровь.

— Ты ошибаешься. Я не жесток, а практичен. Нет нужды в пустых обвинениях, долгие разглагольствования о морали не спасут человеческие жизни. Если у тебя есть предложения — просто говори.

Я ожидала увидеть привычную ехидную ухмылку на губах, но советник был серьезен как никогда, давая мне редкий шанс все исправить. Я знала, что есть только единственная возможность изменить шаткое положение в государстве и в то же время доказать князю, что чего-то стою, что я не просто пустышка, дерзко разглагольствующая о благе. Переведя дух, поделилась своими мыслями с Грасалем:

— Думаю, все-таки можно обратиться к опыту Сагасса. У меня есть несколько идей... — прочистив горло, сообщила я. — В царстве Льен только лекари, прошедшее полное обучение, имеют право лечить людей, когда в стране, в которой я родилась, помощники целителей работают наравне с наставниками, получая умения на практике.

— За бесценок? — нахмурился князь.

— Как правило, либо за небольшое вознаграждение. Хороший опыт — лучший учитель.

— Цена таким экспериментам — человеческие жизни, Айрин.

— Вы же сами говорили, что бедняки вас не заботят.

— Это риск. Мы не знаем, к чему приведет подобное решение. Лечить «белый мор» с твоих слов довольно просто, но ты не наделена магией и не знаешь этого наверняка.

— Ваша светлость, простите, что вмешиваюсь, — вклинился в беседу опостывший целитель, — но только грамотный врачеватель способен полностью устранить болезнь!

Мои слова явно задели его за живое. Мужчина побагровел от гнева, хотя и не смел высказать претензии в лицо. Я улыбнулась. Как мелко... Он боялся совсем не тех последствий, которые повлечет мое предложение. Лекаря возмущала сама мысль о том, что кто-то, не приложивший столько труда для получения царской грамоты, как он, будет работать на равных условиях с признанными мастерами.

Я смирив целителя насмешливым взглядом и невозмутимо продолжила:

— Очевидно, что с приходом «белого мора» обычной поддержки не хватает. Нужно искать иные варианты помощи заболевшим.

— Я подумаю над твоими словами, Айрин. Пока обещать большего не могу.

Мне пришлось опустить голову, чтобы скрыть улыбку. Я одержала маленькую, но все-таки победу — князь услышал мои слова.

Мауруна пахла хуже давно не убранного хлева. Я зажала нос рукой, чтобы не вдыхать кислого запаха испражнений и поев, выливаемых прямо в городской сток. В бедных районах столицы совсем не церемонились, избавляясь от грязи, и в воздухе всюду

ощущалась стойкая вонь.

— Не передумала? — спросил Дамиан Грасаль. Несмотря на высказанное сомнение, в его тоне не промелькнуло страха или слабости. Князь передал власть в мои руки и теперь наблюдал со стороны, к чему это приведет.

Я помотала головой.

— Нет.

Конечно, Ксана не жила в настолько плохом месте, но в ее мыслях все еще оставались свежими неприятные воспоминания из прошлого, когда служба во дворце грезилась лишь в мечтах. Худший квартал — лучший показатель того, насколько «белый мор» крепко пустил корни в столице.

Запущенность вокруг метко стреляла, пуская ядовитые стрелы и попадая точно в сердце, и раздирала его от вины за роскошь, окружающую при дворе. Нищие, умоляющие о подающих, голодные дети с широко распахнутыми глазами, женщины, продающие тело за кусок черствого хлеба... Не верилось, что все это долгое время находилось под носом.

— Смотри, куда прешь, потаскуха!

Невольно прижалась поближе к Грасалю, испытывая животный страх перед прохожим с дико горящими глазами. Он задел меня плечом, быстро исчезая в толпе. Подобных ему людей с ярко выраженной внешностью лихачей в этом районе встречалось с избытком. Кто-то смирялся со своей судьбой, а кто-то вырывал желаемое с боем. Бездна надежд превращает людей в обезумевших чудовищ.

— Держись рядом, — с явным беспокойством сказал князь, приобнимая меня за плечи. Его глаза блуждали по толпе, выискивая возможные угрозы, несмотря на фигуры стражей, следующих за нами по пятам. После стычки на улице советник отдал людям приказ, и они оцепили нас в кольцо, но его рука все равно не сдвинулась с места.

— Может быть, это лишнее?

Я кивнула на охрану и прикусила язык. Лишиться защиты совсем не хотелось, но я боялась, что лишнее подчеркивание нашего статуса только еще больше усугубляло ситуацию. Не нужно было читать чужих мыслей, чтобы ощутить жгучую ненависть, пляшущую вокруг нас, как языки пламени на горящих сучьях. Люди исподлобья разглядывали чужаков, не скрывая злобы и презрения. Золото в кошельках делало нас грязнее самого неопрятного голяка.

— Не сегодня, — отрезал Грасаль, и я облегченно выдохнула, что он решил это за меня.

Толпа становилась все плотнее, люди толкались, пробираясь куда-то в сторону. Я проникла в думы мужчины, стоящего поблизости к месту главного действия, и потрясенно охнула, поняв, что наши планы могут и подождать. Здесь затевалось нечто серьезное, с чем нам не помешало бы столкнуться. Как же вовремя я предложила посетить район бедняков!

— Вы должны это увидеть!

— Что произошло, Айрин?

Теперь заметила, что на площади совсем не случайно присутствовало немало заболевших. «Белый мор» оставлял уродливые отметины на коже, и, как их ни пытались прятать, они все равно цепляли взгляд. Светлые пятна трескались и шелушились, просыпаясь мелким порошком на землю и оставляя меловые полосы на одежде, словно по ней провели куском известняка.

— Нам нужно туда пройти! — перебивая шум, воскликнула я.

Князь кивнул, продираясь сквозь толпу. Чем дальше мы шли, тем больше она сгущалась, пока наконец мы не оказались возле лавки торговца. Вереница людей, жаждущих получить помощь, завистливо смотрела на счастливых, покидающих площадь с покупками. Всем хотелось побыстрее пройти через заветную дверь.

— Эй, куда прешь!

— Да ты глаза разуй — она из этих! Проблем хочешь?

— Внимите совету, господин, — процедил Дамиан Грасаль мужчине, возмущившемуся, что я попыталась пройти внутрь, не постояв в очереди. Тот побледнел, внезапно поняв, с кем столкнулся. Конечно, бедняки не знали князя в лицо, но все в его внешности говорило о высоком происхождении.

— Простите, м-леди.

Мы зашли в лавку. По ней деловито ходил полноватый мужичок с маленькими пороссячьими глазками и лысиной на макушке, следя, как помощницы с широкими улыбками вручают товары покупателям. На деревянных полках лежали маленькие белые шарики, которые активно приобретали посетители. Я провела в голове подсчеты. Гранулы стояли достаточно дешево, чтобы даже самые бедные слои населения могли найти средства их приобрести, но, учитывая количество желающих... Предприимчивый хозяин неприлично разбогатеет, когда эпидемия «белого мора» пойдет на спад.

— Прекрасная леди нуждается в помощи? — мигом активизировался он. — Можете не сомневаться, после сегодняшнего дня вы забудете о болезнях!

— Что вы продаете? — насторожился князь, оглядывая царящий вокруг ажиотаж.

— О, это новейшая разработка! Гомеомагия. Оставьте волнения о побочных эффектах после лечения у обычных целителей, недомоганиях после заклинаний и плохом обращении с пациентами вопреки высокой стоимости приемов! Гомеомагия решит все ваши проблемы. Один этот шарик — и вы забудете о «белом море» навсегда!

Грасаль недоверчиво поморщился. Заметив скептицизм на лице гостя, хозяин снова заучено воскликнул:

— Сила гомеомагии основана на природных потоках энергии. В отличие от традиционных заклинаний, она не нарушает естественной гармонии вокруг и поэтому не причиняет никакого вреда.

— Каков механизм работы вашего лекарства? — сказал Грасаль, взвешивая белый комочек в руке.

— О, все очень просто! — радостно воскликнул лавочник, мысленно протирая руки перед сделкой с богатым посетителем. — Гомеомагический шарик заряжается магией выздоровления во время обычной процедуры лечения «белого мора». Он впитывает ровно столько силы, сколько нужно, и этого достаточно для быстрого выздоровления других больных.

— То есть он просто лежит в той же комнате? Тогда почему же вы не предлагаете съесть заболевшим... Скажем, обычное яблоко?

Мужчина замялся.

— О, эти яблоки в наши дни... Их ведь тоже выращивают не без вмешательства могущественной магии. Даже обычные фрукты уже не натуральны! Препарат поглощает достаточно силы, а не хаотичные всплески. Гомеомагия предельно мягко воздействует на организм.

Грамотная речь доморощенного врачевателя выдавала хорошее образование, хотя его высказывания не имели никакого отношения к правде. Я поняла, что и он сам не верил в то, что говорил, уверенности его словам придавал лишь вес утяжеляющегося кошелька.

Грасаль бросил на стол монету, покотившуюся к рукам стоящей за прилавком девушки, и опустил один из шариков в рот.

— Сахар? — едва слышно спросила я.

— Да.

Внимательный лавочник не пропустил наши тихие перешептывания и привычно прокомментировал:

— «Подобное — к подобному», — вот главный постулат гомеоматии. Препарат бел как и порошок, просыпающийся с кожи заболевших мором.

— Детям, наверное, нравится, — задумчиво сказала я, глядя как довольная мать, закупившаяся в лавке, уводит дочь, половину щеки которой закрывает уродливое белесое пятно. Едва ли эта девочка пробовала в своей жизни сладкое... Сахар — чужеземный деликатес, и даже на столах аристократов он редкость. Я сама впервые ощутила его вкус на царском застолье.

— Миледи, прошу, давайте пройдем поближе к стойке. Моя помощница расскажет вам, как правильно употреблять снадобье.

Речь «добродушного» хозяина прервал звон колокольчиков на входе, оповестивший о появлении нового посетителя. На этот раз внутрь зашел не очередной страждущий расстаться с последними медяками. Намерения нового гостя совершенно отличались от стремлений остальных людей, оказавшихся в лавке.

Он распахнул дверь нараспашку и тут же театрально упал на колени перед ловким хозяином, бесконечно причитая:

— Милейший! Милейший, я так вам благодарен!

Посетитель моментально завладел вниманием публики. Его мягкий голос звучал убедительно и громко, точно нашептывая в уши свою волю. Никто не посмел отвести взора от мужчины, все заворуженно разглядывали необычного гостя. Его светлые глаза, глубоко посаженные, но от того не менее цепляющие взгляд своей живостью, отражали всю полноту чувств человека, чудесно излечившегося от смертельной болезни. Горожане, даже те, что стояли на улице, притихли, с интересом ловя каждое его слово.

— Вы меня спасли! Вы спасли мою жизнь!

Польщенный хозяин покачал головой, позволяя лицезреть румянец на полных скулах.

— Ну что же вы! Пожалуйста, встаньте!

За смущением в голосе пряталась плохо скрываемая гордость.

— Признаться, я до последнего не верил, что ваше снадобье поможет... Как же корю теперь себя за эти спесивые мысли!

— Полноте! Вы не первый, кто засомневался в силе действия гомеоматии, но та постоянно доказывает, что настоящие чудеса окружают нас повсеместно, — скромность лавочника не могла не вызвать волну симпатии среди наблюдающих за произошедшим людей, но я брезгливо поморщилась, точно зная, сколь сильно прогнило его нутро.

— Анка, ну та, что рыбой торгует, — раздался за моей спиной громкий шепот, — говорит, что лишь благодаря снадобьям из этой лавки ее младшие дети не заболели, когда захворавший зять в доме побывал.

— А что с ним самим-то? — столь же тихо, но различимо для остальных посетителей послышалось в ответ.

— Да жив он. Анка вовремя сюда привела.

И без того жаждущий купить чудодейственное средство народ еще сильнее оживился. Разговор двух женщин, так кстати поставивший точку в разыгранном представлении, увеличил ажиотаж. Сладостный вкус, не знакомый обычным горьким лекарским снадобьям, доступность, дух соперничества, велящий заполучить желаемое раньше остальных, толкали людей расстаться с последними медяками, чтобы легко, просто и навсегда, по их мнению, избавиться от заразы.

Я кинула взгляд на Грасаля. По насмешливому взгляду князя сразу становилась понятно, что разыгранная сценка, так воодушевившая всех, не произвела на него

должного впечатления. Она могла поразить невежественных людей, но не лорда Семи Скал и не меня. Я уж точно знала, что на самом деле творилось в душе актеров.

— Пойдем, Айрин, — бросил Грасаль и направился к выходу. Его решительная походка давала понять, что он это так просто не оставит, и сладкая во всех смыслах жизнь лавочника скоро подойдет к концу.

Глава 11

Тучи сгущались над столицей, пряча яркую синеву за шапками темных облаков. Люди недовольно поглядывали на небо, строя в голове догадки, когда прольется дождь, но не торопились покинуть площадь, жажда побывать в заветной лавке.

— Откуда у них сахар? — спросила я у князя, как только мы вышли наружу. Этот вопрос волновал меня все то время, пока мы общались с торговцем, но его мысли умалчивали ответ. Ясно было одно — заморский деликатес явно обошелся хозяину парадоксально дешево, чтобы продавать беднякам.

— Нам предстоит это выяснить. Мне интересно, сколько еще таких лавок в столице.

— Вы думаете, она не одна?

— Даже не сомневаюсь в этом. Тяжелые времена подошли к концу, но их тень все еще нависает над царством Льен. Казна пуста. Я делаю все, что могу, но этого недостаточно. Каждый сейчас думает о личном благе, пренебрегая другими. Уверен, что за лавочником стоит человек, решивший нажиться на чужом горе.

Грянул гром. Резкий звук, похожий на удар молота, заставил меня вздрогнуть. Я хмуро посмотрела на небо, понимая, что скорее всего сейчас придется отправиться назад во дворец, не завершив начатое до конца.

— Ты была права, — признал Грасаль, устало протирая лицо. — Заболевших гораздо больше, чем мне доложили. Кому-то крайне выгодно, чтобы началась эпидемия, и этот кто-то явно не последний человек в царстве. Момент выбран удачно. Внимание обращено на захваченный Вижский град, и борьба с Лираном Фальксом отбирает все силы. Мы ослаблены как никогда.

Первые дождевые капли пролились на землю, оставляя темные пятна на камне. Лето, пришедшее за холодной весной, практически не баловало нас теплом. Вода попадала на метки, оставленные болезнью на коже людей, размачивала пятна и стекала белыми полосами вниз, оставляя на отрепанной одежде следы, похожие на не до конца смытое при стирке мыло.

Страшно представить, на какие подлые поступки толкает жажда наживы. Даже царский советник не подозревал, во что выльется чужая жадность. Впрочем, я не обманывалась: борьба с цесаревичем волновала князя гораздо больше пострадавших бедняков.

Мы сели в экипаж, и я сразу же задернула штору, чтобы не мучить себя страшными картинками. Свет проникал внутрь через крохотную щель, рассеиваясь на тонкие, как лепестки у астры, лучи.

— Люди не пойдут к лекарю, пока эту лавку не закроют, — внезапно осознала я. — Слепая вера лишает не только зрения, но и слуха. Пока она ведет человека, он не замечает ничего вокруг и видит лишь то, что сам хочет.

— Не пройдет и дня после ее исчезновения, как вместо знакомого нам лавочника придут другие. Уверен, в этот раз они будут продавать товар куда осторожнее.

— Но как же от них избавиться, если они будут плодиться как крысы?

— Есть много вариантов, Айрин, — понимающе улыбнулся советник, — что-то должно увенчаться успехом.

В тесной кабине экипажа мы сидели так близко, что невольно касались друг друга. Воздух накалился от напряжения. Я не знала куда деть руки и сцепила их в замок, ощущая покалывание в кончиках пальцев. Гроза будоражила и лишила покоя, вселяя в голову самые нелепые мысли. Например, как ту, что князь слишком долго не отводит взгляда от моих губ...

— Айрин?

Я встряхнулась.

— Давно хотела спросить. Тогда... Помните? Вы дали мне два мешочка. Всегда носите с собой яд?

— Нужно быть готовым ко всему.

Столь спокойное признание вызвало холодок, пробежавший по спине.

— Не стоит задавать вопрос, если не желаешь услышать ответ.

— Напротив... — рассеянно сказала я, разглядывая свои чуть подрагивающие от волнения колени. — Иногда это даже полезно.

Дамиан Грасаль прочистил горло и произнес:

— Это самый бедный район столицы, в других несомненно дела идут лучше. Но лечение «белого мора», как я выяснил, требует много сил, хотя и не слишком сложно. Помощники целителей, которых ты надеялась привлечь, не справятся в одиночку. Не все готовы за медяки тратить магию.

— А услуги их наставников по-прежнему слишком дороги?

— Именно.

— Разве мы не можем... заставить излечить больных? — с трудом выговорила я. Не верилось, что принуждение — иногда единственный способ достичь блага.

— Рискованно, — причмокнул князь. — Мы и так нарушаем привычный порядок. Принуждение может иметь опасные последствия. Куда лучше — найти золото.

В глазах советника отразилась длинная веретеница мыслей. Он погрузился в размышления, прижав сплетенные кисти ко рту, и словно перестал замечать все вокруг. Даже когда экипаж остановился, Грасаль так и не вымолвил ни слова и молча подал мне руку, помогая спуститься. Убедившись, что я зашла внутрь царского дворца, где нахожусь под постоянным присмотром его шпионов, князь погрузился обратно в кабину и велел трогаться. Не успела я проводить взглядом отъезжающий экипаж, как лакеи закрыли входные двери, лишая меня этой возможности.

— Айрин!

Я обернулась и увидела Уну. На лице северянки горел румянец от спешки. Слуги пронеслись вперед, неся большие сундуки с одеждой и опережая свою госпожу. Всеобщая суета заставила и мои пятки гореть от нетерпения. Появилось чувство, будто мне тоже следует немедленно покинуть дворец.

— Ваша светлость, — сделала книксен.

Она махнула рукой, сытая церемонностями по горло.

— Как удачно, что мы увиделись!

— Вы уезжаете? — удивилась я.

— Да, не желаю надолго расставаться с мужем. Должно быть, вы слышали — Лиран Фалькс захватил Вижский град.

Я вспомнила о планах государя, обсуждаемых на совете. Князь Дульбрад обещал нанести ответный удар по врагу.

— Неужели вы собираетесь присутствовать на сражении?

— Ах, если бы! — нервно рассмеялась княгиня. — Даст Треокий, дождусь мужа дома. Сизый замок не столь далек от Вижского града, как бы хотелось. Да и дети опять же... Прошло столько времени! Ни разу не оставляла их одних на такой долгий срок. Анна, еще один сундук в комнате! — повысив голос, напомнила она прислуге. — Пожалуйста, побыстрее! Сборы и так непозволительно затянулись.

— Пожалуй, не буду вас отвлекать...

— Подождите, Айрин, — выровняв сбившееся от быстрых сборов дыхание, остановила Уна. — Мне передали для вас весточку.

«Как можно скорее найди Мев. Она приехала в столицу», — обрушились на меня мысли северянки. Я невольно вздрогнула от ее напора.

Княгиня улыбнулась, будто ничего особенного не произошло.

— Удачи, Айрин! Пусть Треокий благоволит вам. Анна, ну я же говорила про сундук! Почему за ним до сих пор не отправились?..

Она продолжила и дальше отдавать приказы прислуге, а я отправилась к себе. Голова шла кругом от размышлений. Уже практически забыла о настоятельнице, как она снова дала о себе знать. Не верилось, что протеже Грасаля просто соскучилась по моему обществу. Я протерла виски. Догадки вспыхивали в мыслях, как звезды на ночном небе, и пропадали, не оставляя и следа. Лишь встреча с Мевил прояснит ситуацию.

В покоях, дожидаясь меня, скучала Ксана. При моем появлении ее лицо озарилось улыбкой, рыжие кудряшки смешливо запрыгали в разные стороны, выдавая бодрый настрой девушки. Посвежавшая и отдохнувшая, служанка выглядела гораздо лучше. Целитель, сдавшийся под моим напором, исцелил ее, вернув вкус к жизни.

— Миледи! Я так вам благодарна...

— Ксана! — всплеснула руками.

— Простите, Айрин. Моими устами говорит привычка. Я так благодарна... Сама Берегиня послала мне вас!

— Кому — Берегиня, а кому — демоны, — пробормотала я, вспомнив ворчание Грасаля.

— Что?

Махнула рукой.

— Поможешь мне? — спросила я, поворачиваясь к девушке спиной.

— Конечно!

Ксана без труда справилась с крючками на платье. Избавившись от тяжелого наряда, вдохнула полной грудью. Глаза слипались от усталости, резко накотивший, стоило переступить порог комнаты. Мягкая кровать манила дружелюбно распахнутыми объятьями. Не терпелось вытянуться на пышной перине и закутаться в пуховое одеяло, похожее на облако, опустившееся с небес.

Хотя часы не пробили еще и десяти раз, за окном стояла полутьма, толкаящая поддаться соблазну и вздремнуть. Я не сдержала зевка, отпуская служанку, и залезла в постель, как только за девушкой закрылась дверь. Подув, погасила стоящую на прикроватном столике свечу. Сон жадно набросился на меня, не оставляя сил для сопротивления...

Я опустила веки и очутилась в незнакомом месте. Сквозняк, гуляющий по коридору, безжалостно кусал за плечи, заставляя обхватить себя руками. Едва различая путь впереди, оглянулась в поисках того, что можно зажечь, но тщетно. Тьма сгущалась, слепя своей мощью.

Сухой теплый воздух благоухал сандалом, не оставляя сомнений, что где-то рядом зажжена ароматическая лампа. Древесные нотки щекотали ноздри, успокаивая и притупляя страх. Где я? Неужели в храме?

Я посмотрела за плечо, выискивая хоть крохотный огонек. Почему-то казалось, что свечение должно гореть непременно зеленым, как луч солнца, проходящий через изумруд, но не понимала, откуда возникло это стойкое чувство. Чутье слепо вело меня дальше.

Что удивляло... Так это покой. Вопреки сверлящему затылок взгляду, я не ощущала

тревоги, не боялась посторонних шорохов и звуков. Казалось, я была абсолютно защищена, хотя за спиной не шествовало стражей.

Где-то там, в отдалении, раздавались шаги. Я слышала их лишь потому, что знала: он идет за мной. Хотела позвать бредущего вдалеке, но язык, онемев, не слушался. Имя разбилось вдребезги, не позволяя собрать из осколков букв. Мне не удалось его вспомнить, как ни пыталась.

Наконец впереди появилась дверь. Я толкнула ее и, переступив порог, невольно чихнула от пыли. Стены закрывали упирающиеся в потолок высокие стеллажи с книгами, а на столах, стоящих в проходах, лежали перевязанные свитки.

Я сощурилась, силясь разглядеть в полумраке надписи на корешках. На одном из них виднелся витиеватый вензель. Я притронулась к углу закладки, торчащей змеиным языком сквозь листы, переместила пальцы на торец и осторожно вытащила чем-то привлекавший внимание фолиант, чтобы не упали остальные.

Холодные пальцы коснулись обнаженных вырезом плеч. Я вздрогнула от неожиданности и выронила книгу из рук. Та громко упала на пол, раскрывшись на заложенном месте. Шею защекотало чужое дыхание. Сердце бешено забилося в груди, и изо рта вырвался невольный вскрик. В душе смешались противоречивые чувства... Ненависть отравляла ядом любовь, предубеждение боролось с нежеланием расставаться, а сомнение не давало забыться, отпустив себя.

Но я не двигалась и не боролась, где-то глубоко в душе понимая: так и должно быть.

Горячие губы поцеловали бьющуюся жилку на шее, и острые клыки оцарапали кожу. Зверь издал рык, толкая меня от себя. Я ударилась о стеллаж, но не почувствовала боли. Все мысли улетучились из головы. Я замерла, не в силах шевелиться.

Его глаза, рассеченные вертикальным зрачком, не отводили взора. От очей чудовища исходил желтовато-зеленый свет...

Я ощутила соль на губах и, коснувшись щек, с удивлением обнаружила, что они все влажные от слез. Горячие капли стекали по лицу, как дождевые разводы на стекле. Мой преследователь тяжело дышал, будто раздираемый изнутри от ужасной болезни. В направленном на меня взгляде отражалась боль.

— Айр-ррин... — прозвучало вместе с рычанием.

Я медленно подняла руку и осторожно протянула в его сторону, готовая немедленно отдернуть пальцы, если потребуется. Он не пошевелился, когда я отвела темные волосы от лица. Я старалась не думать о выступающих наружу клыках и когтях, точно у сагасского тигра, а замечать лишь человеческое — знакомые нотки в голосе, манящий запах, тень сильного отчаяния, залегшую на дне озаряемых неестественным светом глаз.

— Айр-р-рин...

— Все хорошо, — невпопад пробормотала, ласково очерчивая пальцами худые скулы.

Он поймал мою ладонь и запечатлел на ее внутренней поверхности горький поцелуй. Я презирала себя за жалость, мучающую сердце, и одновременно таяла от постыдного удовольствия. Ненависть. Я пыталась понять, почему должна чувствовать отвращение, но эти воспоминания улетучились вместе с другими.

Я прижалась к нему так близко, как только могла. Его большое горячее тело. Мое, пышущее не меньшим жаром и содрогающееся от слез. Я захлебывалась в рыданиях. Страшное осознание пронзило душу отравленным кинжалом, ударившим в спину, — мы больше никогда не увидимся.

Его губы нашли мои и неистово накинудись на них, жадно целуя в последний раз. Уже заранее предчувствуя, что этого слишком мало, вцепилась в одежду чудовища, сильнее притягивая к себе. Поцелуй осел солью на языке, насыщая все вокруг безнадежностью.

— Не уходи, — вскрикнула я, обхватывая лицо ненавистно любимого мужчины руками.

— Ты скажешь по-другому...

— Что?

— Тогда ты скажешь по-другому, — повторил он.

Отчаяние плясало в воздухе, заставляя ноги подкашиваться от страха. Ничего не понимая, схватила его за руку, но он выдернул ее, точно обжегшись.

— Мы все пленники своих ошибок, Айрин.

— Не уходи!

Он покачал головой. По губам скользнула такая знакомая ухмылка. Клыки и когти исчезли, и теперь только мягко светящиеся глаза напоминали о том, что передо мной стоит не человек.

— Скажи мое имя.

Я задрожала, понимая, что не помню его. Воспоминания из прошлого растворились, не оставив и следа и позволяя чувствовать без предубеждения и напрасных, разъедающих душу сомнений.

— Это настоящее, — женский голос ворвался в голову освежающим летним ливнем.

— Кто вы? — подозрительно уставилась на незнакомку. У нее оказались поразительно синие глаза, как сапфиры. Черные волосы лежали волнами за спиной, по виду такие мягкие, будто сотворены из шелка.

— Помни, — с нажимом сказала женщина, а мой преследователь, издав рык, закричал:

— Скажи имя!

Я задрожала под ревом его голоса и невольно опустила глаза вниз. Взгляд упал на раскрытую книгу. На одной из строчек мелькнула знакомая фамилия — Фалькс.

— Скажи. Мое. Имя!

Я перевела взор на дотошно спрашивающего мужчину, ожидая застать новую вспышку гнева, но ее не последовало. Он не злился, а отчаянно зывал к чему-то, засевшему глубоко у меня в душе.

— Имя!

— Дамиан Грасаль... — вымолвила я и в тот же миг резко проснулась.

Я подскочила на кровати, внезапно выдернутая из сна, и провела рукой по лицу, вытирая непрошенные слезы. Оглянулась по сторонам, чтобы убедиться — нахожусь своей комнате. Сон. Просто дурной сон.

— Айрин! — взволнованно воскликнула Ксана. Лишь тогда поняла, что нахожусь в покоех не одна. — Приснился кошмар? Я так долго не могла до вас добудиться, что уже собиралась бежать за лекарем!

Я убрала со лба прилипшие волосы.

— Спала глубоко. Не переживай!

— Да как же не переживать? Видели бы вы себя в зеркало — кожа белее снега.

Я спрятала улыбку за волосами. Сквозь мысли Ксаны могла насладиться собственным внешнем видом. Вопреки долгому сну выглядела я так, будто не спала всю ночь. Бледность никак не сходила с лица, делая цвет глаз, под которыми залегли темные круги, еще ярче и насыщеннее. Да и чувствовала себя изнуренно, как после долгой работы.

— Князь дожидается снаружи.

— Велел торопиться?

— Нет, — понятиливо усмехнулась служанка. — Промолчал.

Я не сомневалась, что советник уже скрепит зубами от злости, ожидая меня за дверью. Не хотелось нарушать шаткое перемирие между нами. Я понимала, что сейчас не время разжигать конфликт. Мы оба искали пути для сотрудничества, чтобы воплотить в жизнь каждый свой план.

Бросила взгляд на кушетку. Этим утром служанка приготовила платье насыщенно-василькового цвета. Нехотя вылезнув из кровати, отдалась на растерзание Ксаны, чересчур рьяно подходящей к своим обязанностям. Она как всегда хотела добиться безукоризненного результата, поэтому вскоре начала настойчиво водить пуховкой по моему лицу, придавая ему живой румянец.

Когда я после разглядывала плоды трудов служанки, то не сдержала потрясенного вздоха. Не верилось, что всего полчаса назад я напоминала восставшую из мертвых нежить. И без того вьющиеся волосы завили в крупные кудри, кожа сияла здоровьем и красотой, а глаза радовали счастливым блеском. Теперь никто не сможет догадаться, какие демоны преследовали меня ночью.

Поблагодарив Ксану за старания, я направилась к выходу, но к своему удивлению обнаружила не советника, а ушедшего слугу, едва не погубившего царя и унесшего жизнь Калунского. Как же его звали? Ман?.. Мар?...

— Марн, миледи, — подобострастно поклонился он, и я вспыхнула от стыда. Совсем не заметила, как задумалась вслух. Хорошо, не сболтнула ничего лишнего — есть тайны, которым лучше таковыми и оставаться.

— Что ты здесь делаешь? — резко спросила у него, позволяя раздражению промелькнуть в голосе.

— Его светлость велел проводить вас в парк, — сообщил слуга, чинно сложив руки за спиной.

Я подозрительно покосилась на него, ожидая подвоха повсюду. Поневоле позавидуешь умению некоторых людей подстраиваться под обстоятельства. При нашей первой встрече Марн изображал не наделенного смекалкой простака, между тем подмешивая отраву в кубок монарха, при второй — умело взывал к жалости, который, надо признать, я поддалась. И вот передо мной стоял совершенно другой человек — в чистой, не испачканной кухонной работой одежде, собранный и услужливый. Чем не идеальный вариант для князя? В стан Грасаля как раз удачно впишется такой притворщик, как Марн.

Я направилась за слугой, держащим спину ровно, но не горделиво. Распрощавшись с кухонной утварью, он даже вести себя стал по-другому. Если раньше Марн не стеснял свободы движений, то теперь его руки оставались сомкнутыми, как того требовал регламент. Впрочем, несмотря на это, он явно не ощущал неудобств.

Путь до дворцового парка прошел в молчании. Я всем своим видом демонстрировала холодность, какой даже позавидует заморская принцесса, а слуга безразлично направлялся на пару шагов впереди, указывая путь.

Наконец мы пересекли аллею и вышли к фонтану, возле которого стоял Грасаль. Если я думала, что князь заскучал в моем ожидании, то сильно ошибалась. Ему составил компанию смутно знакомый мне мужчина. Не понимая, где видела его раньше, сделала книксен и поздоровалась. Душу терзали сомнения. Я нахмурилась, безуспешно пытаясь вспомнить имя.

Между тем незнакомец тепло улыбнулся, высказывая благосклонность. Светло-голубые, направленные в мою сторону глаза, в точности повторяли оттенок ясного неба, не запятнанного сегодня даже белизной облаков. Я погрузилась в его мысли, мягкие, как перина в моих покоях. Одним этим мужчина уже располагал к себе, и неожиданно для себя я резко осознала, кто передо мной стоит.

— Жером!

— Миледи, — отвесил поклон агент князя, приютивший нас в селении на пути в столицу.

Советник тоже ухмыльнулся, довольный тем, как быстро я догадалась. Хотя цвет глаз Жерома остался прежним, еще посветлевшие волосы теперь были аккуратно пострижены, с лица исчезли нелепые веснушки, а форма губ и крыльев носа изменились.

— Лорд Жер Брайль приехал в Маурону этим утром и проведет в столице какое-то время, — сообщил советник. — Он поможет в борьбе с «белым мором».

Подобная новость не могла не поднять настроение.

— Отрадно слышать, что вы составите мне компанию, милорд.

— Всегда к вашим услугам, миледи.

— Лорд Брайль, не оставите ли нас одних? — обратился к новому гостю князь.

— Разумеется, — понимающе кивнул Жером и поспешил исчезнуть.

Мы остались с советником наедине. Рядом шумела и бурлила вода, льющаяся из фонтана. На возвышении восседал златоперый сокол, грозно поглядывающий на мраморные фигуры людей. Брызги сменялись, то ударяя неспешно, то стремительно вздымаясь ввысь. Мелкие капли попадали на лицо, остужая кожу. Свежесть воды оттеняла густой аромат свежескошенной травы, разливающийся в воздухе.

Я едва сдерживалась, чтобы не отвести взгляда от князя, невольно вспоминая увиденный ночью сон. Неловкость мешала первой начать разговор. Грасаль тоже молчал, пристально меня разглядывая. Я ощутила, как лицо медленно заливает румянец.

— Спрашивай.

Я еще сильнее вспыхнула, понимая, что он неверно истолковал мое смущение. Но все же нашлась с вопросом. Как бы я ни рисковала его задавать, мне не удастся покинуть стен дворца без дозволения князя.

— Слышала, в столицу приехала настоятельница... — искоса поглядывая на реакцию Грасаля, осторожно вымолвила я, но ничего не прочитала по его лицу. — Я хотела бы поговорить с ней. По душам.

— Посекретничать? — без видимого интереса спросил советник.

— Женские разговоры, — небрежно пожала плечами, — Во дворце очень не хватает подруг.

— Хорошо, когда перешептывания не приводят к тайному заговору, — почувствовала я предостережение в мягком голосе. — Так и быть, ты увидишься с Мев.

— Вы позволяете? — само собой выскользнуло из горла. Я совсем не ожидала услышать согласия.

— Иногда достаточно просто попросить. Но встреча состоится не сегодня — после обеда потребуется твоя помощь. Я пытаюсь расплести наш «сахарный» клубок и отыскать ниточку, ведущую к искомой цели.

— Как пожелаете, — с трудом выговорила я, всем сердцем мечтая оказаться как можно дальше отсюда и привести себя в чувство.

Как бы я ни желала отвлечься, это не помогало. Томление связало внутренности в тугой узел. При мыслях, как целовал меня князь во сне, по телу стремительно расползался жар.

Берегиня, почему я вообще об этом подумала?! Между нами даже нет ничего общего. Само предположение о том, что привычная ненависть может перерасти в нечто больше, звучало абсурдно. Нет, князь не видел во мне женщины — лишь только средство достижения цели.

Губы Дамиана цепляли взор. Я отводила глаза в сторону, но потом снова натыкалась на

них, и возбуждение расцветало пламенным цветком внутри, путая мысли.

Бархатистый голос князя мягко обволакивал думы, пленяя разум:

— Что бы я делал без тебя, моя нежная фиалка?

Я вздрогнула, когда его пальцы осторожно коснулись лица, но не убрала руку. Дамиан Грасаль медленно, будто давая мне шанс опомниться, наклонился и запечатлел на моих губах ласковый поцелуй. Как зачарованная, я нерешительно подалась ему навстречу, робко отвечая на сладкие прикосновения и отпуская мысли. Время отругать себя за слабость еще придет, но пока беспокойство о будущем ушло на задний план. Я полностью растворилась в этом мгновении, наслаждаясь каждый секундой маленького чуда, происходящего между мной и Дамианом, как бы тяжело это ни было признавать.

Поцелуй углубился, и движения князя становились все настойчивее. Мой жар расплылся так же неистово в ответ. Не хотелось открывать глаза и возвращаться в суровую реальность. Но любой момент рано или поздно настанет, и этот не стал исключением: вскоре советник нехотя от меня отстранился.

Дыхание сбилось, лишая голоса и не давая ничего произнести. Я тонула в зелени глаз Дамиана, не в силах побороться с непонятными доселе чувствами, как вдруг заметила, что князь отвел взгляд и посмотрел куда-то за мою спину. Я разочарованно обернулась и остолбенела. Ноги сковал ледяной ужас, и страшная догадка пронеслась в мыслях, безжалостно раздирая надежду на куски.

Провокация. Это была всего лишь... провокация.

Боль пронзила сердце, словно в него впилась тысяча игл. В тени аллеи стояла окруженная фрейлинами принцесса и пристально наблюдала за разворачивающимся действием. Безупречное лицо Шанталь перекосилось от гнева.

Солнце спряталось за налетевшую из ниоткуда тучу и больше не баловало своим теплом. Тень ненастья нависла надо мной — взгляд ее высочества не сулил ничего хорошего.

И как я только могла довериться князю! Расчувствовалась и растаяла, как... дура! Боль обиды уничтожала изнутри.

— Вы... знали? — голос невольно дрогнул.

Надежда рухнула, как замок из песка от сильной волны. Князь не стал отпираться:

— Да.

Она стояла там все это время, и Грасаль просто воспользовался ситуацией, чтобы досадить принцессе, показав, кому на самом деле я принадлежу. Наверняка он заметил, как долго мы беседовали после коронации и насторожился.

Когда я перестану забывать, что у советника нет сердца?..

— Ненавижу вас! — выпалила и судорожно всхлипнула.

Слезы хлынули из глаз, безуспешно топя горе. Я ощущала себя... преданной. Зажала рот, сдерживая крик, готовый вырваться из горла. Нельзя показать Грасалю, как на самом деле сильно ему удалось меня сломать. Точно выброшенная вон, ненужная кукла я погибала от тоски. Еще никогда в жизни я не чувствовала себя так плохо.

Победа далась князю слишком легко.

— Я привык.

Советник протянул руку, поймав струю воды, бьющую из фонтана, и, смочив пальцы, умыл лицо. Освежившись, он повернулся ко мне и недрогнувшим голосом произнес:

— Марн проводит тебя в покои.

Я вытерла горькие слезы, сами собой выступившие на глазах, а когда снова подняла голову, то увидела, что князь уже ушел. Больше всего я мечтала немедленно собрать

вещи и оставить столицу навсегда, но никто не собирался давать мне такую возможность.

Глава 12

Мне хотелось думать, что принцесса не заметила досадного разочарования, ранившего меня в самое сердце после общения с князем, но опухший нос, красное лицо и воспаленные глаза явно убедили ее в обратном. Шанталь презрительно сморщилась, не скрывая, насколько ей противная чужая слабость. В отличие от меня, невеста царя не теряла лица даже в самых неприятных ситуациях.

— Возьмите! — протянула она платок, держа его кончиками пальцев, чтобы невольно не коснуться моих рук. — Вытрите слезы. На кого вы похожи? Интрижка с советником будет стоить всех планов. Желаете променять близость к отцу на лживого манипулятора?

Я собралась с духом. Шанталь не должна понять, как сильно меня ударил поступок князя.

— Все не так просто, ваше высочество, — охрипшим голосом произнесла я. — Дамиан Грасаль знал, что вы стоите позади, и попытался вбить между нами клин.

— Думаете, я это не заметила? — фыркнула принцесса. — Намерения советника очевидны, но вы... Грасаль видит людей насквозь, моя дорогая. Поверьте, князь и не думал продемонстрировать мне, что равнодушен к бастарде государя, нет, дело заключалось в ином: вы явно что-то испытываете к нему. Уничтожьте эти чувства, пока они не убили вас!

Все ее слова, одно за другим, безжалостно попали в цель. Шанталь права: Дамиан Грасаль жаждал доказать принцессе, что место в моем сердце уже занято, и я не пойду против него. Но он ошибался. Я собиралась бороться до конца, даже если для этого придется пожертвовать тем теплом, которое разгоралось всякий раз, когда советник произносил мое имя.

Симпатия к тюремщику, предательски возникшая в душе, делала меня слабой. Я не в праве расслабляться, позволяя бить по уязвимому месту, пока не одержу победу.

— Я хочу быть уверенной, что вы не отступитесь от своей цели, — уже спокойнее сказала Шанталь.

— Клянусь, это не так, ваша светлость, — с жаром выпалила я. — Грасаль — враг. Я прекрасно это осознаю.

— Хорошо. Радует, что у вас все еще есть голова на плечах.

Королева чуть склонила голову, рассматривая меня. Она не прятала мыслей, но они, окованные зимней стужей, заставляли буквально поежиться от холода, и я сама предпочитала закрываться от размышлений принцессы, чтобы меньше соприкасаться со льдом.

— Я пообщалась с королевой.

Я вскинула голову и уставилась на Шанталь, боясь того, что она скажет. Неужели надежды больше нет? Я так и останусь изгоем, лишенным права даже заговорить с отцом?

— Ее величество обязательно поможет, когда будет в вас уверена.

— Уверена? — нахмурившись, переспросила я, даже не догадываясь, что все это значит.

— Докажите свою преданность, и королева в свою очередь проявит милосердие.

— Что от меня требуется? — напряглась я, хотя и понимала, что вопреки воркующему, полному заботы голосу, Шанталь, как и сестра, не способна на бескорыстие. Осталось только выяснить, как сильно их цели расходятся с моими.

Принцесса взяла меня под руку, предлагая немного прогуляться по парку. Я поразилась, как холодна ее кожа, вопреки теплоте дня. Белые волосы ее высочества переливались серебром на свету, а в прядях застыли настоящие снежинки, алмазной крошкой

сверкающие в тусклых лучах солнца. Казалось, она только что вышла из снежной выюги, и в ее голосе завывал пронизывающий ветер:

— Королева не желает ничего того, чего бы вы не хотели сами. Дамиан Грасаль надеется еще больше укрепить свою власть. В совете его величества есть пустые места, и намерения князя весьма прозрачны. Мне доложили, что уже сегодня его протеже прибыл в столицу.

«Жером...» — едва ли не выпалила я, сразу догадавшись, о ком речь, но вовремя прикусила язык.

— Вы знаете его? — подозрительно сощурилась Шанталь.

Демоны! От принцессы, как и от главного советника его величества, невозможно ничего скрыть.

— Есть кое-какие догадки, ваше высочество.

— Тем лучше, — кивнула принцесса. — Мы обе понимаем, насколько важно не допустить подобное.

— У вас есть... кандидатуры получше?

Шанталь поджала губы, недовольная моим вопросом. В голубых, подернутых поволокой глазах читалась опасность. Я поняла, что шагаю по ломкому льду, преждевременно поинтересовавшись о том, что принцесса собиралась сообщить позже.

— Среди аристократии царства Льен немало достойных личностей. Я знаю тех, кто хорошо справятся с подобной ролью.

— Как и Канор Сельм-Рамст, — ступила я на талую льдину.

Шанталь вскинула голову. Ветер раздувал ее пряди, точно белую фату. Королевскую кровь никуда не спрячешь. Принцессу нельзя спутать с обычной аристократкой. Взгляд женщины, привыкшей получать желаемое, выдавал в ней птицу куда более высокого полета.

— Не сомневаюсь в порядочности князя, — лед хрустнул, и я провалилась под воду. Принцесса окатила меня таким ледяным взглядом, что я невольно опустила глаза.

Хотелось показать, что ее интриги не столь совершенны, как хочется. На совете обсуждали, кто помогает Лирану Фальксу совершить переворот, и, хотя я не подслушала ничего, что давало бы прямой ответ на этот вопрос, все равно узнала кое-что интересное. Князь Сельм-Рамст сотрудничает с невестой монарха.

— Дамиан Грасаль не знает, — ровным голосом произнесла я. Одна Берегиня ведала, сколько усилий для этого потребовалось. Советник так и не догадался, что от него скрыла.

Шанталь растянула губы в недоброй улыбке.

— Не знает чего, Айрин?

— О помощи Сельм-Рамста, разумеется, ваше величество.

Мы встретились глазами. Принцесса не боялась брошенного вызова, но теперь стала иначе на меня смотреть. Насколько ей важно участие князя? Легко ли сбросит она его с шахматной доски, когда это потребуется? Опасное признание мешало ей так же просто избавиться и от бастарды монарха. Шанталь придется выполнить обещание в свое время, не уповая на уловки и не оттягивая момент. Шах и мат, принцесса.

— Хочу, чтобы вы понимали, Айрин... Мы похожи. Да-да, не удивляйтесь, но это так. Мы обе чужестранки, к которым относятся с недоверием. В ваших жилах течет кровь Фальксов, но вы не Фалькс. Так и я... Всего в шаге от того, чтобы назваться царицей, но все-таки я не правительница.

— Свадьба вскоре состоится, ваше высочество.

— Еще немного и титул тоже будет ваш, — уже теплее улыбнулась принцесса, — но пока это не так. Мы обе не успокоимся, пока желания не осуществятся. Обе одиноки в чужой стране. Обе ищем союзников.

Время скрытых угроз и предупреждений прошло, и больше не было нужды показывать нрав.

— Вы уже нашли их, ваше величество, — сделала я книксен. — По крайней мере, одного. Обещаю, что не подведу. Я сделаю все, чтобы Грасаль был уничтожен.

На бледных щеках появились ямочки.

— Я знаю, что вы не подведете, — сказала будущая правительница Льен и шепнула на ухо имя своего протеже: — Лорд Лейм.

Когда она ушла, я еще долго не могла согреться. Сердце часто билось в груди, и я никак не могла задержать на чем-либо взор. Мысли смешивались. Берегиня, только глупец всецело доверится принцессе! Но что делать, если она права, и друзей во дворце у меня действительно нет? Никто даже не попытался мне помочь... кроме нее, хоть и преследующей свои цели.

Не успел силуэт Шанталь пропасть из виду, как ко мне подоспел Марн. Он проводил уходящую принцессу масляным взором, особенно задержавшись на ее лодыжках, непозволительно, по меркам царства Льен, проглядывающих сквозь белое кружево платья.

— Так и будешь стоять? — гораздо резче, чем намеревалась, спросила я, отчего в голосе проскользнули неприятные визгливые нотки. Хотелось избавиться от накопившегося в душе напряжения, вылив его хотя бы на не вовремя подвернувшегося мужчину.

Я набрала воздуха в горло, переводя дух. Слуга быстро собрался, отвлекаясь от созерцания ее высочества, и коротко поклонился:

— Его светлость велел проводить вас к нему, миледи.

— К нему? — расширились мои глаза. — Ты ничего не путаешь? Грасаль говорил, что я вольна вернуться в покои.

Лицо Марна не дрогнуло.

— Вы нужны князю в подземелье, миледи. Про опочивальню ничего не сообщалось.

Я вспыхнула от прозвучавшей в конце двусмысленности, но потом призадумалась: что могло так внезапно потребоваться советнику? Мысли приходили в голову одна мрачнее другой...

Не хотелось встречаться с князем после произошедшего. Мне опостылел весь его вид, к горлу подкатывала тошнота, только я думала, как натолкнусь на привычный невозмутимый взгляд. Раньше ненависть толкала вперед, теперь омерзение подговаривало опустить руки. Лишь общение с ледяной принцессой побуждало собраться и опомниться от наваждения.

Я сжала кулаки. Нужно делать все, что угодно, но выбраться из этой клетки. Пока я зависима от Грасаля, он может сделать со мной все, что захочет.

Стражи, предупрежденные советником о скором появлении бастарды, не чинили препятствий перед входом в подземелье, но, не пряча любопытства, разглядывали мою особу. Я не обманывалась их благодушием. Все как один они подчинялись князю: ему достаточно лишь озвучить приказ, и в тот же миг меня не станет.

— Айрин, наконец-то!

Дамиан Грасаль смотрел так, будто между нами ничего не произошло. Впрочем, я понимала. Это мне, неискушенной жизнью, казалось, что обычный поцелуй — это нечто особенное, для князя это в лучшем случае — мимолетная симпатия. Сколько таких «фиалок», как я, его губы опробовали прежде? Но это не давало повода вести себя так,

словно понятия «честь» не существует вовсе.

— Пошли!

Он возбужденно махнул рукой, указывая путь, и даже (неслыханная щедрость!) придержал дверь,пуская внутрь. Я невольно охнула, признав в избитом до черных синяков и кровавых подтеков лавочника из района бедняков, с которым сталкивалась прежде.

— Как неожиданно выяснилось, господин не заплатил положенную подать государю.

Хозяин лавки с трудом приподнял опухшие веки и уставился на меня. По его мыслям я поняла, что Грасаль намеренно солгал. Документы торговца оказались настолько чисты, что сперва это даже заставило царского советника заскрежетать зубами от злости, но потом Дамиан подослал людей для кражи бумаг и нашел к чему придраться. Все это произошло меньше чем за сутки. Освободив меня вчера, советник вернулся к жадному лавочнику, а уже сегодня днем, пока я размышляла над его чувствами, стражи вовсе пытали продавца гомеоматии, не боясь причинять боль.

Я поняла, что лавочник умрет, не дождавшись суда... если, конечно, тот входил в планы Грасаля. В голове сами собой возникли слова лекаря, который давал мне уроки в Сагассе.

«Сначала вы калечите, а потом требуете лечить», — так он сказал слугам королевы, как-то оказавшимся в наших краях и притащившим тяжело избитого мужчину. Те слишком «перестарались», требуя от преступника правду, хотя смерть виновного не входила в их планы.

Конечно, Дамиан Грасаль не желал услышать моих советов и не ожидал чудодейственного спасения лавочника. Он жаждал иного — моего умения читать мысли. Мог бы он привести меня раньше? Да. Не захотел впутывать в это дочь царя или просто намеревался сначала показать торговцу свою мощь? Кто знает... Вряд ли сейчас время для подобных вопросов.

— Кто отдавал приказы?

Разбитые губы что-то вяло пробормотали. Раздался резкий свист: страж сильно ударил лавочника по лицу, оставив пылающий алым отпечаток ладони.

— Прекратите! — вырвалось у меня. — Вы, — обернувшись к князю, — ведете себя как последний лихач, а вы, — это уже было обращено к его прихвостню, — безмозглая собачонка, даже не задумывающаяся над приказами хозяина!

Страж пораженно вытаращил глаза, мало привыкший к такому напору от «слабой женщины», и почесал макушку.

Если я рассчитывала на признательность, то ее не последовало. Лавочник сплюнул кровь и с леденящей ненавистью вытаращился в мою сторону, тихо, но отчетливо для всех сказав:

— Шлюха!

Я оторопела. Князь сжал губы в тонкую линию и схватил меня за плечо:

— Выйдем.

Безвольно последовала за Грасалем. Оказавшись за дверью, устало протерла глаза. Слова лавочника не укладывались в голове.

— Помнишь наш разговор о слугах?

Я горько усмехнулась.

— Опять собираетесь наставлять, как общаться к Ксаной? Мне кажется, это несколько... несвоевременно.

— Я говорил, что прислуга не понимает хорошего отношения, — вкрадчиво процедил

советник. — Это лишь расслабляет ее и побуждает отлынивать от обязанностей. Помнишь?

Нехотя кивнула.

— К чему это все?

— В свою очередь ни один лихач не ответит добром на добро.

— Это не повод вести себя как... Как...

— Последний негодяй? — неожиданно улыбнулся он.

— Да. Зачем было бить его, если я и так скажу правду?

— Никто не должен догадаться, зачем на самом деле ты присутствуешь на допросе. Даже самые верные люди могут предать. Пусть лучше думают — это моя прихоть, чем гадают, как ты без применения физической силы выяснила все секреты преступника.

— Разве стражи не дают магическую клятву?

— Они обещают служить монарху, а не оберегать темный секрет его незаконнорожденной дочери.

Это все звучало как... изощренная забота со стороны князя, но я знала: мои тайны — его козыри тоже.

— Призыв послушаться приказа — не то, что я хотел бы слышать в общении со стражами, Айрин. Еще одно такое слово, и будешь наказана.

— Только и умеете сыпать угрозами. Узнать бы, что творится у вас в голове.

— Слишком хочется это выяснить, да, фиалка? — прошептал князь в опасной близости от моего лица.

Он положил руку на стену, заточая меня в угол. В этот раз я не растерялась, разомлев от его взгляда, и так же неистово выпалила в ответ:

— Большого всего на свете вы боитесь потерять контроль, но это уже происходит.

— О чем ты?

— Ваше замешательство лишь подтверждает, что я угадала, — горько рассмеялась я.

Он наклонился еще ближе, так что наши губы почти соприкоснулись, а дыхание смешалось. Меня окутал терпкий запах виски — еще одно доказательство к сказанному. Князь боялся слабости даже в собственных глазах, никогда не позволяя себе забыться, но сегодня настал такой день, когда убить в себе чувства оказалось важнее, чем сохранить трезвый рассудок.

Я наклонилась и поцеловала его. Эти прикосновения не имели ничего общего с прежними. Я зло впилась в его губы, ненавистно и жадно продолжая начатое утром. Мой напор встретился с равной страстью. Дамиан Грасаль целовал меня так же неистово, словно в последний раз. В этом не было ничего ласкового или нежного. Нас подталкивали к друг другу совершенно иные эмоции: грубые, ярые, враждебные... Чувства, источаемые объятьями, казались красноречивее любых слов.

У меня перехватывало дыхание. Я вцепилась пальцами в плечи Дамиана, наверняка причиняя боль. Мне хотелось разодрать его кожу, выпуская гнев, и оставить длинные полосы царапин, как знак принадлежности — никто не должен на него претендовать. Я жаждала причинить боль и заставить князя ощутить то, что он сделал со мной.

Я ненавидела его. Я... любила его. Я желала его. Я презирала себя за мысли, которые Дамиан вселял в душу.

Беспокойство о будущем улетучилось само собой. Один поцелуй уничтожил маленькую наивную девочку внутри меня, а другой — зажег желание обладать во что бы то ни

стало. В этот раз принцесса не стояла рядом, чтобы предостеречь об ошибке.

Теперь я сминала и била чувства Дамиана. Каждое грубое прикосновение сеяло в нем равную боль, заставляющее требовать большего. В этот раз у князя не найдется никаких причин, чтобы оправдать свой поступок. Придется признать — он ответил мне, просто потому что захотелось.

Укусила Дамиана за губу и ощутила во рту металлический привкус чужой крови. Пьянящая горечь виски на его языке кружила голову, а месть застила глаза, не позволяя отпрянуть, и заставляла еще сильнее усугубить поцелуй.

Я ощутила руку князя на своем бедре, но даже она, задирающая платье, не охладила мой пыл. Его губы соскользнули на шею, и язык ласкал кожу. Я перевела взгляд на Дамиана и столкнулась с его затуманенным взглядом. Что-то рухнуло в душе. Какая-то внутренняя струна надломалась, уничтожая прежний настрой. Я опустила руки на грудь князя, чтобы оттолкнуть, и одновременно с этим он произнес, так же резко придя в себя:

— Не здесь.

Стало страшно. Нет, ни настойчивость Грасалья привела меня в чувство, а нежность, откуда-то появившаяся в его движениях. Я желала войны, а не мира. Так привыкнув к вечному противостоянию, не знала, что делать в ответ на искреннюю ласку и как вести себя, узрев другую сторону князя.

В горле появился ком. Я хотела причинить боль, а не обмануть. Желанная победа обернулась всеразрушающим поражением. Я знала, что князь достаточно умен, чтобы понять мои чувства. Если я сама не умела разобраться в них, то он не находил в этом особенного труда.

Его пальцы ловко поймали выбившуюся из прически прядь и заправили за ухо. Мне хотелось смотреть куда угодно, но не на советника, чьи пальцы снова нежно коснулись лица, и от возникшей неловкости нервно кусала опухшие от поцелуев губы.

— Какие же синие глаза... Ярче сапфиров в диадеме.

Во все еще замутненном взгляде Дамиана стояло наваждение. Он тряхнул головой, точно сбрасывая сеть ненужных мыслей, как липкую паутину.

— Пойдем, Айрин.

Грасаль развернулся и, не дожидаясь меня, первым вошел в темницу. Когда его силуэт исчез из виду, я спрятала лицо в ладонях. Берегиня, что же со мной творится? И самое главное — что происходит с князем?

Пока советник не отправился на мои поиски, привела себя в порядок, насколько могла это сделать в полутьме наощупь, и, вдохнув для уверенности полной грудью воздуха, без лишней спешки направилась обратно. К чести стоящего внутри стража он никак не показал, что догадался о произошедшем между бастардой и его светлостью, хотя в его мыслях проскользнули верные соображения о причине нашего отсутствия.

— Итак, повторяю заново: кто отдавал приказы? — собрался Дамиан Грасаль, снова приступая к делу.

— Никто, — с ненавистью выдавил «добродушный» лавочник.

— Откуда у вас сахар?

— Не было его!

— Отвечай! — почти что прорычал советник и повторил вопросы. Страж замахнулся и до звона в ушах ударил торговца по лицу, мотивируя его говорить правду.

— Демонов выродок! — брызгая слюной, истошно заорал лавочник князю. — Да гори ты в бездне! Все вы горите!

Едва заметно покачала головой. Пытать мужчину больше не имеет смысла. Его думы

уже дали все сведения, которые могли, вот только вопросов от этого значительно прибавилось.

Я перевела взгляд на Грасаля.

— Милосердию не место во время допросов, Айрин, — быстро среагировал он на мои знаки. — Усвоила урок?

— Да, — судорожно сглотнула я.

— Тогда можешь выйти.

Я не стала задерживаться в опостылевшей темнице и мигом выскочила на волю, только там осознав, что испытываю тошноту. Странно... Чего только не видела за время учебы у лекаря, а от вида обычного пленника, хоть похожего на кусок мяса, к горлу подкатил ком. Вопреки его вине, меня не покидало ощущение неправильности происходящего. Грязные методы Грасаля не вызвали уважения. Одного взгляда на покореженное тело торговца хватало, чтобы усомниться: действительно ли его только били или применяли и иные средства достижения желаемого? Несущие правосудие в царство Льен явно не гнушались всевозможными пытками.

Оперший спиной о холодную стену, прикрыла глаза, приводя себя в чувство, и совсем не услышала, как рядом появился Грасаль.

— Что ты выяснила?

— Зачем спрашивать, если в запасе всегда есть... «урок» для выяснения правды? — выдавила из себя, понимая, что напрасно звать к состраданию князя. Оно погребено слишком глубоко, чтобы я могла достучаться.

Он тяжело вздохнул.

— Сама посуди, что я должен был сказать, дабы освободить тебя от этого неприятного действия и заодно ответить на невысказанные вопросы?

Повисло молчание. Я посмотрела на покрытый паутиной и потрескавшийся от времени потолок, собираясь с мыслями. Потерев подбородок, уже спокойнее изрекла:

— Он действительно не знает, кто за всем стоит. Лицо этого человека закрывала маска.

— Маска? — удивился советник. — Ни морок, ни иная магия... Маска?...

— Да, вполне настоящая и материальная, — подтвердила я. — А вот голос был явно изменен. Лавочнику пообещали легкие деньги, и он не нашел причин для отказа.

— А что насчет сахара? — нахмурился князь и сложил пальцы домиком, размышляя над взволновавшей нас дилеммой.

— Маги нашли способ, как добывать его без лишних затрат. Больше торговец не сможет сказать. Ответьте мне на один вопрос, князь. Зачем вам я, если есть пыточная?

— А ты взрослешь, Айрин, — с какой-то тоской произнес Дамиан Грасаль, — и черствеешь. Раньше тебе бы не пришло в голову спросить подобное.

— Теперь я начала понимать, с кем имею дело, — отрезала я и выжидательно уставилась на князя.

— Стражи провели грубую работу. Есть способы заставить заговорить любого человека, но эти меры хороши лишь в крайних случаях.

— И вы бы пошли на них, не окажись меня рядом? — не унималась я.

— Нет, — мои глаза удивленно расширились — подобного никак не думала услышать. Я уже успела в немного «обелить» репутацию советника, как он разбил надежды, произнеся нелицеприятную истину: — Ты не поняла? Лавочник давал клятву молчать. Я сразу почуял это. Такие, как он, ломаются гораздо быстрее, чем хотят признать.

— Я слышу лишь то, о чем думают в данный момент, — пораженно выдавила я. — А как вы догадались? И зачем продолжили пытки?

— Не только у тебя есть секреты, которые никто не должен выяснить, — пожал он плечами. — Но могу обрадовать — все деньги изъяли. Ты сможешь организовать пункты помощи больным. Хотя кому-нибудь гомеопатия поможет...

Глава 13

Я замерла, как мышь, почуявшая близость хищника. Марн, провожающий меня до покоев, вопросительно обернулся.

— Миледи?

Едва сдержалась, чтобы не приложить к губам палец. Сейчас не время отвлекаться на слугу.

— С платья отвалилась бусина, — нашла я. — Внимательнее посмотри вокруг!

А сама прислушалась. За стеной шел любопытный разговор. Князь Семльм-Рамст едва сдерживался, чтобы не повысить голос от возбуждения. Кровь в его теле бурлила, будоража рассудок. Он чувствовал близость победы, стоя совсем близко перед заветной чертой, и практически не сомневался, что вот-вот ее переступит.

«Дамиан Грасаль сотрудничал с Лираном Фальксом, готовя ему трон до вашего появления, и, возможно, до сих пор продолжает общаться с цесаревичем за спиной своего государя, ваше величество», — не без удовольствия изрек князь.

Резкий, как удар хлыста, возглас Марна отвлек от ответа царя. Голос слуги, слишком высокий для мужчины, заставил передернуться от отвращения, словно от дурной игры на наале.

— Миледи?

— Что еще? — недовольно посмотрела на нерасторопного прихвостня советника.

— Но на платье же нет бусин!

— Бусины? Ах, да, бусины... Не хочешь ли ты сказать, что знаешь мой наряд лучше? На этом самом месте явно не хватает какой-то детали! — решительно ткнула пальцем в идеально сшитый лиф. — Я не тронусь с этого места, пока пропажу не найдут!

Марн растерянно захлопал глазами, но затем покорно опустил на корточки, шаря рукой по земле. Я отвлеклась, разглядывая его неухоженные ногти, погрызенные на концах. Дамиан выдал слуге дорогое одеяние и преподавал несколько уроков, но неумение следить за собойставляло напоказ темное прошлое.

«...такие доказательства, что даже он не выйдет сухим из-под воды. Грасаль постоянно опережает на несколько шагов вперед. Уверенны, что в этот раз он ничего не подозревает?» — царь говорил то, о чем думал. Больше всего он боялся лишь еще сильнее усугубить ситуацию, лишив меня и без того слабой поддержки.

«Князь хорошо предугадывает события, но даже он не всемогущ, ваше величество. Поддержки одних шпионов недостаточно в борьбе против знати. Все помнят, как он заполучил титул. Грасаль хочет быть аристократом, но он не один из нас», — прервался ненадолго Сельм-Рамст, а я едва не рухнула от переизбытка чувств в обморок.

Как это, советник не родился в благородной семье?! Весь мой мир пошатнулся. Узнай я, что солнце садится на востоке, а поднимается на западе, и то не так бы удивилась. Я не помнила фамилии Дамиана среди древних родов царства Льен, но всегда думала, что его предки просто не из высшей знати. Теперь получается, все не так? Никогда бы не догадалась, что обычный человек может войти в свет и не запятнать себя отсутствием должного воспитания и манер, лишь благодаря собственным умениям.

«Он уже допускает ошибки», — с самодовольной улыбкой произнес Сельм-Рамст.

«Ваша заслуга».

«И вашей дочери. Надо признать, не такая уж Айрин и беззащитная, как кажется на первый взгляд. Отрадно видеть, как Грасаль сходит с ума, еще не замечая этого, точно подбитый тигр, попавший в засаду. Впрочем, он и есть зверь... И скоро эта сторона его натуры еще сильнее вылезет наружу. Чем больше она обретает плоть и кровь, тем сильнее туманится разум, и советника легче раздавить».

Я зажала рот ладонью. Что происходит? О чем говорит князь? В голове невольно пронеслись картины прошлого. Изменившийся облик Дамиана Грасалья во время нападения в пути трудно забыть. Тогда мне казалось, еще немного — и чудовище меня растерзает. Неужели враги Грасалья тоже знают об этом инциденте?

Как оказалось, да. Сельм-Рамст хорошо ведал, о чем говорил. Дамиан солгал: его действительно тогда околдовали, лишив рассудка, вот только звериной лик ему родной, а не появившийся из ниоткуда. Собеседник отца не сомневался: Дамиан Грасаль неспроста ходит по грани и не боится рисковать. По жилам моего тюремщика течет демонова кровь...

— Миледи? Не переживайте, возможно, бусина просто потерялась в другом месте. Я сейчас же велю...

— Нет!!! — слишком жарко выпалила я. — Она отвалилась именно здесь. Ищи!

Сельм-Рамст считал, что Грасаль провел ритуал, преумноживший его силу и приблизившей к бездне куда больше, чем любого из нас. Берегиня! Неужели демоны действительно существуют и меня угораздило проявить симпатию к одному из них?

«Мы уничтожим советника. Эмоции губят его сильнее, чем что бы то ни было. Грасаль ходит по лезвию, и скоро настанет день, когда он лишится головы».

Я вздрогнула, не зная, что и думать. Сеть интриг дворца окутывала меня плотным коконом, словно муху, попавшую в лапы пауку, и душила, с силой давя на грудную клетку. В легких не хватало воздуха. Смогла бы я заплатить за свободу чужой жизнью? Жизнь Дамиана?

Марн тоскливо поднял голову, уже не рискуя подать голос. Он уже обшарил все углы и заглянул во всевозможные щели, но так и не отыскал пропажу, без которой его госпожа не желала двигаться с места. Взгляд слуги выражал немой укор.

— Пойдем. Мы и так непозволительно задержались.

— Миледи, а как же бусина?

— Бусина? — сделала вид, что задумалась я. — Мне кажется, это был дешевый камень. Зачем мне какая-то подделка, если я могу велеть мастеру пришить настоящую драгоценность?..

«Женщины», — мысленно схватился за голову Марн, но внешне сдержал порыв и отвесил легкий полупоклон. Я успокоено вздохнула. Пусть уж лучше сочтет недалекой, чем заподозрит неладное.

Вскоре я зашла в свою клетку, по недоразумению именуемую «личной комнатой», и осталась одна. Мысли крутились вокруг, как привязанный к дереву мул. Отношения с Грасалем и без того накалились до предела. Рядом с ним я ощущала себя горячим железом, а вдали все хорошее угасало: как только князь покидал меня, металл остывал, и я реагировала на намеки о близости с ним, как пляшущий в руках воина меч на выпад противника.

«...И вашей дочери. Надо признать, не такая уж Айрин и беззащитная, как кажется на первый взгляд».

Я вздрогнула от появившегося из ниоткуда сквозняка. Створки окна сами собой открылись, впуская не по-летнему студеной ветер. Мгновенно замерзнув, подошла ближе и обнаружила на подоконнике маленький конверт. Я взяла его в руки и подула на письмо, смахивая с бумаги ажурные снежинки. Они повисли в воздухе, словно не желая опускаться на пол, и медленно пошли вниз. Я зачарованно задержала взгляд на тающих хрупких кристаллах, оставляющих на мраморе мокрые пятна, и сорвала сургучную печать со знакомым изображением волка — символом королевского рода Сагасса.

«Скажите дежурящим у входа стражам, что немедленно желаете увидаться с лекарем», — значилось в коротком послании.

Взор сам собой опустился на дверь. Заинтригованная приказом принцессы, я поправила

юбку и направилась к выходу из комнаты. Услышав скрип петель, стражи дружно выпрямились и с подозрением уставились в мою сторону.

— Миледи, — легкий полупоклон.

— Что-то мне нездоровится...

— «Белый мор»? — испуганно вытаращились мужчины.

— Нет, — тяжело вздохнула я. — Хуже.

— Вижская лихорадка? «Поцелуй смерти»? Калунская чума? — нахмутив лоб, перечислил подчиненный Грасалья, и с небольшой заминкой добавил: — Яд?..

Я махнула рукой, отвергая названные варианты, и, понизив голос, доверительно произнесла:

— Женские недомогания.

Стражи поперхнулись и густо залились краской. Я опустила лицо, точно скрывая смущение, — боялась рассмеяться над потешным видом грозных мужчин, глаза которых после «признания» забегали по всему коридору, но не задерживались на мне.

— Це-л-литель, — заикаясь, выдавил один, — сейчас придет.

— Чудно.

Я соблазнительно улыбнулась и закрыла за собой дверь. Покачав головой, усмехнулась про себя: для кого-то лунные дни страшнее всех демонов бездны. Особенно, если об этом позволяют заявлять вслух. Но даже в чопорном царстве Льен моя репутация вне опасности: запертая в комнате, я не могла поступить иначе.

Вскоре ко мне постучали и внутрь зашел уже печально знакомый лекарь. Я вскинула брови. Что затеяла Шанталь? Но все сомнения рассеялись, когда хмурый врачеватель содрал висящий на шее кулон. Я охнула. Весь его облик моментально преобразился, явив того, кого всей душой желала видеть.

— Девочка моя! — распахнул объятья отец.

— Папа!

— Айрин, маленькая моя... — он погладил меня по голове и стер пальцем выступившие на глазах слезы. — Не плачь, котенок.

Я шмыгнула носом.

— Не могу. Мы так давно не виделись! Я скучала.

— И я скучал, милая. Этот гаде... — осекся царь, — демонов змей переселил тебя в другие покои.

— Прежние достались мне, оказывается, тоже по его приказу, — почему-то защитила я князя. — Он знал про тайный ход и позволил изредка нам общаться.

— Какая же ты наивная, доченька. Князь все делает лишь себе на пользу. Даже если это было его рук дело, то где ты сейчас? Он использует тебя, Айрин.

Я пожала плечами.

— Он это и не скрывает. Шанталь помогла пробраться сюда?

Я и так знала ответ, но все равно желала услышать его произнесенным вслух. Иногда слова, сказанные другому, позволяют узреть истину в ином свете. Вот только даже магия не излечит глаза полному слепцу.

— Ее высочество оказалась столь благодушна, что дала мне зачарованный кулон для смены личин. К сожалению, я сам не мог достать подобную вещицу — за мной неустанно

следят. Но сердце принцессы растаяло, когда она узнала нашу историю.

Я мысленно хмыкнула. Сердце Шанталь способно потеплеть лишь по отношению к служителю Треокому, надевающему корону царства Льен ей на голову. Принцесса не ведаёт сострадания. Я прикусила губу, внезапно найдя настоящее объяснение неожиданной благосклонности, и потеряла холодные ладони. Окно было уже закрыто, но в воздухе все еще витал призрак сагасской магии.

Шанталь помогла мне увидаться с царем, чтобы я предупредила о затеваемом в совете заговоре и попросила о милости приберечь место для ее протекции. Я закрыла глаза, представляя как изящная, с длинными худыми пальцами рука принцессы выводит строки послания, а сама она хищно улыбается, воображая будущее торжество над Грасалем.

— Хочу, чтобы ты знала, девочка моя: советник скоро будет повержен.

— Твоими бы устами, папа.

— Не бойся и наберись сил. Я понимаю, как тебе непросто.

— Дамиан Грасаль всегда мыслит наперед, — сообщила я, меряя шагами комнату. Это было правдой: князь недоглядел лишь в случае с «белым мором». Но в остальном его предсказания сбывались. — Даже сейчас, пока ты саботируешь главного советника, он не теряет времени даром.

— О чем ты?

Я прямо посмотрела на нахмурившегося отца, побуждая ощутить всю серьезность ситуации.

— Сегодня утром во дворец приехал человек, которому Грасаль надеется дать место в совете.

— Ты ошибаешься! — потрясенно выдохнул царь. Мысль о предательстве не приходила ему в голову, но после моих слов сомнения закрались в душу. — Это мой хороший знакомый. Он не подчиняется князю.

— Грасаль в курсе его кандидатуры?

— Да, но это ничего не меняет.

— Папа, ты ведь сам говорил: все действия князя имеют подоплеку.

Я не стала ничего больше доказывать, понимая, что он должен прийти к решению сам.

Шанталь удачно все обернула в свою пользу: представая перед отцом хрупкой и нежной принцессой, она не желала разрушать этот не без труда выстроенный образ и взвалила всю черную работу на мои плечи. Уговорить отца оказать доверие совершенно незнакомому человеку — непросто. А ведь протекция ее высочества даже не встречался прежде с царем, если не считать коронации... Глупо надеяться, что государь вспомнит, о ком речь. Даже я ничего не знала об этом лорде, кроме звучного имени.

— Папа, — я села на кушетку и, когда он последовал моему примеру, взяла за руки. — Ты ведь понимаешь...

— Да, Айрин, ты права. Прежде всего, между нами не должно быть недомолвок. В отличие от старого знакомого, дочь никогда не предаст.

Я ощутила укол совести, но не дрогнула. Решительность принцессы передалась и мне. Маленькая жертва во имя будущего спокойствия — разве это не простительно?

— Папа, я не единственная, кому можно доверять. Есть человек... Мне кажется, он вполне заслуживает это место.

— Помилуй Треокий, Айрин! Ты уж явно не знаешь аристократию Льен лучше меня.

Я мягко улыбнулась его словам.

— Это так. Но именно лорд Лейм скрасил мое пребывание в монастыре, — беззастенчиво соврала отцу, понимая, что мне не под силу уговорить его иным способом.

— Наш посол в Сагассе? Ты ничего не путаешь?

Демоны, Шанталь могла хотя бы предупредить! А я сама не успела ничего выяснить за прошедшее время...

— Именно он, папа. Иногда помощь приходит, откуда не ожидаешь.

— Хорошо. Я учту твоё пожелание, Айрин, но не могу ничего обещать.

Я кивнула, понимая, что уже одержала маленькую победу. Её высочество будет довольна... Вот только я сама не чувствовала ни радости, ни удовлетворения — ничего, словно с каждым днем в столице моё сердце всё больше превращалось в холодный камень.

Отец наклонился и поцеловал меня в лоб.

— Хотел бы остаться...

— Дела, знаю, — отрешенно произнесла я, а сама подумала, в кого превращаюсь. Даже расставание с отцом не вызывало сожаления, будто я смирилась с леденящей душу пустотой.

Я поднялась и крепко обняла родителя. Вот только не грусть разлуки подталкивала меня сильнее прижаться к Викару, а иное чувство — страх... Страх превратиться в подобие Шанталь, играющую с людьми, как с куклами, и давно утратившую вкус к жизни. Кажется, ещё месяц назад эмоции были ярче, а чувства — крепче. Теперь я вдыхала терпкий аромат кожи отца, напоминающий о доме, и ничего не ощущала. Лишь закрывая глаза, видела, как свежий ветер гуляет по голой степи, поднимая выпавший за ночь снег...

Никакие переживания не трогали сердце. Я обнимала Викара, но не испытывала в этом необходимости, точно сделала больше по привычке, нежели по желанию.

— Даже ты уже другая, — с горечью сказал отец. — Когда мы отдались друг от друга?

Я хотела сказать, что три года в монастыре не прошли даром, но сдержалась. Викар подвел меня к стоящему на полу зеркалу и встал за спиной, положив руки на плечи.

Мы хорошо смотрелись вместе. Отец и дочь. Два поколения и две совершенно разных личности — и все-таки похожие друг на друга. Из окна падал свет, заставляя искры плясать в черных волосах. Пряди царя отливали красным чуть больше, но и в моих, вроде бы таких темных, проявлялся особый оттенок.

— Настоящая Фалькс. Жаль, ты так мало забрала от матери... — он осекся, не желая распространяться о когда-то любимой женщине дальше, и даже задумался о другом, точно чувствуя, что я могу подловить его мысли.

— Глаза. У меня её глаза, да?

Взгляд Викара потеплел, но в голосе проскользнуло сожаление:

— Нет, котенок. Такими ярко-синими очами, как у тебя, славятся многие женщины нашего рода.

— Тогда что мне досталось от мамы?

Отец замаялся, подбирая слова.

— Ты двигаешься, как она, так же говоришь, смеешься, смотришь... будто это она тебя вырастила, а не я.

Боль плескалась в его мыслях, кромсая сердце на куски. Потревоженные старые раны ныли, не щадя душу. Переживания о прошлом сводили Викара с ума. Он прятал воспоминания о возлюбленной так глубоко, как только мог, но её имя все равно

выскользнуло из-под выстроенной стены. Мне хотелось произнести его вслух и ощутить на языке.

Итолина.

Теплое, как солнце, тягучее, словно мед, и такое же сладкое.

— Прости, милая, что не могу дать тебе желаемого. Некоторые вещи лучше не знать.

— Не решай за меня, — с трудом выдавила из онемевшего горла.

— Я твой отец, Айрин. Мне виднее, как лучше.

— Ничего ты не знаешь.

Царь недобро сверкнул глазами, недовольный, к чему привела беседа, и надел на шею кулон. В этот же самый миг его лицо покрылось рябью и переняло черты другого человека. Внешность лекаря вызвала еще больше отвращения в душе. Я отвернулась.

— Когда-нибудь ты поймешь, — сказал отец, скрываясь за дверью.

Оставшись одна, я снова подошла к зеркалу. Камни в диадеме переливались, словно подсвеченные изнутри. Я облизнула пересохшие губы. Напряжение все росло в душе, и я боялась мига, когда ледяная завеса прорвется, выпуская горячие мысли наружу. Как замороженная, подошла ближе и положила ладони на стекло. Ярко-синие и почти такие же неестественно-насыщенные, как у Илис, глаза смотрели с отражения. Я не могла отвести взор.

Перемены в душе повели за собой преобразования снаружи. Я другая. От неуверенной в себе бастарды не осталось и следа.

Утро началось с резкого стука дверь, заставившего вздрогнуть от неожиданности.

— Миледи, — слуга поклонился, подобострастно опуская глаза, точно никогда и не пытался отправить самого близкого для меня человека.

Я смирив Марна придирчивым взглядом, ожидая подвоха от его неожиданного появления. Но переживания оказались напрасными: я мгновенно успокоилась, осознав, что слуга прибыл для визита к Мев. Разумеется, Грасаль не посмел отпустить меня к настоятельнице одну. Вместе с несостоявшимся убийцей готовились к поездке и стражи, предвкушающие прогулку по столице после долгого стояния на посту. Всем не терпелось оставить позади стены дворца.

Но я не могла всего этого знать. Поэтому лишь сдержанно улыбнулась и поинтересовалась:

— Могу узнать, чем вызван ваш приход?

— Князь велел составить компанию во время поездки в город, миледи.

— Хорошо. Ждите здесь, я скоро буду готова.

— Как пожелаете, — быстро согласился Марн.

Я скрылась за дверью своей комнаты и задумчиво уставилась на Ксану.

— Не хочешь прогуляться по городу?

— Было бы замечательно, Айрин, — охотно согласилась служанка, готовая поддержать любое мое предложение.

— Вот и чудесно! — хлопнула в ладоши.

За внешним спокойствием я прятала тревогу в душе. Слишком легко полученное разрешение советника на встречу с Мевил невольно вызывало подозрение. Сложно догадаться, что пряталось за невозмутимостью князя. Никакие поцелуи не заставят меня подумать, что он отказался от своих планов.

Присутствие в экипаже Ксаны немного придавало сил. Я смотрела в окно, но ничего не видела перед собой. Дома и горожане проносились мимо, не оставляя отпечатка в памяти. Улицы мелькали, быстро переходя одна в другую, а названия вывесок сменялись, не находя отклика в душе. Мысли людей смешивались в единый гул, из которого не хотелось вычленять отдельные голоса.

— Все будет хорошо, — едва слышно прошептала Ксана, незаметно для всех накрывая мою ладонь своей. Я кивнула, хотя и не верила в это.

Наконец экипаж остановился, и я выпорхнула наружу, с любопытством разглядывая постоянный двор. Я практически не вспоминала о настоятельнице, пока она сама не напомнила о себе. Мевил хранила много секретов: в некоторые из них хотелось заглянуть, а от других — держаться подальше.

Марн, явно бывавший здесь раньше, уверенно зашел внутрь. Я обернулась к Ксане:

— Сейчас как раз можешь зайти в лавки, о которых мне некогда рассказывала.

— Благодарю, миледи, — покосившись на подслушивающих разговор стражей, перешла на официальный тон служанка.

Она скрылась среди толпы. Городская суeta вызывала нестерпимое желание забиться в угол и спрятаться. Если дворец окружал зеленый парк, куда не пробраться обычному человеку, то стены дома, в котором расположилась Мевил, совсем не защищали от безумного вихря чужих мыслей. Образы кружились в голове, мешая сосредоточиться.

Несмотря на кажущееся большим скопление горожан, я понимала, что в других районах столицы толпы еще гуще, а разговоры — громче. Нужный нам постоянный двор располагался на окраине Мауроны. Поймав взглядом спину Марна, ожидающего внутри, я последовала за слугой и вскоре без удивления заметила, что настоятельница выбрала самую уединенную комнату из всех возможных. Новая Мев явно боялась публичности.

Я постучала и, услышав знакомый голос, зашла внутрь. Княжеский шпион было ринулся следом и едва не юркнул в щель, просочившись, как мышь в нору, но в последний момент я нажала на дверь и раздраженно произнесла:

— Соглядатаи здесь не нужны.

— Но...

— Уходи сейчас же, иначе, клянусь богами, устрою такую беззаботную жизнь, что будешь потом молить вернуться на кухню.

В моем взгляде пронеслось нечто такое, что заставило его нервно сглотнуть и неожиданно для себя сделать три шага назад. Когда я удостоверилась, что нам уже никто не мешает, обернулась и невольно приоткрыла рот от удивления.

Настоятельница... курила. Захотелось ущипнуть себя — неужели это не сон? Но вот Мев снова поднесла тонкую трубку ко рту и выдохнула облачко сизого дыма, окутавшего ее, точно утренний туман. Воздух в комнате пропах табаком. Чуть горчащий запах смешивался с чуть сладковатым ароматом напитка из простой глиняной кружки, стоящей на столе. Этот коктейль кружил голову.

Суровая жизнь обители не мирилась с низменными слабостями, и никто не смел нарушить царящие в монастыре жесткие запреты. Даже настоятельница не позволяла себе расслабиться, предаваясь греховным удовольствиям. Мевил предстала для меня совершенно в ином свете, точно я столкнулась с иным человеком.

Она же все это время внимательно разглядывала бывшую послушницу и никак не отводила взгляда от лица. Я знала, что ее удивило. Мы давно не встречались, и перемены бросались в глаза Мев гораздо сильнее, нежели остальным, видящим меня каждый день. Даже внимательный Грасаль ничего не заметил, а я и вовсе догадалась лишь после встречи с отцом.

— Синие... Какие же они синие.... — пробормотала она. — Айрин, что произошло?

Я села в стоящее напротив кресло. Мев знала о моей тайне. Я помассировала виски. Как же много всего навалилось! Несмотря на то, что я знала о помыслах настоятельницы в этот момент, не видела ее насквозь. Для меня давно — не секрет, что она подчиняется Дамиану Грасалю, но, несмотря на это, намерения Мевил окутывала дымка таинственности. Ей хорошо удавалось скрывать то, что не хотелось выставить напоказ, точно все это время она тренировалась, сражаясь с собственным разумом.

— Цвет становится все ярче. Я не могу сказать, почему, — нехотя призналась я.

— Возможно, здесь ты найдешь ответы на некоторые вопросы... — протянула настоятельница внушительную стопку листов, перевязанную сбоку бечевкой. Я с любопытством посмотрела на пожелтевшие от времени страницы, исписанные такими аккуратными, будто ажурными, буквами.

— Вторая часть дневника Илис. Первая, короткая, до сих пор у Грасалья. Она дала ему сведения о силе еще одного артефакта власти, но мало полезна для тебя. А вот за оставшимися листами пришлось погоняться.

— Вы читали?

— Да, но для меня многое осталось неясным.

— А Грасаль?

Она покачала головой.

— Время не терпит отлагательств. Сначала с записями лучше ознакомиться именно той, что носит диадему.

— Неужели князь согласился на такие условия? — недоверчиво вскинула брови.

— Он сам это предложил.

Я взбудоражено подвинула к себе дневник покойной царицы и дрожащими руками пролистала страницы.

— Почему вы не приехали во дворец? — пытаюсь ухватиться при беглом прочтении строчек за что-то ценное, скорее из вежливости, чем из интереса спросила я, не поднимая головы.

— Шлюхам не место при дворе, даже бывшим. Моя репутация может все разрушить.

Я поперхнулась и уставилась на Мев, медленно осознавая, что это не шутка. Она действительно жила в доме терпимости, пока ее не вытащил из этого демонова оплота Грасаль. Умеет же князь выбирать людей...

— Вы работали в борделе? — неловко замялась я, теряясь с ответом.

— Да, — спокойно произнесла Мев и больше обескураженная моим смущением, нежели нелицеприятными деталями своего прошлого, придвинула ко мне вторую чашку, меняя тему разговора: — Попробуй.

— Что это? — с подозрением покосилась на темно-коричневую, хоть и пахнущую приятно жидкость. Я поводила носом, втягивая аромат. От кружки поднималось облачко пара.

Мевил понимающе улыбнулась.

— Горячий шоколад. Ты удивишься, но рецепт родом из Сагасса.

— Действительно? Я даже не слышала...

— Тебя не баловали изысками, а это — напиток богачей. Хорошо согревает.

Она поежилась от холода, словно магия иноземного королевского рода просочилась и сюда. В отличие от нее, я не замерзла в комнате. Единственное окно было плотно закрыто, не пропуская даже легкого ветерка. Я сидела с обнаженными плечами, и мурашки даже не думали покрыть кожу, когда как Мев зябко куталась в теплую шаль. За

прошедшее время она сильно похудела, и скулы выпирали на лице, точно ее морили голодом.

— Вы болеете? — поинтересовалась я и сделала глоток. Приторно-сладкий вкус шоколада на удивление не вызвал немедленного желания его запить водой, и по венам расплозлось ощущение приятного удовольствия.

Мев лишь махнула рукой.

— Самое тяжелое уже позади, я чувствую себя лучше.

Я недоверчиво нахмурилась.

— Не нужно рыться в моих мыслях, Айрин, — недовольно сообщила она, мгновенно догадавшись, чем вызвана моя задумчивость. — Ты никак не сможешь помочь. Грасаль нашел хороших целителей, и они делают все, что в их силах.

Не отыскав причину ее недомогания, я стыдливо отвела глаза и подавлено посмотрела в сторону. Раздался звонкий звук — Мев поставила чашку обратно на стол, видимо допив горячий шоколад.

— Вы больше не вернетесь в обитель?

— Не за чем. Ты туда больше не вернешься. Как жизнь при царском дворе?

— Сладка, как содержимое моей кружки, но оставляет чувство горечи во рту.

— Зато жизнь в разлуке с отцом подошла к концу.

— Я бы так не сказала, — искренне призналась я.

Во дворце не было никого, кто мог бы меня понять. Даже Ксана в силу своего положения оставалась далекой от моих проблем, хотя и пыталась проявить участие. Лишь Дамиан Грасаль знал все мои тайны, но находился по другую сторону баррикад. А Мевил... Мевил оказалась невольно посвященной в мои неурядицы, но не мешала и не собиралась идти на саботаж. Когда я осознала это, мне резко захотелось открыться ей и поделиться сокровенным.

— Отец скоро женится. Должно быть, вы слышали...

— Да, сагасская принцесса. Все восхищаются ее красотой и умом. Хорошая партия. Викару всегда нравились женщины, не ведающие слабости.

— Всегда? — ухватила я за слово. — Вы знаете о других его возлюбленных?

— Только об одной... — задумчиво произнесла Мев, и в ее голове пронесся образ статной светловолосой женщины. Я сразу поняла, что эта та самая леди, до сих пор волновавшая отца. Только в воспоминаниях шпионки Грасаля незнакомка выглядела заметно старше, чем в памяти Викара, — не юная девочка, а зрелая женщина.

— Вы знаете мою мать?!

Я подскочила с места и, тяжело дыша, с надеждой уставилась на Мевил. Она вздохнула:

— Айрин, я...

Она осеклась и закрыла от меня свои мысли, усиленно перебирая в голове... разные варианты тканей: «Голубой шелк, золотой лен, светлый рами, жесткий хлопок, колючая шерсть...» Настоятельница нервно била пальцами по столу и как заведенная повторяла ничего не значащие слова. На лбу Мев появилась предательская испарина. Почему она так боится говорить правду?

— Мев, пожалуйста... Отец молчит, и я... в отчаянии. Это сводит с ума. Она же моя мать, а не чужой человек! Я хочу знать, я должна знать правду.

— Прости, Айрин, но тебе лучше уйти, — быстро сказала она, прикрыв глаза и зажав руками уши.

— Мевил, прошу...

Дверь открылась. Я стерла тыльной стороной ладони одинокую слезинку, катящуюся по щеке. Настоятельница ничего не скажет.

Марн учтиво поклонился.

— Миледи, время вышло. Князь требует незамедлительно вернуться во дворец.

Слуга выжидательно замер. За его спиной маячили громоздкие фигуры стражей, одним своим видом предупреждающие, что спорить бесполезно.

— Да... конечно, — хрипло произнесла я. — До встречи, Мев...

Глава 14

Напрасные терзания — медленный яд, постепенно отравляющий душу. Можно погасить внутри свет и оставить тело дышать, вот только живым такой человек уже не будет. Я вздохнула. Горше всего осознавать, что не в силах ничего сделать. Все вокруг столь упрямо молчали о матери, словно правда моего рождения способна уничтожить весь мир.

Я рассеянно перебирала края листов, лежащих на коленях. Поначалу хотела приступить к чтению дневника в экипаже, но потом поняла, что слишком долго вчитываюсь в одну и ту строчку, упуская смысл. Безучастно смотря в окно, дала себе приказ собраться. Сегодня — важный день. Очередное заседание совета обещало принести сагасский титул и последующую за ним близость к царю.

Дамиан Грасаль поджидал возле главного входа. Князь подал мне руку, помогая спуститься. Нашу кожу разделял бархатный шелк. Перчатки не давали ощутить жара его ладони и делали прикосновение каким-то искусственным и ненастоящим.

— Готова? — поинтересовался князь, разглядывая переданные Мев записи.

— Да.

— Пришли вести с севера. Милош Дульбрад осадил Вижский град.

— Пока еще трудно сказать, на чьей стороне перевес?

— Не берусь делать прогнозы. Лирану Факсу помогают, и еще не ясно, кто именно пошел на измену.

Я прижала пожухлые от времени листы к груди, боясь что-то выронить, быстро следуя за советником, и вскользь спросила:

— Мы не можем пройти мимо моих покоев?

— Прости, Айрин. Совет уже весь в сборе, не хватает лишь меня.

Мы остановились возле двери, ведущей в знакомую комнату, где я уже подслушивала заседание. Дамиан Грасаль повернул в замке ключ, но не спешил опустить ладонь на ручку. Я задержала взор на его лице, выискивая что-то, присущее демонам, но внешность князя, хоть и не была совершенной, оставалось далекой от описаний исчадий бездны. Даже иной лик, превративший некогда мужчину в чудовище, не казался столь омерзительным и кошмарным.

Темные, слегка выющиеся волосы, отросшие за последнее время, — аккуратно убраны назад, глаза цвета молодой листвы не скрывали засевшей в сердце тревоги. Мне внезапно захотелось прикоснуться к его губам, но я подавила в себе это предательское желание.

Грасаль резко развернулся и облокотился на дверь.

— Я не знаю, о чем ты думаешь, но стоит признаться: я не люблю тебя.

— Отлично, — процедила я, — наши чувства взаимны.

— Я вполне серьезен, Айрин. Молоденькие девушки любят строить в голове напрасные иллюзии. Мне понравился поцелуй, но не рассчитывай на нечто большее. Я не привязываюсь к женщинам.

— Такие грезы не посещают мои мысли, князь, — сладко, точно научившись у Шанталь, улыбнулась я. — Нас разделяет пропасть, и мне не хочется ее преодолевать. Отрадно понимать, что вы разделяете мои соображения.

— Хорошо. Я рад слышать столь рассудительный ответ.

Советник открыл дверь, пропуская меня внутрь. Я тоскливо оглядела запущенное убранство маленькой комнаты и, поморщившись, вдохнула затхлый воздух.

— Вы бы обивку на кушетке обновили.

— Любые изменения повлекут за собой вопросы, Айрин. Надеюсь, в этот раз мне не придется принимать меры, чтобы тебя разговорить.

Я кинула на князя неприязненный взгляд и перешагнула через порог.

— В любом случае вы лишили меня выбора.

Дверь захлопнулась, и послышались удаляющиеся шаги Дамиана Грасалья. Моментально потеряв к нему интерес, я прислушалась к происходящему за стеной. Советник не лукавил: все действительно уже присутствовали в зале заседаний. Даже отец находился внутри и тайком от всех поглядывал на часы, ожидая подвоха от неожиданной задержки всегда пунктуального главного советника.

Пока Дамиан Грасаль отсутствовал, все бурно обсуждали вести с севера. Новости представляли для меня мало интереса, ведь князь уже поведал суть — осада началась. Больше волновало, что творится в головах у высшей знати. А все с интересом предвкушали начало голосования. Слухи о кандидатурах ходили разные: Сельм-Рамст, благодаря принцессе, пребывавший в курсе о намерениях Грасалья, успел настроить против протеза противника Нерстеда, тоже не питающего особой любви к Дамиану. Князь Ристрих же еще сомневался, желая сначала взглянуть на спорную личность. В глубине души он подозревал, что противостояние главному советнику не закончится ничем хорошим, и даже имел собственные соображения, кого Грасаль представит высшему кругу. Я улыбнулась, понимая, что Ино Ристрих ошибся с выбором.

Но наконец Грасаль появился. Он зашел в зал заседаний с величественно поднятой головой, словно это ему принадлежало место во главе стола, но на самом деле кресло главного советника оказалось по правую руку от недовольного монарха.

«Князь!» — громогласно произнес отец.

«Ваше величество», — поклонился Дамиан, приподняв уголки губ.

Все раздраженно отметили, что обычно холодный Грасаль всю потешается над нелепой ситуацией. Но пока князь красовался в зеленом камзоле, а не в бордовой мантии монарха, на его голове не сияла от пламени свечей золотая корона, он все еще оставался всего лишь подданным государя, как бы не желал об обратном, и был вынужден соблюдать формальности.

Я переплела руки, борясь со скукой. Аристократы обменивались любезностями, оттягивая момент, для которого собрались. Голосование, точно главное блюдо этого вечера, собирались подать горячим. Сквозь наблюдательные глаза Вемура Нерстуда я увидела, как по губам Грасалья скользнула незаметная для всех остальных хитрая улыбка. Что он задумал? Неужели Дамиан заподозрил о строящемся вокруг него заговоре?

«Господа, прошу минутку внимания, — приподнялся со своего места Канор Сельм-Рамст. — Все мы знаем, что настали непростые времена. В этот тяжелый для всех момент крайне важно сплотиться и оказать достойное сопротивление врагам. Испокон веков в совете государя заседало семь князей. Один из них, главный советник его величества, большую часть времени оставался подле монарха, а остальные — посылали своих заместителей. Места никогда не оставались свободными. Но смута дорого нам обошлась: род Азарских полностью уничтожили, за исключением почтенной леди Уны, в замужестве — княгини Дульблад, а Калунских недавно лишили титула, ведь они пошли против своего царя, а значит и против царства Льен. Мне кажется, пришло время для новых имен».

Все согласно закивали.

«Поэтому я спрашиваю вас, князья, и со всем уважением обращаюсь к вам, ваше величество, — отвесил Сельм-Рамст легкий полупоклон, — есть ли достойные кандидатуры, чтобы занять эти два кресла?»

После того, как вопрос озвучили, Дамиан Грасаль невольно завладел вниманием публики. Знать ждала его слова, и князь не стал противиться воле большинства.

«Вы ошибаетесь».

Уверенный голос главного советника нарушил установившуюся тишину.

«Простите, князь?»

«Вы ошибаетесь, — ухмыльнулся он, заметив растерянность Сельм-Рамста. — Пустуют не два места, а три».

«При всем почтении, Дамиан, но разве вы забыли, что Милош Дульбрад сейчас сражается с захватчиком?»

«У меня нет проблем с памятью, Канор. Не вы ли упомянули в своей пламенной речи, что во время отсутствия князя его место в совете занимает верный родственник?»

«Это так, — кивнул смущенный Сельм-Рамст, — но, насколько мне известно, Дульбрад не оставил никаких распоряжений на сей счет».

«Вы заблуждаетесь».

«Дамиан, но ведь у Милоша нет никого из близкой родни, — вмешался в разговор Ристрих. — Не стал же он, в самом деле, оставлять кресло малолетнему сыну?»

«В своде законов царства Льен нет никаких указаний на степень родства, — охотно прояснил неясность Дамиан Грасаль, явно готовый к такому вопросу. — Заместитель Милоша — его двоюродный дядя. Кстати, — взглянул он на часы, — лорд Жер Брайль должен уже подойти. Позовите милорда!»

Лакеи поспешили открывать двери, а я охнула и сползла спиной по стене. Демонов князь-таки обвел всех вокруг пальца! Его протеже получил место в совете, кто знает, на какой срок. Вот ведь... Дамиан! Как чувствовала — он что-то задумал. Шанталь думала на два шага вперед, а этот интриган — на три. Он уже ее обыграл. Если другая хитрость принцессы тоже не увенчается успехом, я пропала. Надежда лишь на царя. Я сложила руки в молитвенном жесте, прося Берегиню, чтобы отец хоть раз в жизни прислушался к моим словам.

Тем временем в зале появился Жером, и я поняла, что совершила непростительную ошибку: царь видел его впервые. Это значило, что я совершенно напрасно отговорила отца от выдвижения кандидатуры верного ему человека, а план Грасаля без помех воплотился в жизнь.

Взволнованно поклонившись совету, новоприбывший представился, хотя это уже и не требовалось:

«Светлого дня, ваше величество. Я лорд Жер Брайль, двоюродный дядя князя Дульбрада со стороны матери, и посланный сюда, чтобы выражать его волю до возвращения».

«У вас есть соответствующая грамота, милорд? — хмуро спросил царь, заранее ничуть не сомневаясь в положительном ответе».

«Разумеется, ваше величество».

Жером достал приготовленный заранее документ. Само собой, настоящий. Лакей передал распоряжение Милоша Дульбрада государю. Царь провел пальцем по отпечатку перстня князя и прикоснулся к подписи, точно проверяя ее на подлинность. Когда ожидание уже сильно растянулось, отец кивнул.

«Займите место, милорд».

«Благодарю за оказанное доверие, ваше величество».

Жером обошел стол и сел на место Дульбрада. Все смирив его оценивающим взглядом, совершенно не сомневаясь, чьим интересам он в действительности служит. Новоприбывшего такое внимание не смутило. Он спокойно сложил руки, готовый к придирчивым расспросам, но их не последовало.

Сельм-Рамст нерешительно встал и продолжил прерванную появлением лорда мысль.

«Итак, в совете свободно два места, — на этих словах он подозрительно покосился на Грасалья, точно ожидая очередного упрека, но замечаний не последовало. — Есть ли у кого-то на примете достойные кандидатуры? Например, у вас, лорд Брайль?»

Князь Нерстед насмешливо фыркнул. Все задержали на нем взоры, и северянин закрыл нижнюю часть лица рукой.

«Прошу прощения».

«Интересно, Грасаль уже приготовил для кого-то свободные кресла или планирует придержать их для будущего?» — иронично пронеслось в голове у напустившего на себя равнодушный вид Нерстеда.

Царь молчал. Ему не хотелось открывать двери совета для новых людей, ведь свежая кровь может слишком разбавить старую. Ожидание перемен заставляет балансировать на краю пропасти: оступишься и упадешь вниз, сделаешь шаг назад и спасешься. Никогда не знаешь, куда подует ветер, толкая в сторону. Предсказать его порывы сможет лишь знающий человек. Каждый из сидящих за столом самоуверенно полагал, что ведает, как поступить верно: Сельм-Рамст искал выгоду, Ристрих мечтал стать более значимой фигурой, Нерстед впадал в уныние от корысти совета, понимая, что любая отличная от чужих интересов инициатива напрасна, а Фалькс завистливо кусал губы, наблюдая за интригами снова обставившего его Грасалья.

Вот только они забыли, что в политике ветер — не просто явление, а личность, наделенная разумом и чувствами. С «юга» направлялись козни Дамиана, а с «севера» — Шанталь. Бурные порывы сбивали царя с ног, мешая крепко стоять на месте.

Отец не собирался выдвигать кандидатуру лорда Лейма на голосование, точно чуя, кто на самом деле нашептал имя ему в ухо. Я сжала губы. Интуиция Викара не подводила.

Сапфировая диадема ужасно давила на голову, как будто немного сузилась в размерах. По вискам скатывались капли пота, точно у лихача, попавшего в лапы к стражам. Я немного приподняла венец и затем снова вернула на место. От напряжения пальцы дрожали, как у старого пьяницы.

Наконец Вемур Нерстед озвучил незнакомое для меня имя. «Не выберут», — уверенно предположил князь, наблюдая за внутренними терзаниями остальных. Сельм-Рамст, Грасаль и Брайль действительно не колеблясь произнесли «против». Голос Ристриха, давнего друга северянина, ничего не решал, но все-таки он высказался в поддержку Нерстеда.

«Кандидатура отклонена», — надувшись от самодовольства, провозгласил Сельм-Рамст.

«Вы так уверены?»

«Простите, ваше величество, — побледнел союзник принцессы. — Ваша воля, как и всегда, — закон».

«Хорошо, что вы помните, кто в действительности ваш государь», — улыбнулся Викар.

Я прижала ладонь ко рту. Как он догадался?! Слова царя так огорошили князя, что за его низменным страхом пророс и мой. Далеко не сразу удалось понять, что отец подозревает вовсе не королевский род Сагасса, стоявший за всем этим, а свой собственный. Викар, верящий Сельм-Рамсту долгое время, начал подозревать, что тот ведет двойную игру и поддерживает Лирана. Вот только царь неверно определил противника...

Впрочем, дальше намеков государь не зашел. Сомнения закрались в его душу, но не более. Никаких веских причин враждовать с Сельм-Рамстом отец не имел и не стал дальше распространять тему. Я облегченно выдохнула, но спокойствие ненадолго задержалось в душе. Отец сумел заставить только утихнувшее волнение снова всколыхнуться и ураганом закружиться вокруг.

«Мне нравится предложенная Вемуром Нерстедом кандидатура. Я прислушался к вашим словам, князь, но решение уже принято. В совете пока что временно появится новый член. В царстве Льен всегда было ровно семь князей, и я надеюсь, в будущем так и

останется. Доступ в высший круг нужно заслужить», — ровно произнес царь.

Государь мог отклонить решение совета или согласиться с ним. Я поняла, что прежде выбор Викара совпадал с мнением большинства, но сегодня все произошло иначе, нарушив привычный порядок. Надо отметить, обычно не оспаривая голосования, отец поступал верно — одобренные до этого предложения действительно того стоили. Так, я неожиданно узнала, что благодаря смекалке князя Дульбрада в столице появился большой артефакт, очищающий воду, благодаря Сельм-Рамсту — следующей зимой северяне не пострадают от голода, а благодаря Нерстеду — южане не будут изнывать от засухи. Но это заседание как никакое другое соблазняло советников поступить не во имя общего блага, а ради себя самого.

— Как же не вовремя... — пробормотала я, понимая, что никто не услышит.

Шанс выполнить условие принцессы становился все призрачнее: быстро вскружив голову, он таял, дымкой растворяясь в воздухе. «Ты должна добиться своего во что бы то ни стало», — навязчиво кружилось в мыслях, туманя разум. Я сжала руки, борясь со скопившимся в душе напряжением. Голову точно сжимали тисками, и по вискам ударила резкая боль.

«Во что бы то ни стало...»

Размышления других людей так сильно поглотили меня, что я забыла, где нахожусь. Жар поднявшегося спора подмял под себя, сжигая заживо, и заставил багряной птицей возродиться из пепла вновь. Всего мгновение назад изнывала от тоски запертая в камерке, а теперь рассеянно моргнула, не понимая — мои глаза смотрят или чужие. Я стояла рядом со столом для заседаний, незримая, как не упокоенный дух. Реальность это или фальшь?

Князя свободно говорили, совершенно не замечая мое появление. Дамиан Грасаль перебирал пальцами по подлокотнику кресла, отрешенно раздумывая над какой-то дилеммой. Точно ощутив пристальный взор, он резко вскинул голову и оглядел зал, выискивая что-то. Я замерла ровно напротив главного советника, но он в упор этого не замечал: невозмутимо мазнул очами по месту возле царя и перевел взгляд дальше. Я облегченно выдохнула. Чуйка князя не подводила, а вот глаза — нагло ввали.

Я положила руку на плечо отца, но тот даже не шелохнулся, и наклонилась, приблизившись вплотную к его уху.

— Возьми лорда Лейма в совет, — действуя скорее по наитию, чем действительно осознавая это, вкрадчиво прошептала я.

— Айрин, — вздрогнул Викар и махнул рукой, будто стряхивая с себя невидимую пылинку.

Я сделала шаг назад, не сводя взора с государя. Мое имя, тихо соскользнувшее с губ отца, мгновенно привлекло внимание Дамиана Грасаля.

— Ваше величество?..

— Померещилось, ваша светлость. Так что вы говорили по поводу восстания бедняков на крайнем севере?

Князь прищурился, придирчиво разглядывая Викара, и, не обнаружив ничего подозрительного, нехотя продолжил:

— Лиран Фалькс разжигает смуту, сея зерна сомнений в душах доверчивых людей и обещая неслыханные богатства тем, кто его поддержит.

— Возьми лорда Лейма в совет, — не отвлекаясь на речь Грасаля, тверже повторила я. — Возьми лорда Лейма...

— Я считаю лорда Лейма, долгое время служившего послом в Сагассе, второй достойной кандидатурой, чтобы занять свободное место, — прервал важное донесение отец, озвучив «свою» волю.

— Ваше величество? — удивился неожиданному решению Нерстед.

— Я хорошо все обдумал, князь. Мой выбор не подлежит обсуждению.

Губы сами собой растянулись в улыбке. Наказ Шанталь-таки удалось притворить в жизнь. Торжественно вскинув подбородок, с удовольствием наблюдала за поражением главного советника. Лицо Дамиана Грасаля перекосило от кислого омерзения, но он не решился отговаривать его величество от «опрометчивого» шага, публично выступая против. Знал бы князь, кто подсказал царю обратить внимание на лорда! Ведь никакая проницательность не заставит поверить, что бастарда каким-то образом переместилась из каморки в зал заседаний царского совета.

Победа вскружила голову, и я почувствовала, как за ликованием теряю контроль. Все вокруг пошло рябью, поползло и стало выглядеть, как краски, стекающие по холсту. В ушах стучало, и я зажала их руками, с трудом преодолевая боль. Ощущение — будто по солнечному сплетению сильно ударили, раздирая на куски. Точно зеркало я разбилась на множество мелких осколков, а затем собралась вновь. Раны залатали, и страдания закончились.

Вокруг ничего не напоминало о визите в соседнюю комнату. Я оглянулась, бешено дыша, как утопающий, резко оказавшийся на суше. Прямо напротив стояла Илис: черные волосы развивались за спиной, хрупкий силуэт замер возле стены, совершенно не двигаясь.

— Ваше величество! — неловко окликнула королеву.

Она выглядела такой настоящей... Совсем не как призрак, который ожидаешь увидеть. Замерев, точно дурная вестница, прародительница не издала ни звука. Я приблизилась и громко охнула, разглядев лицо.

В царский дворец не явилось привидение. Это была не Илис. Это была... я.

Я протянула дрожащую руку и коснулась ее платья, желая убедиться в реальности происходящего. Кружево не защеботало кожу, а шелк не заскользил под пальцами, нежно лаская длань. Я ничего не чувствовала. Напрягшись, попыталась вспомнить, ощутила ли, переместившись в зал заседаний, жара тела отца, и только тогда поняла: тепло тоже перестало отогревать душу, а холод — кусать спину. Все поблекло, только чужие мысленные образы пестрой вереницей кружились вокруг, еще объемнее, еще насыщеннее, еще ярче.

Страх удавкой обвил шею. Вторая я застыла бледным изваянием: с щек исчез румянец, а вот смотрящие в пустоту глаза светились синим цветом.

— Нет, нет, нет! — яростно закричала я, осознавая, в какую ловушку угодила: сама заперла клетку, а ключ далеко выкинула, избавляясь от единственного шанса все изменить.

Внутри упала полоска яркого цвета. Я оглянулась и увидела Дамиана Грасаля, стоящего возле порога.

— Айрин, уже можно выходить.

— Дамиан! — изо всех сил выкрикнула его имя, надеясь, что князь все-таки услышит, но советник оставался глух.

— Айрин, пойдем. Не время для глупостей, фиалка.

— Дамиан!

— Айрин! — не замечая призрака, стоящего прямо напротив него, раздраженно махнул рукой в сторону неподвижного тела.

Наконец заметив, что то застыло, точно лед, князь бросился к нему и затормозил за плечи, желая достучаться до чего-то спрятанного внутри. Этим чем-то была я сама, но совершенно не имела понятия, как поступить.

— Айрин!

Я увидела, как зеленые змеи соскользнули с его рук к «моим», лентами обвивая те по всей длине и со вспышкой растворяясь в жилах. Изумрудные чешуйки переливались золотом и сияли, как драгоценные камни. Постепенно на «моих» щеках расцвел нежный румянец. Князь же, наоборот, побледнел, едва справляясь с возложенной ношей. Скулы Дамиана еще сильнее выступили наружу, делая лицо болезненно худым, а под глазами залегли такие черные круги, как будто их специально нарисовали углем.

Комната озарилась светом. Я опустила взгляд вниз и увидела, как из груди вырываются наружу яркие лучи, словно распуская венчик цветка. Пальцы закололо, и ладонь «оболочки» тоже слегка дрогнула. Сердце купалось в тепле, отогреваясь за время заточения. Я закрыла глаза, а когда открыла их — столкнулась с облегченным взглядом Грасалья. Все было уже позади, и душу, выпорхнувшую в свободное плавание, затянуло обратно в тело.

— Дамиан... — едва выговорила я, как ноги подкосило от резко нахлынувшей слабости.

Я упала на князя, не удержавшего равновесия. По тяжелому дыханию советника догадалась, что он тоже не в силах шевелиться, изнемогая от усталости. Я не двигалась, лежа на его груди. Казалось, даже руку поднять — непосильная ноша.

— Айрин... — спустя несколько минут выдавил из себя Грасаль. — У меня в кармане... накопитель...

Я моментально поняла, что он хотел, но потребовалось еще немного времени, чтобы сдвинуть ладонь. Пальцы заскользили по груди Дамиана, нащупывая отделение в темно-зеленом камзоле. Вскоре мне удалось найти несколько кристаллов — один раздавила сама, а другой сунула в руку князя. Силы резко хлынули в меня, убивая слабость.

— Что тебе потребовалось такого сделать, чтобы так угаснуть? — без ожидаемой злости спросил заметно посвежевший советник.

Я опустила глаза, понимая, что отпираться бессмысленно — Грасаль уже меня раскусил.

— Назначение лорда Лейма — твоих рук дело?

Осторожно кивнула.

— Демоны тебя раздери, о чем ты думала? Еще немного, и я бы демонстрировал царю бездыханное тело.

— Я не намеренно... Все вышло случайно. Я потеряла контроль, а затем... затем... — слезы полились из глаз.

Я всхлипнула, не в силах с тобой бороться.

— Фиалка...

Пальцы Дамиана оказались возле моего лица и нежно очертили его овал.

— Тебе нужно больше уроков, но никто, кроме Илис не способен их дать, — взгляд князя зацепился за лежащие на кушетке листы.

— Ты не злишься? — нарушив субординацию, тихо спросила я.

— На тебя — нет.

Я вкинула брови.

— Вот как?

— Да, но Шанталь пожалеет, что втянула тебя в эту игру, фиалка, — сказал Дамиан и его рука, лежащая на моей талии, сильнее притянула к себе.

Я недоуменно моргнула и, не ожидая подобного ответа, посмотрела на князя. Наши взоры пересеклись, а затем я ощутила его губы. Все произошло внезапно. Я не

понимала, кто первый наклонился к другому, и забыла о пережитом. Страшные воспоминания померкли, как оставленный позади жуткий сон. Я целовала Дамиана, и он отвечал мне взаимностью — большего было и не нужно. Я растворилась в этом мгновении. Еще немного и оно исчезнет, померкнув в прошлом. Уже завтра вспомню обо всем со стыдом, а пока я наслаждалась неожиданной близостью с князем.

Наконец мы отстранились друг от друга.

— Случайность? — выдохнула в его губы.

— Разумеется, — ухмыльнулся Грасаль.

Сказка о заколдованном царстве

Однажды погожим летнем днем, когда солнце высоко в небе, а трава зеленым ковром щекочет ступни, юный сын лорда гулял с наставником по лесу. Мальчик любопытно оглядывался вокруг, слушая неспешную речь учителя, как вдруг тот оборвался на полуслове, различив отчаянный крик. В нем одновременно сплелись жалобная мольба о помощи и сильное страдание от не преодолимой боли.

Путники пошли по направлению к источнику звука. В высокой поросли, растущей возле кромки воды, они обнаружили барахтающегося в луже сокола с подбитым крылом. Увидев раненую птицу, наследник благородного рода, не задумываясь, снял с плеч дорогой камзол и подобрал несчастное создание, но наставник лишь осуждающе покачал головой:

— Помрет ведь. Лучше добить сейчас, чтобы не мучился.

— Ни за что, — упрямо вскинул подбородок его ученик и приподнял руки с соколом поближе к солнцу, чтобы лучше разглядеть повреждения.

Несмотря на грязь, пятнами повисшую на боках хищника, пестрые перья засияли золотом, как руно из древних легенд. Смолкшая птица склонила голову, внимательно разглядывая спасителя черными глазами. Сын лорда чувствовал, как сильно бьется ее крохотное сердце и успокаивающе произнес:

— Не бойся. Тебя непременно вылечат.

Наставник неодобрительно вздохнул, но не стал опровергать слова наивного упряма. Мальчик бережно прижал сокола к груди, обдумывая, как бы уговорить служащего в замке лекаря помочь.

Но дома спасителя ждало лишь горькое разочарование: он встретился с одними упреками и насмешками. Никто не хотел помочь, а отец и вовсе пригрозил выпороть за недослушанный урок. Борясь с малодушными слезами, готовыми вот-вот предательски выкатиться из глаз, сын лорда поспешил в свои покои. Соколик виновато смотрел на мальчика, точно чувствуя за собой вину.

— Все равно тебя вылечу! — с несвойственным ему упорством, пообещал он.

Шло время. Никто не верил, что птица выживет без целительской магии, но с каждым днем она все крепла и крепла, пока наконец не взмахнула золотыми крыльями, поднявшись в высь, и, сделав круг, не приземлилась на плечо мальчика, чтобы выровнять дыхание. Сын лорда счастливо заулыбался, радуясь ее выздоровлению, но улыбка на устах продержалась недолго, скоро потухнув, как факел от брызг воды. Он понял: еще недолго и придется расстаться с неожиданно приобретенным другом. Ощувив перемену в настроении спасителя, сокол заластился, как верный пес. Но это не обмануло наследника рода: он знал, что тяжелый момент неотвратимо приближался, и это нельзя было изменить.

С тех пор сокол каждый день делал попытку взлететь: сначала ему удавалось продержаться в полете совсем недолго, но затем преодолеваемое расстояние начало увеличиваться. До прощания с людьми оставалось совсем уже немного времени, когда до владений лорда дошла важная весть: скоро прибудет царь.

В назначенный день сын лорда стоял возле взволнованного отца, поджидающего карету монарха. Сначала появилась свита, и только затем удалось разглядеть саму царскую чету, приехавшую на запад страны вместе с детьми. Сын государя, всего на год старше наследника вассала, благосклонно ему улыбнулся. Лорд надавил на плечо своего отпрыска и тихо прошипел:

— Не стой столбом!

Мальчик неуклюже поклонился. Он быстро нашел общий язык с цесаревичем, казавшимся смелее, умнее и проворнее всех остальных ровесников. Сын лорда восхищался новым другом и подолгу проводил с ним время, иногда даже забывая о спасенном соколе. Златоперая птица тоже нередко надолго улетаала из замка, зачастую

пропадая на несколько дней, но всегда возвращалась.

Однажды она вернулась из очередного странствия и положила на подушку лорденка красивый перстень с крупным рубином. Пораженный мальчик тут же надел его на палец и услышал в мыслях слова: «Кольцо — ключ».

Сын лорда поспешил похвастаться новому другу о невероятном даре, и его самолюбие тронуло неподдельное восхищение цесаревича. Наследник престола долго разглядывал рубиновый перстень, не скрывая своего очарования драгоценным камнем, пока наконец не произнес:

— Подари его мне!

— Что?! — пораженно захлопал глазами мальчик. — Я не могу!

— Все равно ведь отдашь, — спокойно произнес царский отпрыск.

— Ни за что!

— Посмотрим.

Лорденка сжал кулаки от гнева, моментально растеряв самозабвенное обаяние гостем. Он пошел в комнату, но не успел дойти до двери, как увидел впереди идущего слугу с понурым соколом, запертым в клетку.

— Что вы делаете?! Прекратите!

— Приказ лорда. Птица едва не заклевала цесаревича.

— Не правда! — жарко воскликнул мальчик.

— Поговорите с отцом, — сочувственно посоветовал мужчина.

— Я не дам им пленить тебя, — сказал птице сын владельца замка и немедленно побежал к лорду.

Он не верил, что отец не прислушается к словам. Но суровая реальность оказалась далекой от наивных мечтаний: лорда совершенно не волновало, повинна ли птица в деянии или нет.

— Не хочешь ли ты обвинить своего будущего царя в клевете? — грозно нахмурился родитель. — Я ничего не желаю слушать. Извинись перед цесаревичем за дерзость и отдай ему перстень, дабы тот поскорее забыл о случившемся.

— Нет!

— Немедленно! Иначе, Треоким клянусь, ты мне больше не сын.

— Я не пойду на предательство. Если из-за этого ты отречешься от меня, отец, так тому и быть.

Лорд рассмеялся, не веря в искренность его дерзких слов.

— Тогда куда же ты пойдешь, лишенный рода? Превратишься в побирушку?

Мальчик промолчал.

— Сейчас же иди и преклони колени перед своим монархом.

Сын лорда молча развернулся и ушел. Он не сомневался в решении и твердо намеревался до конца стоять на своем.

В покоях он застал цесаревича. Тот примирительно выставил перед собой руки и произнес:

— Я не ищу ссоры, друг. Сокол ждет тебя внизу.

— Простите мое непозволительное поведение, ваше высочество, — в свою очередь

серьезно извинился мальчик. — Я рад, что мы помирились.

— Тогда иди к своему питомцу.

Лорденек быстро поклонился и стремглав побежал по лестнице, но внизу его ждало совсем не то, что он ожидал увидеть.

Слуга, прячущий окровавленную руку, громко выругался. Он едва не выпустил птицу из клетки, попытавшись ее схватить. Заклеваемый мужчина бросил тоскливый взгляд на лежащий рядом тесак и, поняв, что мерзкое создание не заслуживает такой легкой смерти, вцепился в прутья и пошел к кузнице, где всегда горел огонь.

Мальчик быстро понял, что тот намеревается сделать. В глазах помутнело, и он бросился к распахнутой двери. В этот же самый миг клетка с истошно кричащим соколом, машущим крылами, тщетно пытаясь выбраться из заточения, упала прямо в языки пламени. Перья вспыхнули так ярко, как факел. Не жалея рук, сын лорда схватился за горячие прутья и вытащил друга, хотя было уже поздно.

Кожу раздирало от боли, но мальчик даже не поморщился, точно не чувствуя ее, и открыл дверцу. В носу засвербило от едкого запаха опаленных перьев. Лорденек аккуратно положил птицу на пол. Сокол тяжело открыл глаза. В тот же миг его тело пошло рябью, и на камне появился тяжело обгоревший мужчина. Он издал хрип и с трудом выдавил:

— Сохрани перстень...

Не успел мальчик справиться с потрясением, как незнакомца покинул дух. Он умер, так и не дав ответов на множество вопросов, озадачивших спасителя.

Лорденек плохо помнил, что произошло дальше. У него все плыло перед глазами, и раз за разом он вспоминал, как на месте сокола появился мужчина, слепо глядящий в пустоту выжженными глазами...

Когда его взгляд натолкнулся на насмешливо ухмыляющегося цесаревича, жар в груди запылал сильнее огня в кузнице. Наследник престола не желал дружить с сыном лорда, а сделал все, чтобы наказать того за непослушание.

— Ты! — было бросился вассал на господина с кулаками, но стражи быстро его скрутили и, что обиднее всего, сорвали с пальца подаренный соколом рубиновый перстень, напоминающий о друге, точно капли крови, смешанные в чаше побратимов.

А ведь то была последняя воля... Сохранить, уберечь. «Не смог», — звучало в мыслях мальчика.

Когда царь вместе с семьей покинул замок, отец лично выпорол сына розгами за непослушание, но тот до последнего мужественно терпел, сдерживая слезы, чем еще больше прогневало лорда. Никто не поверил, что погибший в кузнице мужчина, которого приняли за неизвестного криворукого слугу, на самом деле мог птицей воспарить в небо.

Спустя много лет, когда история с соколом уже забылась в думах обитателей замка, а лорденек возмужал и повзрослел, заняв место своего почившего от болезни отца, на его пороге появилась женщина. Скромно одетая в простое черное платье, она милостиво попросила о встрече с владельцем земель, в которых очутилась, и получила согласие.

— Мой брат погиб в ваших краях, — сказала она.

— Соболезную, — с сочувствием кивнул лорд. — Кем он был?

— Это случилось давно. Мне сказали, вы знали его. Лишь недавно удалось выяснить, что случилось. Долгое время его считали бесследно пропавшим. Я жила, всем сердцем надеясь еще раз увидеть брата, хотя бы разок, убедиться, что с ним все хорошо, но... — ее голос дрогнул, — он умер. Погиб в пламене вашей кузницы.

Лорд резко побледнел, тут же вспомнив историю о соколе.

— В пламене?..

— Да, должно быть, это звучит чудно. Я сама огненной крови, но заклятье оборота, которым воспользовался брат, сделало его слабым, ведь все птицы боятся опалить крылья.

— Кто вы?

Женщина не назвала своего имени. Она знала, что лорд помнит о случившемся в прошлом, и не желала раскрывать секреты о нынешнем.

— Брат носил ценный рубиновый перстень. Я знаю... он отдал его в благодарность за помощь, наказав хранить, что бы ни случилось.

— Вы ошибаетесь. У меня его нет.

— Вы потеряли его? — охнула незнакомка.

— Нет, сейчас кольцо принадлежит другому человеку — цесаревичу.

— Как же это могло случиться? Вы хоть знаете, что это за вещь?

В памяти лорда всплыли еще тогда заинтриговавшие слова сокола.

— Ключ.

— Да, ключ и сильный поисковик, — недовольно пояснила сестра погибшего. — Он не должен оказаться в плохих руках.

— Тогда зачем он передал его мне? — нахмурился лорд.

— Видно, чувствовал, что так не вернется домой, — с невообразимой тоской произнесла она.

— Но какую дверь открывает этот ключ?

— Слушайте. Много веков назад началась война, идущая до сих пор. Это противостояние истинных Света и Тьмы. Сейчас держится равновесие, не дающее полностью победить одной из сторон, но однажды... Однажды Тьма пробила в земле рану и проникла наружу. Его было так много, что весь мир разом поглотила мгла. Многие воины света пытались уничтожить эту трещину, но их попытки не увенчались успехом, пока один из них не прочел заклинание, которое наконец сомкнуло края. Рубин в перстне стал ключом от врат в царство тьмы. Мы должны найти его, пока не стало слишком поздно.

Лорд понимал, что не найдет понимания у цесаревича, но все равно согласился поехать в столицу. Отчаяние женщины заражало, хотя он слабо верил в ее сказки. Он давно перестал быть доверчивым мальчиком, открыв рот слушающим рассказы взрослых.

В столице сестра сокола держалась отстраненно и постоянно закрывала лицо, боясь, что ее узнают. Особенно ее страшила возможная встреча с царем. Когда лорд спросил женщину, в чем дело, она нехотя призналась:

— Я его племянница.

— Что?! — воскликнул лорд. — Тогда почему вы не обратились к цесаревичу напрямую?

— Все не так просто. Сестра царя вышла замуж наперекор воле семьи. Они едва не лишили ее титула, хотя избранником царевны стал человек из высшего круга соседней страны. Считали, что не любовь слепила ее, а его родовая магия, которой нельзя противостоять. Меня и братьев не жалуют в царстве, ибо силой мы пошли в отца, а не в мать. Я не могу сама отправиться во дворец. Прошу вас, поговорите с наследником. Не дайте ему обратить могущество перстня во вред.

Лорд понял, что не может ей отказать. Что-то было в ее словах... волнующее. Женщину хотелось слушать бесконечно, напевный голос кружил голову, как крепкое вино. Может быть, не зря сам царь опасался ее родовой магии?..

Совсем скоро лорд добился аудиенции с цесаревичем. Тот принял его в круглом зале, сидя в кресле и встречая гостя надменным взглядом. На щеках наследника алел яркий

румянец, точно от лихорадки. Вассал сдержанно поклонился.

— Ваше высочество.

— Милорд.

Во дворце гость чувствовал себя неуютно. Холод от гуляющего по коридорам сквозняка пробирал за плечи, затылок словно буравил чужой взгляд. Лорд кинул взор на руку цесаревича, перебирающего пальцами. Тот все еще носил рубиновый перстень, заполученный в детстве. Вспомнив, что кольцо село как влитое и на его длань, мужчина отрешенно подумал, что то явно меняет размер.

— Я пришел, чтобы попросить о милости, — сказал лорд, и его голос дрогнул на полуслове.

За спиной наследника проشمгнула черная тень. Владелец далеко не самого крупного замка в царстве ощутил, как по хребту бегут мурашки. Похоже, опасения сестры сокола были не напрасны... Перстень действительно нес опасность, и, похоже, что знакомый из детства открыл дверь, которую не стоило трогать, и потревожил жаждущую поквитаться за долгое заточение тьму.

Лорд не помнил слов, которые произнес, все равно они были лживыми. Только покинув дворец, он понял, кого напомнил ему цесаревич — человека, сгорающего изнутри. Наследник престола выпустил демонов наружу, и теперь они медленно убивали его, вытягивая силу.

Он рассказал обо всем произошедшем сестре сокола. Она тяжело восприняла это признание и принялась немедленно собирать вещи, чтобы побыстрее покинуть столицу.

— Вы бежите? — удивился лорд. Он не верил, что эта сильная женщина способна на трусость.

— Нет, но зачарованный рубин уже не достать. Демоны знают, что сейчас я единственная, кто полностью осведомлен о его мощи. Даже мой младший брат, оставшийся дома, не ведает всей тайны. Я должна рассказать ему, где находится дверь в царство тьмы, пока не стало слишком поздно. Мои дни сочтены.

— Не говорите так!

— Это правда. Прощайте!

Когда за ней закрылась дверь, что-то оборвалось в душе лорда. Он тряхнул головой, стряхивая наваждение. И чем его столь привлекла незнакомка, чье имя он так и не узнал? Зачем он приехал в столицу, поверив глупым сказкам? Тень за спиной цесаревича явно всего лишь померещилась от страха.

Лорд вернулся в свои владения, так и не узнав, что новой знакомой даже не удалось покинуть пределов столицы. Ее тело, обезображенное до не узнавания, следующим же утром нашли стражи и закапали вместе погибшими накануне бедняками.

Дети царя гасли один за другим: сначала страшный недуг сразил цесаревича, пока он не ослаб во время одного из приемов и не упал замертво, потом почил обе дочери монарха, а затем умер и он сам, не оставив наследника. Тогда вспомнили и о племянниках государя, живущих в другой стране. Новый царь взял соколиное имя, в честь когда-то погибшего брата, и дал начало новой династии.

Но покой нескоро вернулся в страну вслед за пришедшими переменами. Настали Темные времена, продлившиеся целый век. Все это время воины света безуспешно сражались со Тьмой, пока наконец не удалось найти кровоточащую рану на поверхности земли и не залатать ее с помощью ключа. Тогда установилось хрупкое равновесие между Светом и Тьмой, но предания гласят, что оно еще не раз будет нарушено.

Глава 15

Я отложила от себя хрупкие от немилосердного натиска времени листы бумаги, среди которых затесалась старая сказка, когда-то рассказанная в детстве отцом. Как же мне только раньше в голову не пришло? «Соколиное» имя... Фалькс!

Не ясно лишь, как легенда из дневника Илис связана с происходящим сейчас на материке. Возможно, смута в стране не имеет ничего общего со страшной историей, но приписка внизу, явно сделанная царицей наспех, гласила: «Мы рождены, чтобы не дать им завладеть царством Льен». По коже побежали мурашки. Чему верить?

В комнату постучали. Появился слуга и, поклонившись, громко объявил:

— Ее Королевское Высочество принцесса Шанталь из Сагасса.

В лицо ударил порыв холодного ветра, заставивший зябко поежиться. Шанталь величественно зашла в мои покои, точно белая лебедь, плывущая по озеру. Нежное кружево, оторачивающее платье, выглядело как россыпь хрупких снежинок, застывших на розовых лепестках.

— Оставьте нас.

Слуга кивнул и вышел.

— Айрин, — улыбнулась она, — я принесла благую весть. Королева благодарит вас за содействие. Обещаю, что совсем скоро вы получите титул.

— Прекрасная новость, ваше величество.

Победа, давшаяся слишком тяжело, уже не радовала. Почувствовав перемену в моем настроении, Шанталь подошла ближе. Ее грудной голос хрустел как снег в морозный зимний день и столь же мягко ласкал слух:

— Отчего же вы не рады, дорогая?

Вопреки участию во взгляде, душа принцессы сохраняла прежнее равнодушие, точно когда-то она замерзла и застыла навсегда.

— Я смогу вздохнуть спокойно, лишь когда при всех подойду к царю, не ощущая себя изгоем.

— Уверяю, этого не придется долго ждать. Единственное, печальное меня, — Дамиан Грасаль. Не сомневаюсь в его подлом намерении сохранить власть над бастардой его величества.

— Вы хотите устранить князя.

— А разве вы не желаете того же? — как ни в чем не бывало призналась принцесса. — Уже на днях состоится наша с его величеством свадьба, и я назовусь царицей. Не хотелось бы, чтобы моему правлению помешал один человек.

— Правит царь, — гораздо резче, чем требовалось, ответила я. — Простите... Вы знаете законы.

— Вы правы, — согласилась Шанталь, хотя ее глаза предупреждающе потемнели, как зимнее небо в сумрак. — Я не совсем верно выразилась, но это не отменяет того факта, что Грасаль и ваш враг тоже. Или ему так удалось вскружить вам голову?

— Я презираю князя.

— Конечно, это так, ведь вы же умная женщина. Только сумасшедшая бы доверилась царскому советнику.

Я промолчала, и тогда Шанталь продолжила:

— Пожалуй, он один из самых загадочных людей, которых я встречала. Прошлого Грасаля

окутано дымкой таинственности, прячущей сокровенное от людских глаз. Вы что-нибудь знаете, Айрин?

— Мало, — нехотя призналась я.

— Вот и меня взволновало, что скрывает советник. Вам ведь интересно, что мне удалось выяснить?

На самом деле мысли о том, что смогла найти Шанталь, не покидали меня с того момента, как она упомянула имя князя, но сквозь ее думы просачивалось лишь немного сведений, которые я подчерпнула.

— Не могу не проявить участия к этому вопросу.

— Тогда слушайте. Ведали ли вы, что Дамиан Грасаль — сейчас единственный князь в царстве Льен, не получивший титул по наследству? Он заслужил его верной службой прежнему царю. Князь никогда ничего не делал против интересов царства Льен, говорят, что даже после смерти старого государя, советник не гнушался никакими методами, чтобы вернуть престол Фальксам. Правда, в выборе между Лираном и Викаром, Дамиан предпочел второго.

— Это известный факт, ваше высочество.

— Да, Айрин, я не сказала ничего неожиданного. Но меня удивляет, что никто до сих пор не поставил под сомнение его чрезмерную обеспокоенность благополучием царства Льен. Я не верю в бескорыстие Грасаля. Думаю, в этом вы согласитесь со мной.

— Князь не похож на альтруиста, — осторожно вставила я, понимая, насколько опасен такой разговор.

— Я полагаю, все разгадки заключены в его прошлом. Готова поспорить, советник не случайно интересуется реликвиями царской власти. Я выяснила, что он долго искал их: сначала хризолитовую шкатулку, затем скипетр... Лишь боги ведают, удалось ли ему найти что-то еще. Кстати говоря, вы знаете, что его мать родом из Арманьелы? Про отца вообще ничего не известно, так что это еще вопрос, кто он по рождению.

— Разве в таком случае он мог получить титул?! — удивилась я.

— Милость государя способна сделать любого человека всесильным, — понятно кивнула Шанталь. — Но мать все-таки позаботилась о сыне, обеспечив ему хоть и не княжеское, но знатное происхождение, и уговорила мужа признать незаконнорожденное дитя.

— Как вы выяснили это? — обескураженно спросила, чувствуя, как от подобных откровений голова идет кругом.

— У меня свои источники, Айрин, — улыбнулась Шанталь. — К сожалению, большего узнать не удалось. Мать Грасаля теперь живет в одном из небольших замков на крайнем севере царства Льен, вдали от светской жизни. Я продолжу поиски, но надеюсь, что вы тоже не будете стоять в стороне и в свою очередь попытаетесь узнать что-нибудь у князя. Ваша лояльность была бы не лишней в этом деле.

— Как будет угодно, ваше величество.

Я сделала реверанс, провожая особу королевских кровей. Когда Шанталь скрылась за дверью, в комнату вернулось прежнее тепло. Но не успела я расслабиться и привести мысли в порядок, как в покои снова постучали, и зашел лакей:

— Миледи, вам велели передать письмо.

Я несказанно удивилась, наблюдая, как слуга опускает на стол белый конверт, похожий на уставшего от долгих странствий мотылька. Я бережно взяла его в руки и разорвала по краю, обнажая послание, написанное незнакомым почерком:

«Светлого дня, миледи,

Его Светлость велел обращаться к вам по любым вопросам, связанным с «белым мором». Сперва хочу уведомить, что пункты помощи больным, созданные не без вашего участия, в достаточной мере посещаются заболевшими. Ученики овладевают необходимыми навыками под руководством опытных наставников и постепенно преуспевают в лечении заболевания.

Однако должен сообщить, что череда несчастий, постигших народ, не уменьшается. Недавно к нам поступил больной, чья форма недуга не поддается обычным методам лечения. Даже лучшие лекари царства остались беспомощными в сражении с новым видом «белого мора». Мы все несказанно горюем, наблюдая за страданиями этого человека. К несчастью, последние сведения дали понять, что этот случай — не единственный в столице. Есть еще люди, чья болезнь не поддается излечению, и их число растет. Мы неустанно молимся, прося Треокого о милости, но пока он остается глухим к нашим мольбам.

С уважением, верховный лекарь столицы».

На последних строчках мои руки задрожали, невольно сминая лист. Только я успела немного расслабиться и забыть о жуткой хвори, как дурные вести ножом предателя вонзились в спину. Неужели действительно ничего нельзя сделать? Нужно немедленно увидеться с Грасалем и поехать в город, чтобы своими глазами убедиться: целитель не врет. Решено!

Я вышла в коридор и с горящими от возбуждения глазами велела стражам сейчас же отвести меня к князю. Не рискуя больше спорить с бастардой, мужчины отскочили от стены, которую подпирали до этого, и пошли рядом, выполняя требуемое.

Тревога снедала изнутри, не позволяя думать ни о чем другом. Как будто недостаточно интриг Шанталь, постоянных недомолвок с Дамианом Грасалем и страшных сказок, обретающих плоть и кровь, как судьба снова взялась за старое, подкидывая больше испытаний слишком «спокойно» живущей бастарде. В голове коршунами кружили слова целителя. Бездна его послания всеяло ядовитую тоску в сердце. Бесконечно повторяя в уме его строки, я не замечала ничего вокруг и не дожидаясь помощи лакеев, сама толкнула дверь в покои князя, ничуть не смущенная визитом в его личные комнаты.

— Дамиан! — окликнула его я, шагая по гостиной. — Нам нужно немедленно поговорить. Где ты?

Так и не дождавшись ответа я пошла по направлению к опочивальне, в тяжелый момент напрочь забыв о возможности застать советника в компрометирующей ситуации. Я не думала о том, что он может быть не одет, и уж тем более мне не приходило в голову, что князь находится в спальне... не один.

Поэтому когда дверь открылась и я натолкнулась на ледяной взгляд зеленых глаз, то совсем не растерялась и уверенно зашла в комнату. Лишь только внутри остолбенела от удивления, обнаружив широкую кровать, застеленную шелковыми простынями, а на ней прекрасную девушку с молочной кожей и россыпью веснушек, похожих на пятна теплого света. Она испуганно прижала к себе одеяло, закрывая обнаженную грудь. Рыжие, немного спутавшиеся волосы окутывали огненным плащом ее тело, подсвеченное сзади падающими из окна лучами солнца. В этой чарующей незнакомке мне не сразу удалось опознать Ксану, неловко застывшую и словно опающую гнева, который вот-вот прольется из переполненной чаши.

— Ксана? — потрясенно выдохнула я, от шока с трудом подбирая слова. — Что ты здесь делаешь?

Служанка виновато опустила взгляд, разглядывая простыни. Без вечного чепца, скрывающего яркие, пушащиеся волосы, и старого платья, залатанного в нескольких местах, она выглядела необыкновенно хорошенькой.

Я огороченно перевела взор на князя, столь же избегающего, как и его любовница на меня смотреть, а затем снова уставилась на Ксану.

— Миледи, простите... Миледи... я... — тихо пробормотала она, сглатывая слезы.

Я заглянула в ее мысли. Служанку никто не принуждал, даже не ставил никаких омерзительных условий. Она поддалась искушению лишь потому, что сам мужчина необыкновенно притягивал ее своей силой и мощью. Рядом с ним она ощущала себя невероятно хрупкой и защищенной. Я могла понять это желание поддаться соблазну...

Глупая, какая же я глупая! Зачем мне диадема, преподнесшая ментальный дар, если я как была слепой, так такой и осталась. Собственные переживания так вскружили голову, что я оставила без внимания мысли служанки. А ведь я до последнего верила, что она не способна на предательство...

— Айрин... — с болью в голосе произнес Грасаль, но что мне до его чувств, когда они ранили мои?

В воздухе раздался свист хлесткой пощечины. Я недоуменно уставилась на горящую ладонь, ударившую советника, еще когда я не успела об этом подумать. Дамиан протер красную щеку и ничего не сказал.

— Убирайся, — процедила Ксане. — Немедленно собирай свои вещи, и чтобы я никогда тебя здесь больше не видела!

Она всхлипнула, подскочила с места, по-прежнему прижимая к себе одеяло, и, схватив лежащее на кресле платье, стрелою выскочила наружу.

— Меня тошнит от вас. Почему из всех придворных шлюх, ваш взор упал именно на мою служанку?!

— Не отчитывай меня, — огрызнулся князь. — Кажется, мы уже обсуждали. Нас с тобой ничего не связывает...

— Ничего не связывает?! — возмутилась я. — Теперь, пожалуй, это точно так. Я больше не позволю прикоснуться к себе. Вы омерзительный, высокомерный, заносчивый ублюдок!

Я знала, что леди так не выражаются, но ничего не могла с собой поделать. Словечки, подслушанные у сагасской прислуги, выскакивали сами собой. Это была крупица того, что заслужил своим поведением князь.

— Ведь как было просто вначале, Айрин. Твое презрение, мое равнодушие... Нет ничего более гармоничного.

— Ненавижу вас!

На секунду мне показалось, будто он доволен моими словами.

— Ты ведь не думала, что я польщусь на какую-то бастарду? — пренебрежительно хмыкнул он. — При дворе достаточно красивых женщин, а я никогда не был лишен внимания противоположного пола.

Я качнула головой.

— Вы чудовище! Нет, самый настоящий демон! Не даром, темная кровь течет в ваших жилах...

Дамиан Грасаль переменился в лице. Злая усмешка моментально исчезла с его губ, помещая взамен странное выражение растерянности на лице. Советник выглядел так, словно ослышался.

— Айрин?.. Что ты имеешь в виду?

— Не смейте приближаться! — воскликнула я, выставив вперед раскрытую ладонь, и, расстроенная увиденным, выбежала из комнаты, коря себя за несдержанность. Князь теперь точно не успокоится, пока не выяснит правду.

Меня трясло от боли и обиды. Слова Грасаля задели меня за живое, обнажая то, с чем мне казалось я уже распрощалась, — открытость, незащищенность, зависимость от чужого мнения. С тела словно сняли кожу и провели по оголенной плоти ножом.

Страдания отягощали душу.

Я не хотела никого видеть, поэтому, когда по пути обнаружила гобелен с изображением гор, похожий на тот, что висел в прежних покоях, не задумываясь, юркнула за него и оказалась в знакомом темном коридоре. Размазывая по лицу горькие слезы, вспомнила давний спор с Грасалем. Он предупреждал не доверять прислуге, а я тогда со всей уверенностью опровергла его заявление. Кто же знал, что сердце Ксаны дрогнет, только услышав околдовывающий баритон князя? Я знала, что она поддалась соблазну лишь единожды, но этого было достаточно, чтобы пробить в моем сердце зияющую рану.

«В конце концов ты ведь сама хотела его предать. Не думаешь же ты, что он изменится ради какой-то бастарды?» — внутренний голос бил по больному месту.

Дамиан Грасаль всегда опережал противников на несколько ходов вперед. Даже сейчас он умудрился обвести меня вокруг пальца раньше, чем я успела провернуть это с ним.

— Демоны! — воскликнула я.

Хотелось разодрать ногтями грудную клетку, выдирая сердце из тела прочь. Боль, подобно гадкому паразиту, просочилась в душу, уничтожая свет. Мне казалось, что кожа вот-вот пойдет трещинами, как стенки упавшего на землю глиняного сосуда, и изнуряющие переживания вихрем вырвутся наружу. Но это никак не происходило, хотя давление лишь нарастало. Голова гудела от тревожных мыслей, и я не знала, куда от них справиться.

Я села на холодный пол и закрыла лицо руками, прокручивая в уме произошедшее. Как я могла упустить момент, когда обычная ненависть к советнику переросла в нечто иное? Я должна вычеркнуть князя из своей жизни, как и обещала Шанталь.

Я тяжело дышала, злясь на Грасаля и себя. А ведь все было предсказуемо с самого начала: у этого союза нет будущего. Мы поддались наваждению, вскружившему обоим головы. Не доверяя я чутью князя, то даже бы заподозрила, что в деле замешана магия, — такие неестественно сильные чувства толкали нас друг к другу при каждой встрече.

Я не понимала, что со мной происходит. Запутавшись в ощущениях, уже с трудом отличала зло от добра, врага от друга. Мне хотелось вернуться в тот миг, когда нога опустилась на ступеньку экипажа, отправляющегося из монастыря. Тогда все было четким: черное и белое, без полутонов и серых оттенков. Я точно знала, что двигало меня вперед, и самое главное — яростно желала держаться подальше от Дамиана Грасаля.

— Айри-и-ин... — что-то тихо завывало в коридоре. — Айри-и-ин...

Я вздрогнула. Женский голос показался знакомым. Я нервно рассмеялась — вот уже начинала сходить с ума. Померещится же! Те же интонации, как и в недавно увиденном сне, тот же мягкий тембр. Покойная царица ворвалась в мои думы, сменяя неуместные переживания в труху.

— Айри-и-ин...

— Кто здесь?

Мой вопрос разнесся эхом по коридору:

— Кто здесь? Кто здесь?.. Кт-то здес-сь... Кто... zde... Кто...

По коже пошли мурашки. Я ощутила холодок, заставивший поежиться от страха. Когда я уже решила, что мой рассудок окончательно помутился, возле уха снова тихо раздалось:

— Айри-и-ин...

— Это не смешно. Покажитесь!

Ответом мне служило лишь завывание сквозняка в коридоре. Рывками вдыхая тяжелый сырой воздух, я чувствовала себя, как загнанный в угол зверь. Собравшись с духом,

рывком поднялась с пола и оглянулась по сторонам. Никого не было видно.

— Айри-и-и-ин...

Я пошла на таинственный зов, до последнего надеясь, что это чья-то глупая шутка. Но ни Илис, ни другая неведомая проказница не появлялись, чтобы дать мне ответ. Я двигалась осторожно, медленно переставляя ноги, в полутьме боясь упасть. Имя, изрекаемое из невидимых уст, слепо вело меня вперед, как моряков — зажженный огонь в маяке. Казалось, еще немного, и я столкнусь с незримым гостем лицом к лицу: чем дальше я шла, тем громче звучал чужой голос.

— Айрин! — уже совсем четко прозвучало рядом, и я решительно поддалась вперед, точно намереваясь схватить таинственную незнакомку за руку, но неожиданно отступилась и с грохотом упала на землю.

— Ай! — воскликнула я.

Резкая боль обожгла ладонь. Я поднесла ее к глазам, с трудом различая тонкий изогнутый разрез. Из раны сочилась темная кровь и стекала крупными каплями на пол.

— Наша кровь — сила, наша душа — расплата, — как заклинание прозвучало вдалеке.

— Илис! — во все горло закричала, теряя терпение. — Демоны тебя раздери, что это за шутки?!

Царица не издала ни звука, точно потешаясь над правнучкой. Это разозлило меня еще больше. Оборвав ленту с юбки, я быстро замотала повреждение, но на атласе тут же выступили темные пятна, быстро расплзающиеся по ткани.

— Илис! — подняв голову, со всей бушевавшей в душе яростью — на предательство Грасаля, на притворство Ксаны, на сводящие с ума игры покойной царицы, закричала я. Но тщетно — только эхо откликалось на мой зов.

Я посмотрела вниз и громко рассмеялась. От неуместного веселья на глазах выступили слезы, но оно все не проходило. Старый друг лежал на привычном месте, в который раз помешав мне пройти. Некоторые кости рассыпались, белыми пятнами сверкая во тьме. Скелет грустно смотрел на меня пустыми глазницами, словно зная нечто неведомое, о чем я не могла догадаться.

Я опустилась на колени, прижимая раненую руку к груди, и второй — стала неловко собирать разбросанные части. Прикоснувшись к телу одной из трубчатых костей, мои пальцы немного дрогнули, обнаружив под ней старый нож. Я схватила находку и ошарашенно оглядела испачканное в крови лезвие. А ведь его точно не было раньше, когда я раньше оказалась в тайном ходе, и именно оно, а не обломки костей, изнутри порезало ладонь.

Я привязала нож к чулкам, надеясь потом внимательнее рассмотреть его при дневном свете. Металл оказался холоднее куска льда, но быстро согрелся от тепла тела. Я повернулась к скелету и вернула на место последнюю кость — лучевую. Когда восстановление одинокого обитателя тайного хода подошло к концу, я с удовлетворением оглядела плоды своих трудов. В который раз пострадавший после столкновения с бастардой, он ровно сидел возле стены, словно никем и не потревоженный. Ничто не указывало на мое появление в темном, отрезанном от остального дворца коридоре.

Я задержала на скелете взгляд, мысленно гадая, что стоило ему жизни, как вдруг заметила, что некоторые кости выглядят светлее других. Я недоуменно нахмурилась и села на пол, пристально разглядывая конечности единственного хозяина тайных закутков. Белесые пятна мучнистой росой покрывали диафизы [Диафиз — тело трубчатой кости. Автор честно обещает впоследствии заменить это слово на что-то менее забористое], крошась мелким порошком. Удивительно, что время окончательно их не погубило, но, видимо, сохранности остова погибшего мужчины препятствовала лишь скитающаяся по нелюдимым коридорам дочь царя.

Никак не останавливающаяся кровь, просочилась сквозь повязку и несколько темных капель с различимо громким в тишине звуком соскользнуло с ладони вниз.

Кап-кап...

Я застыла, точно загипнотизированная змея перед сагасским чарователем. Капли крови упали точно на маленькую трещинку в кости, оставленную когда-то «белым мором», и та медленно затянулась. Я потрясенно охнула, крутя ее в руке. Не может быть! Ткани выглядели абсолютно целыми, словно страшная болезнь никогда их и не разрушала.

Наша кровь — сила, наша душа — расплата...

Лекарство от хвори всегда было в том месте, о котором я даже не думала, — в моих жилах.

Глава 16

Его величество неодобрительно хмурился, всем своим видом коря дочь за неосмотрительность. Я виновато опустила глаза, хотя совершенно не испытывала раскаяния.

— Айрин, ты ведь могла заразиться! Даже лучший целитель не нашел лекарства, способного излечить новую форму мора.

Страшные картины, щедро подкинутые воображением, до ужаса пугали отца. Он поправил шейный платок, резко испытал нехватку воздуха после моего признания.

— Слава Треокому, все обошлось, но ведь ты едва не погибла! Думаешь скелет случайно находился там все это время? Да этого мужчину умышленно заперли в тайном коридоре, чтобы зараза дальше не распространялась по дворцу!

— Я не знала, что погубило этого несчастного, отец. В любом случае теперь даже тех, кто считался неизлечимо больным, можно спасти. Разве не чудесно?

— Я умолчу о том, что без карты ты могла просто заблудиться, — как будто не слыша меня, проворчал царь. — Если ты думаешь, что я позволю калечить собственную дочь ради каких-то бедняков, то ошибаешься. Даже капли крови Фальксов не должно пропасть даром!

— Пока это излишне, отец. Я надеюсь, что новые сведения помогут магам изобрести целительный эликсир.

Викар медленно успокаивался, хотя я знала, что малейший толчок мог с легкостью вызвать новую вспышку гнева: от любого напоминания о риске, которому я подверглась, все бы запыхало, как от маленькой искры, попавшей в сухие сучья.

Так или иначе известия быстро достигнут и ушей Дамиана Грасаля, ведь ничего в столице, а то и во всем царстве Льен не происходит без его участия. Меньше всего на свете мне хотелось сталкиваться с холодным безразличием князя и вспоминать, почему именно я забрела в тайный ход.

— Как идет подготовка к свадьбе? — сменила я тему, поняв, что монарх не будет противиться встречи с лекарем.

— Стремительно, — пожал плечами царь. — До назначенной даты осталось всего несколько дней.

— Уверена, что даже привыкшую к изобилию королеву Сагасса поразит величие Льен, — аккуратно вставила я, чтобы не спрашивать напрямую, придет ли правительница заморского государства на торжество или нет.

— Ее не будет, — сообщил волновавшую меня деталь отец.

Я попыталась скрыть разочарование, но его тень все равно омрачила лицо. Его величество моментально заметил перемену в моем настроении.

— Ты расстроена?

Я нарочито равнодушно пожала плечами. В неудобном платье со слишком тугим корсетом, сильно давящим на тело, это получалось недостаточно выразительно, но старые привычки все равно давали о себе знать. Я надеялась, что расстояние не помешает ее величеству сдержать слово. Мне и так пришлось балансировать на грани, чтобы выполнить ее приказ.

— Нет, просто любопытно. Я так много о ней слышала. Даже интересно, чья версия наиболее близка к правде.

— Осторожнее, Айрин. Королева — одна из самых опасных женщин, которых я знаю.

— Даже больше Шанталь?

— Айрин! — потрясенно воскликнул Викар, не найдя с ответом, услышав подобную дерзость.

— Смолкаю. Просто хотела убедиться, насколько сильно принцессе удалось вскружить голову жениху.

— Шанталь — не угроза нашим отношениям. Я всегда буду любить и защищать тебя, чтобы ни случилось.

— Это не ревность, отец. Просто волнуюсь.

Но Викар мне не поверил. Я мрачно улыбнулась: папа с детства привык все решать за меня, думая, что так поступает лучше.

— Я послала за лекарем. В скором времени он прибудет во дворец, чтобы взять образец крови, — вспомнила, посмотрев на часы. Большая стрелка, сделанная в виде золотого пера, практически приблизилась к полудню.

Царь покачал головой.

— А если бы я не позволил?

— Никогда не лишне обсудить происходящее в стране.

«Как ловко ушла от ответа... Общение с Грасалем идет девочке на пользу. Вот только, как бы он не вылепил из нее подобие себя», — мысли государя заставили вздрогнуть. Я до боли сжала кулаки, вспомнив о князе. Перед глазами все еще стояла отвратительная сцена, как бы я не гнала эти воспоминания прочь. Нет, ни за что не уподоблюсь Дамиану!

— У тебя есть при себе нож?

Я кивнула и развернула отрез ткани, в которую спрятала неожиданную находку. В дневном свете и сама с интересом уставилась на ранившую руку вещь. Нож выглядел совершенно обычным и простым, такой можно встретить у любого жителя царства, не державшего и золотого за всю жизнь в руках. Если бы не гравировка, украшающая ручку узором из древних букв, я бы подумала, что до сего момента он просто лежал никем не тронутый в тайных ходах, оплетающих дворец, но знакомая надпись на старом наречии с легкостью разбила эти надежды: «Наша кровь — сила, наша душа — расплата».

Весточка от покойной царицы резала взор, напоминая, что все происходит неспроста. Сначала сапфировая диадема, а теперь и иной дар — несущий спасение для совсем отчаявшихся людей. Что будет дальше?

Царь задумчиво покрутил нож в руках. Загадочная надпись тоже заинтересовала Викара. Он провел пальцем по строчке, пытаясь вникнуть в ее смысл, и поднял голову:

— Про кровь все ясно. Но причем здесь душа?

— Не знаю, — как можно равнодушнее пожала плечами, хотя ноги оплела паутина страха.

В отличие от отца я давно догадалась, что надеялась донести Илис. Ни одни мысли я не гнала от себя так, как эти. Диадема — единственное, что держало на плаву, и я боялась лишаться ее поддержки. Но за все приходится платить... Даже за не невероятный дар, о чем появлении никогда не просила.

Раздался удар, а за ним из часов выпорхнула полупрозрачная птица. Сокол приземлился на стол и громко закричал.

— Полдень, — сказала я и кинула взгляд на дверь.

Целитель не заставил себя долго ждать. Это оказался располагающий к себе мужчина, с поседевшими висками и твердым голосом. Царь уже знал его, а вот я столкнулась впервые. Я перевела взор на отца, безмолвно спрашивая разрешение на рассказ.

— Миледи желает донести важные сведения, но сперва я попрошу вас принести клятву,

что о произошедшем в этих стенах никто не узнает.

Лекарь быстро справился с возникшем после услышанного требования удивлением и произнес:

— Разумеется, ваше величество.

Когда он поклялся на своей крови держать дальнейший разговор в секрете, Викар кивнул мне, и я поведала гостю обо всем произошедшем в тайных коридорах дворца.

— Но это же немыслимо! — схватился мужчина за голову. — Вы уверены, что этот несчастный погиб именно от «белого мора»?

— Да, и вы сами сможете в этом с легкостью убедиться, осмотрев скелет.

Лекарь принял этот ответ и задумчиво потер подбородок, размышляя над сложившейся проблемой. По одному взгляду на сурово пожатые губы его величества становилось понятно, что он не позволит забрать у меня больше крови, чем это понадобится для изучения. О лечении пострадавших людей речи даже не шло. От страшных картин, пронесшихся в голове целителя, перехватывало дыхание. Я схватилась за горло, словно невидимая веревка действительно сдавливала его и душила. Образы мучившихся заболевших, вспыхнувшие в чужих мыслях, наводили ужас. Если бы не охраняющие выход из дворца стражи, наверное, я бы немедленно бросилась в город, чтобы помочь.

— Это не обсуждается, Айрин, — непоколебимо сказал отец, почувствовав на себе мой взгляд.

— Если бы ты только видел... Они так страдают!

— Как будто ты сама это зрела, — не проникся он.

Я не сомневалась: поведай лекарь о всех тех ужасах, что наблюдает каждый день, то сердце Викара бы дрогнуло. Но я знала, что царь все равно имеет мало влияние на стражей, снующих по дворцу, как чувствующие смрад гнилых душ черные мухи. Есть ли шанс уговорить Грасаля помочь больным? Что-то мне подсказывало, что князь пойдет на уступки еще неохотнее, чем монарх.

Понурила голову, неохотно смиряясь с участью. Хочется верить, что лекарство найдут совсем быстро, и нутро перестанет разрываться от боли из-за чужих мук. Я протянула руку, позволяя целителю забрать немного крови. Наблюдая за тем, как вязкая жидкость покидает тело, зачем-то спросила:

— Вы быстро добрались. Так понимаю, все прошло хорошо, никто не препятствовал проникновению во дворец?

— Что вы! — воскликнул лекарь. — Узнав причину моего визита, князь Дамиан Грасаль лично проводил меня сюда.

— Айрин?... — недоуменно произнес отец.

Я качнула головой, не менее пораженная, нежели он. Приготовленная легенда о срочной помощи, потребовавшейся бастарде царя, даже не пригодилась. Впрочем, я сомневалась, что незнакомый со мной лично человек рискнул бы лично солгать главному советнику его величества.

— Вот и все, — сказал одухотворенный последними новостями целитель. — Да воздаст Треокий, лекарство скоро будет готово. Я сообщу, как только появятся новости.

Я сложила руки в молитвенном жесте, вторя словам мужчины.

Свадьба его величества Викара Фалькса, царя Льен, и ее высочества Шанталь из клана Ледяных волков, принцессы Сагасса, неумолимо приближалась. Во дворце творилась суматоха. Все заканчивали последние приготовления к торжеству и с нетерпением ждали знаменательного события.

Придворные дамы примеряли платья, должны произвести настоящий фурор, кавалеры

— парадные камзолы, а слуги сбивались с ног, выполняя последние поручения. Всем хотелось блистать, хотя никто не сомневался: никакое великолепие не затмит сияния будущей царской четы.

Я равнодушно смотрела на наряд, приготовленный новой служанкой. Девушка так восторженно разглядывала нежно-кремовое платье, точно его вручную изготовили маленькие феи, что, по преданиям, живут в сагасских лесах. Она с благоговением взяла его в руки, чтобы помочь надеть. По столь бережному обращению создавалось чувство, будто до меня эту вещь носила сама Берегиня, ничуть не меньше.

Я вздохнула.

— Вам не нравится? — беспокоилась служанка.

Вскользь глянула на ничуть не волнующий кусок ткани, на мгновение вынырнув из собственных переживаний. Настроения не было. Чему радоваться, какой-то вещи? Есть проблемы куда важнее. Целитель до сих пор не послал ни весточки, отец собирался жениться на ледяной женщине, даже не способной к состраданию, а в моей личной жизни тоже все шло кувырком. После злополучного инцидента я ни разу не видела князя, точно он куда-то уехал, хотя, как я знала, не покидал пределов столицы. Я не понимала, как относиться к этому факту — радоваться или горевать. Хотелось вычеркнуть Дамиана из жизни, но какая-то часть меня — крохотная, но от того не менее сильная, все равно жаждала его видеть, наперекор доводам рассудка.

— Миледи?

Даже присутствие новой служанки вызывало раздражение. Она не столь хорошо справлялась с работой, как Ксана, к присутствию которой я так привыкла за долгое время пребывания в дворце, и слишком много говорила, вызывая головную боль.

— Вы слышали, что одну леди давеча застали с садовником?

Придворные сплетни меня мало волновали, но девушка словно не замечала источаемого мной недовольства, весело щебеча, как синица весенним утром. Ни воспитания, как у Ксаны, ни умений, ни светлой головы... Имя бывший служанки заставляло до боли скрежетать зубами. Треокий, почему именно она?

— Посмотрите, как удобно я расставила баночки с мазями, — довольно сообщила девушка.

Я кинула взгляд на стол. Прежний порядок действительно нарушили, и теперь мне пришлось бы долго думать, прежде чем найти нужное. Ксана никогда не меняла без спроса обычный порядок вещей, поддерживая тот, к которому я привыкла.

Ксана, Ксана, Ксана!

Как будто рук лишилась, а не служанки!

— Миледи, позвольте...

— Оставь меня одну! — резко выкрикнула я и тут же запнулась, смутившись своего порыва.

— Как прикажете, — пряча обиду, сказала девушка и закрыла за собой дверь.

Я посмотрела на злополучное платье и, не сдержавшись, со всей силы швырнула его на пол. Этого показалось недостаточно, чтобы справиться с налетевшим из ниоткуда вихрем чувств. Отчаяние толкнуло в руки вазу с цветами, и я, не колеблясь ни минуты, бросила ее в ту же сторону, что и наряд. Лишь звук разбившегося фарфора смог ненадолго прояснить мысли.

Спрятала в ладонях лицо, стесняясь покотившихся по щекам слез. Не время горевать. Никто не должен догадаться, что творится в душе. Осколки разбитого сердца уже не собрать, но этого и не нужно: в царстве Льен ценится холодный расчет и безжалостность.

В дверь постучали. Я спешно вытерла столь не вовремя увлажнившиеся глаза и, собравшись с силами, сказала:

— Можете войти!

На пол упала тень, похожая на полевой колокольчик, раскинувший венчик с нежными лепестками. Гостя нерешительно замерла в проходе, ничего не говоря вслух. Совершенно не сомневаясь, что это, нарушив приказ, вернулась новая служанка, я обернулась:

— Я же проси... — и оборвала речь на полуслове, потрясенно признавая в смущенной девушке Ксану. Тон моего голоса резко изменился: — Что ты здесь делаешь?

Ее бледная кожа моментально залилась румянцем.

— Я предупреждала: оправить меня сюда — ужасная мысль!

Она развернулась, горделиво выпрямив спину, но я знала, что за внешней невозмутимостью прячется кислый стыд, связывающий все внутри в тугой узел. Мысли о собственном бесчестье заставляли уши Ксаны пылать.

«Предательница», — вертелось на моем языке, но так с него и не соскользнуло: я не решилась сообщать очевидное вслух. Невысказанные обвинения кружились вокруг любовницы князя и брошенными камнями попадали в цель. Ксана сгорбилась, ощутив на себе прожигающий взор.

— Стой!

Она судорожно вздохнула и кинула на меня осторожный взгляд из-под ресниц.

— Оно того стоило? — уже спокойнее произнесла я и поняла: да стоило, вот только это осознание еще больше раздирало душу Ксану на куски.

— Если бы я знала, что вы к нему чувствуете... Я бы никогда... честно.

— Я не влюблена, — изумленно вырвалось изо рта. — Почему все говорят об этом? Любовь к такому, как советник, опасна, Ксана. Он мой враг, а ты...

— Я знаю, — опустила она голову. — Простите. Это чудовищная ошибка! Такого больше не повторится...

Надежда вспыхнула на дне зеленовато-карих глаз и заискрилась под полуопущенными ресницами. Но я ничего не чувствовала. Если бы не тяжесть диадемы на голове, Ксана никогда бы не получила прощения, но приобретенный благодаря покойной царице дар будто уговаривал, что не стоит больше злиться на девушку. В ее сердце не было желания никому навредить.

— Что ты говорила сначала? Кто отправил тебя сюда?

— Во дворце не знают, почему я теперь прислуживаю другой леди. Когда ваша служанка вызвала недовольство, мне велели ее подменить.

В тонком голосе Ксаны едва не проскользнули самодовольные нотки. Девушку грела мысль, что именно ее помощь оказалась невосполнимой, а никакая другая особа не смогла ее заменить. Но эти размышления вызвали лишь невольную ухмылку на губах. Я-то знала то, в чем Ксана не решалась признаться вслух: на новом месте она так и не сумела найти общего языка с родовитой леди, постоянно отпускающей ядовитые комментарии и получающей удовольствие от чужих мук.

Грасаль никогда не считался с моим мнением и даже сейчас не выгнал Ксану из дворца, как я просила. В глубине души я понимала — он поступил верно, но ревность все равно застила глаза, вселяя противоречивые мысли. Вернет ли искреннее раскаяние помощницы былое доверие?

— Пожалуйста, простите, Айрин. Я поступила дурно, и мне нет оправдания. Вы спасли мою жизнь, а я отплатила злом на добро.

Ксана говорила ровно то, что я желала услышать, но в ее словах не ощущалось фальши. Неподдельная искренность, такая же редкая во дворце, как золото в сточных водах, не могла не подкупить, но я все еще сомневалась, слишком хорошо помня картину, представшую перед глазами в спальне князя.

Установившееся в голове равновесие, мешающее принять окончательное решение, пошатнулось самым неожиданным образом.

Снаружи с громким топотом прошла вереница слуг, несущих украшения для зала торжества, и я вздрогнула, словно очнувшись от глубокого сна. Я не знала, кем хотела быть, но понимала, чьим подобием точно становиться страшно.

Шанталь бы лишь рассмеялась над моей медлительностью в выборе судьбы нерадивой служанки. Принцесса не позволяла себе растаять от сочувствия и скупилась на прощение. На моем месте она бы ответила однозначное «нет».

Но в отличие от ее высочества я осознавала, что ошибаются все. Только одни люди хорошо замечают следы, а преступления других — открываются на всеобщее обозрение. Позор обнажает душу, выставляя настоящее нутро.

Я и сама недавно совершила ужасную ошибку — вмешалась в заседание совета, пошла против отца и нанесла непоправимый вред. Но несмотря на это, слепо верила, что заслуживаю второй шанс. Все это время душу слизкой змеей обвивал страх. Не расскажет ли Грасаль царю о моем проступке? Не догадается ли Викар сам? Боязнь, что отец разочаруется во мне, заставляла еще больше падать вниз.

В горле ужасно пересохло. Я перевела взор на Ксану и молча кивнула, не найдя сил говорить вслух. Она тоже обманывалась, думая, что я лучше, чем есть на самом деле.

Непростой разговор тяжело сказался на служанке. Она чувствовала такую опустошенность, как после завершения насыщенного трудового дня. Я позволила Ксане вернуться в комнату. Она растерянно оглядела испорченный наряд, повертев его в руках, и, размышляя, что теперь можно сделать, повернулась в мою сторону:

— Тут работы на несколько часов, не меньше! Вы не успеете на церемонию. Нужно искать другое подходящее для случая платье.

— Его нет, — равнодушно ответила я. — Сама знаешь.

— Вы не можете явиться на свадьбу монарха в таком виде! Оставайтесь здесь. Я выясню, не поможет ли кто-то.

Я осталась в комнате в одиночестве, но не ощущала себя дурно по этому поводу. Идти никуда не хотелось. Стыд вселял позорное желание забиться в угол и спрятаться от пронизывающих глаз отца. После последней беседы с монархом это чувство лишь выросло в разы, не позволяя себя одолеть. Я горько вздохнула, в глубине души надеясь, что Ксана не отыщет подходящего наряда, и у меня найдется веская причина избежать торжества.

Раздался стук в дверь, заставивший вздрогнуть от страха, словно лихача, застигнутого на месте преступления. Ожидая увидеть раздраженного задержкой Дамиана Грасаля, я удивилась, столкнувшись со знакомым стражем.

— Светлого дня, миледи. Мне велели вас проводить.

Значит, советник верен своему слову оставить меня позади...

— Я еще не готова.

— Как скажете, миледи.

Я положила пальцы на ручку, но в последний момент та выскользнула из рук от внезапно поднявшегося сквозняка, и дверь сама громко захлопнулась. Вздрогнув от холода, обняла себя за плечи. По комнате кружил ветер, и маленькие искрящиеся в лучах солнца снежинки порхали вокруг, как пары на балу дебютанток. Распахнувшиеся створки окна были о стены, будто крылья по воде пытающейся взлететь утки. Уже

догадываясь, что все это значит, я совсем не удивилась, обнаружив на полу появившуюся из ниоткуда коробку. Серебристые бока слепили, как снег в ясный день.

Мое лицо отражалось на поверхности посылки, словно в глади Голубого озера, расположившегося близ нашего дома в Сагассе. Бледная кожа казалась припорошенной белой пудрой, а скулы сильно выступали, придавая болезненный вид. Я резко дернула за край коробки, мучаясь в предположениях, что на этот раз задумала Шанталь, и порезала палец. Лизнув рану, уже аккуратнее принялась распаковывать посылку. С нетерпением ребенка, получившим дар в день зимнего солнцестояния, вытащила наружу дополнительно завернутое в хрустящую бумагу содержимое.

Раскрыв сверток, неподдельно ахнула, как временно замещавшая Ксану служанка, разглядывавшая кремовое платье. Вот только то, что я держала сейчас в руках, точно лишило бы ее чувств от восторга. Темная-синяя ткань смотрелась куда дороже и благороднее, подчеркивая насыщенный цвет моих глаз. Серебристая вышивка блестела по краю юбки, как будто ту припорошили свежим снегом. Приложив наряд к телу, я задумчиво оглядела отражение. Казалось, словно эту вещь создали лично для меня.

В таком платье мое появление рисковало затмить даже блистание невесты. О чем только думала Шанталь?! Я покачала головой, не скрывая довольной улыбки.

Ткань пахла свежестью зимнего воздуха. В обволакивающем дымкой аромате ощущались тонкие нотки ванили и белого мускуса. Голова кружилась от наивного восторга и нежного запаха.

Но вскоре моя улыбка резко дрогнула. Приглядевшись, я обнаружила, что серебряная вышивка на юбке и талии — вовсе не абстрактные узоры, а изображения волков — символа королевского рода Сагасса. Если я поддамся соблазну и надену платье, они дерзкой меткой поставят на мне клеймо предательницы в глазах придворных государя. Но, боги, как же оно прекрасно! Никогда не видела подобной искусной работы, даже на Шанталь.

Разве принцесса могла такое допустить? Я резко помрачнела. Нет, здесь точно нет случайной ошибки. Ее высочество точно знала, чего добивалась, преподнесла мне этот поистине королевский подарок.

Я бережно положила платье назад и горько вздохнула. В этот самый миг появилась Ксана.

— Удалось?..

— Нет, — мрачно покачала она головой и тут же просияла, обнаружив подарок принцессы. — Какая красота! Где вы только сумели раздобыть столь невероятный наряд? В этом платье вы сразите всех наповал.

— Я не надену его.

— Как это? — оторопело захлопала глазами служанка.

— Видишь эти узоры? — указала я. — Волки.

Ксана, далекая от интриг высшего света, недоуменно захлопала глазами.

— Королева Сагасса происходит из клана Ледяных волков, — подсказала я, но это никак не прояснило ситуацию в уме девушки.

— Вы боитесь принять подарка ее высочества? — наконец произнесла она, как завороченная рассматривая платье.

После моих слов Ксана догадалась о личности поразительно щедрого спасителя, но никак не могла понять, как можно отказаться от такого дара.

— Нет, — ухмыльнулась я. — Я боюсь, что преображение будет стоить мне головы.

— Да как такое возможно! — развеселилась служанка. — Никто не подумает ничего дурного, вы же... дочь царя, — шепотом договорила она. — Оставить такую вещь

пылиться в шкафу — вот настоящее преступление!

Я закусила губу, борясь с искушением. Слова Ксаны вторили внутреннему голосу, велящему бросить вызов знати. Хотелось дать высшему свету понять, что я не признаю царство Льен своей родиной, пока оно само меня не примет.

Лиф платья, украшенный россыпью бриллиантов, приковывал взор. Я провела пальцами по груди, точно примеряя, как они будут смотреться.

— Вы хотя бы примерьте... — прошептала Ксана, такая же очарованная, как и я.

Я кинула на нее быстрый взгляд. «Надену и тут же сниму!» — пошла на уступку тайным желаниям, настырно пролезшим в думы. Служанка с энтузиазмом помогла мне облачиться в величественный наряд.

— Точно по вам сшили... — выдохнула Ксана.

Платье сидело идеально, и я в нем чувствовала себя настоящей королевой — статной, уверенной, властной. Весь мир словно лежал в моих руках. Ну кого заботит чье-то мнение? В конце концов, волки населяют не только материк, отделенный от царства Льен Вльнистым морем.

Сапфиры в диадеме на мгновение ярко вспыхнули, и в смотрящих с отражения глазах появился опасный блеск.

— Миледи? — напомнил о себе вновь появившийся страж. — Нужно немедленно отправляться! Время уже на исходе.

Он-то и поставил последнюю точку во внутренних дебатах. Под восхищенным взглядом Ксаны я подхватила юбки и поспешила на встречу с царем.

Глава 17

Я успела как раз вовремя. Викар уже стоял возле его святейшества, дожидаясь нареченную. Шанталь, как и положено всякой невесте, опаздывала. Взор отца будто бы равнодушно скользил по придворным, но я знала: за внешним спокойствием государя прячется страх. Лишь сапфировая диадема раскрывала секрет могущественного царя, нервничающего перед женитьбой.

Множество взглядов устремились на меня, только я появилась в зале. Все смотрели по-разному: кто-то удивленно, другие — укоризненно качали головой, не скрывая восхищения. Отвращение и ненависть плескались в упоенном очаровании, как кубики льда в бокале с вином. Но за всеми этими взорами явственнее всего ощущался один — человека, чьи мысли закрывала плотная стена. Я чувствовала, как, не в силах с собой бороться, он завороченно оглядел мою фигуру и как горячее желание сменилось на не менее жаркую ярость, когда он понял: серебристые нити переплелись на темно-синий ткани вовсе не в изображениях нейтральных узоров.

Я напряглась, не позволяя себе оборачиваться и утонуть в зеленых глазах. В теле плясало возбуждение, словно от напитка, привезенного в Сагасс с Парящих островов. Руки покалывало невидимыми иглами, в голове стоял хмельной туман.

Я вытерла со лба испарину. Невыносимая духота раздирала легкие, мешая вздохнуть. Сердце часто билось в груди. В ушах стучало, будто поблизости маршировала невидимая армия, громко топающая по мрамору железными сапогами.

Толпа смешалась в разноцветные пятна. Я пошатнулась, когда одно из них приблизилось, позволяя разглядеть лицо. Покойная царица улыбалась, обнажая белые, как морской жемчуг, зубы. Илис стояла напротив меня, так близко, что я могла ощутить цветочный аромат ее духов.

— Вы живая...

Я не сразу поняла, что заговорила вслух. Облизнув пересохшие губы, уставилась на прародительницу, испытывая небывалую слабость. Силы резко покинули тело, и я еле держалась, чтобы не упасть.

Царица, облаченная в бордовое платье, с превосходством смотрела на придворных и чуть насмешливо на меня. Она подняла руку и указала вниз.

— Что... Что это значит?..

Борьба с дурнотой мешала трезво мыслить. Илис покачала головой, и в тот же миг исчезла, словно и не появлялась, а я пошатнулась и рухнула в мужские объятия. Знакомый голос защекотал шею:

— За дерзость платят кровью.

В тот же миг все прекратилось. Я растерянно моргнула и отпрянула от князя, твердо вставая на ноги. Оглядевшись вокруг, с трудом поняла, где нахожусь. Что за безумие? Галлюцинации уже обретают кровь и плоть...

— Вряд ли Викар оценит подобную выходку. Немедленно возвращайся в покои, пока он не заметил, что ты натворила.

— О чем вы? — спросила я, протирая виски, чтобы окончательно сбросить оковы наваждения.

Сапфировую диадему окутывал ареол таинственности. Сначала изменился цвет моих глаз, став таким ярким, что ни у кого не встретишь, а теперь я и вовсе видела то, чего просто не могло быть. Станные видения сводили с ума. Неужели рассудок помутился?

— Платье, — прошипел Грасаль. — Чего ты хотела добиться? Как думаешь, стоит ли уважения царь, презираемый даже собственной дочерью?

Я широко раскрыла глаза, точно впервые рассматривая серебристых волков,

украшающих наряд. Величественные и прекрасные, они делали платье по-настоящему особенным. Мне захотелось покачать головой и сказать: «Я не делала этого». Но все говорило об обратном.

Отца ужасно ранит подобный поступок! Это настоящее предательство. Надев подарок Шанталь, я публично унизила царя. Боги! Как это произошло?..

Я помнила, как восторженно разглядывала искусную работу заморских мастеров и как решила покрасоваться перед зеркалом. Но я ведь не собиралась заявиться в столь дерзком виде на торжество! И все-таки пошла на это... Берегиня, кажется, я тронулась умом.

— Покинь зал. Сейчас же.

Слова Грасаля вторили мыслям, звучавшим в моей голове. Я сглотнула вставший в горле ком и быстро кивнула, делая шаг к выходу. Принялась аккуратно продираться через толпу придворных, но было уже поздно: заиграла торжественная музыка, и в проходе появилась Шанталь. На ее губах расцвела скромная улыбка, глаза, будто бы смущенно, без труда отыскивали государя, застывшего возле алтаря. Викар остолбенел, сраженный ее красотой.

Статно плывущая по залу, точно лебедь по озеру, принцесса приковывала к себе взгляды. Ее платье бросало вызов обществу Льен, хотя и не вызывало отторжения. Это была ровно та дерзость, что восхищает, а не злит. Впрочем, особам королевским кровей тоже позволено больше, чем бастардам.

Красный кружевной лиф обегал тело невесты как вторая кожа. Воздушная белая юбка, отделенная широким поясом, свободно спускалась книзу, где снова окрашивалась в ализариновый оттенок. Контраст цветов смотрелся на удивление гармонично, словно они не противостояли друг другу, а, наоборот, дополняли: роскошь алого смотрелась особенного благородно в окружении сдержанных светлых тонов.

Видимо, именно этого эффекта и добивалась Шанталь, разбавив обязательный для невест царства Льен красный свежестью зимней палитры. Это напоминало: его святейшество скрепит не обычный союз двух влюбленных, а два государства, лежащих по разные стороны моря.

Шанталь гордилась своими корнями, но не ставила их выше благополучия Льен. Будущая царица вызывала неподдельное уважение и желание подражать.

Я знала, что уже совсем скоро по коридорам дворца начнут гулять дамы, разряженные в ткани противоположных цветов, а пока ее высочество первая, кто отважилась на подобный эксперимент. Все верили, что настал период лучших времен. Викар и Шанталь смотрелись вместе так хорошо, словно Треокий создал их друг для друга. Их правление обещало ознаменовать новую эпоху. Все застыли в ожидании, к чему это приведет.

А я с ужасом посмотрела на захлопнувшиеся позади будущей царицы двери. Ловушка закрылась, и дичь попала в клетку. Мне не выбраться из нее, не лишившись всего того, что дорого.

Дамиан Грасаль разглядывал меня, точно видя впервые. Его уважение рухнуло в один миг. Я по-настоящему разочаровала князя, но это не так беспокоило, как то, что я упала в собственных глазах. Как только могла поддаться на провокацию принцессы? Теперь в один миг рухнуло то, что выстраивалось не один день. Отец, возможно, простит, но народ — нет. Контраст цветов — не единственная резкая противоположность, приготовленная ее высочеством на торжество. Мое низвержение — часть ее будущего триумфа.

Я с тоской наблюдала, как магия скрепляет союз двух держав. Все произошло как будто молниеносно, не оставляя времени для отступления. Сердце как заведенное стучало в груди: я понимала, что уже ничего не изменить, — отец и Шанталь произнесли клятвы перед ликами богов.

Сагасское волшебство невероятно проявило себя во время церемонии, заставив всех присутствующих ахнуть от непритворного восторга. Когда принцесса мягким, как воркование белой голубки, голосом сказала:

— Согласна, — прямо с потолка просыпались сахарной пудрой настоящие снежинки.

Люди не веря протянули ладони, расставляя их капканами для крохотных творений чужеземного колдовства. Шанталь сумела привнести в позднее лето крупицу зимнего очарования. Все, как дети, ловили снежинки, забыв о правилах и приличиях. На секунду чванливые аристократы превратились в восторженных детей, видящих чудо в заурядном дне.

Толпа ликовала, когда губы царя быстро коснулись теперь уже царицы Льен — Шанталь Фалькс. Глаза новобрачных лучились счастьем. Каждый из них получил желаемое: Викар — прекрасную жену, а сестра заморской королевы — корону. Пусть официально она получила вторую роль, ей хватало умений, чтобы выдвинуться вперед.

Теперь отцу стоило опасаться не только наемных убийц, посланных жаждущим заполнить трон племянником, но и женщины, делящей с ним ложе. Женщины, всей душой мечтающей о наследнике и так же неистово — о власти. Как только царице удастся разродиться мальчиком, жизнь царя будет висеть на волоске.

Я с ужасом прочитала это в мыслях ликующей Шанталь. Она пока что не строила план измены, слишком боясь длинного носа Дамиана Грасаля, но допускала, что пожелает воплотить его в жизнь.

Отец совершил роковую ошибку, женившись на ледяной принцессе и еще больше ее возвысив. А я, поглощенная собственными переживаниями, ничего не предприняла, чтобы расстроить эту свадьбу. Иногда бездействие хуже в открытую начавшейся войны.

Я отошла в тень, надеясь, что в углу меня никто не заметит. Как на зло, даже гобелен, прикрывающий тайный ход, располагался у противоположной стены, куда не пробраться через толпу и проход. Я надеялась, что полумрак скроет неоднозначную вышивку, украшающую платье, но серебристые нити переливались, приковывая взгляды. Если раньше все любовались монаршей четой, то теперь настал момент, когда можно придиричиво осмотреть соседей.

— Разве это не бастарда царя? — прошептала, кокетливо прикрыв рот ладонью, стоящая поблизости дама.

— Она самая, — ответила ей другая леди.

— Тогда почему она носит изображение клана сагасской королевы?

— Какой позор! — покачала головой незнакомка. — Она порочит имя Фальксов. Надеть подобное платье — верх бесстыдства!

— Девушка совершенно не ценит дарованного судьбой! Будь мой отец царь... — мечтательно вздохнула собеседница.

Я вспыхнула.

— Достаточно! — само собой вырвалось изо рта. — Соблюдайте приличия, наконец.

Не ожидав, что я прямо отвечу на их выпад, леди презрительно сморщили носики, но воздержались от комментариев. Было вздохнула от облегчения, как страх заставил похолодеть. Заметив непонятное оживление среди придворных, взгляд отца заскользил по толпе, выискивая причину их поведения. Быстро догадавшись, что это именно я привлекла внимание знати, Викар довольно оглядел мою фигуру и улыбнулся.

«Всех кавалеров очаровала», — неверно интерпретировал вспыхнувший ажиотаж государь.

Я ощутила еще больший стыд, вызывающий надоедливое жжение внутри. Издалека царь не мог разглядеть злополучную вышивку. С его места она смотрелась обычными узорами, не более.

Я поймала на себе укоризненный взор зеленых глаз и не отвернулась.

«Я же говорил», — ясно выражал взгляд Дамиана Грасаля.

Хотелось подхватить юбки, скрывая волчьи лики в крупных складках платья, и бежать. Но вместо этого, я гордо вскинула голову, чувствуя себя отчаявшимся человеком, направляющимся к плахе. Все внутри дрожало, и каждый шаг давался с трудом. Показное достоинство высасывало все силы, но я не собиралась еще больше позорить отца.

Шепот разносимых по залу слухов щекотал шею. Я вышла из него вместе со всеми, едва держась, чтобы не сгорбиться под грузом собственного стыда. Несмотря на толпу придворных, казалось, я шествовала совсем одна. Даже Дамиан Грасаль не приблизился, чтобы составить компанию изгоя. Его тоже недолюбливали, боясь высказаться рядом с ним слишком откровенно, но, по крайней мере, советник заслужил уважения толпы, а я вмиг растеряла с трудом завоеванные крупицы...

Я задыхалась от чужих взглядов, точно публичное порицание не позволяло поступить воздуху в легкие. Когда я была уже на грани, неожиданно ощутила чью-то руку, крепко сжавшую мою. Я обернулась и едва узнала в с трудом улыбающейся, точно преодолевающей боль, женщине настоятельницу.

Мев выглядела так, словно кто-то отнял у нее десяток лет. Она уже не пыталась закрасить седину. От когда-то пышной шевелюры не осталось и следа, и теперь жидкие волосы выглядели жалко. Заметно осунувшаяся от болезни, она едва стояла. Несмотря на то, что пересуды о ее прошлом уже давно утихли, все боялись коснуться Мевил, точно ее прошлое сеяло заразу, как жуткая болезнь.

— Держись, Айрин. Сейчас как никогда нужно оставаться сильной.

Не успела я поинтересоваться, что говорят лекари о ее состоянии, как толпа, ступающая возле зала для пира, разорвала наши сцепленные руки. Незаданный вопрос остался висеть в воздухе. Я напряглась, пытаюсь вспомнить, какой недуг вызывает такие симптомы, как у настоятельницы, но моих скудных знаний не хватало, чтобы отыскать ответ.

Наконец выскользнув из толпы, я подобрала юбки и быстрым шагом направилась в противоположный коридор. Паника в голове сковывала мысли в тугой узел. Я могла думать лишь о том, как побыстрее оказаться вдали от всех в своей комнате. Стражи, повсюду насаждающие дворец, молча пошли следом.

С каждым шагом ноги все деревенели. Сначала я списала свою неповоротливость на страх, но затем невольно вскрикнула, поняв, что собственное тело начинает предавать. Казалось, воздух вокруг превратился в студень. На лбу появилась испарина от усилий, складываемых в движения. Я тяжело дышала, словно после долгой пробежки, но постепенно шаги лишь укорачивались, пока я окончательно не замерла, будто упершись в глухую стену.

Я ничуть не сомневалась, кто позаботился о том, чтобы я никуда не бежала. Это явно дело рук новоиспеченной царицы. Шанталь желала продемонстрировать мой позор и предательство перед всеми придворными и навсегда лишить благосклонности царя. Хотела бы я сказать, что это ей не удастся, но все говорила об обратном.

— Вы! — панически приказала стоящему рядом стражу. — Мне дурно! Немедленно возьмите меня на руки и отнесите в комнату.

Мужчина нервно сглотнул: «Да мне Грасаль руки оторвет, если я прикоснусь к бастарде...»

— Вам лучше не двигаться. Я сейчас же отправлюсь за лекарем!

— Поздно... — выдохнула я, отрешенно наблюдая, как ноги сами разворачиваются. Я направилась к залу для пира, хотя совершенно не испытывала в этом желания.

— Вам лучше? — смутился страж.

Я хмуро взглянула на него, ничего не произнося вслух. Если признаюсь, что мной управляет платье, попросту засмеют. В Льен и не слышали о подобной магии. Даже я сама никогда не думала, что такое возможно!

Мужчина облегченно выдохнул, наблюдая, как я переступаю порог: «И хорошо, что не согласился... Как отказался — сразу стал неинтересен. Нет, ну что за нравы в этом Сагассе?! Посмотришь, вроде скромная девица, а вон оно что — в голове. Дочь царя называется... Хотя неудивительно, что ей приглянулся».

Меня передернуло от отвращения, и одновременно с этим я издала нервный смешок, представив, как страж самодовольно поправляет усы. Но радость быстро померкла. Опоздавшая бастарда явно привлечет к себе еще больше ненужного внимания.

Я облегченно выдохнула, заметив у двери скопление народа. Не все придворные успели зайти внутрь, и я затерялась в толпе. Невидимые нити, дергающие меня, как марионетку, ослабились, вызволяя на свободу, но без всяких сомнений не теряли готовности словно затянуться, натолкнувшись на сопротивление.

Я обреченно прошла внутрь и села за указанное место, заранее готовая к все приближающимся неприятностям. Душу грызла тоска.

Богатый стол, уставленный яствами, совершенно не вызывал аппетита, хотя я давно должна была проголодаться. Не удержавшись, залпом выпила бокал разбавленного вина, чтобы забить сухость во рту. Язык вязал страх.

Время бесконечно тянулось, но я не замечала ничего вокруг, ожидая неизбежное. Ощувив на себе чужой взгляд, подняла голову и холодно всмотрелась в лицо Шанталь. Царица безмятежно улыбалась, но я явственно ощутила — прямо сейчас вся моя жизнь разрушится.

Ее величество поднялась, привлекая к себе внимание. Постепенно все замолкли, и она заговорила:

— Сегодня знаменательный день. Царство Льен и Сагасс заключили союз. Я уверена, что вместе мы лишь окрепнем и наша мощь достигнет небывалых высот. Впереди нас ждут чудесные времена, полные невероятных открытий.

Отец кивал, слушая возвышенную речь жены. Он не чувствовал, что за подарок она приготовила к свадьбе.

— В честь этого события Ее Величество Аиша из клана Ледяных волков, Королева Сагасса и сопредельных земель, преподнесла нам всем щедрые дары. О некоторых из них вы уже знаете, а другие станут приятной неожиданностью, — после этих слов Шанталь кивнула глашатаю и вернулась на место.

Пожилой мужчина, в котором легко угадывалась примесь сагасских кровей, прокашлявшись, развернул длинный свиток и принялся монотонно зачитывать:

— Королева Сагасса Ее Величество Аиша из клана Ледяных волков дарует в личное пользование Его Величества Викара Фалькса, законного царя царства Льен, пятьдесят бочек лучшего вина... Ее величество Аиша из клана Ледяных волков дарует... Шелковые ткани для фрейлин Ее величества Шанталь, царицы Льен... Прощает долг в размере... — из-за резко поднявшегося шума я так и не расслышала срочную сумму, — начисленный за срок длительностью один год...

Я охнула. «Ты лично пересчитывала монеты в сокровищнице ее величества?» — сами собой вспомнились давние слова Дамиана Грасаля, указавшего на некорректность сравнения благополучного Сагасса и пережившего длительную смуту Льен. А ведь я даже не догадывалась о долгах царства! Судя по озвученной дате, все произошло еще до того, как Викар занял трон. Берегиня! Да ведь милость, оказанная королевой, — крупница на фоне величины всей суммы, которую придется вернуть отцу из-за ошибок своего предшественника.

Царь моментально помрачнел и переглянулся с членами совета. Они не хотели выставлять нелицеприятные сведения на всеобщее обозрение, но жаждающую впечатлить своим могуществом королеву это не волновало. Среди всего прочего глашатаю не преминул невзначай упомянуть еще одну деталь:

— Ее Величество Аиша принимает Айрин Солын из Сагасса в клан Ледяных волков с условием, что ни сама леди Айрин, ни ее дети, ни дети ее детей не займут трон Сагасса,

если какое-либо несчастье, умышленное или стихийное, унесет жизнь всего королевского рода.

Викар, с которого я не сводила взора все это время, поперхнулся вином, которым запивал горечь после прилюдно озвученной величины долга, висящей на погрязшей нищете стране. Лицо отца резко побледнело, а затем пошло красными пятнами.

Я вжалась в стул, понимая, что государь едва держится, чтобы немедленно не броситься ко мне и затрясти за плечи, надеясь, что озвученное — всего лишь наглая ложь, к которой я не имею никого отношения.

Другой человек, столь же бурно отреагировавший на услышанную новость, главный советник его величества, от подвергнутого шока выронил из рук бокал, громко разбившийся о каменный пол. Краски, заливающие лик князя, полностью отражали палитру чувств царя. Дамиан Грасаль так многозначительно на меня посмотрел, что я решила лучше не показываться ему на глаза в ближайшие несколько... лет. В отличие от Викара он даже не сомневался, что титул вовсе не неожиданно свалился на мою голову, а я сама приложила усилия, чтобы его заполучить.

Я сама едва дышала от потрясения. Королева даровала не просто право войти в какой-нибудь малоизвестный род, а фактически приняла в собственную семью, хотя и лишила большинства привилегий правящей династии. Но зачем ей это? Чем я заслужила подобную милость? Глупо думать, что ее величество так глубоко прониклась моей историей, что сочувствие вскружило ей голову.

На мгновение все забыли о пустующей казне и о щедрости заморской правительницы, заинтересовавшись лишь моей особой. Громкий шепот придворных, не смущающихся от неслыханности известия практически вслух обсуждать произошедшее, летел по полному залу. Отец, потеряв дар речи, переводил взгляд с меня на Шанталь. Благосклонная улыбка царицы не дрогнула, хотя она не могла не ощущать обрушившуюся на нее волну отвращения от супруга. Хорошее в произошедшем было только одно — все это время слепой от очарования возлюбленной Викар наконец-то посмотрел на нее другими глазами. Слишком поздно он понял, что ее величество не на невинной и возвышенной деве, как прежде думал, а на настоящей мастерице плетения интриг.

Но, видимо, Шанталь и этого показалось мало. Довольная произведенным триумфом она встала и с наигранной теплотой во взоре пропела:

— Ах, Айрин, я так рада что вы теперь одна из ледяных. Щедрость королевы поистине безгранична!

Я знала, чего она добивалась. Она вынуждала меня встать, чтобы окончательно добить отца, показав мою осведомленность о решении сагасской правительницы, и продемонстрировать великолепное темно-синее платье, столь вовремя оказавшееся в моих покоях. Интересно, что бы произошло, не испорти я первоначальный наряд? Чутье подсказывало, что чужеземная магия все равно бы решила этот вопрос.

О намерениях Шанталь догадался даже лакей поспешивший ко мне, чтобы помочь встать еще до того, как я выразила подобное желание. Я услышала, как по полу заскрипели ножки еще одного стула. Дамиан Грасаль стремительно покидал зал, дабы не становиться свидетелем позора бездарной ученицы. Я хотела одолеть князя его же методами, но собственные интриги заточили в ловушку, из которой так просто не выбраться.

Я судорожно сглотнула и, как и подстроила Шанталь, вышла в центр зала. Когда я делала реверанс, ноги, подкашивающиеся от нервозности, с трудом слушались. Лишь одно чудо помогло удержать равновесие. Вокруг стояла мертвая тишина, и громкое шелестение юбки резало слух.

— Бесконечно благодарна ее величеству за оказанное доверие, — сама удивилась, как ровно прозвучал голос, несмотря на бушевавшие в душе чувства.

Отец молчал, но его мысли летели в меня, как стрелы, выпускаемые из лука одна за другой. «Предательница» — было самое мягкое из услышанного. Я окончательно разочаровала Викара. Хотя он и перестал слепо доверять Шанталь, злость на дочь

перевешивала досаду от раскрывшейся с иной стороны супруги.

Волки на юбке точно пустились в бег, когда я развернулась и последовала примеру князя, покинувшему пиршество. Остаться наедине с полным осуждением залом не хватило сил. Бешеный стук сердца унялся лишь снаружи, когда взгляды других отрезала глухая стена.

Глава 18

Когда за спиной захлопнулась дверь, прозвучал раздраженный голос:

— Довольна?

Дамиан Грасаль недовольно разглядывал меня, поджав губы. Тень падала на его лицо, делая скулы резче, а глаза — ярче.

Мне хотелось сказать ему, что он заблуждается: не я приняла постыдное решение, а проклятая сагасская магия, заставившая надеть платье и помутившая рассудок. Не хотелось распылаться на бессмысленные споры. Князь уже сделал нужные выводы, жаль, что они далеки от истины.

— Будете отчитывать? — отгрызнулась я.

— Не мне заниматься твоим воспитанием, но сегодняшний поступок перечеркнул все, к чему ты стремилась.

— Откуда вам знать о моих желаниях? — прошептала я. — Может, это именно то, в чем я нуждалась.

Дамиан впился в меня взглядом. Секунду он рассматривал мое лицо, точно заметил в нем нечто новое, ранее не замеченное, а потом сухо произнес:

— Ты еще пожалеешь об этом решении.

Он развернулся и быстро зашагал по коридору. Черный бархат камзола делал советника похожим на ворона с переливающимися синевой крыльями. Слишком темная, по меркам дворца, одежда выделяла князя среди всей остальной знати и подчеркивала, что он другой. Может быть, так и было. Вот только это не делало Грасаля лучше остальных.

— Дамиан! — воскликнула я, желая высказать все накопившееся в душе, но он даже не повернулся, чтобы посмотреть назад.

Если бы не следящие за каждым шагом стражи, я бы решила — князь навсегда вычеркнул меня из своей жизни, но выпускать из виду ценную пленницу — безрассудство, на которое главный советник не мог пойти.

— Отлично! — раздраженно выкрикнула я, поправляя диадему на голове. Ее тяжесть как никогда давила, вызывая бьющую по вискам боль.

Злость на пренебрежительное отношение советника огнем пролилась по жилам. Не я должна просить прощения. В конце концов, он даже не пожелал выслушать, чтобы узнать истинную причину столь недальновидного поступка!

Решительно направилась по коридору в противоположную сторону. Перед глазами плясали пятна от безудержной ярости. Я шла, не замечая никого вокруг.

— Миледи, с вами все в порядке? — забеспокоился какой-то слуга.

Кинула на него хмурый взгляд и невольно увязла в чужих мыслях, затянувших зыбучими песками в бездну. Глазами прислуги узрела свою шатающуюся походку. Выглядела так, точно в голову хмель ударил.

— Миледи, давайте помогу... — протянул руку мужчина и тут же резко отпрянул от ужаса: — Трекий! Ваши глаза! Они... они... светятся!

— Со мной все хорошо. Я... замечательно себя чувствую, — заплетающимся языком пробормотала я и ощутила, как ноги подкосились.

Слуга был только рад сбежать.

— Я сейчас же позову лекаря!

Когда я осталась одна, передо мной снова из ниоткуда появилась Илис, таинственным

образом возникнув из чистого воздуха. Царица, неожиданно обретшая плоть и кровь, осуждающе покачала головой и протянула руку, указывая на нечто неведомое впереди.

— Опять... — с подкатившей к горлу ненавистью пробормотала я. — Опять ты! Да сколько можно!

Она сделала шаг навстречу. Черные волосы длинными ужами вились за спиной, словно в лицо женщины бил сильный ветер. Синие глаза горели, точно подсвеченные изнутри.

— Уходи! Не смей приближаться!

Я выставила руки в защитном жесте, ограждаясь от призрака. Но Илис это не остановило. Она подошла совсем вплотную. Цветочный аромат, источаемый ее кожей, резко потух, уступив место резкому запаху гнили. Я попыталась дернуться в сторону, чтобы спрятаться от ее хватки, но царица все равно вцепилась пальцами в плечи, заставляя заглянуть в глаза.

— Слушай.

Все звуки разом стихли, оставив нас наедине. Даже сердце как будто перестало биться в груди, чтобы не мешать. Я обо всем забыла, все мысли выпорхнули из головы, как мотыльки из поднятой со стола перевернутой банки. Когда я целиком очистилась от переживаний, услышала странный гудящий звук, исходящий из-под пола, откуда-то из недр земли. Илис указывала туда, где он усиливался.

— Слышишь? Слушай...

Тело покрылось мурашками. Ощущение чего-то злого, нехорошего скреблось по жилам. Я попыталась вырваться, но холодные пальцы сильнее сжались на обнаженных плечах. Не хотелось вслушиваться в эти жуткие, первобытные звуки. Я нутром чуяла, что от этого странного воя стоит держаться подальше.

— Теперь ты знаешь... — сказала Илис и в тот же миг померкла и полностью растворилась в воздухе, словно никогда и не появлялась. С ее исчезновением все вернулось на круги своя.

Я поднялась с пола, с облегчением вслушиваясь в привычный гул чужих голосов. Громкие переживания других людей заглушили зловещий звук, исходящий снизу. Поправив платье, я положила руку на стену в поисках опоры и на ослабевших ногах дошла до покоев, не дожидаясь обещанного появления лекаря. С каждым шагом я крепла и прочнее становилась на пол, хотя дух недомогания все еще кусал тело.

В комнате слепящая ярость внезапно ударила в голову. Взгляд сразу же упал на нож, некогда ранивший в тайном ходе. Я взяла его и с остервенением начала разрезать роскошное платье, чтобы как можно быстрее, не дожидаясь появления служанки, снять его с себя. Руки дрожали от возбуждения, когда очередная завязка распадалась на части. Наконец мне удалось избавиться от проклятого дара и раздеться, но даже не это не позволило немедленно вздохнуть с облегчением.

Я смяла истерзанные останки наряда, взяла в руки и стремглав бросилась в соседнюю комнату, где из-за пришедших вместе с нагрянувшей осенью холодов разожгли камин. Волчьи морды гневно оскалились, желая отпугнуть от себя огненные языки, быстро расползающиеся по платью, но немилосердное пламя все равно поглотило их, с жадностью сжирая серебряную вышивку. Только когда совсем не осталось нетронутых участков ткани, сердце согрелось в груди, обретя покой. Будь ты проклята, Шанталь!

Совсем одна, лишившись поддержки последних союзников, я вернулась в спальную комнату и погасила свет. В темноте веки быстро сомкнулись от накатившей усталости. Хотелось растянуть сон на как можно продолжительный срок, чтобы отложить момент новой встречи с жестокой реальностью в долгий ящик.

Наверное, это желание оказалось столь велико, что боги решили посмеяться над глупой смертной. Я провалилось в такой глубокий сон, полный тревоги и напрасных терзаний, что с трудом проснулась, ощутив на плечах чужие руки. Веки, налитые тяжестью, нехотя поднялись, и я не сразу узнала в встревоженном человеке, стоящем напротив, Грасаля. Взмолвленная Ксана выглянула из-за его плеча и с облегчением вздохнула, поняв, что я

проснулась.

— Миледи! Я не смогла до вас добудиться. Пришлось даже обратиться к помощи князя, — извиняющимся тоном пояснила она его присутствие.

— Я выпила вчера успокаивающие капли, — быстро нашлась с ответом.

Перед глазами все еще стояли страшные видения, преследовавшие ночью. Непроглядно-черные тени впились языками в тело, разрывая его на части. Ледяной холод прожигал плоть, превращая внутренности в студеной камень. Не верилось, что все это позади. Кошмары, реалистичными иллюзиями ворвавшиеся в явь благодаря магии покойной царицы, пробрались во сны, не позволяя отдохнуть.

— Успокаивающие капли? — недоверчиво хмыкнул главный советник.

— Взяла у лекаря для крепкого сна.

Не удовлетворенный таким объяснением, Дамиан Грасаль повернулся к служанке и невозмутимо приказал:

— Выйди.

Ксана сделала быстрый книксен и скрылась за дверью.

— Я не учился лекарскому делу, но все равно понимаю, что после обычных снадобий никого не требуется будить несколько часов.

Несколько часов... Он шутит? Судя по серьезному взгляду, нет. Боги, что же творится? Что делает со мной сапфировая диадема? Точно почувствовав подозрения, опалившие разум отрезвляющим холодом, венец недовольно загудел. Я ощутила давление. Неудобные древней магии мысли быстро улетучились из головы, словно и не появлялись. «Отпирайся до последнего», — раздавалось в ушах.

— Я выпила слишком много. Прошлой дозы оказалось слишком мало, чтобы меня сморил сон, и ее пришлось увеличить. Довольны? Не понимаю, какое вы имеете право меня отчитывать?!

— Хочу напомнить, что твое благополучие все еще лежит в моих руках, — опасно сощурился князь.

— Так было раньше. Теперь я подданная Сагасса.

— Смотри, как бы это не стоило головы. Ты слишком наивная, если полагаешь, что так просто смогла улизнуть из-под моего надзора.

— Угрожаете?

— Предупреждаю. Снова.

— Где было ваше благородство, когда вы кувыркались в постели с моей служанкой? — не сдержалась я. — Вы даже не уволили ее, как я приказывала.

— Лишь один царь смеет мне приказывать. Я не собираюсь угождать ничьим прихотям и утирать сопли истеричной девчонке, почему-то решившей, что может быть ровней государю.

Я вспыхнула. Магия диадемы развязывала язык, как крепкий виски. Я сама не понимала, зачем говорила все это, но слова сами выскальзывали из горла. Чары ударили в голову, будоража рассудок.

— Ненавижу вас!

— Повторяешься, фиалка, — опостыло довольно улыбнулся он. Мне хотелось заставить князя ощутить хотя бы крупицу тех чувств, от которых изнывала сама, но об этом можно было только мечтать. Нельзя заставить Дамиана страдать так, как я жаждала.

— Тогда зачем это все? — признавая поражение, спросила я.

Дыхание перехватило в ожидании ответа. Берегиня, неужели в самом деле все кончено? Опасная связь с главным советником и так достаточно вымотала. На мгновение забывшись и представив, что в его каменном сердце есть чувства, я едва не уничтожила себя. Он просто играл мной, ловко манипулируя переживаниями, зарождающимися в душе.

Опыт и сила не прогнутся ради сиюминутного удовольствия. А ведь Дамиан предупреждал... Но лишь манящий взгляд зеленых глаз мог прояснить творящийся сумбур в моей голове и отличить истину от заблуждений. Меня сводила с ума придворная жизнь, и только твердо стоящий на своем князь служил точкой опоры в этом безумном хаосе.

— Не знаю, — пожал плечами советник. — Но этого больше не повторится. Переодевайся. Тебя ждет разговор с отцом.

Я судорожно сглотнула, понимая, что следующие несколько часов будут самыми тяжелыми в моей жизни.

Дамиан Грасаль вышел из комнаты, предоставляя время прийти в себя, и Ксана занялась моим внешним обликом. Я молчала, быстро пресекая все неудобные расспросы. Ни к чему ей знать, о чем шла беседа. Но, тем не менее, я не сдержалась, заглянув в мысли служанки и отыскав ответ на давно волновавший вопрос. Повторения того вечера не последовало. Впрочем, даже сама Ксана думала об этом с облегчением. Места при дворе она желала гораздо больше короткой интрижки, хоть и с притягательным мужчиной. Теперь она не сомневалась, что отношения с Дамианом Грасалем лишат ее всего того, чего добивалась всю жизнь.

«Правильно боится... Я забуду о жалости, снова узнав о подобном».

Бессердечность собственных мыслей испугала. Когда я успела так очерстветь? Я махнула головой, отчего гребень в руках Ксаны соскользнул, невольно дернув за волосы, и замерла от нехорошего присутствия.

В коридоре, за дверью, совсем знакомо плясала вьюга и кружил ветер, поднимая снег.... Думы Шанталь заставляли застучать зубами от холода. Я проникла в мысли царицы, пытаюсь узнать, что она забыла в этом крыле дворца.

Ее величество растянула губы в улыбке, точно увидев старого друга. Дамиан Грасаль не разделил ее радости и, заметив шагающую впереди царицу, ответил брезгливо поджатыми губами. Он даже из вежливости не задержал на жене Викара взгляда, словно ему было противно на нее смотреть. Обычно купающаяся в чужом восхищении, Шанталь ощутила легкую досаду, но это чувство быстро померкло. Она знала, что уже победила.

«Скучаете, князь?»

«Едва ли могу себе позволить подобную роскошь, ваше величество».

Дамиан поклонился, дерзко смотря в глаза своей государыне. «Странно, — подумала сестра королевы Сагасса, — преклонил колени он, но ощущение, будто я. Мастер своего дела... Но даже опытному интригану когда-нибудь приходит пора отойти в тень».

«Дворец переполнен слухами о ваших любовных похождениях, — с наигранным сочувствием в голосе сообщила царица. — Надеюсь, ваше дежурство возле покоев дочери его величества не будет стоить ей репутации».

«Переживаете о девичьей чести или волнуетесь, что какая-то девчонка обошла особу королевских кровей?» — хитро ухмыльнулся Грасаль.

Погруженная в их разговор, я нахмурилась, не сразу поняв намек князя. Но его слова быстро попали в цель. Шанталь взвилась, точно ужаленная. Гнев моментально поднялся в ее душе. Хотя она попыталась сохранить равнодушие, ярость все равно отразилась в опасном блеске в глазах. Царица Льен подошла вплотную к князю и провела острым ногтем по его щеке, царапая кожу. Дамиан не дрогнул, насмешливо созерцая ее метания. Превосходство отражалось в осанке непреклонного князя, пряталось в горделивом развороте плеч и таилось на дне темно-зеленых глаз.

«Мне не интересны мужчины, довольствующиеся обществом служанок», — наконец ответила она. Но это было ложью. Тело Шанталь дрожало от возбуждения. Ей хотелось наклониться ближе и прикоснуться к губам Дамиана, притягивающим взор, но в тот самый миг, когда азарт, туманя разум, успел смешаться с решимостью, князь отвел ее руку от лица и сделал шаг в сторону.

«Говорите себе это почаще».

Главный советник открыто потешался над царицей. Не удивительно, что его поведение вызывало в ней неизменное раздражение. С трудом утихомирив чувства, она произнесла:

«Слуги нашептали, что Айрин отказалась от услуг этой... служанки еще в тот же вечер, как стала известна ваша интрижка, но вы поступили по-своему, оставив любовницу во дворце. Неужели грязный передник так запал в душу?»

«Слишком много внимания к моей личной жизни, ваше величество. Еще немного и у царя появится повод для ревности. Думаете, сможете манипулировать мной, наседая на служанку? Пожалуйста, ваша воля. Хотите — казните девушку. В честь ее памяти я даже подниму бокал виски, но дальше вернусь к делам. Привязывайся я к людям, никогда бы не стал тем, кем являюсь сейчас».

«Вы сами заточили себя в ловушку, Дамиан. Теперь никто не придет на помощь. Даже бастарда Викара не сделает ничего, чтобы вас спасти».

«Я не нуждаюсь в ничьей милости, ваше величество. Что до Айрин... Она слишком неопытна для открытого противостояния с царицей. Мы оба понимаем, что это наша личная партия. На доске и так достаточно много лишних фигур».

«Думаете, я не догадалась? Все специально подстроили, чтобы бастарда застала вас двоих, — зло рассмеялась Шанталь. — Разбить узел одним ударом — умно. Но этим вы лишь показали, что дорожите девушкой гораздо сильнее, чем кажется».

Я до боли сжала пальцы в кулаках. Принцесса Сагасса явно провоцировала советника, побуждая его сделать осечку. Дамиан Грасаль приблизился к противнице, впиваясь в нее предостерегающим взглядом. Мне не хотелось думать о предположении Шанталь, притягивающем меня к себе, как мышеловка грызуна куском сыра. Соблазн поверить царице вскружил голову, но даже если она не лгала, это еще ничего не значило. Князь не опустится до такого опасного чувства, как любовь, делающего человека слабым.

«Не ослышался ли я? Вы только что признали, что какая-то легкомысленная выскочка дала вам фору? — снисходительно фыркнул он. — Теряете хватку, ваше величество. Так и царь в скором времени любовницу заведет. Чем строить заговоры при дворе, лучше бы озаботились вопросом наследника. Царица-пустышка лишь на словах жена государя».

В душе Шанталь бушевала пурга. Если бы буран ее негодования вырвался наружу, он бы уничтожил все вокруг — такой сильной была ярость. Прошло совсем немного времени после свадьбы, и всех, разумеется, еще не успел обеспокоить вопрос приемника государя, но пока чрево царицы оставалось пустым, ее благополучие висело на волоске. Царю нужен сын, царству Льен — сильный наследник. Шанталь это прекрасно понимала.

«Викар прекрасный и чуткий любовник. Мое тело с готовностью откликается на его ласки, и, я уверена, ждать придется совсем немного. Как бы вам не хотелось этого, вскоре я укреплю свое положение. Люди боготворят меня и презирают вас. Любовь народа может сделать и из пастуха уважаемого человека, но не каждый в силах ее заслужить».

Я ощутила дрожь волнения Шанталь. Она сумела быстро отразить выпад князя, но внутри вся замерла от страха. Почему? Разве ей стоит беспокоиться о наследнике, если еще не прошло много времени со свадьбы? В поисках ответа пришлось нырнуть глубже в зимнюю вьюгу, царящую в душе жены Викара. Правда оказалась вполне ожидаемой: сегодня Шанталь провела далеко не первую ночь в объятьях царя. Об этом догадывались многие, но чего никто не знал — никаких трав принцесса Сагасса, всем сердцем желавшая поскорее понести от государя, не принимала. Она хотела уже в первый месяц правления публично заявить о зачатии, но пока не достигла в этом успеха.

«Глупо», — сперва решила я, но потом осознала: Шанталь не боялась отмены свадьбы. Достаточно уверенная в себе, она не сомневалась в неистовом желании царя побыстрее назвать любимую женой. А если бы что-то пошло не так, ледяные иглы магии безжалостно бы расправились в зародыше былых чувств, пока о положении принцессы не стало известно.

Шанталь не находило девство поводом для гордости, как считали в Льен. Она, выросшая в искушении сагасской придворной жизни, не гнушалась заводить любовников и предаваться постельным утехам. Хотя это не выставлялось напоказ, никто не сомневался, что приехавшая из заморской страны сестра королевы не столь чиста, как требовали традиции царства Льен. Происхождение невесты делало этот вопрос не стоящим внимания.

Но самоуверенность Шанталь вышла ей боком. Дни все шли, а чрево избранницы государя оставалось пустым, вопреки чаяниям. Намеки Дамиана Грасаля оказались слишком близкими к истине. Догадывался ли он о страхах царицы или просто случайно попал словами в цель?

«Избавьте меня от лишних подробностей. Если потребуется поддержать свечку, обратитесь к служителям Треокого, а не ко мне. А теперь прошу извинить. Айрин пожелал видеть отца. Викар не обрадуется долгому ожиданию».

Я вынырнула из мыслей Шанталь, как из ледяной проруби. Все тело сотрясала нервная дрожь. С удивлением отметила, что, пока мыслями унеслась далеко отсюда, Ксана успела привести меня в порядок. Не успела я прийти в себя, как дверь открылась, и на пороге появился Грасаль. Лишь красная полоса на его щеке да свежесть морозного воздуха, хлынувшая из коридора, напоминали о визите царицы. Шанталь точно растворилась в полумраке сети ходов дворца.

— Ждала кого-то другого? — необычно задумчивый после общения с ее величеством сказал князь.

— Нет, — покачала головой.

Советник словно уже и забыл о своем вопросе, погрузившись в раздумья.

— Пошли, Айрин.

Я сделала глубокий вдох, пытаюсь успокоиться. Стоил ли сагасский титул ненависти отца? Я публично высказала свое пренебрежение его власти. Такое не прощают. Умышленно или нет, но я надела то злополучное платье, и вина за этот поступок будет преследовать меня всю жизнь.

Путь прошел в сводящей с ума тишине. Возле заветных дверей князь ускорил шаг и, оказавшись внутри быстро поклонился, явно не намереваясь задерживаться здесь надолго.

— Оставь нас.

Голос отца оброс инеем, на мгновение напомнив о Шанталь.

— Как прикажете, ваше величество, — коротко кивнул советник и скрылся за дверью.

Без молчаливого присутствия Грасаля я почувствовала себя еще хуже. Один на один с царем было страшно находиться. Глаза обжигал стыд. Я боялась поднимать голову и смотреть на монарха, неловко переминаясь с ноги на ногу.

— Айрин, как ты могла?! — после долгого безмолвия произнес отец. Тяжелый взгляд заставлял поежиться и согнуться, прячась от сквозившего в очах родителя порицания. — Подними голову, когда разговаривает царь.

— Простите... ваше величество, — понимая, что прежде всего навлекла на себя гнев государя, а не доброго папы, растившего в Сагассе, невольно перешла на официальный тон.

— Ты еще не осознаешь последствий своего поступка, но они не заставят себя ждать.

«Такая же своенравная, как и мать, — пронеслось в мыслях Викара. — Та тоже противилась неравным отношениям. Глупая девчонка! Что же теперь делать? Королева Сагасса не пойдет на уступки. Кто знает, как она собирается манипулировать Айрин... Придется уповать на лазейки в законе и, демоны его раздери, Дамиана Грасалья. Его хитрость может весьма пригодиться».

Я ясно видела — отец твердо намеревался лишить меня новоприобретенного титула. Ради этого, он пойдет на многое. Моим мнением никто даже не собирался поинтересоваться. Гнев опалил разум, провисая пеленой перед взором.

— Айрин, твои глаза! — со священным ужасом воскликнул Викар, резко оборвав размышления на полуслове.

— Знаю, синие, — голос прозвучал каким-то неживым и искусственным, хотя бушевавшая внутри ярость сводила с ума. — Ты не имеешь права отбирать у меня титул. Он мой. Королева Сагасса даровала его, оказав величайшую милость. В отличие от тебя она хотя бы озаботилась моим положением.

В ушах стучало от негодования, а кровь бурлила в жилах, подталкивая к поступкам, о которых, весьма вероятно, вскоре могла пожалеть, но я ничего не могла с собой сделать. Что-то неведомое туманило разум, вселяя опасные мысли, ядом оседающие на языке.

— Не смей перечить мне, Айрин! Твое поведение... Оно уже перешло все границы.

— Это ты забыл о семье, увязнув в политических интригах. Публичное унижение — меньшее, чем я могла ответить, — несправедливые обвинения сами выскальзывали из горла, как отравленные стрелы из заряженного лука. — Ты должен был увидеть истинную натуру Шанталь. Почему сагасской принцессе все сходит с рук?

— Невоспитанная девица будет учить меня править? — огрызнулся Викар. — Я до последнего надеялся — произошло недоразумение: ты в каком-то помешательстве надевала платье или по глупости забыла, на гербу какого рода изображены серебристые волки. Но ты... Это измена, Айрин.

— Отрубишь голову? — заносчиво вскинула подбородок.

— Нет, сгоню лишнюю спесь и укажу на место, — окончательно разозлился Викар. — Стража! Немедленно сюда. Запереть миледи в башне и не выпускать оттуда, пока я не велю!

— Но Грасаль... — охнула я, потрясенная решением отца.

Никогда бы не подумал, что Викар может применить ко мне силу. Но времена менялись, а мы вместе с ними, и от доброго родителя давно не осталось и следа. Он научился принимать неприятные решения, вставшие комом в горле, и достигать цели быстро отсекая малейшие проявления слабости. Царь как всадник, сидящий на строптивой лошади, должен твердо держать поводья управления страной в своих руках, но чем ближе Викар подбирался к этому желанному образу, тем дальше отдалялся от меня.

— Советник без сомнения поддержит мое решение. Ты заигралась, дочь. Если ты сама не в состоянии отличить зерна от плевел, придется научить.

Быстро подросшие стражи, не колеблясь ни минуты, схватили меня под руки. Чужие пальцы повисли железными кандалами на запястьях, скручивая непокорную пленницу. Я дернулась, безуспешно вырываясь из сильной хватки, и громко выкрикнула, в глубине души понимая, что этим еще больше разозлю отца.

— Вы не имеете права! Я верноподданная Сагасса...

— Ты забыла уроки географии, Айрин, — холодно произнес царь. — Сагасс лежит за морем, а здесь царство Льен. Пока ты на территории этой страны, мое слово — закон.

Я до последнего надеялась, что Викар затеял все это не в серьез, и в конце концов стражи выпустят меня, грубо указав на место. Но никаких пресекающих действий со стороны государя не последовало, и мужчины грубо поволокли мое тело по дворцу, не отвлекаясь на вялое сопротивление схваченной бастарды. Я кричала, но все будто

ничего не слышали. Придворные разом оглохли, с любопытством наблюдая унижение царской дочери, и гадали, не стесняясь обсуждать вслух, чем именно я так прогневала его величество. Большинство злорадно усмехалось, считая, что выскочка получила по заслугам.

Наконец, мы поднялись по винтовой лестнице. Меня затолкали в башню и бросили внутрь. Я залетела мешком картошки и упала на заботливо постеленную на полу солому. Стряхнув сухую траву с лица, быстро подскочила, но было уже поздно: замок снаружи защелкнулся. Раздались удаляющиеся шаги.

— Выпустите! Сейчас же! Царь просто пошутил... — я истерично рассмеялась. — Это все нарочно! Я его дочь, выпустите!

Кулаки в отчаянии ударили по двери. Костяшки пальцев раздирали от боли, но я не останавливалась, яростно колотя по дереву. Горло саднило от крика, но никто не спешил на помощь. Не сразу поняла: отсюда меня не услышат.

Я рухнула на солому и закрыла лицо руками. Говорят, глупость лечится лишь еще большей глупостью, но в моем случае это принесло только большие разрушения. Берегиня, да я сама не понимала, что творю! Это была не я!.. Снова.

Все тело ломило в преддверии готовых выступить синяков. Я шмыгнула носом, плача от досады и боли. Пальцы сами собой нащупали диадему. Я содрала венец с головы и швырнула его в стену, понимая, откуда растет корень всех зол. Сапфиры горестно зазвенели, ударившись о камень. Все внутри напряглось, стянутое непонятно откуда взявшейся жалостью. Всклипывая от осознания собственного унижения и бессилия, я поползла вперед и подняла с пола дар Илис. Отряхнув с диадемы пыль и солому, я вернула ее на голову. В тот же миг слезы остановились, а гнев на возмутительный поступок отца заставил сжать кулаки.

Он не посмеет лишить меня титула и поплатится за то, что позволил себе лишнее. Сегодня Викар совершил непоправимую ошибку.

Глава 19

Время тянулось бесконечно. Я все думала, вот-вот откроется дверь и появится царь, готовый заключить в свои объятия, но этого не происходило. В полутьме я лежала на мягкой соломе и смотрела в потолок, вслушиваясь в шорохи вокруг.

Маленькое окошко, расположенное слишком высоко на стене, не оставляло шанса вылезти наружу и пройти по карнизу. Запертая в башне, я чувствовала себя так, будто осталась одна в целом мире. Комната давила, высасывая силы. Я успела несколько раз задремать. Когда живот уже свело от голода, в двери открылась небольшая заслонка и какая-то служанка быстро сунула тарелку с кашей.

— Пожалуйста, подождите! — закричала я, но гостя исчезла так же стремительно, как и появилась. Только стоящая на доске еда говорила о том, что ее приход мне не померещился.

Я взяла ложку и с неожиданным аппетитом накинулась на пищу. Дно тарелки показалось гораздо быстрее, чем хотелось. Поставив ее на место, тоскливо огляделась, почувствовав низменные желания собственного тела. В углу оказался спрятанный горшок, в который я, горя от стыда, справила нужду. К счастью, мне не пришлось наслаждаться ароматами собственных испражнений, так как содержимое сосуда моментально испарилось. Жаль, все удобства на этом заканчивались. О простом умывальнике приходилось лишь мечтать, не говоря уже о мягкой кровати и чистом белье.

Я сходила с ума от безделья. Книги и время от времени почитываемый дневник Илис остались в покоях, куда не могла добраться. Я засыпала, а затем просыпалась снова. О проведенном в башне времени могла лишь только догадываться по пище, приносимой молчаливой служанкой. Ее рука мелькала в узком отверстии в двери, а затем раздавались торопливые шаги и девушка исчезала, уходя по лестнице.

Когда за стеной пронесся звук чужой поступи, я даже не пошевелилась, думая на прислугу, хотя походка явно выдавала перемещение не худой девушки, а зрелого мужчины. Раздался щелчок, и дверь со скрипом отворилась. Мой взгляд упал на черные туфли, а затем переместился выше, мазнув по штанам и расшитому золотисто-зелеными нитями темному камзолу.

— Дамиан! — неожиданно обрадовавшись, подскочила я.

— Выглядишь кошмарно, — как всегда честно сообщил он, сморщив нос, вдыхая затхлый запах спертого воздуха и аромат немытого тела.

Я могла лишь догадываться, как долгое заточение отразилось на внешнем облике, но равнодушно махнула рукой, с надеждой вглядываясь в глаза спасителя. Если кто и может дать достойный отпор царю, то только главный советник.

— Дамиан, — забыв об обидах, с надеждой вгляделась в его лицо, — ты вызволишь меня отсюда?

Грасаль обвел взором скудно обставленную комнату и снова повернулся ко мне, чтобы задумчиво рассмотреть грязное платье и задержаться на венчающих голову сапфирах.

— Фиалка, ты прочитала дневник покойной царицы? — сказал князь и с опаской сделал шаг навстречу, словно подбираясь к маленькому, испуганному, но от того не менее свирепому зверьку.

— Не полностью, — слабо осознавая, чего добивается советник, осторожно сообщила я.

Дамиан Грасаль приблизился совсем вплотную. С каждым вдохом я все явственнее вдыхала терпкий аромат его тела и все сильнее слышала биение сердца в широкой груди. Вот оно, спасение. Совсем близко. Осталось лишь сделать так, чтобы грозный князь поддался моей воли. Перед глазами поплыло. Я знала, что советника утягивает в этот синий омут. Он упал в воду и тонул, не в силах всплыть под натиском волн. Мое сознание грубо сметало все преграды. Слушай и подчиняйся!

— Вызvoli меня отсюда, — прошептала в его распахнутые губы, грубо вталкивая эту мысль в чужой разум.

Я действовала так, как велело чутье, и чувствовала себя нечто большим, чем просто человеком. Власть над рассудком другого пьянила. От ощущения своего превосходства тело размякло и расслабилось, теряя бдительность, и поэтому схватившие за плечи и вжимающие в стену руки стали полнейшей неожиданностью.

Дамиан Грасаль был зол как никогда.

— Неужели ты думаешь, что раз не смогла прочесть мои мысли, то в состоянии применить другую сторону своего дара?

— Дамиан...

— Айрин, сними диадему. Немедленно.

Безжалостный взгляд зеленых глаз давал понять — спорить бесполезно. Дрожащими пальцами коснулась сапфирового венца. Все внутри бунтовало против приказа князя. Нет, я не должна расставаться с даром Илис... Только не сейчас, когда он еще более важен.

— «Наша кровь — сила, наша душа — расплата», — процитировал главный советник его величества надпись на ноже. — Снимай диадему, пока не стало слишком поздно. В отличие от тебя я прочитал целиком имеющиеся записи царицы и знаю все, что ты скрыла. Я не виню за решение молчать о приобретенной возможности снимать венец, фиалка. Ничто не дается просто так, не удивительно, что и эта древняя магия потребовала плату.

— Плату? — рассеянно переспросила я.

Мысли смешивались в бушующий ураган. Сметающие все на своем пути чувства восставали против распоряжения Грасаля. В голове зрел беспечный план, как убрать князя с дороги и сбежать из башни. Точно чуя бунтарский настрой, его пальцы сильнее вжались в плечи.

— Обо всем поговорим позже. Снимай проклятую диадему, Айрин!

Я дернулась, ужом пытаюсь вывернуться из его хватки, и со всей силы всадила каблук в ногу князя.

— Демоны, фиалка! — выругался сквозь зубы Дамиан, но не убрал рук, удерживая меня на месте. — Ты сама не понимаешь, что творишь!

В ушах звенело от кружащейся вокруг бури безумия. Горячая кровь бурлила в жилах, как у загнанного в угол зверя. Я сомкнула челюсти на запястье советника, издав поистине животный рык. Камни в диадеме верещали и пели, моля как можно быстрее выскочить наружу из башни.

Все-таки мне удалось одержать маленькую победу — пальцы Дамиана разжались, выпуская на свободу. Я тут же бросилась к двери и яростно потянула за ручку.

— Я велел стражам запереть замок, — протирая пострадавшую конечность, спокойно сообщил неприятную новость Грасаль. — Ты не выйдешь отсюда, пока я не буду уверен, что магия сапфиров полностью выветрилась из головы.

Я оскалилась на князя, тяжело дыша. Ярость туманила рассудок. Он не имеет права держать меня в клетке!

— Тише, Айрин. Я понимаю, как это тяжело. Поверь мне, чувства, раздирающие сейчас на куски, — чужие. Это не ты дерзила царю и бросила вызов высшему свету. Это диадема. Она как обоюдоострый меч. С одной стороны, дает неслыханное могущество, а с другой — обостряет все дурные черты, усиливая алчность и подпитывая гордыню. Позволь мне помочь. Сними диадему. Я не могу ее коснуться, но она подчинится хозяйке.

— Платье, присланное Шанталь, было заколдованно. Вы верите мне? — дрожащим голосом неуверенно произнесла я.

— Конечно, верю, фиалка. Прости, что не выслушал раньше.

Мягкий тембр его речи обволакивал меня, как теплый плед, накинутый на плечи холодным днем. Не сводя зора с Дамиана, я протянула руку и медленно сняла с головы сапфировую диадему. Как только она перестала касаться моих волос, князь облегченно выдохнул. Я бросила венец в солому, и в тот же миг в уме все прояснилось. Я вздрогнула от внезапного осознания, как сильно насланное колдовство давило на трезвость рассудка. Теперь все выглядело иначе, будто в мир вернулись яркие краски.

— Дамиан! — потрясенно выдохнула я и бросилась в его объятья.

Грасаль притянул меня к себе и крепко обнял. Его ладони успокаивающе заскользили по спине. Все было ясно без слов. Все те ошибки, которые я совершила под натиском магии диадемы, теперь обнажились и выступили на поверхность, как грязь под растаявшим снегом. За дар проникновения в чужие мысли приходилось платить чистотой своих помыслов. Пока сапфиры венчали голову, я слабо понимала, насколько велико их влияние. Волшебство камней делало меня зависимой от их силы. Я сходила с ума, сгорая изнутри от магии Фальксов, но благодаря Дамиану все вернулось на круги своя.

— Легче?

— Да, — тихо ответила на вопрос.

Его рука коснулась моих волос. Дамиан перебирал темные пряди, задумчиво уйдя в себя. Я молчала, размышляя обо всем, что натворила за время, пока проклятый дар венчал голову. Воспоминания о последней встрече с отцом, подернутые легкой дымкой неведения, воскрешались тяжелее всего. Я плохо помнила несправедливые обвинения, выкрикнутые в лицо государю.

Грасаль вдохнул воздух и, невольно сморщившись, отстранился.

— Прости, фиалка, но тебе нужно принять ванну. Я распоряжусь, чтобы сюда принесли бадью.

— Отец не..?

Князь покачал головой.

— Вы слишком громко ругались. Ссору услышало несколько придворных, и теперь слухи разнеслись по дворцу. Пока все смакуют подробности конфликта, Викар не может спустить его с рук. Но он не держит на тебя зла — трудно долго сердиться на родную дочь.

Я кивнула, принимая это объяснение. В конце концов, сама виновата в бедах — не почувяла чужеродного вмешательства в сознание и позволила диадеме управлять разумом. И как я только допустила подобное и наговорила лишнего царю?!

— Не кори себя, — быстро догадался о моих тревогах советник. — Это я виноват, не заметил.

Князь надел перчатки, присел на пол и осторожно приподнял венец. Очистив сапфиры от налипших кусков соломы, он завернул диадему в отрез ткани. Черный шелк скрыл яркость синих камней от моего зора, и я вздохнула с облегчением. Несмотря на снятый с души груз, все равно ее еще отягощало страстное и необъяснимое желание вернуть дар Илис назад.

— Побудет пока у меня, — прокомментировал Дамиан Грасаль свои действия.

Как и обещал, князь отправился в поисках прислуги. Я села на солому, вытянув ноги во всю длину и прислонившись спиной к двери. Без ощущения присутствия диадемы на голове в сердце образовалась пустота. Словно пьяница, у которого отобрали бутылку дешевого пойла, я тосковала по наделенным неслыханной силой сапфирам, будто за это время они успели стать моей частью.

Я сперва не придавала значения звукам, доносящимся из-за закрытой двери, привыкнув к постоянному гудению чужих мыслей, но потом догадалась, что невольно подслушала ведущийся на повышенных тонах разговор. Громкая речь заставила насторожиться. Это столь отчетливо разносило голоса по пролету башни, словно беседующие люди стояли совсем рядом.

— ...Доверие! Вы, князь, говорите мне о доверии! — я могла лишь представить, как Канор Сельм-Рамст брызгал слюной, раздраженно переругиваясь с Дамианом Грасалем. — Только полный глупец в царстве Льен не задался вопросом, почему вы так интересуетесь артефактами царской власти! Ваше увлечение бастардой тоже явно возникло не на пустом месте. Думаете, я поверю, что вы так заботитесь об Айрин лишь по причине ее родства с монархом?

Я зажала рот рукой, удерживая себя, чтобы не вскрикнуть. Неужели противник догадался о могуществе диадемы?

— Да, лекарь проболтался о силе крови девочки. Станете утверждать, что не слышали? Целители создали эликсир, одолевающий «белый мор», лишь благодаря нескольким каплям, выуженным из ее сосудов. Кто знает, какие еще секреты таятся в жилах бастарды!

Я не расслышала ответа главного советника, но не сомневалась — его невозмутимость не пошатнулась после услышанных обвинений. Дамиан Грасаль умел держать лицо. Но новости не могли не воодушевлять. Радостно осознавать, что моя кровь пошла на благо. Теперь можно спать спокойно — страшный недуг уничтожен, а жители царства освобождены от жуткой беды. Теперь жизнь продолжится своим чередом, без внезапных смертей и калечащих мук.

— В чем еще обвините? — с трудом разобрала сердитые слова, брошенные главным советником его величества. — Может быть, это я организовал побег Лирана Фалькса?

— Вам ни в чем нельзя доверять. Слава Треокому, Милошу Дульбраду удалось взять Вижский град, отстояв право государя на северное княжество.

— Ваша забота о благополучии леди Айрин похвальна, князь. Но смею вас заверить, наше общение никогда не проходило за закрытыми дверями, — не моргнув и глазом, солгал Грасаль. — Рядом постоянно кто-то присутствовал, как велит этикет. Решение же поместить бастарду в башню принимал не я. Выскажите свое недовольство государю.

— Леди Айрин — подданная Сагасса!

— Не забывайте, кому служите, — мрачно сказал князь. — Слова присяги государю выжжены на сердце... и... — окончание фразы не удалось расслышать из-за поднявшегося снаружи ветра. Он завывал и бил снаружи по башне, упрямо пытаясь попасть внутрь, но, к счастью, толстые стены служили хорошей защитой от холодных сквозняков. Непогода все усиливалась, и вскоре пролился дождь. Завершение разговора князей померкло за звоном капель. Как я не пыталась, так и не расслышала их голоса.

Сельм-Рамст так и не появился в моей камере, но вскоре привычное за время заточения уединение все-таки нарушили: сквозь открытые двери внутрь зашла вереница слуг. Занесли не только бадью с водой, но и мебель: я не сумела скрыть восхищенного удивления, созерцая шкаф, ширму, кровать и даже маленькую кушетку. Позаботились и об освещении: зачарованный светлячок взлетел с рук колдующего над местом моего заточения мага и вознесся к потолку, где засиял еще ярче, озарив помещение, как лучи полуденного солнца. За короткий срок тюрьму в башне превратили в уютную комнатку.

Когда все откланялись, Ксана помогла мне залезть в бадью. Ее присутствие неожиданно придало сил. Хотя служанка мало говорила, ее решительность и надежда подпитывали, не позволяя опускать руки. Я забыла о былых обидах и недомолвках, черной тенью пробежавших между нами.

— Айрин... Вам что-нибудь нужно? Помощь... Может быть, я в силах что-то сделать, — робко предложила служанка.

— Не думаю, что ты можешь повлиять на государя, — печально улыбнулась я.

— Возможно... Я бы могла передать записку тому, кто это сделает.

Ксана воровато оглянулась, хотя мы находились в комнате одни. Но ощущение безопасности было обманчиво — за дверью дежурили стражи, и каждое неосторожное слово могло достигнуть их ушей. Намек на Шанталь угадывался и без умения читать чужие мысли. Ксана ступала по хрупкому льду, предлагая объединиться с царицей против государя.

— Не стоит. Я уже совершила достаточно ошибок, не нужно и без того усугублять шаткое положение.

— Как скажете, миледи, — служанка сделала книксен, признавая мою волю, и скрылась за дверью.

Я вздохнула, созерцая перемены, постигшие башню. Не без удивления обнаружила притаившийся в углу шахматный стол. Интересно, с кем предполагалась я буду играть — с живущими во дворце призраками? Даже дух Илис не почтит своим присутствием, пока мою голову не венчает сапфировая диадема.

О чем бы я не думала, мыслями все равно возвращалась к дару царицы. Без него я ощущаю себя слишком незащитной, слишком слабой. Эмоции клокотали внутри. Яркие и сильные, они ненасытно зывали к себе, будто пробудившись после длительного сна.

Я погасила свет и заснула, впервые за долгое время чувствуя себя по-настоящему свободной.

Дальше дни шли своим чередом. Без кандалов могущественной маги даже дышалось лучше. Я отдыхала и читала принесенные слугами книги. Дневников Илис среди них не обнаружилось, но я все равно не могла не думать о послании, сквозь строки посланном сквозь века. Я пыталась связать все подсказки воедино: детскую сказку, с особым трепетом оставленную в записях, видения царицы и образы, ворвавшиеся в душу после ее визита. Но чувствовала — чего-то не хватает, какой-то маленькой, но от того не менее значимой детали.

Однажды мой покой нарушился появлением долгожданного гостя. Я уже начала изнывать от тоски, а приход Дамиана Грасаля обещал развеять ее новостями.

— Завтра. Тебя высвободят завтра. Но я все равно ограничу твое перемещение по дворцу. Диадема будет изводить и вводить в искушение, пока выросшая между вами связь не оборвется. Я должен быть уверен, что древняя магия больше не представляет опасности.

Я кивнула, признавая его правоту. Малейшее напоминание о сапфировой диадеме вселяло жажду немедленно вернуть ее назад. Я сама не понимала, зачем это нужно, но испытывала такое же стойкое желание, как мечта бредущего по пустыне странника о воде.

— Как ты? Что-нибудь нужно?

— Нет. Не считая грызущего душу одиночества, все отлично, — слукавила я.

— Не хочешь сыграть? — махнул рукой Дамиан в сторону шахмат.

— Вы знаете, что я не сильна в плетении интриг.

— Не это главное. Важнее — стратегия. Если четко видишь цель перед собой, то рано или поздно ее достигнешь.

Мы сели за стол. Я улыбнулась, занеся руку над пешкой:

— Белые ходят первыми.

— Знаешь, какую ошибку делают многие, постигающие азы фехтования? — сказал князь, делая ответный маневр. — На выпад противника они начинают обороняться, забывая об атаке.

Ему потребовалось всего несколько ходов, чтобы побить одну из моих фигур. Я

восприняла это совершенно спокойно, заранее готовая к проигрышу в партии.

— Я плохо играю в шахматы. В Сагассе больше интересовало постижение лекарского искусства, чем игра. Я и помыслить не могла, что судьба бросит меня в царство Льен.

— Ты никогда не задавалась вопросом, почему не носишь сагасское имя? — переставляя коня, спросил Грасаль.

— Нет. Обычные люди не так чтят традиции, как аристократы. Мы жили недалеко от порта. На западе Сагасса чувствуется веяние чужих обычаев, и в ходу много непривычных для обычного уха слов и имен.

Советник сложил ладони и опер на них подбородок, размышляя о чем-то неведомом. Он играл в шахматы практически не задумываясь, без труда уничтожая мои фигуры. Наконец, и мне удалось одержать маленькую победу, убирая с доски черного «слона».

— Молодец! — похвалил Дамиан, хотя я подозревала, что опасный для него момент возник неспроста. — Но главное...

— Не расслабляться? — весело хмыкнула я, подозревая, что он хочет сказать.

— Не забывать, в чем цель игры. Нужно не уничтожить мое королевство, а пойти против короля.

— Все как в жизни, — пробормотала я, — Одни против других, завоевания и победы.

— Поэтому придворные и столь ценят партии в шахматы. Эта игра не только учит мыслить на несколько шагов вперед, но и заставляет раскрыть противника с иной стороны.

— Странно... При этом король одновременно самая сильная и слабая фигура. Хотя нет... — тут же осознала свою ошибку и вскинула голову на князя, внезапно ощутив озарение. — Самая сильная — ферзь.

— Быстро учишься, — произнес Дамиан Грасаль, делая свой ход.

Я занесла руку над доской и замерла. Как пойти дальше? Князь загонял меня в ловушку. Королю, нуждавшемуся в защите больше всего, угрожала опасность. Переставь советник коня, и он объявит мне «шах». Найдя выход из этой патовой ситуации, вздохнула с облегчением. Но совсем расслабляться было рано: игра продолжилась, и не хотелось, чтобы победа далась Дамиану Грасалю слишком легко.

За неспешной беседой я не сразу заметила, что черный ферзь находится в опасном положении. Неужели советник допустил столь серьезный промах? Он равнодушно поглядывал на доску, словно и не помышлял об ошибке. Сжав белую ладью в руке, собралась с духом и убрала самую сильную фигуру противника.

— И как вы могли допустить подобное!

— Иногда стоит пожертвовать одним человеком, чтобы сохранить власть. Шах и мат, Айрин.

Я опустила взгляд вниз и увидела, что партия завершилась и совсем не в мою пользу. Дамиан Грасаль снова меня обхитрил. Черный король был повержен. Но несмотря на ожидаемый исход, слова князя что-то задели в душе. Тревога обвила сердце жалящими щупальцами. Не хотел ли Грасаль намекнуть, что ему самому угрожает опасность? Я задержала взор на расслабленном лице советника. Вряд ли. Кто кто, а Дамиан Грасаль не уязвим.

Князь вышел из-за стола. У самой двери он обернулся и внимательно посмотрел в мою сторону:

— Ты достойна большего, чем просто короткая интрижка, фиалка. Я позволил себе слабость, поцеловав тебя. Этого больше не повторится. Обещаю. Мне жаль, что ранил твои чувства.

Я ничего не ответила, провожая его взглядом. На душе было беспокойно. Я чувствовала, что во дворце затевается нечто опасное, но не могла этому помешать. Скатывающаяся с горы лавина все приближалась, готовая подмять нас под себя.

Глава 20

На пороге стояли смутно знакомые стражи. Ну вот и все. Время в изгнании подошло к концу. Меня возвращают в лоно придворной жизни.

— Его величество велел отвести вас в покои, миледи. Приведите себя в порядок. После обеда вы должны увидаться с царем.

Меня удивило, что среди пришедших не было Дамиана Грасаля, но, вспомнив вчерашние слова князя, подумала, что он просто решил не давать мне лишних поводов для надежды. Пора себе признаться: мысли о князе волновали гораздо сильнее, чем хотелось. Как опытный мужчина, он прекрасной понимал, что меня гложет.

За мной повсюду следовал шлейф из шепотов и сплетен. Придворные тихо переговаривались, поглядывая на меня, следующую вместе со стражами. Я старалась не обращать на них внимания, но все равно беспокойно озиралась по сторонам. Что-то в поведении знати казалось подозрительным, но я не понимала, что именно. Оставшись без помощи диадемы, ощущала себя как слепой котенок, выброшенный в одиночестве в безжалостный мир.

В покоях я обнаружила необыкновенно притихшую Ксану. Поведение служанки настораживало. Она поздравила с освобождением из заточения, но даже не пыталась поддержать беседу, вяло отвечая на вопросы. Наконец я выпалила:

— Что происходит?

— Айрин?.. — удивленно моргнула она.

— Не притворяйся. Я вижу — с тобой что-то произошло. Все такие странные сегодня... Стражи мрачнее тучи, а аристократы выглядят как крысы, готовые вот-вот бежать с корабля. Что случилось?

— Вы не слышали? Дамиан Грасаль... — с осторожностью произнесла Ксана. — Его обвинили в измене. Говорят, казнь состоится уже скоро.

Все внутри перевернулось после ее слов. В мыслях пронеслась картина из прошлого: мы с советником сидим за шахматным столом, и я убираю ферзя. Он знал! Не мог не догадываться, и та игра служила предупреждением. Не может быть... Викар все-таки нашел управу на советника.

Я остолбенела. Дамиан Грасаль не должен умереть. Царь не даст палачу отрубить ему голову, как бы не гневался на князя. Или даст? Так ли хорошо я знала отца? В конце концов, Грасаль его враг... и мой тоже, хотя я стала это забывать. Именно Дамиан разрушил мою размеренную жизнь, но и именно он собрал ее из осколков обратно. Я презирала его за цинизм, честолюбие и жажду выгоды, но не желала смерти. Страшно подумать, возможно, вчера состоялась наша последняя встреча...

— В чем именно его вина?

— Князь Сельм-Рамст нашел доказательства, что Дамиан Грасаль вел переписку с Лираном Фальксом даже после воцарения вашего отца.

Абсурд! Я нахмурилась. Если бы Грасаль хотел поддержать моего кузена, Викар бы все еще жил в Сагассе, даже не помышляя о троне. Зачем князю общаться с врагом? Существование Лирана угрожает ведь не только положению отца, но и его главному советнику.

— Безумие какое-то! — не сдержавшись, произнесла вслух.

— Все тоже так думали... — всхлипнула Ксана, — пока его светлость не продемонстрировал совету компрометирующие письма.

— Неужели князья не уличили подделку? — пробормотала я, раздумывая, какие именно аргументы лучше привести во время грядущей аудиенции с монархом. — Или... это тщательно спланированная диверсия, чтобы убрать Дамиана Грасаля с дороги? Не

может быть, чтобы он ничего не предпринял, предчувствуя беду!

«Иногда стоит пожертвовать одним человеком, чтобы сохранить власть», — пронеслись в уме слова князя. Он явно знал, о чем говорил.

Время до встречи с царем тянулось бесконечно. Я томила в ожидании разговора, меряя шагами в комнату. Металась туда-сюда, как запертый в клетке зверь. Неведение заставляло внутренности сжиматься от страха. Не верилось, что в этот раз противнику не удалось выйти сухим из воды. Но наконец двери распахнулись, и сдержанно поклонившийся страж сообщил:

— Его величество готов увидеться с вами, миледи.

Я молча пошла следом, пряча дрожащие руки в складках платья и стараясь не думать о том, что притягиваю взгляды придворных, как магнит. Все знали, сколько времени я проводила с князем. Не нужно было носить сапфировую диадему, чтобы догадаться: знать интригуется, как на мне отразятся произошедшие перемены.

Я с вызовом встречала обращенные взоры. Пусть смотрят, лишь бы не плели за спиной интриг. Столь обыденные размышления о дворцовых каверзах позволяли отвлечься от неприятных раздумий о будущем. Когда я услышала вести о долгожданном низвержении врага, что-то внутри оборвалось. Я не могла думать об этом событии как о желанной победе.

Отец взволнованно вскинул голову и впился в меня глазами. Его руки с силой сжимали подлокотники кресла, выдавая тревогу.

— Ваше величество, — медленно сделала реверанс.

— Оставьте нас, — приказал царь.

Стражи поклонились и вышли из комнаты. Я нервно сглотнула, с трудом находя слова. Все заранее подобранные фразы выветрились из головы, мгновенно забывшись. В сердце рос страх, что нас могут подслушать. Как показал опыт, в царском дворце даже закрытые двери не служат преградой для жаждущих поймать свежую сплетню ушей.

— Прости. Я была непозволительно резка и позволила себе лишнее.

— Ты не виновата, — махнул Викар рукой. Папа снял корону и устало протер глаза. — Что я за отец? Запер родную дочь!

— Прежде всего, ты царь, — улыбнулась я, — а монархи принимают не те решения, которые им хочется, а те, что нужны народу.

— Я не заслужил такую не по годам мудрую дочь. Присядь, Айрин. Не нужно стоять, как на допросе. Нам есть, о чем поговорить. Я хочу сообщить благую весть. Дамиан Грасаль повержен, и твоей жизни больше ничто не угрожает.

— Как? — изобразила удивление я. — Разве его союзники ничего не предприняли?

— Князь обвинен в измене. Никто не сможет оспорить такие неопровержимые доказательства, которые у нас есть, даже если очень пожелает.

— Неопровержимые доказательства? — дыхание перехватило, хотя со слов Ксаны я уже знала, о чем речь.

— Письма. Грасаль постоянно связывался с Лираном Фальксом. Ты ведь знаешь, как мой племянник жаждет заполучить престол. К счастью, нам удалось отвоевать недавно захваченный им Вижкий град, нивелировав последствия, насколько это возможно. Но пока Лиран жив, он угроза моему правлению.

— Неужели князь помогал ему, отец? — аккуратно попыталась выведать, что написано в посланиях, и навести отца на нужную мысль — Дамиан никогда не сделает ничего, что пошатнет его власть. Советнику это просто не выгодно. — Грасаль же сам многим пожертвовал, чтобы состоялась твоя коронация.

— Глупости, Айрин. Князь служит тому, кто обеспечит больше выгоды. В письмах четко выражены намерения Дамиана Грасалья увидеться с цесаревичем.

— Так они действительно встречались? — охнула я.

— Этого мы никогда не узнаем. Само собой, князь отрицает, что поддерживал Лирана, но послания говорят об обратном.

— Отец... — голова кружилась от волнения, — ты ведь понимаешь, что Дамиан не виноват. Уничтожив советника, ты совершишь огромную ошибку. Князь никогда не сделал ничего, чтобы навредило царству Льен. Он даже мне не причинил вреда, хотя неоднократно имел такую возможность!

— Дамиан? Ты называешь нашего врага по имени? — услышал совсем не то, что я хотела, Викар.

Внутренне напряглась. Момент казался не самым подходящим, но другой такой возможности могло просто не быть, поэтому я собралась с духом и на одном дыхании выпалила:

— Папа, помнишь, ты говорил, что я сама вольна выбирать, с кем связать свою жизнь? Так вот, я приняла решение.

— Дамиан Грасаль — не тот человек, с которым я вижу свою дочь! — отец встал с кресла, возвышаясь надо мной. — Неужели ты столь наивна, что поверила этому манипулятору?

— Может быть, так. Но если ты убьешь его, клянусь, меня ты потеряешь тоже.

— Думаешь, он влюблен? — рассмеялся Викар, готовый растоптать мои чувства. — Не узнаю, насколько глубока ваша связь, но даже скажи он тебе нежное слово — это все ложь. Ему выгодно держать подле себя наивную девчонку, преданно заглядывающую в глаза и готовую в случае крайней нужды побежать просить милости у государя!

— Дамиан Грасаль ни о чем меня не просил. В любом случае мои чувства не имеют значения. Казнь советника лишит тебя твердой земли под ногами.

— Ошибаешься. Твои эмоции и переживания — как раз то, что играет роль, — жестоко ухмыльнулся отец, готовый пойти на что угодно, лишь бы лишить меня веры во врага.

— О чем ты? — нахмурилась я.

— Родовая магия Фальксов. Я не собирался говорить тебе... до замужества, — точно сконфузившись, запнулся отец. — Мы можем черпать силу из горячей страсти и очаровывать, если пожелаем. Так что как бы не мутнел взгляд князя при виде тебя — это все результат неосознанного колдовства, не более.

Я судорожно вцепилась в кресло в поисках опоры. Хотя я сидела, мне казалось, что упала и полетела вниз. Все поплыло перед глазами. Я вспомнила поцелуи с Дамианом... Запах его кожи кружил вокруг меня, будоража дух. Неужели все было ложью? Его объятья, тепло скользящих по шее губ, приятно щекочущий уши шепот... Князь казался таким искренним, а искры, летающие между нами, — настоящими. Объяснение отца просто немыслимо! Но что-то мешало мне встать и назвать его лгуном. Одно воспоминание вносило горечь в приятную сладость других.

В голове невольно сами собой возникли давние слова Сельм-Рамста: «Надо признать, не такая уж Айрин и беззащитная, как кажется на первый взгляд. Отрадно видеть, как Грасаль сходит с ума, еще не замечая этого, точно подбитый тигр, попавший в засаду».

— Точно подбитый тигр... — с болью в голосе произнесла я.

Все было кончено. История подошла к концу, вот только финал не был таким счастливым, как пишут в девичьих книгах. Моя картина мира трещала по швам, и отец решил окончательно добить, чтобы даже тень жалости к врагу не омрачала дальше мое существование. Я понимала, что он действовал из лучших побуждений, желая навсегда уничтожить зарождающиеся в душе чувства, пока они меня не погубили, но это никак не притупило боль от услышанных минутой позже слов:

— Я не хотел тебя ранить и потому держал это в секрете, но сейчас пришло время сказать. Несколько лет назад... Несколько лет назад Дамиан Грасаль отдал приказ убить твою мать.

— Что? — с ужасом вымолвила я, столкнувшись с жестокой истиной. — Этого... Этого не может быть. Это неправда!

— Теперь он знает, что натворил, но это не помешало князю сыграть на твоих чувствах. Он чудовище, настоящее чудовище. Я предпринял попытку устранить его сразу, как только узнал обо всем, но она не увенчалась успехом. Помнишь, на вас напали по пути во дворец? Это я все подстроил. Рассчитывал убрать князя, пока он один, а не в окружении союзников. Жаль, тогда Грасаль улился... А ведь не скройся он в лесу — как бы хорошо все сложилось! Но ты не переживай, милая, тебя бы никто, конечно, даже пальцем не тронул. Айрин, посмотри на меня...

Спокойствие, с которым отец рассуждал о совершенных убийствах, пугало. Он даже не задумался, что из-за нападения пострадали невинные люди — слуги, стражи... не говоря уже о том, что пережила я сама, каких страхов натерпелась. Нет, его волновало лишь то, что ненавистный враг избежал смерти.

Я подняла заплаканное лицо.

— Ненавижу! Ненавижу всех вас!

Меня трясло. Дрожь плясала по раскачивающемуся телу, стягивала в судороге мышцы и лишала воздуха. Я не знала, кто поступил хуже — Дамиан Грасаль или мой отец, в ком злость затмила все остальное. Где-то в глубине души маленьким зажженным фитилем еще горела мысль, дающая надежду: может быть, Викар ошибся? Может быть, князь ни при чем? Но при всех достоинствах советника я понимала: отдать приказ, который унесет чью-то жизнь, для него ничего не стоит. Знал он или нет о нашем родстве не имело значения. Холод в мыслях и трезвый расчет позволял советнику не останавливаться ни перед чем, достигая цели, и не чувствовать угрызений совести.

— Не суди сгоряча, Айрин. Приди в себя и подумай: пошел бы я на подобное, не будь это действительно необходимо?

Я покачала головой, пропуская его слова мимо ушей, и положила ладонь на ручку двери. В последний момент что-то заставило посмотреть назад:

— Теперь я понимаю, почему ты выбрал Шанталь. Вы оба достойны друг друга.

Мне никак не удавалось выровнять дыхание. В голове было пусто, мысли путались и смешивались, переходя одна в другую, оставляя лишь один немой вопрос: «Как?! Как он мог так поступить?» Потеряв опору, я не думала о том, куда иду. Ноги сами вели вперед, не способные стоять на месте. На секунду вынырнуть из пучины собственных переживаний заставил лишь резкий и сухой до скрежета голос:

— Вам туда нельзя.

Я вздрогнула и оторопело уставилась на сомкнутые копыта, закрывающие проход. Подняв взгляд обнаружила перед собой двух усталых стражников, стоящих возле арки.

— Вам туда нельзя, — уже мягче повторил один из мужчин.

— Но... — было произнесла я, как мои сбивчивые объяснения прервал громкий голос, прозвучавший из-за спины:

— Я проведу леди Айрин.

Стражи почтительно расступились, пропуская Канора Сельм-Рамста. Если бы я действительно была чистокровной аристократкой, на что указывало почтительное обращение князя, то немедленно бы сделала реверанс, но мое тело не пожелало исполнить даже быстрый книксен. Вместо этого я выпалила, как только мы остались наедине:

— Почему вы так поступили?

— Айрин... Знаю, вы не видите во мне союзника, но я не враг. Я лишь желаю раскрыть глаза и показать истинное зло. Вы молоды и наивны, что, несомненно, не только украшает образ, но и служит во вред, — сделал паузу князь. — Некоторые заблуждения могут стоить жизни. Вы запутались, и я лишь предлагаю помощь, чтобы распутать этот клубок.

— Слишком много помощников на территории одного дворца, — пробормотала я, но Канор либо не расслышал моих слов, либо сделал вид, что не расслышал.

Только отойдя на порядочное расстояние от стражей, я окинула стены вокруг внимательным взглядом и поняла, где оказалась. Темница дворца выглядела именно такой, какой предстает перед глазами, когда о ней думаешь, — мрачной, с налетом раздирающей сердце тоски и оставляющей в душе неприятный осадок. Но именно проходя мимо рядов камер, я осознала: Сельм-Рамст сказал верно. Пора заглянуть правде в глаза.

Все то время, пока мы шли, князь молчал, предоставляя мне время собраться с духом. Здесь не было привычного великолепия придворной жизни, оно померкло с исчезающими по мере продвижения вглубь коридора лучами солнца, а по полу шныряли толстые крысы, озлобленно поглядывающие на незваных гостей блестящими глазками.

Когда мы подобрались совсем вплотную к нужному месту, мрак стал совсем густым. Даже в воздухе словно таилась опасность. Все звуки стихли, и даже заключенные лихачи попрятались по углам, не высывая головы наружу.

Дамиана Грасалья посадили в клетку и заперли на замок, точно дикого зверя, показавшего истинную натуру и цапнувшего за руку хозяина. Никто не посчитался с высоким статусом князя — его приравнивали к одному из посмелевших нарушить закон простолюдинов и заключили в камеру на нижних этажах дворца. Я судорожно сглотнула.

Я до последнего верила, что хитрый советник сумел избежать заключения, но вид на его измученное лицо убедил в обратном. До моего появления Грасаль спал, но, услышав шаги, тут же открыл глаза и без интереса посмотрел в мою сторону, будто бы я каждый день навещаю его в узилище.

Канор Сельм-Рамст поклонился мне и быстро произнес, боясь оставаться наедине даже с сидящим за решеткой главным советником:

— Оставляю вас ненадолго.

Я кивнула и снова посмотрела на Грасалья. Князь молчал. Равнодушие в глазах выдавало в нем человека, смирившегося со своей судьбой. Я поняла, что мне придется первой нарушить тишину:

— Отец сказал, что вы отдали приказ убить мою мать, — без лишних предисловий изложила суть. — Это правда?

Грасаль молчал, позволяя в этом молчании самой отыскать ответ. Но это было совсем не то, чего я хотела. Настоящая правда — только высказанная вслух. Спрятанная за вуалью молчания, она искажается и превращается в то, что хочется услышать.

— Это правда? — уже жестче переспросила я.

Князь поднял голову и некоторое время разглядывал меня, а потом разбитыми губами произнес:

— Мне очень жаль.

Я отшатнулась. Ноги подкосились, и пришлось ухватиться за стену в поисках опоры. Во взгляде Грасалья смешались холодность и обреченность. Он смотрел так, словно давно уже выгорел изнутри. Смирение с судьбой вышло на передний план, оставив осознание от последствий собственных поступков позади. Князь давно понял, что натворил. Не это ли послужило тем спусковым механизмом, что заставило его вычеркнуть меня из своей жизни, подставив тот инцидент с Ксаной? Я не знала... и не хотела знать, только развернулась и решительно бросила поджидающему возле дверей Сельм-Рамсту:

— Я нашла ответы на свои вопросы.

Канор мрачно кивнул и, в последний раз взглянув на родовитого пленника, пошел рядом. Я держала лицо, боясь продемонстрировать перед князем боль от услышанных слов. Царский дворец — настоящее змеиное гнездо, где чужие невзгоды смакуются как самый лучший десерт.

Рука Сельм-Рамста остановила меня возле арки. Пользуясь тем, что ему не видно лица, неприязненно поморщилась, борясь с желанием скинуть ладонь с обнаженного плеча.

— Если нужна помощь...

— Благодарю, князь, — сделала быстрый книксен. — Мне нужно время, чтобы собраться с чувствами.

Сельм-Рамст сдержанно поклонился, но я все равно заметила довольство, мелькнувшее в глазах, еще до того, как он отвел взор.

Я знала, что во всей Мауроне есть только один человек, способный понять и без осуждения или злого умысла выслушать о случившемся. Еще никогда мне так не хотелось увидеться с Мев. В душе зрела уверенность, что поддержка бывшей настоятельницы монастыря будет весьма кстати. Поэтому, подхватив юбки, я направилась не в собственные покои, а разыскала слугу. Ушлый Марн с по-крысиному острым лицом не мог не ведать, где сейчас найти Мевил.

Марн вздрогнул, увидев мой силуэт в коридоре, хотя и попытался скрыть страх. Видимо, воспоминания об ошибках прошлого все еще были свежи в его памяти. Без надзора Дамиана Грасаля он явно расслабился, и не думал, что бастарда сама проявит интерес. Остановив слугу, я задала тревожащий меня вопрос. Он заметно растерялся, долго не находясь с ответом.

— Миледи... Разве вы не слышали? Интересующая вас особа на днях скончалась.

Если я думала, что ничто не сможет больше пошатнуть мой мир, то я ошибалась. Известие о смерти Мевил окончательно добило, всадив кинжал в отчаянно бьющееся сердце. Закономерный вывод напрашивался сам собой:

— Ее... убили?

Мев работала на Грасаля. После его пленения я не удивилась бы, что ее жизнь тоже повисла на волоске. Но слуга замотал головой, опровергая подобный вариант:

— Нет. Болезнь еще усугубилась. Мне очень жаль.

Это «мне очень жаль», прозвучавшее второй раз за день, вызвало приступ тошноты. Никакого сочувствия у говорящего явно не возникло. Марн сказал вовсе не то, что на самом деле чувствовал, а то, что обязывали его произнести нормы приличий.

— Я могу поговорить с лекарем, наблюдавшим ее в последние дни?

— Насколько мне известно, Мевил обращалась ко многим целителям. По приказу князя я сам лично сопровождал ее в некоторые визиты. Никто из них не сулил хорошего исхода.

— Ты знаешь ее диагноз? — впилась взглядом в лицо слуги, пытаясь подловить на лжи.

— Нет, это мне неизвестно. Но что я знаю: госпожу было не спасти. Ее смерть оставалась лишь вопросом времени.

Я вздрогнула, вспомнив, как Мев неизменно ловко уходила от ответов на вопросы, стоило мне заикнуться о ее состоянии. Она знала... и так и не призналась в своих несчастьях, боясь показать слабость. Сильная и до последнего негибкая Мев... Пусть в ином мире ты наконец-то обрешь покой, которого так долго желала.

Глава 21

Когда все плохо, не стоит дразнить судьбу мыслями, что хуже быть уже не может, ведь та, что держит наши жизни в своих руках, может и зло посмеяться. Я позволила себе думать, что никаких неожиданных сюрпризов больше не случится, и, к своему стыду, ошиблась. У богов нашлись для меня иные планы.

Когда я зашла в покои, ветер лениво раскачивал шторы на окнах. Дурное предчувствие сварливо заскреблось в душе, напоминая о том, что это все может значить. Искрящиеся снежинки вихрем закружились вокруг, словно насмехаясь: «Попробуй поймать!» Я замерла, не двигаясь с места. Лежащий на кофейном столике белый конверт приковывал взгляд, словно грязная мышь, выбежавшая из укрытия на полную еду кухню. Не имело значения, кто именно из царственных сестер, отправил мне корреспонденцию — от клана Ледяных волков не ожидала хорошего.

Я сломала печать, обнажая написанное изящным почерком послание. Все-таки о нем постаралась королева Сагасса, а не царица Льен. Продираясь сквозь витиеватые формулировки, опустила взгляд ниже. Самая суть оказалась в конце письма, перед подписью. Прочитав, что именно желала знатная особа, не сдержалась и выругалась сквозь зубы.

Вот это дерзость! Королева в открытую выступила против Викара, посчитав себя вправе выдать его дочь замуж. Мотивы Аиши были понятны: теперь, когда она приняла меня в свой клан, отец ничего не сможет сделать. Дай мне титул, он все равно окажется ниже того, которым наградила противница. Если только папа признает меня царевной наравне с будущими детьми в браке, я оспорю решение сагасской королевы. Но для консервативного царства Льен это неслыханно, и я сама это понимала. Бастарды никогда не достаивались подобной чести.

Имя будущего мужа Аиша милостиво указала в послании, но мне оно ничего не говорило. Я не была знакома со знатью заморской страны, и уж тем более с высшим кругом. А владыка Парящих островов, с которым мне надлежало вступить в брак, явно принадлежал к верхушке власти. Едва удержалась, чтобы не разорвать послание на множество мелких кусочков, — его нужно показать отцу, пока не стало слишком поздно. Хотелось думать, что Викар найдет выход, но в душе понимала — это невозможно. Устранение Дамиана Грасалья, о котором давно желала Шанталь, принесло мне не желанную свободу, а лишь смену тюремщика. Теперь Сагасс окончательно помнет Льен под себя. Для завоевания царства Аише даже не пришлось отправлять войска — хитрость и ум сделали это без кровопролитий.

Но визит к царю пришлось отложить на некоторое время. Абсолютно беззащитная перед интригами противников, я имела лишь один козырь, способный обернуть все в мою пользу. Как бы сильно не вырос в душе страх перед расплатой за могущество диадемы, я понимала — сейчас она нужна как никогда.

Интуиция подсказывала, что Дамиан Грасаль спрятал венец там, где безопаснее всего. Предположение о личных покоях князя сразу отвергла — там сейчас обыск. Зато мысли о другой комнате сами собой всплыли в памяти... Туда точно никто не сунется, кроме нас.

Почему-то уверенная в собственном успехе, я направилась в комнату, где некогда «подслушивала» заседания совета, и растерянно замерла возле двери. «Ключ!» — едва не хлопнула себя по лбу. Князь всегда открывал замок обычным металлическим ключом, не прибегая к магии. Но неужели Грасаль, догадавшийся о переменах в собственной жизни, не подумал, как сильно мне потребуется помощь сапфировой диадемы? Я не верила, что советник, на время сняв ее с меня, собирался навсегда лишить магии. Нет, Дамиан должен был предусмотреть подобный вариант.

Я задумчиво разглядывала препятствие, размышляя, как поступил бы князь. Озарение пришло совершенно внезапно. Наверное, мои глаза сами собой расширились от удивления, когда я заметила — замочная скважина стала чуть шире, чем выглядела до этого. Теперь в отверстие бы с легкостью пролез мой палец. Моля Берегиню о снисхождении, я осуществила задуманное и вздрогнула, ощутив, как в кожу входит игла. Как только капля крови попала в настроенный на нее механизм, раздался щелчок, и дверь со скрипом отворилась. Переведя дух, быстро юркнула внутрь.

В камере ничего не изменилось: тот же затхлый, с примесью плесени воздух, старая обивка на прогнившей кушетке, потерянная ткань на стенах. Но я уже больше не сомневалась — именно здесь находится то, что я ищу. Обойдя комнату по кругу, замерла и настроилась на собственные чувства. Только обострившееся после снятия дара Илис чутье могло подсказать, как поступить дальше. По-звериному втянув воздух, я опустилась на колени. Именно на этом месте наши с Дамианом губы как-то нашли друг друга. Я невольно улыбнулась воспоминаниям, но улыбка быстро померкла, стоило вспомнить следом рассказ отца. Отбросив сводящие с ума переживания, протянула руку, чтобы схватить воздух. Ладонь неожиданно не прошла сквозь него, как следовало ожидать, а сомкнулась на остужающих кожу камнях.

Заклинание невидимости, наложенное князем, сразу померкло, и перед взором очутилась как всегда прекрасная, сияющая в полутьме сапфировая диадема. Лучи солнца проходили сквозь камни, заставляя их сиять изнутри. Полюбовавшись вдоволь, я надела венец на голову. Даже возможная расплата за незаслуженное могущество не пугала, а лишь подпитывала это решение. Сейчас как никогда хотелось избавиться от рушащих душу чувств. Любовь и ненависть к Грасало сплелись воедино, и я хотела выкинуть эти мысли прочь. Уж лучше привычная тьма, чем свет, толкающий в бездну.

Как только сапфировая диадема украсила голову, пол под ногами словно пошатнулся. Я вскрикнула и закрыла глаза, а когда открыла — поняла, что нахожусь далеко за пределами Мауроны. Растерянно оглянувшись, обнаружила армию солдат. Хмурые, со следами копоти на лице они выглядели как демоны, выдернутые из бездны. Пахло кровью и гарью. Искалеченные тела оскверняли поросшую мягкой травой землю. Их внутренности источали столь едкий смрад, что я спешно зажала рот и нос рукой, но дурнота все равно подкатывала к горлу.

А потом поняла... Это не настоящие воины, присягнувшие государю, а наемники. И клялись защищать они не истинного царя, посланного в Льен Треоким богом, а его племянника за блеск золотых. Лиран Фалькс стоял там же. За его спиной взмывался ввысь дым от пожаров. Он сжигал деревни предателей, отказавших в поддержке, и никого не боялся, хотя знал — люди Викара придут за ним.

До сих пор Лиран, звавшийся в народе Красным Соколом, балансировал на краю. Ему удалось сбежать из отвоеванного царем Вижского града, и даже прихватить с собой горстку людей, но он знал: совсем скоро придут прихвостни Викара.

Ищейки государя шли по стопам изменника, но каждый раз он словно исчезал в воздухе, а затем появлялся вновь — там, где никак не ждали. И каждый раз его армия было больше и умелее прежней...

Я заглянула в глаза кузена и вздрогнула. Черные угольки были абсолютно пусты, будто сам человек давно умер, и его душу сожгли изнутри, оставив лишь оболочку. Голову покрывал парик из густого смолянисто-черного волоса. Сухая кожа потрескалась от ветра и кровоточила. Но больше всего ужасали мысли Лирана. Как темная смола, они липли ко мне, не желая отпускать, и вселяли в думы первобытный страх.

Я пошатнулась. Мурашки вальсировали по телу, а в голове стояло желание немедленно побежать. Прочь, прочь! В нем давно уже нет ничего человеческого. Неизвестно, когда это началось, но от кузена в этом чудовище остался лишь внешний облик, а внутри, я сразу догадалась, сидел демон.

Ноги «Лирана» утопали в красных, забрызганных кровью, цветах. Бархатистые лепестки окружали жемчужные тычинки, и от венчиков исходил душастый запах гниющей плоти. Прекрасные внешне и гнилые внутри, цветы будоражили сознание не меньше демона, ступающим по ним. «Лиран» шел и отдавал приказы. К его голосу примешивался рокочущий звук, переходящий в конце в глухое шипение.

Я не могла пошевелиться, хотя мечтала сбежать подальше. Ноги примерзли к земле, не позволяя сделать шаг. Лидер наемников протянул руку, и на его пальцах сверкнул золотом рубиновый перстень. «Ключ», — голосом Илис пронеслось в голове.

Дым от пожаров зашевелился и приблизился к нам, сгущаясь плотным коконом. Запах гари заставил чихнуть, но этот громкий звук никто не услышал. Как и во время появления на совете, мое тело не видел никто, кроме меня самой.

Потоки дыма плясали вокруг, как заведенные, а затем осмелели и схватили за руки, обвиваясь кандалами. Меня затянуло внутрь стихии, а затем я ощутила себя так, будто разорвалась на множество маленьких кусочков. Тело трясло, подкидывало ввысь и бросало, заставляя биться о камни.

Я закричала, выкинутая волной дыма на землю. В висках стучало, заставляя приложить руки к ушам. Не верилось, что все прекратилось. Наемники с тем же ужасом оглядывались вокруг, а Лиран Фалькс твердо стоял на ногах. Под подошвой его туфель все так же блестели огненные лепестки, а за спиной возвышался замок...

Я могла поклясться — прежде его там не было. Догадка вспышкой пронзила разум, и все резко встало на свои места. Кузена не могли схватить не из-за плохих умений воинов Викара, а потому, что Лиран использовал магию, недоступную остальным. Имя ей — Тьма.

Он перемещался, растворяясь в темных потоках, и тянул за собой людей. Все больше наемников, готовых служить претенденту на трон, подхватывало из самых разных уголков царства Льен. Еще минуту назад они пили брагу в дешевой питейной, а теперь пополнили ряды темной армии. Лиран вел их, как владыка бездны — мерзких тварей. Все они откликались на Зов. Обещание исполнить самые низменные желания заменяло опостылевшее золото.

«Вы будете богаче самых неслыханных богачей, вы будете сильнее самых сильных, вас будут бояться, вам будут завидовать», — сулил разворот плеч поводыря. И наемники шли за ним, как птенцы за гусыней, готовые вознести меч, как только прозвучит приказ... Тьма пленяла тех, кто этого жаждал, и оставляло нетронутыми тех, кто имел защиту от вторжения — твердые убеждения или клятву, данную настоящему государю.

Все удивлялись, откуда у Лирана столько денег, но ответ оказался прост: его карманы оставались пусты, а тяжесть монет заменяла темная магия.

Я подняла голову. В небе, словно наблюдая за тем, что творилось на земле, серпом парила хищная птица. Она издала громкий крик, и воздух пошел рябью. Я зажмурилась, а, когда открыла глаза, обнаружила себя во все той же пыльной коморке.

Сердце так громко стучало в груди, как часы, отбивающие полночь. Я вытерла с лица испарину. Появилось стойкое ощущение пробуждения после жуткого сна. Вид Лирана Фалькса, все еще стоящий перед глазами, пугал до дрожи в коленях, но я не позволила себе раскиснуть.

Воровато выглянув за дверь, на цыпочках вышла наружу. Никто не заметил подозрительного посещения бастардой захлавленной комнаты. Подобрал юбки, быстро направилась в сторону кабинета отца. Заточение Дамиана Грасаля развязывало руки. В этот раз даже не стоило переживать, что стражи остановят у входа.

Так и случилось. Мужчины почтительно поклонились, пропуская внутрь. Я сделала глубокий реверанс, прежде всего, чтобы напомнить самой себе — передо мной царь, и удержаться от нового скандала, к которому подстегивала диадема. Я пыталась контролировать ее чары, насколько это возможно, говоря себе, что не все одолевающие душу чувства настоящие.

— Айрин, ты выглядишь ужасно взволнованно. Мне жаль, что тебе пришлось столько пережить, — не покривив душой, признался отец. — Будь это возможно, я бы обратил время вспять.

— Ты и так сделал все мыслимое и немыслимое, но даже этого оказывается недостаточно, когда судьбы в запасе иные планы. Папа... Не получал ли ты весточек от королевы Сагасса?

Я догадывалась об ответе. Написав напрямую именно мне, ее величество еще раз подчеркивала, что имеет больше прав распоряжаться моей жизнью, чем кто бы то ни было. Она хотела, чтобы Викар услышал новость из моих уст. Как я и ожидала, отец ответил решительным отказом.

— Королева желает выдать меня замуж и уже даже подобрала подходящего жениха.

— Что?! — яростно взревел Викар, потеряв самообладание. — Да как она смеет! Сначала титул, затем это... Она не имеет никакого права!

Я мягко улыбнулась, не переча отцу. Мне казалось, он сам понимал — сопротивление бесполезно. Но, как выяснилось, в его мыслях не нашлось место смирению. Они буквально оглушили меня, и неожиданно на поверхность всплыли такие тайны, о существовании которых даже не догадывалась.

— Как ты мог? — только и смогла вымолвить я, забыв, что царь не знает об умении бастарды читать мысли. — Ты... которому я больше всего доверяла. Так жестоко обманул!

— Я не знал о планах королевы, Айрин, — смутился Викар. — Напомню, не я приложил руку к тому, чтобы она наградила тебя титулом.

— Мне бы не потребовалось ничего предпринимать, знай я правду!

Взгляд отца заскользил по мне и задержался на диадеме. Сапфиры — далеко не самые редкие камни в царстве Льен, но вырвавшееся из моих уст обвинение заставило отца подозревать, что в деле замешана магия — столь же древняя и загадочная, какая окутывает флером могущества и другие артефакты царской власти. Я сказала то, чего не могла знать. Царь это понял, и его равновесие резко пошатнулось, вырывая из оболочки уверенности в себе.

Викар поднялся из кресла и стал мерить шагами комнату. Его глаза лихорадочно бегали по помещению, а сердце пронзил страх — гораздо более сильный, чем когда он узнал о чувствах дочери к врагу, и в разы крепче того, что он пережил, когда королева Сагасса передала свои планы. От бессилия у царя опускались руки.

— Папа?

Он молчал. Отчаяние вскружило царю голову. В его взгляде, обращенном на меня, смешались смирение перед проделками судьбы, дикий ужас в ожидании грядущей потери и горькая, оставляющая неприятную оскомину во рту печаль. Мысли Викара душили своей безнадежностью. Я испытала нестерпимое желание немедленно выбежать из комнаты, чтобы избавиться от щемящих душу тяжелых чувств, но сумела взять себя в руки. Мне пришлось на время закрыться от дум отца, но их отголосок все равно проник в голову: «Эта война обещала быть проигранной, когда еще даже не началась».

По телу побежали мурашки. Викар не имел в виду сражение за власть, не думал о противостоянии врагам, забыл о корысти и честолюбии, о верных ему людях и царстве Льен. Он думал о битве за мою жизнь.

— Папа...

— Дай мне минуту, Айрин, — тяжело вздохнул он, подходя ближе и притягивая меня к себе.

Я подалась на встречу и прижалась к отцу, понимая, что он как никогда нуждается в моей заботе. Тепло объятий немного успокоило его, напомнив, что я все еще рядом, живая и невредимая.

— Моя девочка...

Он снова выдохнул.

— Нет ничего более наивного, чем вера в то, что, если о плохих вещах не говорить вслух, они никогда не сбудутся. Видит Треокий, я пытался тебя защитить, но ничего не вышло. Я так виноват, Айрин!

— Папа...

— Сядь. Пришло время пролить свет на прошлое и превратить тайное в явь, — он прочистил горло.

Я послушно опустила в кресло, а сама подумала, что уже не так хочу узнать его

секреты, как раньше. Страх отца нагнал на меня не меньшей паники. Может действительно, некоторые нюансы лучше не обсуждать?

— Ты женился на ней, — подняла я глаза на Викара, говоря совсем не о Шанталь. — Этого достаточно. Давай не будем вспоминать прошлое и гневить богов?

— Моя девочка, — улыбнулся он. — Ты же всегда была смелой и добивалась своего, почему теперь решила остановиться на полпути?

— Не знаю, — нервно усмехнулась я. — Возможно, сработал инстинкт самосохранения?

— Чутье не обманывает тебя, милая. Но от правды не сбежишь даже на край света. Судьба всегда предъявляет счеты.

Я отметила про себя, что отец сильно постарел. Были ли эти глубокие морщины раньше? Неужели я в самом деле не замечала седины, пеплом покрывающей волосы? Право, верно говорят: в глазах детей родители — всегда молодые и способные на невероятные подвиги герои. Даже сейчас во мне оставалась крепкая вера в то, что папа может решить все проблемы едва ли не простым взмахом руки.

— Я не знал, как выглядит диадема до сего момента, и даже не ведал, какие камни в нее входят, считая истории о скорее вымыслом, чем реальностью. В нашей семье ходило множество легенд, передаваемых из уст в уста. Еще когда я был мал, мать часто с тоской вспоминала об утерянном артефакте, которым обладали царицы Фалькс и изредка их дочери. Своенравный дар подчинялся не всем, и только некоторые женщины его носили. Вот только отец подобные разговоры быстро обрывал, считая их опасными. Его страхи не возникли на пустом месте: по преданиям, в свое время Илис II, одну из ярчайших фигур в истории царства, захоронили вместе с диадемой. В народе пустили слух, что покойная царица изъявила желание не расставаться с любимым украшением и после смерти, но мы знали правду: диадема представляет серьезную опасность. Именно она и погубила Илис, а не сердечная болезнь. Царица — стойкая женщина, но даже она не имела достаточно сил, чтобы сполна отплатить артефакту за его милость — дар чтения чужих мыслей.

Отец перевел дыхание. Вслушиваясь в звук его голоса, я расслабилась и немного успокоилась. Мерное пламя свечи, ее медовый дух и стелющийся следом за тонкой струйкой дыма неспешный рассказ напомнили о детстве. Вот только папа больше не рассказывал добрые сказки. Им на смену пришли страшные истории, имевшие место в реальной жизни.

На секунду мне показалось, что повеяло холодом. Из ниоткуда возник сквозняк, и я обхватила себя за плечи, пытаясь согреться.

— Диадема сама выбирает женщин, которым желает служить. Многие царицы мечтали, чтобы она откликнулась на их зов, но никакие страстные мольбы не помогали. Избранными становились только самые достойные жены царей. Но иногда случалось невероятное: вместо матери благосклонность артефакта получала дочь. Это значило лишь одно — она становилась единственной наследницей рода. Если сыновья рождались, то погибали; если родители не жаловались на здоровье, то вскоре это менялось и смерть настигала и их. Словно диадема определяла будущее...

Не запрещай мне венец говорить о нем, я бы многое узнала гораздо раньше. Но я испытывала нехватку воздуха каждый раз, когда думала: что было бы, открой я кому-то, кроме Дамиана Грасаля, правду?

— Жаль, многие сведения теперь потеряны. Разве что Лиран Фалькс знает больше.

— Потеряны? — искренне удивилась я. Неужели родители не были до конца искренне с Викаром? Это не укладывалось в голову!

— Самые главные секреты рода Фалькс, включая и тайные знания об артефактах царской власти, всегда передавались лишь прямым наследникам. У меня было два брата, из которых я — младший. Никто не догадывался, что именно мне перейдет в итоге корона, хотя, как ты знаешь, мой старший брат успел посидеть на троне и даже обзавестись наследником — Лираном. Средний — же скончался, когда я уже жил в

Сагассе, оставив память о себе только в воспоминаниях близких, но не народа.

— Не будь Лиран таким чудовищем, то сейчас бы правил, — сказала я, а сама задумалась: не потому ли Дамиан Грасаль искал встречи с племянником отца, которого самолично лишил престола, что желал узнать больше об артефактах Фальксов? Ведь Лиран может быть сейчас единственным, кто ведает сверх того, что написано в дневниках покойной царицы.

— Я мечтал о короне лишь в самом детстве, но это желание быстро испарилось, когда на смену ему пришли более сильные и глубокие, — я сразу же навестила уши. — Итолина — дочь моего наставника. Она жила во дворце с самого детства. Более смелая, чем многие дети аристократов, но недостаточно знатная, как отпрыски придворных, она чувствовала себя обреченной на одиночество. А я... Я еще юнцом понял, что такой, как Ита, нет во всем мире. На нашу привязанность закрывали глаза, пока это не являлось проблемой. Все думали, мои чувства пройдут, это всего лишь глупая блажь, а если даже нет — всегда можно взять ее в любовницы, женившись на «правильной» женщине. Но связь между нами с каждым годом лишь прочнела, и я понял, что не желаю видеть никого, кроме Итолины, своей женой.

— Тогда на тебя ополчилась вся семья? — тихо спросила я.

— Как не странно, нет, — усмехнулся Викар. — Родители, конечно, высказались против, но братья поддержали. Они хоть и насмехались над моими чувствами, но отнеслись с пониманием. Всех нас душила несвобода придворной жизни. А вот отец Иты... Как очень набожный человек, он запретил дочери появляться дома, если она опорочит свою репутацию. Ха! Да никто из них никогда не верил, что я на ней действительно женюсь. Мне едва исполнилось пятнадцать, и я исчез из дворца — никто, кроме братьев, не знал, где я нашел кров.

— Вы поженились тайно? — вопрос прозвучал почти спокойно. Я сумела привести мысли в порядок и даже немного свыкнуться с мыслью, почему именно Викар не желал признавать бастарду. Ведь я никакая не незаконнорожденная, а великая княжна — нет никакого смысла давать титул ниже, чем он уже есть.

— Да, никто так и не узнал. Я даже братьям не сказал, сам не понимаю, почему это скрыл еще и от них. Лишь только потом осознал, что поступил верно... Прошло пять лет, и Медон, мой старший брат, приехал нас навестить. Итолина только недавно родила и чувствовала себя слабой. Встретив гостя, она ушла в покои. А я хвастался рождением желанной дочери... Помню, отвлекся лишь на миг, чтобы отдать указания прислуге о чае. Мы замечательно провели время с братом, а когда он ушел, я пошел навестить тебя в колыбели. Сердце почему-то кололо от беспокойства. Ты радостно смотрела на меня огромными синими глазами, а я ощущал необъяснимую тревогу. Взял тебя на руки и обнаружил в кровати непонятную тряпицу с будто бы меловыми разводами.

— «Белый мор»! — охнула я и подалась вперед, поближе к отцу. — Но почему, почему он так поступил?

Страшно представить, что пережил папа. Изгнание, предательство близких и покушение на родную дочь... Жизнь Викара имела мало светлых полос.

— Я задал себе тот же вопрос, но никаких разумных объяснений поступку брата не нашлось, кроме обычной зависти. Как же я тогда забеспокоился! Ты такая слабенькая, хрупкая... Излечиться младенцу не каждый маг поможет, у меня золотых в обрез, а единственные, кто должны помочь — братья, предали: я не верил, что они не обсудили планы Медона между собой заранее.

— Ты не мог знать, что я не заболею, — попыталась утешить отца.

— Напротив, Айрин. Ты заразила.

Я растерянно захлопала глазами. Этого ведь просто не может быть! Моя кровь же... Но папа не врал. В его воспоминаниях пронеслись ужасные картины прошлого, заставляющие и сейчас просыпаться в ночи от страха. Но как это могло произойти? Наверное, этот вопрос я произнесла вслух, поскольку Викар пожал плечами и признался:

— Не знаю, дочка. Ты очень тяжело болела, и никто тебе не помогал. Мы обращались ко всем возможным магам, и ничего не давало результата. Они все лишь разводили руками, не зная, что и думать, — сразившая тебя болезнь была гораздо сильнее всех известных ее форм. Она не поддавалась никакому волшебству.

Я заподозрила, что эта разновидность «белого мора», близка к той болезни, что вспыхнула недавно. Лекарям не помогала никакая магия, пока не обнаружились загадочные свойства моей крови.

— Тогда как же я уцелела?

— Нам посчастливилось встретиться с шептуном, родом из веряньских степей. О таких людях ты вряд ли слышала. Они общаются с духами и способны творить такое колдовство, какое никто больше не может. Об и силе ходит множество слухов, и трудно сказать, какие из них — правда, а какие — вымысел. Но лишь благодаря шептуну ты выжила и, видимо, благодаря именно его давней помощи защищена по сей день...

Отец смотрел будто сквозь меня, погрузившись в прошлое. Перед его взглядом предстало испещренное старыми шрамами лицо, сухие от ветра губы и темные, словно хранящие все тайны мира глаза.

«Уезжайте с материка, если не хотите снова потерять дочь. Немедленно. Не задерживайте, чтобы не случилось», — тихо, но твердо сказал шептун.

«Так и сделаем», — сказала мама, худенькая и светловолосая девушка, в которой несмотря на хрупкость чувствовалась стать и внутренняя сила, и посмотрела на отца. Викар кивнул, и в тот же миг воспоминание исчезло, сменившись другим...

Наемники с поднятыми мечами надвигались вперед. Он закрыл жену с ребенком на руках спиной, готовый принять вызов, защитить, уберечь... во что бы то ни стало. Он не замечал, как теплая кровь пропитывает рубашку, не чувствовал боли, его вел инстинкт спасти семью. И он спас... на некоторое время.

Они строили планы и готовились переехать в другую страну. Он помнил, как за день до отбытия глаза Иты поглотило отчаяние, и она, схватив его за камзол, с неожиданным жаром произнесла: «Пообещай мне, Викар, что наша дочь окажется на этом корабле и уедет в Сагасс, где никто ее не узнает. Пообещай, что ничто тебя не остановит, даже... Даже моя смерть».

Викар заверил жену, что она напрасно волнуется. Они все обязательно взойдут на палубу и оставят невзгоды позади, на исчезающем за горизонтом материком, где прожили всю жизнь. Завтра все должно было начаться с чистого листа, но Итолина словно знала будущее наперед. А может быть, в отличие от мужа, она сразу догадалась, что враги, устав гоняться за Викаром с ребенком, ударят именно по ней?

Теперь это уже неважно. Люди Медона схватили Иту, выхватив в толпе перед посадкой. Викар хотел было броситься следом за женой, но натолкнулся на предостерегающий взгляд. «Сдержи слово», — говорило ее лицо. Скрипя сердцем, он бросил короткий взор на спящую дочь, которую нес на руках, и подчинился, взойдя на трап.

Тогда будущий царь Льен был уверен: жена мертва, ее уже не спасти. Это уже потом он выяснил, что Медон решил выплеснуть злость из-за своего поражения по-другому — бросив прекрасную Итолину в бордель. Годы шли, и Ита сама стала хозяйкой заведения, в котором некогда очутилась, получив какую-никакую, но свободу. Вот только вернуться к мужу с дочерью не пыталась, хотя следила за их жизнью, оставаясь в царстве Льен. Когда Дамиан Грасаль напал на след Викара, она сделала все, чтобы запутать князя, ведь как никто другой понимала, сколь опасно возвращение Фальксов на родину.

— Именно за это она и поплатилась, — завершил рассказ отец. — Дамиан Грасаль не знал всей правды, но всегда умел устранять тех, кто мешает осуществлению его планов.

Я вздрогнула и вытерла тыльной стороной ладони горькую слезинку, скатывающуюся по щеке. Холод сковывал сердце льдом.

Глава 22

Мне снова пришлось пережить ощущение мертвенной жути, накатывающей при взгляде на Лирана Фалькса. Я рассказывала отцу о кузене, не забыв упомянуть страшный пейзаж вокруг, цветы с ржавыми лепестками и возвышающийся позади величественный замок, а саму передергивало от отвращения. Присутствие первобытной тьмы, дикой и необузданной, все еще ощущалось повсюду, стоило закрыть глаза. От нее никуда не деться, никуда не скрыться, и если ее не одолеть, то все люди превратятся в такие же безжизненные сосуды, служащие пристанищами для демонов, как Лиран Фалькс.

Но отца в моем рассказе заинтересовало совсем иное.

— Это же замок Семи Скал! — охнул Викар. — Непостижимо... Он готовится нанести новый удар! Спасибо, Айрин. Я должен немедленно предупредить совет. Теперь понятно, как Лирану постоянно удается скрываться. Его новый темный дар позволяет опережать нас на несколько шагов вперед.

Я поняла, что на этом разговор окончен. Папа больше не мог не думать ни о чем другом, кроме возмездия племяннику. Пожелав царю успехов в этой нелегкой борьбе, я оставила его наедине с государственными заботами, а сама пошла в покои, раздумывая по пути над загадками прошлого: зачем Медону понадобилось меня убивать? Что такое знал наследник рода, заставившее его пойти на предательство? Уйдя в себя, не сразу заметила идущего по коридору Жерома.

— Вы искали меня? — удивилась я, выхватив нужную мысль из его размышлений.

— Да, миледи. Князь... — он оглянулся, чтобы удостовериться — разговор никто не подслушивает. — Дамиан велел передать вам лично в руки.

Он протянул перевязанные атласной лентой листы, и в знакомом почерке я сразу же опознала руку Илис.

— Это последняя часть. Вы ее еще не читали, — тихо сказал Жером.

— Благодарю вас.

— Будьте осторожны, Айрин, — от души пожелал шпион князя. — Вам выпало множество испытаний, и они еще не подошли к концу.

— Вы уже ознакомились с этими материалами? — заранее зная ответ, поинтересовалась у лорда.

— Да. Но будет лучше, если вы все узнаете сами. Это те сведения, услышать которые можно только из первых уст.

— Жером, — остановила я лорда, когда он уже хотел развернуться и идти. — Позвольте спросить у вас. Вы были близки с Грасалем и явно хорошо знали Мев.

— Вы хотите знать, что произошло с вашей наставницей, — понятиливо кивнул шпион князя. — Вам не стоит забивать свою голову мыслями о Мевил. Она давно уже сделала выбор. Хотите знать, почему она умерла? Мев нарушила магическую клятву. Она обещала вашей матери оберегать вас и хранить секрет рождения, но призналась Грасалю, что госпожа из публичного дома — ваша родительница. Это случилось недавно, и именно тогда здоровье Мев пошатнулось, пока она окончательно не угасла.

— Даже смерть настоятельницы не обошлась без Грасаля! — разозлилась я.

— Вы слишком строги к князю. Мевил прекрасно осознавала, что ее ждет. Она лишь, надо признать, совершенно наивно думала, что факт рождения в царстве Льен, а не в Сагассе поможет Грасалю выдернуть вас из хватки заморской королевы. Но этого слишком мало.

Я поняла, что никто, кроме меня и отца, даже не догадывается о его браке с Итолиной. Даже Дамиан Грасаль не ведал всей правды.

— Не жалейте Мев. Она лишь выглядела зрелой женщиной, но внутри ощущала себя

дряхлой старухой. Я много общался с ней, и она всегда производила ощущение уставшего от жизни человека. И еще, Айрин... Люди, крутящиеся у верхушки власти, каждый день принимают множество решений, которые могут перевернуть чью-то жизнь. Помилования и казни — неизбежная плата за отстаивание своих интересов и благополучие царства Льен. Во дворце нет никого, кто мог похвастаться абсолютно незапятнанной репутацией.

— Зачем вы мне это говорите? — возмутилась я. — Желаете, чтобы я умоляла царя о спасении князя? Так вот, я уже сделала это и теперь лишь жалею о своем поступке.

— Не думаю, что Дамиан Грасаль нуждается в помощи, миледи. Просто подумайте о моих словах. Я лишь хочу сказать, что вы явно успели стать для главного советника кем-то действительно особенным, — тепло улынувшись, Жером отвесил поклон и попрощался.

Я провела рукой по шершавым листам, провожая мужчину взглядом, и резко передумала возвращаться в покои. За окнами призывно светило солнце, побуждая провести время снаружи, и я направилась в парк, надеясь, что там никто не помешает мне прочитать последнюю весточку из прошлого.

Жером не солгал. Я отложила записи на лавку, придерживая невесомую бумагу пальцами, чтобы она не улетела, и сощурилась от яркого света. В дневниках Илис таился ответ на вопрос, который давно мучил отца, и сразу же взволновал меня, стоило услышать его историю. Разгадка все это время лежала на поверхности.

Сапфиры, необычного насыщенного синего оттенка, украшавшие диадему цариц Льен, в точности повторяли цвет моих глаз. Когда влияние венца усиливалось, эта связь становилась еще более прочной: радужка приобретала неестественную яркость. Удивительно, что я не подумала об этом раньше. Ведь все так просто! Отец же сам говорил, что у нас в роду синие очи — не редкость. Вот только о чем я не догадывалась — так это о том, что, как писала Илис, многие цари Льен специально брали в жены женщин с особенным цветом глаз. Они надеялись на благосклонность Берегини и молились, чтобы диадема признала именно в их супруге хозяйку: дар чтения чужих мыслей — слишком ценный, чтобы его упустить...

Я ничуть не сомневалась, что вся теплота Медона Фалькса к племяннице исчезла в один миг. Это произошло, когда он услышал о необыкновенно синих глазах новорожденной. Едва ли я представляла себе страх наследника престола по мановению судьбы лишиться всего, чего так он долго желал. Как цесаревичу, ему были открыты многие семейные тайны. Он не мог не слышать старую легенду, гласящую, что могущественный венец носят только царицы, никак не меньше. Брат отца охотился за мной, чтобы убить и тем самым убрать с дороги самую главную претендентку на трон.

Я горько рассмеялась. Глупости! Диадема венчала мою голову как влитая, но ничего не предвещало грядущей коронации. Кто бы мог подумать, что какие-то нелепые истории способны так сильно перевернуть чью-то жизнь. Нельзя представить, как бы сложилась моя судьба, не вмешайся в нее Медон. Может быть, жила бы где-то спокойно в царстве Льен, даже не мечтая побывать во дворце, а, может, — родители бы все-таки простили Викару дерзкий выбор жены, и я была бы окружена всеми родственниками, с детства постигая этикет и умение плести при дворе интриги. Сейчас об этом не стоило думать.

Важнее другое — то, что покойная царица неоднократно подчеркивала в своих записях, как самую главную мысль. Илис не скрывала уверенности, что основная задача артефактов царской власти — не помощь монарху, а защита всего царства. Вот только в отличие от многих других, она считала, что угроза исходит ни от соседних государств, ни от армий королей, желающих прибрать чужие земли к рукам, ни от кровопролитных войн, а от демонов, постоянно пытающихся прорваться из бездны на поверхность материка.

Перед лицом пролетел переливающийся золотом лист. Другие, пестрых осенних цветов, венчали резко пожелтевшие кроны деревьев. Бурные жилки выглядели как линии на раскрытой ладони. Я подняла один из опавших листов и рассеянно повертела его в пальцах, вдыхая пряный аромат сентября и продолжая напряженно размышлять о происходящем в царстве Льен.

Видение Лирана Фалькса подтвердило опасения царицы. Где-то в земле есть червоточина, через которую темным существам удастся выбираться наружу. По коже побежали мурашки, хотя кружащий в танце осени ветер еще помнил тепло летних дней и зной жаркого полуденного солнца.

Против демонов нужно не менее сильное, чем их темная магия, оружие. Хризолитовая шкатулка, еще один артефакт царской власти, способна поймать и уничтожить уже прорвавшихся на свободу тварей, но, чтобы запереть остальных и не дать им дальше досаждать людям, нужен ключ — рубиновый перстень, украшающий длань кузена.

— Берегиня! Помоги стражам отца наконец-то поймать Лирана Фалькса. Он не может ускользать вечно. Промедление слишком дорого обойдется людям... — от всей души взмолилась я, вглядываясь в небесную синь.

Когда я поднялась со скамьи, и уже отряхивала платье от налетевших сухих травинок, позади раздался громкий топот. Я обернулась и с удивлением обнаружила запыхавшихся стражей. Они не скрывали облегчения, застав меня в добром здравии.

— Миледи!..

— Что произошло? — твердо спросила я, запутавшись в сумятице чужих мыслей.

— Миледи, какое счастье — с вами все в порядке! Его величество жалеет о своем решении оставить вас без охраны, — имелись в виду отосланные стражи, на самом деле принадлежавшие Дамиану Грасалю, а не царю. — Во дворце произошло несчастье. Пожалуйста, будьте благоразумны. Не уходите надолго одна.

— Несчастье? — нахмурилась я, невольно прижимая листы с записями, перевязанные лентой, к груди.

Говоривший мужчина, вытер выступивший на лбу пот. Отголосок чужого страха пошел на спад, страж успокаивался и медленно приходил в себя. То же самое происходило и с остальными. Когда стало ясно, что ничто пока моему благополучию не угрожает, появились другие стоящие внимания вопросы.

— Миледи, вы собирались отправиться в покои после визита к царю? — пытливо посмотрел на меня еще один подоспевший из дворца мужчина.

— Да, собиралась, но потом передумала, — пожала плечами. — Его величество разрешал мне визиты в парк.

— А кто знал о желании отдохнуть у себя?

— Я обмолвилась о своих намерениях в беседе с государем, — не понимая, к чему этот допрос, сказала я.

Стражи переглянулись. «Царь бы не стал убивать родную дочь, а если бы даже захотел — это не наше дело», — говорили эти взгляды. Я вздрогнула, резко осознав всю серьезность ситуации, в которую угодила. Нужно быть готовой ко всему. Моя жизнь давно висит на волоске, и многие жаждут стать тем самым человеком, что поднесет к тонкой нити нож.

— Кто пострадал?

— Ваша служанка, миледи, — опустил голову страж. — Кто-то принес в комнату горячий шоколад. Не дождавшись вашего появления, прислуга выпила уже остывший напиток. В нем оказался яд.

— Она?..

— Ее не спасли. Мне очень жаль, миледи.

Перед глазами пронеслось обычно улыбчивое лицо Ксаны с россыпью теплых веснушек на лице. Ей не стоило прислуживать мне. Уж лучше та леди с заносчивым характером, насмехающаяся над неспособной дать отпор служанкой, чем я. По крайней мере с предыдущей госпожой Ксана была в безопасности.

На секунду даже порадовалась, что ужасные новости настигли меня, когда на голове находилась сапфировая диадема. Не будь ее, и горечь от потери служанки совсем бы сразила, пробив в теле глубокую рану. Благодаря венцу, боль не затмевала собой все остальные мысли. Желание докопаться до истины пробуждалось внутри, как ненасытный голод, и велело наказать обидчиков невинно погибшей девушки.

Но я все равно старалась не думать о том, что бы произошло, не поменяй я своего решения отправиться в покои. А ведь кроме царя о моих намерениях знал еще один человек — Жером. Лорд явно догадался, куда я следовала. Я лишь в последний момент изменила решение, когда он уже давно ушел.

В безмятежно-светлых думах Жерома словно не оставалось места для тьмы. Но что если он всего лишь умело притворялся, служа не только Дамиану Грасалю, но и кому-то еще?

Напряжение, давно поселившееся во дворце, лишь нарастало, практически осязаясь в воздухе. Даже придворная суeta утихла. Я не стала говорить стражам о своих догадках, помня об их способах достучаться до правды. Мне хотелось самостоятельно удостовериться, что столь верно служащий князю шпион не предал.

Слухи о нападении разнеслись по дворцу, как созревшие семена одуванчика, сдуваемые порывом ветра. Мою пищу проверяли на яды, но злополучный горячий шоколад все равно оказался в комнате совершенно непостижимым образом, и я бы наверняка выпила его, вспомнив о Мевил, даже не догадываясь, что его принес враг.

Размышления о настоятельности только усугубили безрадостный настрой, но я отбросила неприятные мысли прочь, желая раз и навсегда убедиться в непричастности лорда в нападении или, наоборот, что хуже, узнать неприятную правду и научиться жить с мыслью, что доверять нельзя даже тому, кто проявляет неизменную и искреннюю доброжелательность.

Жером ждал возле гостиной, расположенной рядом с его покоями, догадавшись, что после всего случившегося я непременно захочу увидеться. Взгляд лорда оставался спокойным и внимательным, как будто ничего неожиданного не произошло. Несмотря на уверенность, что после всего случившегося, я начну его подозревать, лорд выглядел собранным и невозмутимым, точно его благополучию ничто не угрожало. На секунду это пошатнуло мой решительный настрой, но я быстро взяла себя в руки и не позволила замедлиться, приближаясь к одному из членов совета.

— Миледи, — поклонился он. — Не буду лукавить, высказывая удивление нашей встрече. По правде говоря, я рассчитывал на скорый визит.

Я кивнула. Не хотелось тянуть время в обмене бессмысленными любезностями.

— Вы имеете отношение к убийству моей служанки?

— Ответ известен, мне нет нужды покушаться на вашу жизнь. Но вы ведь пришли не за этим, не так ли?

Его обескураживающая честность в ответ на прямо заданный вопрос не заставила меня стусеваться. Жером видел людей насквозь. Я прищурилась, понимая, что такие люди могут стать опасными противниками, если... захотят. А Жером не желал выходить из тени, предпочитая созерцать работу других пауков, не плетя кружева паутины интриг самостоятельно.

— Что побудило вас так решить? — все еще не расслабляясь в его присутствии, сказала я.

— Вы чувствуете себя запутавшейся и надеетесь на помощь в поисках недостающей детали головоломки. К счастью для нас обоих, мне действительно есть, что сказать. Вы ничего не ощутили во время визита к царю? Возможно, небольшая слабость или... легкий холод.

— Хотите сказать, Шан...

— Не называйте ее имя вслух, миледи. Во дворце слишком тонкие стены, чтобы позволять себе такие смелые высказывания. Когда я шел к вам по коридору, собираясь

передать последнюю часть дневника, то несколько хрупких снежинок пронеслось мимо в воздухе. Если бы не упавший луч света, даже бы внимания не обратил.

— Но ей нет нужды причинять мне вред, — нахмурилась я, вспомнив о намерении королевы Сагасса выдать меня замуж.

— Подумайте, миледи, не прозвучало ли во время разговора с отцом чего-то такого, что заставило бы эту особу изменить решение? Она явно спешила, всего на мгновение разминувшись со мной.

— Вы полагаете, беседу подслушивали, — моментально собралась я, раздумывая над дальнейшими действиями. Если ее величество в самом деле услышала нечто не предназначенное для ушей, то теперь она не остановится ни перед чем, чтобы убрать меня с пути. Трон достался Шанталь слишком тяжело, и она собиралась сделать все возможное для удержания власти.

— Такого я не говорил, но вы вправе так думать, — улыбнулся Жером, избегая в открытую обвинять царицу в преступлении.

Соображения лорда звучали достаточно убедительно, но я не решалась сразу в них поверить. Изворотливая Шанталь с легкостью ударит в спину или избавится от соперницы, подсыпав яд. Но все-таки оставалось что-то, мешавшее целиком поверить в ее поступок.

В раздумьях я даже не заметила, когда осталась в гостиной одна. Жером ушел, оставив меня в одиночестве сражаться в выстраивающемся вокруг заговором. Его высказывания создали нужную почву для размышлений. Поставив подбородок на сомкнутые ладони, я шаг за шагом вспоминала случившееся за день, по крупицам восстанавливая каждую секунду пребывания во дворце. Вот я прихожу к Викару, вот отец приоткрывает завесу прошлого... И в самом деле в кабинете будто действительно холоднее, чем должно быть. Гулял сквозняк, но не такой явный, как тогда, когда Шанталь находится рядом, а словно она стояла достаточно далеко... Не должна ли я была поймать отголосков ее мыслей?

Едва ни выругалась вслух. В присутствии царицы я так привыкла закрываться от ледяных дум, что вполне могла сделать это, не задумавшись. Да и если подумать, сагасская магия хранит столько загадок, что впору сомневаться, не припрятаны ли у ее величества совсем неожиданные козыри в рукаве платья.

Тяжело вздохнула. Но больше всего поражало другое: почему именно горячий шоколад? Не вино, столь хорошо скрывающее яды, не обжигающе горячий чай, не сладкий сок. Ведь есть столько всевозможных вариантов, более доступных и простых. Ответ заставил резко выпрямиться и пойти по кругу, меряя шагами комнату.

Любой другой напиток я могла оставить без внимания, но после произошедшего с Мевил не стоило сомневаться: при виде дурманяще пахнущего горячего шоколада невольно вспомню о погибшей настоятельнице и, погрузившись в прошлое, с ностальгией возьму в руки чашку, от которой исходит ни с чем несравнимый тонкий аромат корицы.

Я не верила в совпадения. Кружку явно принес знающий о визите к Мев человек, составивший компанию во время поездки и столь тщательно следивший за потраченным на беседу временем. В покои настоятельницы заходил только один мужчина — малодушный слуга, после ухода со сцены Грасаля вырвавшийся на свободу, — Марн.

Я сложила руки в замок, крепко сжав пальцы. Новая картина произошедшего выглядела куда убедительнее прежней. Шанталь бы ни за что не пошла лично в мои комнаты. Куда больше же в стиле интриганки использовать для этих целей слугу, от которого не жалко избавиться. Грубая, но уже довольно привычная роль отравителя Марна позволила бы с легкостью переложить вину с царицы на другого человека. Докажи, что слуга уже пытался погубить монарха, и теперь все быстро поверят, что преступник пошел на убийство дочери государя. Никто не подумает, что прекрасная и мудрая царица возжелала убить набившую оскомину во рту «бастарду».

Осталось лишь сообразить, как сделать так, чтобы Шанталь поплатилась за смерть Ксаны. Может быть, сапфировая диадема и притупляла многие эмоции, но одно чувство вырывалось на волю с неизменной силой — жажда мести. Царица должна запутаться в

своей паутине, пока не успела накинуть сеть еще и на меня.

Глава 23

Придворная жизнь постепенно возвращалась после неприятных событий в прежнее русло. Знать медленно приходила в себя после перемен, я пыталась найти общий язык с новой служанкой и тосковала по Ксане, а Дамиан Грасаль все еще ожидал казни. Я старалась не думать о князе, занимая голову мыслями о противостоянии Шанталь. Во время наших редких встреч царица неизменно растягивала губы в благосклонной улыбке, но несмотря на внешнюю теплоту, ее глаза оставались холодными, как лед.

Но вскоре хрупкое равновесие, воцарившееся во дворце, пошатнулось. Пришла благая весть — Лирана Фалькса удалось схватить. Теперь я каждый раз подходила к окну с волнением: не покажется ли вдалеке повозка с цесаревичем?

Время тянулось бесконечно. Я устроилась с книгой в малой гостиной, пытаюсь читать, но лишь рассеянно смотрела сквозь строчки. Из размышлений меня выдернул поднявшийся за дверью шум. Я выглянула наружу и увидела беспокойно снующих стражей. Проводила их суету тревожным взглядом, совсем не готовая к тому, что услышу из мыслей. Немыслимо!

Дамиан Грасаль сбежал!

Неведомым образом князю удалось вырваться из темницы. Его пытались найти, но тщетно. Он словно растворился в воздухе, улизнув из-под носа бдительной стражи.

— Говорят, на полу нашли отметины от звериных когтей, — Я повернула голову на звук. Две леди тихо перешептывались, обсуждая новость. — Царь просто в ярости!

Вторая женщина заметила меня боковым зрением и дернула подругу за рукав платья, бдительно призывая замолчать. Говорившая обернулась и в упор посмотрела в мою сторону, пряча раздражение за раскрытым веером. Наконец она снова склонила голову к подруге и уже совсем тихо, так, что если бы не колдовство диадемы, я бы не разобрала, сказала:

— Ничего не случилось бы, не появились эта во дворце.

Леди кивнула.

— Грасаль много сделал для царства. Его величество слишком печется о дочери, но это изменится, когда у него появятся настоящие наследники.

— Кстати, дорогая. Вы слышали? Ее величество желает увеличить штат фрейлин. Как было бы чудесно приблизиться к царице.

Ответа не прозвучало. Все звуки резко стихли, и перешептывающиеся дамы замолчали, заподозрив неладное. Меня обдало запахом их стойких духов — ноздри уловили шлейф тяжелого аромата, когда из-за открывшейся двери внутрь коридора ворвался сквозняк. Мы с леди синхронно повернулись к проходу, по которому медленно шел окруженный свитой царь.

Появление Викара вызвало закономерное удивление. Множество вопросов роилось в голове, но я скрыла интерес, вызванный его появлением, за опущенными ресницами. Женщины тоже склонились в глубоком реверансе. Я закусила губу, борясь с раздражением и стараясь не думать о том, как нахально эти недалекие особы демонстрируют перед его величеством оголенную вырезом грудь, представая в наиболее выигрышном ракурсе. Как будто ему одной Шанталь мало!

Но Викар даже не удостоил старающихся завлечь его леди коротким взглядом, чем вызвал немалое раздражение стервятниц, и приблизился ко мне, дав знак придворным расступиться. Скрещенные ноги затекли и дрожали от напряжения, но я не выпрямилась, пока не прозвучало дозволение государя.

— Светлого дня, ваше величество.

— Миледи, — медлил царь. — Я попросил князя Нерстеда составить вам компанию во время визита в храм. Можете быть покойны, служители не станут чинить препятствий.

— Благодарю за милость, ваше величество, — снова поклонилась, но уже гораздо быстрее.

— Отправляйтесь прямо сейчас.

Я с интересом посмотрела на стоящего рядом с царем Вемур Нерстеда. Князь как всегда был хмур и немногословен, но несмотря на отсутствие симпатии с его стороны, не оставалось никаких сомнений, почему выбор государя пал именно на «северного затворника», как его звали в народе. Редко покидающий свои владения Нестед, всегда говорил то, что думал. От него не стоило ждать ножа в спину. Прямота князя действительно подкупала, и, вопреки его обычно мрачному виду, я неуверенно улыбнулась. Царь правильно выбрал человека, на которого можно действительно положиться.

Вемур Нерстед ответил мне угрюмым взглядом. Он слабо понимал, зачем его оторвали от дел, особенно когда в столице творилась полная неразбериха, и приставили к какой-то девице, хоть и на половину благородных кровей.

— Экипаж уже поджидает снаружи, миледи, — сообщил мне он, когда царь ушел, оставив нас одних.

— Замечательно. Пожалуй, мне стоит вернуться в покои за плащом... — задумчиво произнесла я, наблюдая, сколь внезапно потемнело за окном небо.

Князь кивнул.

— Буду ждать здесь.

К несчастью, отец не мог отправиться со мной лично. Это бы привлекло слишком много лишнего внимания. На всю столицу имелся всего один храм Треокого бога, но именно в нем, много лет назад, под покровом ночи удалось скрепить союз двух влюбленных. Служитель, тайно проведший церемонию, давно скончался от старости и уже никак не мог подтвердить мое происхождение, но бумага, подписанная его рукой, должна была и по сей день храниться в архиве.

Я набросила на плечи плащ из темной плотной ткани и вместе с князем пошла к выходу. Снаружи нас встретила непогода. Бушевал ветер, неистово поднимая и бросая листья, и его порывы били по груди, не давая сделать шаг. Я убрала с лица упавшие пряди волос и сощурилась, пряча глаза от режущей пыли, поднимающейся столбами с земли. Пришлось придержать воротник, чтобы хоть как-то прикрыть лицо.

— Сюда, миледи! — крикнул слуга, поспешно открывая дверь экипажа.

Не стоило сомневаться — еще немного и пойдет дождь. Вемур Нерстед протянул руку и опершись на его крепкую ладонь, я погрузилась внутрь. Князь залез следом, и дверь быстро закрылась, заглушив звуки исступленной стихии. От скребущейся в носу пыли я не сдержалась и громко чихнула.

— Будьте здоровы, — без всяких эмоций сказал спутник и протянул платок.

— Благодарю вас, — хрипло произнесла я.

Карета неспешно тряслась на ухабах узких столичных улочек. Несмотря на неприкрытые шторами окна, в кабине царила полутьма. Я положила голову на бок, провожая взглядом предгрозовую суету.

Люди в спешке снимали вывешенные сушиться вещи и убирали стоящую возле порогов грязную обувь. Ребятня стремительно разбегалась по домам, и жилые улицы опустевали. В торговых рядах одна за другой закрывались лишившиеся посетителей лавки. Покидающие их леди боязливо придерживали края шляпок, забираясь в готовые немедленно тронуться экипажи. Открытыми оставались лишь трактиры, гостеприимно распахнувшие двери и жаждущие встречать первых продрогших от холодного дождя путников горячим чаем, сытной едой и брагой.

Я не знала о чем заговорить с молчаливым князем, но он словно и не нуждался в моей болтовне, мысленно просчитывая, удастся ли нам вернуться до того момента, как небеса

разверзнутся и на землю прольются крупные капли, прибывая к камням летающую по воздуху пыль. Неутешительные прогнозы Нестеда скоро сбылись, и снаружи, сначала будто бы нехотя, а затем с неудержимым пылом застучал дождь.

Наверное, отправиться в храм сегодня — не самая лучшая задумка, но дальше уже медлить нельзя. Королева Сагасса на днях прислала повторное письмо, где, рассыпаясь в бессмысленных (а на взгляд Викара, даже язвительных) любезностях, обещала прислать за мной корабль, обещавший встретить в порту восточного города Льен Берльорда. Надежды отца решить вопрос с ее величеством мирно так и не увенчались успехом, и с большой неохотой он собрался совершить то, чего давно боялся, опасаясь за мою жизнь, — признать дочерью и пока что единственной наследницей.

Я вздохнула и провела пальцем по запотевшему стеклу, выводя бессмысленный узор. Вемур Нерстед наблюдал за этим действием краем глаза, но никак не показал свое отношение к подобному ребячеству. Сквозь незаметные щели внутрь экипажа проникал свежий запах дождя. Ливень никак не собирался утихнуть, демонстрируя свою мощь с исступлением петуха, горделиво красующегося перед курицей.

Небо рассекла белая молния, сверкнувшая так ярко, что осветила все вокруг. Потoki воды хлестали по кабине и текли по дороге, омывая землю. Ветер со свистом завывал снаружи, как одинокий волк, задравший пасть к луне. Прогрохотавший гром заставил неожиданно вздрогнуть.

Экипаж резко остановился, и меня бросило вперед. Если бы не вовремя придерживавшая рука князя, я бы упала со скамьи и больно ударилась.

— Мы приехали?

— Не думаю, — пробормотал Нерстед, убирая пальцы с моего плеча.

Когда князь уже собрался вылезти наружу, дверь кабины распахнулась сама, и перед нами показалось лицо промокшего, несмотря на навес, кучера. Вода так и струилась по его лицу, и темные волосы чернильными подтеками прилипали к коже.

— Простите, ваша светлость! Из-за непогоды совсем ничего не видно. Перед лошадьми резко выскочил какой-то пес. Не успею я вовремя дернуть за повод, так бы и понесли!

— Пес? — невольно переспросила я, в последнее время слишком тревожащаяся без веского повода.

— Крупный, з-зараза! — закрипел зубами кучер, помяная зверя недобрым словом.

Вот только он не видел непосредственно собаки. Из-за проливного дождя мужчина успел разглядеть лишь стремительно пронесшийся темный силуэт, который и принял за дурного пса. Стало бы нормальное животное кидаться под лошадиные копыта?

Я посмотрела на князя. Рассказ кучера показался ему необычным, но не более. Нерстед махнул рукой, прося больше не останавливаться по пустякам и впредь быть аккуратнее. Я глотнула вставший в горле ком. Душу грызло странное, пугающее предчувствие.

Экипаж снова тронулся. Я уже больше не подносила руку к стеклу, а нарисованные до остановки узоры помутнели. Вемур Нестед спокойно думал о своем, даже не помышляя, какую ответственную задачу взвалил на него царь. Викар доверял князю, но не настолько сильно, чтобы открыть истинную цель визита в храм. Пока о моем новом статусе не объявлено публично, такие знания — как висящий над головой меч.

— Вам ведь нужно в архив? — как раз кстати вспомнил Нерстед. Я кивнула. — Разрешение на посещение подписано лишь на ваше имя. Я провожу вас внутрь и дождусь в открытой для посещений части храма.

Похоже, тот факт, что ему не придется наслаждаться чтением скучных летописей и общаться с недовольными служителями, даже радовал Вемура, а не вызывал закономерной досады. Он догадывался, что мой визит куда более важный, чем хотел показать царь, но даже не предполагал, насколько именно.

— Хорошо, князь, — успела сказать я, когда экипаж остановился. На этот раз

торможение вышло куда более гладким, что значило лишь одно — мы приехали.

Мне не хотелось вылезать из теплой кабины экипажа, но я накинула на разомлевшее тело плащ и вышла наружу. Слуга быстро раскрыл зонт, почти не спасающий от потоков воды из разверзнутых небес. Я быстро пошла за Нерстедом, не тратя время, чтобы смотреть по сторонам, и лишь не удержавшись кинула быстрый взгляд на храм. Белые шпили пронзали свинцово-черное небо, и камень, из которого выложили обитель, казался подсвеченным изнутри.

Тяжелые высокие двери медленно распахнулись, впуская нас внутрь. Я тихо охнула, зачарованно разглядывая открытый проход, но не стала задерживаться на пороге. Внутри отряхнула капельки влаги, осевшие на плотной ткани плаща.

— Говорят, эти стены сами знают, когопускать, а кого оставлять снаружи, — незнакомый голос заставил меня оглянуться. — Простите, миледи. Не хотел вас напугать. Просто заметил интерес и не смог удержаться, чтобы не сказать это.

Ореховые глаза любопытно уставились на меня, в изгибе губ пряталась хитрая усмешка. Светлые волосы мужчины были зачесаны назад, открывая круглые, чуть торчащие в стороны уши. Простая мантия из грубого сукна делала его похожим на послушника, но знак, висающий на груди, говорил о том, что перед нами человек, имеющий духовный сан.

Магия диадемы закружилась и окутала незнакомца коконом, но ей не удалось проникнуть внутрь — мысли мужчины закрывала плотная стена. Как колдовские потоки не били по ней, им не хватало сил пробиться. Я обескураженно замерла, чувствуя неловкость.

— Светлого дня, ваше святейшество, — поприветствовал служителя князь, почтенно склонив голову.

Я едва не разинула рот во второй раз. Неужели это действительно сам предстоятель? Не верилось, что из золота в его облике — лишь блеск волос и искры, таящиеся на дне насмешливых глаз. Я быстро присела в реверансе, пытаюсь справиться с неловкостью встречи.

Святейший не сводил с меня взора, точно мы были хорошо знакомы, и тем не менее, не поворачивая головы, ответил Нерстеду:

— Темные времена пришли в царство Льен, князь, и свет вернется лишь милостью Треокого. Мы ждали вас, миледи. Прошу за мной.

Он развернулся и направился вглубь храма. Меня одолевало множество вопросов, но я оставила их на потом, понимая, что сейчас не самый удачный момент для любопытства. Пока оставалось лишь насладиться очарованием храма

Я с упоением вдыхала сухой теплый воздух, в котором ощущались древесные нотки сандала, щекочущие ноздри. Подвешенные ароматические лампы раскачивались над зажженными свечами из пчелиного воска. С многочисленных витражей смотрели изображения богов, а в самом центре зала стояли величественные статуи из белого мрамора, олицетворявшие Треокого и Берегиню.

Я задержалась возле богини, моля ее о снисхождении. Тьма уже достаточно господствовала в царстве, и ей пора отступить. Святейший заметил мою заминку и остановился, позволяя напоследок заручиться благословлением Матери.

Всматриваясь в лицо Берегини, я заметила, что ее статуя, хоть и высеченная много времени назад, явно сделана гораздо позже, чем скульптура ее супруга. Столь явное несоответствие не могло не броситься мне, впервые побывавшей в главном храме Мауроны, в глаза, и смятение мельком отразилось на лице, что не укрылось от внимания служителя.

— Много веков назад в этот храм привезли две мраморные статуи, сотворенные под руководством талантливого скульптора из Сельма, но спустя годы один из правителей велел уничтожить изваяние богини, — с горечью в голосе произнес Святейший.

— Уничтожить?! — подобное просто не укладывалось в голове. — Но... Зачем?!

— Согласно Писанию, именно Берегиня впустила в наш мир любовь. Треокий сотворил эту вселенную, но не наделил ее чувствами. Богиня решила, что в ней нет никакой ценности, пока сердца людей не будут по-настоящему гореть и быть способными к состраданию.

— Любовь — лучшее чувство, — пробормотала я.

— И одновременно самое ужасное, какое можно представить, — добавил служитель. — Страдая от привязанности к предавшей его женщине, царь возненавидел дар богини и возжелал ей отомстить. Но никто так, как Берегиня, не знает милости. Богиня простила глупого смертного и не тронула его, хотя могла бы отплатить за дерзкую выходку. Много лет назад в главный храм столицы вернулась наша покровительница, хотя уже и в ином облике. Пойдемте, Айрин. Незачем заставлять князя Нерстеда понапрасну ждать.

Я зачарованно направилась за Святейшеством, не переставая думать о обезумевшем от горя царе и не ответившей ему взаимностью женщине. Почему-то эта история произвела на меня глубокое впечатление. Гнев правителя ужасал своей мощью. Как же сильно он разочаровался в любви, если осмелился пойти против высшего существа?..

Несмотря на непогоду, в храме оказалось довольнолюдно, но пришедшие вознести мольбу горожане держались скромно, не создавая лишнего шума. Внутри царила атмосфера взаимопонимания и благости, а горящие свечи создавали ощущение неповторимого уюта. И бедняк, и богач могли прийти сюда и не почувствовать себя лишними, каждому находилось место.

Святейшество провел князя к скамьям и оставил одного, а затем вернулся ко мне.

— Боги не терпят гордыни и равнодушны к блеску монет.

Наверное, мои глаза расширились от удивления. Как он узнал, о чем я думала? Неужели Святейший тоже...

— Вопросы написаны у вас на лице, — рассмеялся служитель. — Мне нет нужды облачаться в золото. Простая одежда куда удобнее, и не вызывает отторжения у народа.

Я начинала понимать. В нынешнее время люди, погрязшие в голоде и нищете, больше чувствуют уважения к равному, а не смотрящему на них свысока. Святейший был гораздо умнее и, возможно, даже хитрее всех остальных. Хотя не скажи князь Нерстед, кто передо мной стоит, я бы ни за что не догадалась — это сам предстоятель.

— Я проведу вас в архив.

— Но вы ведь даже не посмотрели на грамоту от его величества... — осеклась я.

— Мне нет нужды всматриваться в бумаги, я и так знаю, кто вы и зачем пришли, и я дам вам это, если на то будет воля богов.

Загадки начинали утомлять. Получается, тайна моего происхождения для его святейшества вовсе не тайна?..

— В свое время я потратил много времени на изучения архива, хотя так и не изучил все записи целиком. Не бойтесь, — издал смешок предстоятель, — сейчас все компрометирующие свитки надежно спрятаны. Мой предшественник совершил большую ошибку, пойдя против воли властвующего тогда царя, но именно эта ошибка может спасти нас всех.

— Я начинаю сомневаться в утверждении, будто вы не умеете читать чужие мысли... — тихо пробормотала я, даже не надеясь, что он услышит.

— Не бойтесь. Из нас двоих, — палец служителя указал на диадему, — на это способен точно не я.

— Вы и об этом знаете?!

— Нет, — проводил он сапфиры задумчивым взглядом. — Не совсем. Я не имел не малейшего представления о знаменитом венце, пока его не увидел. Но древние

пророчества, которые оставил мой предшественник, гласят, что вы — его последняя хозяйка.

Голова шла кругом. В творящейся вокруг неразберихе только страшных предсказаний не хватало для полного «счастья».

— Чего еще я не ведаю? — потухшим голосом спросила я.

— Самую малость, — усмехнулся предстоятель, забавляющийся моим смятением. — Вы должны найти ключ и закрыть дверь, через которую демоны проникли в последний раз в наш мир. Не удивлены? Тем лучше.

Поражало, что священнослужитель, наделенный куда большими влиянием и способностями, даже не предложил свою помощь в этом вопросе. Кто как не он, посвятивший жизнь служению богам, должен был это сделать?

— Треокий наделил Фальксов дарами, зовущимися ныне артефактами царской власти, чтобы они оберегали Льен. Увы, не все ваши родственники до конца верны Свету. Отчаянное желание надеть на себя корону заставило Лирана Фалькса прийти к Тьме. Это ваша ноша, Айрин. Вашей семьи. Много веков назад вы дали клятву защищать царство Льен. Держите ее.

Повисло молчание. Предстоятель больше не пожелал возвращаться к поднятой теме, а я размышляла об ответственности, которая сама взвалилась мне на плечи. Служители Треокого неизменно повторяли, что нужно со смирением встречать судьбу, ведь она не принесет ничего такого, с чем человек не сможет справиться, но я все больше сомневалась в этих словах.

— Вы уже второй человек, чьи мысли я не слышу, — призналась, вспомнив о Грасале. Только рядом с князем я не ощущала из-за этого себя дурно, а со служителем появлялось чувство неприятной уязвимости.

— Меня защищает Свет, а вашего друга — Тьма, — охотно пояснил его святейшество.

— Я не говорила, что он мой друг, — насторожилась я, — и вообще откуда вам это известно?

В руках служителя зазвенела связка с ключами. Он нашел среди них нужный и вставил в замочную скважину. Раздался щелчок, и мужчина пропустил меня внутрь.

— Скажем так, я догадываюсь, о ком идет речь. Нам нужно пройти по коридору. Хранилище занимает несколько этажей, но нас интересует дверь, расположенная впереди. Не стойте, Айрин.

— Умение говорить загадками входит в рамки обучения служителей?

Ореховые глаза ненадолго потемнели, но затем в них снова заискрился свет. Уголки губ Святейшества дрогнули в улыбке.

— Только в постижении науки быть предстоятелем, — прозвучал сухой ответ.

Я переступила через порог и расправила плечи. Тьма сгущалась впереди, не давая разглядеть длину коридора. Мысли царапнуло ощущение чего-то знакомого, имевшего место раньше, но не успела я об этом подумать, как служитель поднял руку и щелкнул пальцами, зажигая магически светильники, висящие на стенах. Вспыхнул яркий свет, на мгновение ослепивший глаза.

Тихий шорох за спиной заставил обернуться. Я посмотрела назад, но ничего не увидела. Только подвешенная на крюке лампа, разносящая терпкий запах сандала, едва покачивалась, словно задетая сквозняком. Я тряхнула головой и пошла за Святейшеством, пока он не решил меня торопить.

— Айри-и-ин... — тихо шептал гуляющий по коридору ветер.

Глава 24

— Апчхи! — громко чихнула я и достала одолженный у Нерстеда платок. Глаза моментально заслезилась от покрывающей все вокруг пыли.

Высокие стеллажи ломились от книг, на стенах висели пожелтевшие от времени карты, испещренные короткими пометками и замечаниями. В центре зала вытянулись столы, покрытые горами бумаг. Руки так и тянулись к обтянутым тугой кожей корешкам, безумно хотелось прикоснуться к знаниям, бережно хранимым служителями Треокого и прошедшие испытания временем.

— Не трогайте! — зло шикнул Святейший, видимо, мгновенно распознав это желание по заблестевшим глазам.

— Я и не собиралась, — виновато опустила голову, пряча румянец огненной бабочкой проскользнувший на щеки.

Предстоятель недоверчиво хмыкнул. Послушники, мерно корпящие за переписыванием древних свитков, подняли головы, но, заметив недовольство его святейшества, принялись обратно за дело. Гусиные перья заскользили по бумаге еще быстрее, чем прежде.

Мы продвинулись вглубь помещения, и там я заметила еще одну дверь. Догадка оказалось верной — служитель зазвенел связкой, ища нужный ключ. Тот медяницей зашевелился в его руке, будто наделенный настоящим сознанием и волей, и потребовалось немало усилий, чтобы вставить отливающий рыжевизной стержень в скважину.

Я чувствовала на себе множество любопытных взглядов. Послушники невольно отложили перья, открыв рты наблюдая за действием. Стало понятно, что немногим удалось пройти через запретную дверь.

— Отойдите! — рыкнул его святейшество, но я и сама по наитию дернулась в сторону, увидев поток желтого огня, вырывающегося наружу с диким визгом.

Он пролетел совсем рядом со мной и едва не поджег платье. Пламя распахнуло пасть, точно дракон, сорвавшийся с цепи, и красные языки опалили кожу жаром. Страшный рев еще стоял в ушах, когда огонь уже померк, оставив после себя лишь тонкую струйку дыма. Святейшество отряхнул с мантии серый пепел и вытер со лба пот, выступивший не то от соприкосновения с горячим воздухом, не то от волнения.

— Теперь все.

— Что... Что это было?!

— Защита. Я же предупреждал, нет ничего надежнее хранилища. Прошу, — передо мною появилась приглашающая зайти рука.

— П-после вас, — не решилась воспользоваться галантным предложением.

— Как пожелаете, — ухмыльнулся служитель и прошел внутрь. Убедившись, что его жизни ничто не угрожает, я нерешительно переступила через порог.

Новая комната оказалась меньше предыдущей, но выглядела похоже, разве что книги, хранящиеся в ней, казались старше, а слои пыли на корешках — толще. Его святейшество что-то пробормотал и достал цепь с крупным аметистом. Колдовской камень едва заметно подрагивал в его руках, словно указывая путь.

— Дайте руку, Айрин.

Я нехотя вложила свои пальчики в его ладонь, совершенно не испытывая доверия к предстоятелю. Он двинулся вперед, прямо на забитый книгами шкаф, и, когда уже должен был удариться о дерево, прошел насквозь, просто растворившись при соприкосновении с поверхностью.

— Богиня! — впечатлилась я.

Но мой восторг не продлился долго, вскоре внутрь засосало и меня, ведомую его святейшеством за руку. Во время перехода судорожно зажмурилась, но никакая преграда не помешала пройти по стопам предшественника.

— Можете открыть глаза, — прозвучал насмешливый голос.

Я сощурилась, привыкая к полумраку. Служитель зажег единственную стоящую здесь лампу, и ее хрупкий, практически невесомый свет стеснительно заскользил по стенам. Я оглянулась.

— В этом месте хранятся главные сокровища царства Льен, — благовейно тихо произнес он и аккуратно достал с полки большую книгу. Сдув с увесистого тома пыль, аккуратно перелистнул слипшиеся от времени страницы. — Так... Посмотрим... Викар Фалькс и Итолина Нард...

Святейшество стал водить пальцами по строчкам, выискивая знакомые имена. Я невольно скосила глаза в сторону, тоже рассматривая записи, но он взглянул на меня с выразительностью алчного торгоша, заметившего возле своего кошелья распахнутую клешню вора, и отодвинулся, чтобы я могла любоваться лишь потертым от времени переплетом.

— Нашел!

Служитель нащупал под мантией дощечку и достал ее, чтобы положить на нужную страницу книги. Спустя миг на деревяшке появился лист — точная копия того, что мне требовался. Мужчина достал перо и размашисто расписался, подтверждая подлинность сотворившийся бумаги, а затем капнул внизу воска и поставил оттиск своей печати.

— Поздравляю, ваше высочество. Теперь никто не оспорит ваше происхождение.

Непривычное обращение резануло слух. Несмотря на давнее желание приобрести титул, все обернулось совсем не так, как я того хотела. Но тем не менее сдержанно поблагодарила его святейшество за помощь.

Он отдал мне приобретающую невероятную ценность грамоту и протянул руку, чтобы вывести наружу. Второе перемещение сквозь глухую стену далось значительно легче предыдущего. Служителю не потребовалось потом долго открывать дверь, и она подчинилась без всяких сюрпризов, вроде полыхающих столбов огня.

Снаружи от запретной зоны кипела жизнь: послушники продолжали делать записи и даже не шелохнулись, когда мы появились, боясь продемонстрировать излишний интерес перед очами внимательного предстоятеля.

Я неверяще проследовала за ним наружу, до сих пор слабо представляя, что все прошло так легко. Мы молча вышли в коридор. Неужели все закончилось? Все испытания позади, и я, хвала богине, свободна?..

— Ваше святейшество! — подбежал к служителю запыхавшийся парень. — Простите, что отвлекаю, но там... там... срочно требуется ваша помощь!

— Простите, миледи, дела зовут, — предусмотрительно опустил тот новый титул. — Найдете его светлость самостоятельно?

— Разумеется, — улыбнулась я. — Тем более мы практически вышли. Благодарю за помощь.

— Светлых дней, Айрин.

Служитель направился в противоположную от нужной мне сторону, а я прижала к груди заветный лист и вздохнула. Кто бы мог подумать, какая ценность таится в обычной бумажке! Я еще раз перечитала ее, убеждаясь, что все это мне не мерещится. Викар действительно женился на Итолине, обеспечив какую-никакую, но свободу тогда еще будущей дочери.

Не успела сделать и шага, как позади раздался непонятный шум. Я оглянулась, но никого не увидела. Сердце тревожно забилось в груди, а ладони вспотели от неясного

страха. Жуткий скрежет когтей по полу пробирал до ужаса.

— Кто здесь? — раздался изо рта жалкий писк.

Шорохи повторились, но я ничего не разглядела — весь свет разом потух. Где-то вдалеке слышались шаги, и я было вздохнула с облегчением, подумав о слуге. Возможно, он решил вернуться?

— Ваше святейшество?..

Но ответом мне служило лишь все то же нагнетающее обстановку молчание. Я двинулась с места, едва не переходя на бег. Может, у страха и глаза велики, но это еще не повод не опасаться за свою жизнь. Мне нечего противопоставить серьезному противнику. Из всей защиты — только бесполезный дар, даже кинжала, которым не умею пользоваться, и того нет.

Наконец я нащупала в полутьме ручку и толкнула дверь, надеясь спрятаться в комнате. Это оказалось еще одно отведенное под хранилище помещение, но, видимо, внутри не держали ничего ценного, раз на входе не повесили даже обычного металлического замка. Быстро прошмыгнув туда из коридора, случайно натолкнулась на угол стола и едва не упала. Я выругалась сквозь зубы, коря себя за лишний шум, который явно привлек внимание преследователя. Не замечая боли, пробежала дальше, смахивая лежащие повсюду свитки и книги и уже не пытаясь уподобиться тихой мыши, бегущей от голодного кота в нору.

Гомон позади лишь усиливался. Шаги, удары о пол и жуткий скрежет преследовали меня, куда бы я не делась. Что-то неведомое передвигалось полупрыжками, надеясь добраться до меня и схватить. В голове образовалась пустота, даже мысль взмолиться Берегини о спасении не появилась в мыслях. Меня занимало лишь одно: «Бежать, бежать!»

Когда нечто холодное коснулось плеч, я не сдержалась и пронзительно завизжала от страха и неожиданности. Следом слышался невероятный грохот — это я локтем смахнула стоящие на полках книги. Они посыпались на ноги, явно оставляя от столкновения синяки, но я не почувствовала боли.

— Айри-и-ин.... — имя прозвучало странно, с каким-то гортанным звуком.

Краем глаза заметила сбоку магический светильник, со всей силы вцепилась в торчащую петельку и резко дернула, чтобы лицом к лицу столкнуться со стоящим передо мной чудовищем. Вспышка на секунду ослепила, но затем я вгляделась в обезображенную до не узнавания... морду. В этом создании осталось мало от человека. Не видя подобного превращения раньше, ни за что бы не догадалась, что передо мной — Дамиан Грасаль.

Воспоминания о преображении князя в лесу пронеслись следом за пониманием, кто стоит рядом. С не меньшей решимостью, что и раньше, отступила назад, но натолкнулась спиной лишь на стену. Я судорожно сглотнула, не понимая, что теперь делать. Раньше такие метаморфозы едва меня не убили, кто знает, чего ожидать теперь.

— Д-дамиан?..

Он приблизился ко мне и, тихо фырча, обнюхал. Клыки чудовища сверкнули в опасной близости от моего горла, пасть приблизилась к шее, и язык осторожно лизнул кожу, точно пробуя на вкус. В этот миг в светящихся зеленоватым светом глазах зверя промелькнуло что-то знакомое, что-то похожее на осознанную эмоцию, что-то, выдающее в нем человечность.

— Дамиан...

Я бы сползла по стене, не придержи он меня рукой. Горячее дыхание Грасаля ласкало кожу. Он бережно поцеловал бьющуюся жилку, едва царапая ее острыми зубами. Но несмотря на эту нежность, гнетущее ощущение не пропадало. Я смотрела в его глаза и видела боль, хотя тело не покрывали раны. Эта боль находила не меньший отклик в моей душе. Отчаяние плясало в прикосновениях, заставляя душу сжиматься и сходить с ума от горечи.

Его губы нашли мои...

Я запрокинула голову, подставляя лицо для поцелуев, и растворилась в них — целиком, полностью, без остатка. В этот момент забыла о лежащей в платье грамоте, о грядущем сражении со Тьмой, о предостережениях отца. Ничего не играло значения, даже наши имена. Особенно имена. Я забыла их. Сейчас в храме не было дочери царя Льен Айрин, не было князя Дамиана Грасаля, владельца замка Семи Скал, только мужчина, пусть даже он и не совсем человек, и женщина. Впервые я ощутила себя собой. Настоящей.

Я запустила руку в смоляные волосы, притягивая его ближе к себе. Манящий запах чужой кожи обрушился на меня, ловя сетью паука. Я прилипла к паутине и потеряла желание из нее выбраться. Не хотелось признаваться себе, как по нему скучала.

— Айри-ин...

Зверь исчез, оставив вместо себя знакомое и чуть растерянное лицо. Я приложила к опухшим губам пальцы и с удивлением обнаружила соленую на вкус влагу. Слезы сами текли по щекам, отрезвляя и напоминая, кто передо мной стоит.

Стыд ударил в лицо огненным жаром. Я отшатнулась, потрясенная своим поступком. Как только позволила прикоснуться к себе?!

— Отойди, — с презрением процедила я. — Немедленно сообщу отцу о том, что случилось.

Толкнула его в сторону, продираясь наружу. Предательское сердце неуклонно требовало пойти против заключений разума и прижаться к нему ближе, продлив эту агонию, предвещающую скорую гибель, хотя бы еще чуть-чуть насладиться теплом мужского тела и впитать жар объятий. Мне хотелось причинить ему боль, чтобы он мучился еще сильнее, чем я.

Я ненавидела Дамиана Грасаля за то, что он сделал со мной, но самое главное — за то, что заставил испытать. Желания собственного тела пугали, и этот страх толкал на далеко не лучшие поступки.

— Нам нужно поговорить.

— Не смей приближаться! Ты — чудовище. Ненавижу тебя!

Мне хотелось верить в свои слова, но каждое из них до последнего было ложью. Еще секунду назад я с неистовым жаром целовала это чудовище, а теперь признаюсь в страхе? Нет, какая чушь! Кто поверит в подобное? Но Дамиан Грасаль, судя по поджатым губам, верил, и мне нравилось дразнить его, причиняя еще большую боль и скрывая за этим презрением вовсе не отвращение к нему, а ненависть к самой себе. Только я одна виновата в тех бедах, которые меня постигли, и князь совершенно не причастен к тому, что я испытала привязанность к врагу.

Глаза забегали по комнате. Я чувствовала себя загнанным в угол зверем. В книгах, стоящих на полках не было ничего интересного, кроме возможности не смотреть прямо в очи изменника. Безотчетно мазнула по ним взором, точно чувствуя в этом какую-то важность, и зацепилась за знакомый витиеватый вензель.

И вот тогда вспомнила.

Давний сон. Полумрак, запах сандала и терпкий вихрь аромата мужской кожи, появление Илис... Ее холодный, будто бы осуждающий голос: «Это настоящее». А еще тоска во взгляде Дамиана и горькая фраза, которую я в прошлом подставила под сомнение: «Тогда ты скажешь по-другому».

«Тогда» уже наступило, и я действительно изменилась, став злее и черствее. Есть вещи, которые нельзя простить.

— Достань книгу, — уже спокойнее сказала я. — Прямо позади тебя, из которой торчит закладка.

— Только если ты не собираешься ее в меня бросать, — проворчал Дамиан, выбирая из

стопки нужный том. — В этой части архива нет ничего ценного, если ты хотела что-то найти.

Я осторожно приняла фолиант из его рук, чтобы не коснуться пальцами, и раскрыла на заложённой странице.

— Что там? — скучающим голосом спросил князь.

На секунду я ощутила разочарование. Всего лишь жалкие погодные сводки, ничего интересного, но потом натолкнулась на упоминание своей семьи и прочитала сначала про себя, а затем и вслух:

— Огонь, вспыхнувший после удара молнии, не утихал несколько дней. Его Величество Медон Фалькс лично выделил магов для ликвидации последствий пожара, но даже с их помощью не удалось ничего спасти. На месте монастыря осталась лишь голая земля, которую в народе быстро прозвали «Чёрной пустошью», — подняла голову от записей. — «Чёрная пустошь»... Где это? — на секунду забыв о вражде, задумчиво спросила я.

— На границе с землями верян, на западе царства Льен, — удивленно пояснил он. — Подожди... Дай мне.

Он ещё раз перечитал строки.

— Молния... Она вполне могла не случайно ударить по обители. Если это то, о чём я думаю...

Мы переглянулись.

— То это именно та рана, через которую демоны попадают в наш мир, — договорила вместо князя. — Итак, ты знаешь обо всем. Тогда зачем пошел на предательство?

— Айрин, ну разве ты сама в это веришь? Мне незачем враждовать с Викаром, ведь именно благодаря мне он и получил трон. Лиран Фалькс носит рубиновый перстень. Я должен заполучить его.

Я устало вздохнула.

— Хочешь сказать, это все? Тебе нужно уничтожить демонов, и это послужило тем толчком, почему ты добился власти?

— Не забывай, фиалка, во мне самом течет демонская кровь. Они зовут меня, отдают приказы и искушают, считая, что я обязан подчиниться Тьме. Я слышу их голоса в своей голове. Знала бы ты, какая пытка, противостоять этому давлению... И это не всегда удается. Если я спасу царство Льен, то спасу прежде всего самого себя. Моя обязанность — остановить их и лишить возможности дальше проникать на материк. Высвобождаясь из бездны, демоны не материальны, пока их не призовут, и живут в нашем мире как бестелесные сущности. Но если прочесть заклинание... Многие глупцы по наивности думают, что так приобретут неслыханное могущество, но глубоко заблуждаются. Когда демоны вселяются в человека, они занимают его место и оставляют после лишь пустую оболочку от прежней личности.

— Если закрыть места раскола, то и призвать этих тварей больше не удастся? — понимающе кивнула я. — И они перестанут оказывать на тебя влияние?

— Да. Я для них низшее существо, хотя они и не могут вытеснить мою душу. Моя мать понесла от одержимого, и плодом ее порока стал я. Часть меня, а я убежден, что далеко не маленькая, — Тьма. Боишься, фиалка? — хрипло произнес он.

— Нет.

— Смело. Но глупо. Я вот себя боюсь, — в его смехе проскользнули нездоровые нотки. — С каждым днем я на шаг приближаюсь к Тьме и все больше отстаю от света. Это невозможно контролировать. Настоящий мрак никому неподвластен.

По коже пошли мурашки от его слов. Скрывая страх, сделала вид, что они совершенно меня не волнуют.

— Отлично! Мы поговорили. И что дальше? Как ты вообще меня нашел?

Дамиан склонил голову на бок. Его ноздри слегка раздулись, точно втягивая приятный аромат. Он выглядел как сытый тигр, раздумывающий, напасть сейчас или отложить охоту на потом.

— По запаху.

— Что?! — я всплеснула руками. — Нет-нет-нет! Это же безумие какое-то! Стой там и не смей приближаться.

Грасаль действительно попытался сделать шаг вперед, но моя раскрытая ладонь его остановила. Голова шла кругом. Бессмысленно спрашивать, как он сбежал из темницы. Его внутреннего зверя ничто не остановит.

— Что будем делать, Айрин? — мягкий голос едва ли не гипнотизировал.

— «Мы» ничего. А я должна немедленно сообщить отцу новости.

Вопреки предостережению, князь подошел вплотную. Он заправил мне за ухо выбившуюся из прически прядь, но не спешил убрать руку. Я прижала ее ближе к щеке, наслаждаясь теплом ладони, а затем запечатлела на тыльной стороне легкий поцелуй.

— Отец сказал, что в нашей семье есть еще один дар, передающийся из поколения в поколение. Это способность привораживать к себе людей. Я не умею контролировать эту силу. Но тебе действительно лучше навсегда покинуть меня, ради нас обоих.

— Я знаю, о чем ты говоришь, фиалка. Но магия Фальксов властна над телом, а не чувствами.

Мои глаза удивленно расширились. После этого признания соблазн просто сбежать, чтобы избежать неприятностей, еще больше вырос в душе. Но это было слабостью. Поэтому я собрала с духом и произнесла то, что должна была найти в себе мужество сказать еще давно:

— Я никогда не смогу быть с тобой. Уезжай. Я достойна большего, чем человек, оскверненный Тьмой, к тому же изменник и предатель.

Эта ложь, горькая до безумия и неприятная на вкус, как прокисшее молоко, — то благо, в котором мы оба испытывали необходимость. Наш союз никогда не имел право на существование. Судьба лишь посмеялась, помахав перед носом шансом, что все возможно иначе.

— Уезжай...

Я молила и проклинала. Дамиан Грасаль мог с легкостью улизнуть от ищеек, поймавших его след, но привязанность ко мне вынуждала делать непростительные ошибки.

И как всегда, он видел меня насквозь... Это не помешало бывшему советнику его величества исчезнуть, просто растворившись в воздухе. Я поняла, что Тьма действительно забралась в его сердце куда дальше, чем хотелось бы. Раньше такого дара у князя не было.

— Это не прощание, Айрин, — донеслось откуда-то из темноты.

Глава 25

Негодующая буря практически успокоилась, когда мы с князем Нерстедом покинули храм. Дождь все еще мерно накрапывал по крышам, отбивая успокаивающую мелодию, с золоченых листьев деревьев скатывались блестящие капли, а посвежевший после грозы воздух заставлял вспомнить об уютном доме, где ждет тепло разожженного камина и ароматный чай. Небо посветлело: сквозь растворяющиеся тучи проглядывали яркие лучи солнца, казавшиеся гораздо светлее обычного на фоне глубокой сини.

— Вы нашли, что искали? — спокойно поинтересовался Нерстед.

— Более чем, — ответила ему, залезая в экипаж.

И вот снова застучали колеса, лениво перекатываясь по выложенной камнем дороге... Я отодвинула штору от окна и, придерживая край ткани пальцами, нехотя вгляделась в оставленный позади пейзаж. Ничего не указывало появление Дамиана Грасалья. Стражи, патрулировавшие улицы, даже не догадывались, что искомый человек только что улизнул прямо из-под их носа.

Когда мы проехали через ворота и попали на территорию дворца, в душе появилось какое-то неясное волнение. Я напряглась, целиком погружая в мысли направляющейся по своим делам прислуги, и вздрогнула. Это случилось! Лиран Фалькс здесь.

Но как его удалось удержать? Неужели стражи нашли, как остановить Тьму и не дать ей вызволить кузена на свободу?

Едва экипаж остановился, я подхватила юбки и, на ходу попрощавшись с Нерстедом, поспешила к царю. Стражи словно не замечали меня, погрузившись в хлопоты, сопровождавшие перемены. Еще бы! Когда-то на Лирана Фалькса возлагались большие надежды. Люди считали его единственным претендентом на трон, пока Дамиан Грасаль не обнаружил скелет, прячущийся в семейном шкафу царского рода, и не разыскал Викара. Теперь цесаревич снова вернулся, правда не в окружении сияющей свиты и не с короной на голове, а в тяжелых кандалах, источающих холодный блеск железа.

Меня остановили лишь перед кабинетом монарха:

— Туда нельзя.

— Пропустите, мне назначено.

Можно было бы, конечно, помахать перед их носом бумажкой с вензелем Святейшества, но сейчас не время и не место открывать свое происхождение.

— Имя?

— Айрин Сольн.

Я уже зашла внутрь, когда краем уха услышала, как приятель отчитывает проявившего излишнюю бдительность стража:

— Бестолочь! Это бастарда царя. В какой глуши ты провел последний месяц, если не знаешь?

Но вот двери закрылись, и я натолкнулась на чуть растерянный взгляд монарха.

— Айрин?..

Викар пребывал в явном смятении, и имя ему — Шанталь. Царица, сидящая в кресле, просто светилась от счастья. Ее радость оказалась столь велика, что мой неожиданный визит даже не заставил брезгливо поджать губы. Неужели ее величество так обрадовалась схваченному Лирану Фальксу?..

Я быстро одернула себя и присела в реверансе. Шанталь та еще «приятная» особа, но эта особа — царица Льен. Не стоит забываться в ее присутствии.

— Айрин, как чудесно, что вы пришли! — в свойственной ей воркующей манере

воскликнула жена Викара. — Теперь вся семья в сборе.

Последнее, прозвучавшее из ее уст, едва не побудило передернуться от отвращения. Беглый взгляд на отца говорил, что он совсем не рад моему приходу. Царь всеми силами старался думать о чем угодно, кроме новости, которую ему сообщила супруга минуту назад. Да, он надеялся скрыть эту весть от меня, но мысли в голове — не произнесенные вслух слова, которые дают возможность решить, что сообщать, а что оставить при себе, и не хотели быть тайной.

Шанталь же, наоборот, распирало от желания поделиться произошедшим. Она положила руку на свой все еще плоский живот и ласково погладила его под недовольным взглядом монарха. Викар достаточно продемонстрировал, как относится к разглашению секрета, но жена проигнорировала его чувства. Интересно, сколь долго отец собирался после услышанного скрывать положение супруги?

— Хвала небесам! — победоносно провозгласила ее величество. — Я беременна. Скоро у Викара появится наследник. Даст Треокий, это будет мальчик.

Правительницу наблюдали самые лучшие лекари. Не стоило сомневаться в их решении. Шанталь действительно понесла! Ноги невольно подкосились. С трудом удержав равновесие, я села в кресло. Когда-то это бы все равно случилось... Но как же до безумия хотелось оттянуть момент! Теперь царица еще больше упрочит положение. Ей уже поклонялся народ, но после рождения наследника она станет в глазах людей едва ли не настоящей святыней.

Шанталь быстро подстроилась под новые условия, став для жителей царства практически родной. Даже сейчас, когда ее никто посторонний не слышал, она обратилась к Треокому, хотя изначально чтит других богов.

После всего произошедшего стоило потерять надежду отомстить за смерть Ксаны и еще больше обеспокоиться за свою жизнь. Ее величество была готова добиваться своей цели, продирая путь когтями и клыками и никого не щадя на своем пути.

— Ч-чудесная новость, — не сразу нашлась я.

— По этому случаю скоро состоится бал, — вмешался отец. — У нас будет несколько поводов для праздника.

Отец имел в виду и беременность супруги, и победу над давним врагом, и объявление уже взрослой дочери великой княжной.

«Прости, — посмотрел на меня папа. — Хотел все рассказать лично. Но Шанталь... Она не удержалась».

Теплая, мечтательная улыбка осветила лицо Викара. Он был рад. Несмотря ни на что, рад. В конце концов, он любил эту женщину, хоть и не такой страстной и сильной любовью, какая знакома юнцам, и всегда хорошо относился к детям. Вот оно, исполнение его желаний, — большая семья и покой. Только в эта семья не могла похвастаться ни сплоченностью, ни поддержкой...

— Что это у вас, милая? — глаза Шанталь «нащупали» бумажку, которую я уже не знала, куда деть.

— А это, — сказал отец, подходя ближе и приобнимая меня за плечи, — вторая чудесная новость за сегодня — подтверждение того, что Айрин — моя законная дочь.

— Что?! — резко подскочила его супруга.

По комнате вихрем закружились снежинки, ветер разметал по столу листы, и возник такой холод, что я пожалела об отсутствии рядом плаща, чтобы накинуть на плечи. Вид обычно сдержанной царицы позабавил: волосы разметались, на щеках появились лихорадочные пятна. Шанталь потеряла дар речи и стояла, раскрыв рот, как рыба, выброшенная на сушу.

Вся показная симпатия ко мне исчезла в один миг. Она прожигала меня таким взглядом, полным ненависти, какой не обращают друг на друга даже злейшие враги. Маска

лицемерия сползла с лица Шанталь, обнажая истинную гнилую насквозь натуру.

Я не удивилась такому преображению, а вот для государя подобное было в новинку. Заметив, как он нахмурился, царица попыталась взять себя в руки, но прежние сладкие нотки в голосе теперь звучали просто смешно.

— Но дорогой... Ты ведь не говорил, что собираешься признать бастарду.

— Я не вижу в этом ничего, что стоило бы обсуждать. Ты же сама не раз утверждала, как расположена к Айрин.

— Она чудесная девушка, — поджав губы, быстро взглянула на меня Шанталь, — но не имеет достаточно манер и умений, чтобы быть великой княжной. Это большая ответственность! Разве ты не хотел оградить ее от интриг придворной жизни?

— Я действительно этого желал, — улыбнулся Викар. — Но потом вмешалась твоя сестра.

— Аиша подобрала для Айрин хорошую партию. Милая, — обратилась царица ко мне, вдруг вспомнив о моем присутствии, — я знаю, как страшно выйти замуж за человека, которого никогда не видела. Но поверьте мне, о таком союзе можно только мечтать! Это достойный и знатный муж, который, я уверена, обеспечит вас всем желаемым. Его земли богаты, а слуги учтивы. Прости, дорогой, но не один князь царства Льен не сможет предложить твоей дочери подобного.

— Значит, ты знала? Знала, для чего королева Сагасса приняла Айрин в свой род?

— Ну, конечно, — нервно рассмеялась Шанталь. — Мы все должны быть благодарны ее величеству за помощь. Викар, всем отцам тяжело отпускать дочерей. Но дети рано или поздно вырастают, и им пора вылетать из гнезда. Айрин не сможет вечно жить здесь.

— Сможет, — упрямо возразил царь, — если понадобится.

— Я не желаю выходить замуж за незнакомца, ваше величество, — процедила я Шанталь, — и не вам вершить мою судьбу.

— Милая, вы мне еще «спасибо» скажете! О таком супруге, союз с которым вам предложили, каждая девица мечтает.

— Достаточно, — остудил ее намерения царь. — Я не желаю это больше обсуждать.

— Как тебе удалось уговорить его святейшество подписать подобную грамоту? — кинув взгляд на бумагу, спросила Шанталь у Викара.

— Ему не пришлось, — с немалым удовольствием сообщила я. — Ведь заверить уже давно свершившийся факт — обязанность предстоятеля, а не блажь.

Царица побледнела.

— Что это значит? Викар... Ты... Ты...

— Да, я был женат. Говоря, что Айрин — моя законная дочь, я имел в виду, что она с самого рождения была Фалькс.

Это известие окончательно сразило Шанталь. Она патетично прижала ладонь ко лбу, словно ее ударили.

— О боги! Кто еще об этом знает?

Я закусила губу. Напряжение в комнате все нарастало. Я чувствовала себя канатоходцем, балансирующем на протянутой через пропасть веревке. Каждое лишнее движение, каждое неосторожное слово могло стоить жизни. Я нашлась с ответом еще до того, как Викар успел взять слово:

— Достаточно людей.

«Так, Айрин, соберись, — жестко приказала себе. — Она не должна догадаться, что все

это — ложь».

— Его святейшество, разумеется, остальные служители, присутствовавшие при получении грамоты, князь Нерстед, сопровождавшая нас прислуга... Всех не перечислить.

— Прислуга, — задумчиво причмокнула Шанталь.

Я уловила ее мысль, где челядь — там и сплетни. Достаточно узнать секрет одному, как через мгновение ока тайна откроется всему двору.

«Неблагодарная дрянь! — уставилась в мою сторону царица, притронувшись к кулону, которого я не видела на ней раньше. — Клянусь всеми богами, я уничтожу тебя. А Грасаля, наградившего этой побрякушкой на голове, заставлю так мучиться, что он будет умолять о пощаде. Не думай, что завладеешь тронem! Ты всего лишь девчонка. Носить корону будет только мой сын!»

Я ощутила себя так, словно меня крепко приложили о лед. В голове гудело, как после удара, все тело болело и покраснело от холода.

Черный бриллиант, острием смотрящий в корсаж царицы, явно появился на шее неслучайно. Каким-то образом ей удалось выведать о силе сапфировой диадемы, и Шанталь нашла достойное оружие против нее.

— Ваше величество, проверьте покои супруги. Уверена, в них вы обнаружите следы яда. Маги подтвердят — точно такой же был в напитке, оставленном в моих комнатах. И да, папа, будь осторожнее с князем Сельм-Рамстом. Он больше служит ей, а не тебе, — процедив все это, немедленно покинула кабинет, оставив их разбираться между собой.

Последнее, что я увидела прежде чем закрыть дверь — обезумевшее от ярости лицо Шанталь и ошарашенный отец. Не стоило сомневаться, царица будет отпираться до последнего, а значит, мне нужны были веские доказательства, чтобы убедить царя в обратном.

— Стража! Немедленно разыщите лорда Брайля и велите ему прийти ко мне, — в спешке отдала приказ и направилась в покои дожидаться Жерома.

Волнение дикой кошкой скреблось в душе. Я не находила себе места. Подойдя к своим комнатам, едва не налетела на уже знакомых дам. Они все так же увлеченно шушукались, опомнившись, лишь когда я практически наступила на подол.

— Ах, князь такой мужчина! Хорош собой, знатен, богат... Одно плохо — женат.

— Когда это вас останавливало, милочка? — усмехнулась вторая и моментально переменялась в лице, обнаружив мое присутствие.

Я кинула на них недобрый взгляд и скрылась в комнате. Хотелось метаться, как тигр в клетке. Время в ожидании тянулось бесконечно. Я сцепила пальцы, размышляя о будущем. Когда терпение уже практически иссякло, в моей гостиной появился Жером.

— Миледи.

Как всегда неукоснительно вежливый и одетый с иголочки, по последней светской моде в камзол светлых тонов, он склонил голову в поклоне. Я махнула рукой, показывая, что сейчас не самое удачное время для формальностей.

— Вам не удалось найти доказательства причастности ее величества к моей жизни?

Он неодобрительно поджал губы, коря за излишнюю откровенность, когда разговор могли подслушать.

— Факт встречи со слугой не оставляет сомнений. В остальном — пустые догадки. Доступ в ее спальню закрыт. Возле царицы находятся только проверенные временем, неподкупные слуги, приехавшие из Сагасса, а новых любовников она пока еще не спешит заводить.

— Любовников?.. — опешила я и тут же тяжело вздохнула. — Подтверждение встречи... Уже лучше, чем ничего.

— Этого мало, что обвинить особу королевских кровей.

— Поздно. Я уже это сделала.

— Вы... что?! Айрин... — устало протер веки Жером. — Вы ведь понимаете, сколь неосмотрительно поступили? Ваше слово против ее ничего не значит, а царица теперь, когда знает, что вы все выяснили, оборвет концы, и уже ничего нельзя будет сделать.

Я заломила руки и села на кушетку.

— Знаю... Но хочется надеяться: мое слово что-то значит для отца. Остальные меня не заботят.

Жером покачал головой.

— Глупая, глупая девчонка. Во дворце нельзя слепо доверять чувствам, если хочется выжить.

Ну и пусть глупая! Зато не черствая как сухарь, подобно придворным. Уж они-то точно бы все рассчитали!

Да, я совершила ошибку, но ведь все нормальные люди допускают промахи? Это не повод меня отчитывать в конце концов!

Я подошла к окну и отодвинула штору, впуская в комнату свет. Взгляд невольно упал вниз. Я замерла, совсем забыв, что собиралась ответить.

— Разве сейчас подходящее время для прогулок? Все дороги, кроме главной, развезло... И то кучер переживал, что нам придется искать ночлег поблизости... — пробормотала я, невольно вспомнив мысли везущего нас с князем мужчины.

— На одну из конюшен упало дерево.

Я резко обернулась.

— Боги! Никто не пострадал?

— Не волнуйтесь, — успокоил Жером. — И звери, и люди целы.

Он подошел ближе и, тоже выглянув наружу, добавил:

— Но, видимо, конюху все-таки пришлось увести часть лошадей...

— Красивая, — обратила внимание на смоляную красавицу, которую как раз вели под уздцы. Даже издали было видно, как перекачиваются мышцы под шкурой. Гладкая шерсть переливалась на солнце, отливая синевой.

— Чистокровный арманьельский мустанг... — с придыханием произнес лорд.

Он улыбнулся, но как-то вымученно, и потер подбородок рукой. А вот в голубых глазах появились яркие искры, вспыхнув звездами на утреннем небе.

— Хотите такую же? — кивнула на скрывающуюся из виду кобылу.

Жером тяжело вздохнул, запуская пятерню в пшеничные волосы.

— Они прекрасны, но стоят на вес золота. Завидую тому богачу, который может позволить себе подобную роскошь!

— Возможно, это лошадь царя...

— Нет, Айрин, вряд ли. У его величества личная конюшня, и за ней следит совершенно другой человек.

Такая осведомленность удивила. Вероятно, шпион Грасаля действительно сильно

влюблен в лошадей, раз столько знает про их содержание при дворе. Я быстро сообразила:

— Так вы не видели эту кобылу раньше? Значит, она появилась совсем недавно...

— Нет, если бы такое сокровище привезли давно, я бы уже знал. Настоящий арманьельский мустанг! Здесь, в Мауроне! Кто бы мог подумать...

— И кому подобное по карману?.. — задала я в вопрос в пустоту. Лорд не ответил, с сожалением поворачиваясь спиной к окну.

— Уж точно не мне, — усмехнулся он.

— Жером, прошу вас, узнайте, кому принадлежит лошадь и кто из князей в последнее время допустил совершенно неоправданные траты.

— Леди напала на след? Хорошо, я сделаю все возможное.

Лорд откланялся и ушел выполнять мое распоряжения. Оставшись одной, я долго стояла возле окна, вглядываясь в разгорающийся закат. Оранжевые лучи подожгли небо, осветив его багряными всполохами. Рыжие пятна бликующего света смотрелись как веснушки на коже Ксаны. Но потом все померкло, и яркие краски исчезли, уступив непроглядной синеве ночи. Она накинула на город бархатные объятия, погружая один дом за другим в сон.

Когда в комнате стало совсем темно, я наощупь достала свечи и с зажженным канделябром направилась в спальню. Открыв дверь, замерла на пороге, едва не заорав от страха. На кровати по-хозяйски разлегся темный зверь и немигающе уставился в мою сторону золотисто-зелеными глазами.

Не то огромная собака, не то дикая кошка, грациозно потянулась и зевнула, невзначай демонстрируя острые, как верьянские клинки, клыки. Я попятилась.

Если до этого превращение Грасаля не так затрагивало фигуры, то теперь передо мной предстало настоящее животное, не наделенная ничем человеческим. Я в шоке застыла, не зная, как вести себя с неожиданно появившейся «зверушкой» и медленно, стараясь не создавать лишнего шума, поставила канделябр на прикроватный столик.

Чудовище внимательно уставилось на меня огромными глазищами, не спеша подниматься с постели, но и не оставляя сомнений в том, что потребуется всего миг и эти милые зубки сомкнутся на моей жалкой шее.

— Дамиан? — тихо позвала я.

Зверь оскалился и зарычал, не двигаясь с места. Мысленно ругая всеми словами князя за неосмотрительность, подобрала юбки и аккуратно избавилась от стучащих каблуками по полу туфель. Ноги в шелковых чулках обдало холодом.

Ночной гость вроде немного успокоился, но все еще смотрел с угрозой и немым предостережением в пылающем зоре. Я сделала первый шаг ему навстречу и остановилась, проверяя реакцию. Чудовище, занявшее место Грасаля, не шевелилось. Чуть осмелев, подошла еще ближе.

Существо выглядело сотворенным из тьмы и ночи, а не плоти и костей. Полупрозрачная и тлеющая дымом на концах шерсть немного вздымалась, окутывая тело. Только глаза ярко сияли во мраке, как зажженные свечи, только источали не теплый, а какой-то холодный свет.

— Тебя нельзя здесь находиться, — четко произнесла, глядя в эти светящиеся огоньки.

Мне показалось или зверь действительно насмешливо фыркнул? Я вопросительно приподняла брови, вглядываясь в нахальную морду.

— Тебя везде ищут!

Он склонил голову, глядя, как собака на нерадивого щенка. Я уперла в бока руки, уже

начиная злиться.

— И вообще мало ли, где ты шляется! Служанка только заменила белье. А если блохи?

Наверное, если бы он мог закатить глаза, то сейчас бы это сделал. Насмешливый взгляд говорил: «И как в этой чудесной, сотканной из невесомой тьмы, шерсти, способны обжиться насекомые? Разве какие-то мелкие твари способны осквернить подобное совершенство?»

— Не знаю, какие-то другие блохи... демонические, — совсем обескураженно сообщила я и поняла, что уже сама улыбаюсь.

Зверь вытянулся и закрыл лапой морду. Но я поняла, что он уже не злился. Огонек сознания пробудился в этом свирепом существе, и уже не нужно было так беспокоиться за свою жизнь.

— Ну раз блох у тебя нет, то я могу погладить?

Несмотря на бодрый голос, жутко нервничала. Он не мог не чувствовать эту волну тревоги от меня, но не подавал вида. Завороженно протянула руку и коснулась полупрозрачной шерсти. Часто дыша, зверь развернулся и обнюхал мою кисть, чтобы окончательно успокоиться. Зубастая пасть чуть приоткрылась, и я уже едва отскочила прочь, когда возле пальцев показался шершавый язык.

— Х-хороший мальчик, — заикаясь похвалила я.

Я задумчиво погладила зверя. Ощущения были довольно странные. Шерстинки щекотали кожу, как гусиное перо. Наверное, то же можно испытать, прикоснувшись к потоку теплого воздуха, скользящего по ладони. Существо чуть прикрыло глаза, явно готовясь задремать.

— Дамиан?

Он не повел и мордой, только удобнее обустроиваясь на кровати. Ну и отлично! Только невиданного животного, от которого не знаешь, что и ждать, мне не хватало в соседях! Я насупилась, но он будто не заметил моего недовольства, кладя голову на подушку. Единственную, между прочим! Ну, ладно, на удобстве дочери царь не поскупился, и подушек все-таки было несколько. Но это самая любимая!

— Спи! — пригрозила я. — Но если кто-то придет, не думай, что буду выгораживать!

Мерное дыхание засыпающего гостя послужило мне ответом: кто сунется ночью в спальню к леди? Хотелось надеяться, что утром не придется приводить в себя служанку, зашедшую помочь госпоже. Смирившись со своим положением, я направилась в ванную. Посвежев, натянула самую закрытую из ночных рубашек и легла рядом на кровать. Там на мгновение задумавшись, обхватила зверя рукой и задремала, уткнувшись носом в невесомо-мягкую и удивительно ничем не пахнущую шерсть.

Где-то рядом раздался тихий треск, но, расслышав его сквозь сон, я даже не пошевелилась, не придавая значения возможной опасности. Все тревоги улетучились, оставшись где-то там за чертой, отделяющей царство сновидений от холодной яви...

Глава 26

Тысяча мелких иголочек впивалась в кожу, разнося ноющую боль. Я вытащила из-под щеки затекшую руку и перекатилась на спину, распластавшись на постели в позе звезды. Цепочка событий прошедшего дня восстанавливалась с трудом. Сладко зевнув, медленно протерла глаза и так резко подскочила, что даже в ушах застучало.

Взгляд упал на вторую половину кровати. Пусто! О ночном визите напоминали только вмятина на простыне да подушка, небрежно лежащая в изголовье. Легкий флер мужского запаха щекотал кожу.

Я пригладила взлохмаченные волосы. Все внутри сжималось от непонятного чувства. Не заметили ли придворные ничего подозрительного? Я напряглась, вслушиваясь в какофонию чужих мыслей, и облегченно вздохнула — обошлось. Темный зверь сбежал, оставив вместо себя лишь призрак щемящего сердце сожаления.

Я поставила ступни на холодный пол и замерла. Послышалось? Вряд ли. Из ванной комнаты доносился тихий плеск, вода звенела и пела. Приглушенные звуки сливались в напряженную мелодию, будоражащую что-то в душе. Она стягивала нутро в тугий узел, не позволяя спрятаться от волнующих мыслей. Наваждение кружило голову крепленным вином.

Интересно, в каком облике князь мылся — в том, что предстал ночью, или в ином... настоящим?..

Воображение сразу нарисовало горделивую статью Грасаля, заставив облизнуть пересохшие губы. Вот он медленно приблизился к еще с вечера набранной лохани и ослабил шейный платок. Золотистый шелк заскользил по шее и упал вниз, на серый камень. Темные волосы, заискрились в свете зажженных в углах комнаты свечей.

Вот пальцы Дамиана нащупали пуговицы на черном, отдающем изумрудной зеленью камзоле, и князь сложил верхнюю одежду на столик. А дальше с его плеч скатилась белоснежная сорочка из тонкого полотна, обнажая бледную, несмотря на недавнее лето, кожу...

Я обратила взор на широкие плечи, с любопытством задержалась на груди, спустилась вниз на упругий живот. Темная дорожка волос исчезала в обмотанном на бедрах полотенце. Дыхание перехватило от странной смеси вожделения и нетерпения. Чего-то хотелось... Но чего?

Я спешно перевела взгляд выше и уставилась в насмешливые глаза. Грасаль, абсолютно обнаженный, если не считать нелепого куска ткани, надетого лишь для того, чтобы потом его снять, молча стоял, самодовольно упершись руками в бока. Сколько времени уже прошло? Как давно фантазии обрели плоть и кровь?

Я закусила губу. Легкая растерянность пробежалась маленькими мурашками по коже. Внизу живота зародился жар, вспыхнувший, как сухая трава от неосторожной искры. Я сцепила ноги плотнее, не в силах погасить этот огонь.

На волосах князя блестела вожделенно-холодная влага. С груди скатывались прозрачные капли воды, исчезая за краем белого полотенца. В душе пробудилась незнакомая ранее жажда, и я опустила взор ниже, чтобы со всем интересом уставиться на мокрые следы под ногами Грасаля. Попытки подумать о чем-либо другом, кроме только что вышедшего из ванной мужчины, увенчались крахом.

Молчание слишком затянулось. При этом Дамиан держался с уверенностью человека, знающего будущее наперед, а я с головой погрузилась в игру, правил которой не знала. Что случится, если я проиграю? Чутье подсказывало: оступлюсь — и буду вечно сожалеть о неудаче.

Князь позволял разглядывать себя. Я изучала его, хищника, запертого в людском теле, слепо веря, что зверь не нападет, но стена между нами существовала только в моем воображении.

Я тяжело дышала, словно только что завершила пробежку.

Ноздри хищника раздувались, втягивая аромат моего желания. Он не спешил, зная, что жертва уже попала в силки.

Я вцепилась пальцами в простыню, но она не могла меня спасти. Ничто не остановит тигра, уже сделавшего прыжок.

— После подобной выходки ты обязан на мне жениться.

Голос прозвучал неожиданно хрипло. Я прочистила горло, исподлобья разглядывая на шаг приблизившегося Грасаля. Неужели он забыл, принимать ванну в покоях девицы, особенно государевой дочери, мужчине, обреченному этим же самым царем на казнь, — не самая лучшая мысль? Кто-кто, а Дамиан Грасаль совершенно не представлялся мне в роли заботливого супруга.

Он фыркнул.

— Обязан, только если меня заметят. Но этого не случится.

Я задумалась на мгновение.

— А если закричу?

Взор упал на мужскую грудь. Он стоял так близко, что я видела каждый волосок на бугрящихся мышцах. Досадливо закусил губу, смотря на Грасаля снизу вверх. «Поза подчинения», — участливо напомнило сознание.

— Кричи, — парировал князь. — Я не запрещаю.

Я набрала в рот воздуха, всем своим видом демонстрируя, что действительно готова это сделать, но он даже не пошевелился.

— Думаешь, не смогу?

— Нет, полагаю, что никто не услышит. Я накинул на комнату полог тишины и наложил на дверь запирающее заклятье.

В его глазах промелькнуло нечто такое, что я вдруг вспомнила, в каком виде пред ним предстала. Сорочка, хотя и скромная, едва скрывала фигуру, а вставки из сельмского кружева открывали куда больше, чем хотелось бы. Кожа вдруг стала необыкновенно чувствительной. Даже самая нежная ткань казалась наждачной бумагой, но вместо того, чтобы раздеться, избавившись от нее, я медленно встала и небрежно накинула на плечи шелковый халат. Пусть думает, что совсем меня волнует.

— Я же просила уйти, — едва слышно произнесла я.

— Разве ты сама веришь, что это возможно? — дыхание Дамиана защекотало ухо. Я вздрогнула, не заметив, как он подошел.

Он обогнул меня по кругу, встав так близко, что я ощутила дурманящий запах мужской кожи — такой особенный, который отличает лишь его. Князь медленно, давая шанс пресечь это действие, развязал пояс халата, путами связывающий мое целомудрие. Я сама не заметила, как дернула плечами, сбрасывая ненужную ткань вниз. Дамиан очертил овал моего лица, провел тыльной стороной ладони по шее и коснулся пальцами лямки сорочки. Тонкая нить соскользнула на предплечье...

Я подалась вперед и впиалась поцелуем в его мягкие губы. Как же сильно этого не хватало! После долгого холода, сковавшего отношения льдом, вспыхнувшая искра грозила перерасти в непотухающий пожар.

Я вцепилась в плечи князя, притягивая ближе. Мне хотелось ощутить на себе тепло его кожи и захлебнуться в запахе. Медленно изучать тело Дамиана и воплотить в жизнь потаенные желания. Поддаться искушению и таять под нежным натиском врага. В какую-то секунду я не сдержалась и слизала оставшуюся после купания влагу с его груди. Сладкая горечь осела солью на языке.

И вот он мой, весь мой... А я могу делать, что захочу.

Глаза вожделенного мужчины резко потемнели.

— Это на всех женщинах так сказывается жизнь в монастыре?.. — в голосе послышалось нотки восхищения. Я приподняла голову, в глазах, наверняка, стоял шальной блеск. Опыневшая от князя, я не скрывала своих чувств. — Ты сводишь меня с ума, фиалка...

Дамиан приподнял мой подбородок, снова целуя. Его язык раздвинул готовые подчиниться губы, и я растворилась в этом мгновении, не стыдясь своего порыва. Слова о защите на комнате подействовали магически. Я забыла, что во всем мире есть еще люди, кроме нас. Все стены рухнули. Предубеждение, разочарование, мстительная ненависть... Ничто не имело былого значения. Только я и он.

Мне было достаточно Дамиана. Хотя нет, его мне постоянно мало...

Грасаль нащупал край сорочки. Я нехотя прервала поцелуй и вытянула руки, позволяя снять ее с себя. Не смущаясь наготы, словно не в первый раз предстала перед мужчиной голый, легла на спину, позволяя лицезреть себя целиком. Я манила его взглядом, я приглашала его приблизиться, я была совершенно одурманена. Лопатки защекотал холод простыней, но даже он не отрезвил помутненный разум. Дамиан смотрел... так, что казалось, ласкал взором.

— Айри-ин...

Я казалась себе иной — неожиданно чувственной, открывшей в себе ранее незнакомые грани, и не стеснялась желаний собственного тела, какими бы греховными они ни были. Напрасно, внимала наставлениям в монастыре, в ответственный момент они просто выветрились из головы. Но я не сомневалась в своем решении. Лучше один раз познать любовь с желанным мужчиной, чем ненавидеть каждую ночь в объятиях опостылевшего мужа.

— М-м-м... — пробормотала я, не в силах говорить членораздельно, пока Дамиан оставлял дорожку из поцелуев. Сначала шея, потом ключицы, затем еще ниже... Я, как железо, плавилась от тепла его рук, податливо принимая нужную форму.

— Айри-ин... — еще одно прикосновение, и я выгнулась дугой. — Ты уверена?

Его губы остановились возле внутренней поверхности бедра. Ожидание слишком затянулось. Я дернулась, соблазняя прикоснуться, и, о, богиня, как же это хорошо...

Уверена ли я? Демоны раздери, да какие могут быть сомнения?! Плевать на поруганную честь, на громкие титулы и осуждение. Мне все равно, если пойдут сплетни. Я давно этого желала! Я хотела его прямо сейчас и не могла думать ни о чем другом. Взгляд остановился на выпуклости на полотенце. Вместо ответа убрала кусок разделявшей нас ткани.

Облизала губы.

— Сейчас или никогда.

Дамиан издал рык. Крылья его носа раздувались, впитывая мой запах с вожделением человека, зависимого от дурного порошка. Зверь внутри был готов напасть, подчинить себе. Я не сопротивлялась вторжению, наоборот, застыла в волнительном ожидании. Дыхание замерло на губах. Он был совсем близко, но еще слишком далеко.

— Дамиан...

И вот он во мне. Я горела им и плавилась от каждого прикосновения. Огонь бежал по моим венам, но вместе с ненасытным удовольствием внутри воспламенялась боль. Грасаль накрыл мои губы своими, стирая готовый сорваться крик. Рука поглаживая легла на низ живота, источая спасительный холод. Неприятные ощущения растворились без остатка, и на смену целительской магии пришла другая, но куда более сильная — магия любви.

Его руки скользили по телу, изучая изгибы и задевая те точки, о существовании которых я и не догадывалась. Я не знала, что умела так чувствовать, так желать кого-то, так прикасаться. Он играл со мной, как опытный музыкант на наале. Я откликалась на эти

ласки, тянулась навстречу с его именем на устах и млела от удовольствия. Взгляд зеленых глаз прожигал насквозь, и я расцветала под ним, не сдерживая себя и не побуждая остановиться. Дамиан, Дамиан...

— Дамиан!

Он был везде. Я стала его частью. Мы слились, и это казалось таким естественным и закономерным, что я не знала, как жила прежде. Прошлое покрывала серая пелена, и лишь его присутствие привносило в мир яркие краски.

Дамиан дразнил, водя языком по моей коже, и искушал, провоцируя на ответные действия. С тихим стоном укусила его в плечо, раззадоривая сидящего внутри мужчины зверя. Напряжение все нарастало. Я дрожала от возбуждения, собственное тело казалось натянутой струной. Все чувства разом обострились, а в груди бурлила сила, готовая вот-вот прорваться на поверхность.

— Сладкая моя... — зашекетал ухо шепот. — Желанная, нежная...

На какой-то миг мы встретились взглядами, и я ощутила, как камень за камнем рухнула стена защиты князя. Меня закружило в вихре его чувств. Стихийные потоки подхватили и вцепились в горло, не позволяя отличить свои эмоции от чужих. Опыняющая страсть хлынула наружу, сметая все, что было на пути. «Моя, моя...» — звучали его мысли. Я захлебывалась в них, с ненасытностью впитывая каждое слово.

Я подалась вперед, изнемогая от желания. Кажется, умоляла его не останавливаться, но Дамиан точно дразнил, растягивая удовольствие. Мне хотелось большего, но я сама не понимала, чего. А потом это случилось. Когда напряжение выросло до предела, сердце забилось так часто, словно было готово вырваться из груди, и наслаждение волною свело тело. Тяжело дыша, я обмякла на кровати.

Дамиан приподнялся и лег рядом, по-прежнему прижимая к себе. Его руки выводили замысловатые узоры на моей груди, нежно касаясь кожи. Мужское семя стекало с внутренней поверхности бедер, точно метка принадлежности к врагу, но я не торопилась ее смывать, продлевая волшебный момент.

Но все хорошее когда-нибудь заканчивается.

Я положила голову на бок, всматриваясь в его лицо. Грасаль не скрывал усталости, а вот я была полна силы. Она клокотала во мне, требуя вырваться наружу. Никогда не ощущала ничего подобного! Я провела пальцем по его губам, вслушиваясь в мысли. Почему их больше ничего не скрывает?

Я видела себя глазами Дамиана. Бледная, с лихорадочным румянцем на губах и распухшими от поцелуев губами. Черные волосы разметались по постели, и некоторые пряди завились кольцами, прилипнув к вспотевшей шее. Глаза блестели, как настоящие сапфиры. Грасаль любовался мной, наслаждался теплом тела и бархатностью обнаженной кожи, благоухающей глубоким запахом розы.

Я наклонилась и осторожно поцеловала его, легко коснувшись губами. Сила тысячью иголок вонзилась в плоть, заставив отпрянуть.

— Что... случилось? — хрипло произнесла вслух. — Это ведь я, да?

Больше всего боялась отвращения в его взгляде, но князь смотрел все так же — со смесью восхищения и ненасытного вожделения.

— Родовая магия Фальксов, — без всякого чувства сказал он. — Забыла? Ты восполнила недостаток сил за счет тех, что я был готов дать. Не бойся, ты научишься это контролировать, фиалка.

«Фи-ал-ка» — так сладостно и одновременно горько прозвучало это слово из его уст. В нем словно заключалось нечто большее, чем казалось на первый взгляд. Фи-ал-ка...

Воодушевление моментально улетучилось, уступив место гнетущему чувству, поселившемуся в душе. Я отпрянула, в ужасе смотря на свои руки. Пальцы казались обманчиво хрупкими, и ничего не выдавало грозящую опасность. Я села и спрятала лицо

в ладонях, ощущая жар горящих щек. Как я могла совершить подобное? Дамиан он же...

Стоило подумать об этом раньше или хотя бы все прекратить, когда непонятное могущество закружилось вокруг, но нет, я присосалась, как пиявка, с ненасытностью впитывая чужую силу... Омерзение сотрясало тело. Я должна была остановиться, я была обязана!

Он погладил мою спину.

— Все хорошо, фиалка. Неужели ты думала, какое-то колдовство меня убьет?

— Я... прости.

Теперь я ощущала себя гадко. Окажись на месте Грасаля другой человек, и я бы сейчас лежала в обнимку с мертвецом. Никогда бы не подумала, что в первый раз могу по незнанию забрать чью-то жизнь. Дамиан напрасно храбрился. Его нарочно безмятежный тон меня не обманывал, я слышала то, что он пытался скрыть. Начисто выпитый мной, он источал смертельную слабость. Видимо, и защита князя пала лишь потому, что силы совсем иссякли.

— Иди ко мне. Мне не нравится, что ты сидишь так.

Сквозняк кусал за плечи, заставляя сжиматься в болезненный комок. Тело покрывали мурашки. Лихорадка сожаления выжигала все хорошее внутри. Я не пошевелилась. Дура, какая же я... дура!

— Айри-ин...

Я легла обратно. Дамиан уткнулся носом мою в шею, вот-вот готовый заснуть от нахлынувшей усталости. Рука князя легла поперек моего живота, притягивая к себе. Пальцы, неестественно бледные, выделялись светлым пятном на моей и без того лишенной загара коже. Это не князь чудовище, а я. Отец же предупреждал, что так будет, но я не послушала.

— Ты справишься.

Я смотрела в одну точку.

— А если нет? Если не управлюсь с полученным даром?

Он молчал. Моя мнительность ударила по его уверенности, оставив на той трещины.

— Что тогда, Дамиан? Ты меня убьешь? — вспомнила разговор, когда-то имевший между нами место. Грасаль предупреждал, сколь опасна магия диадемы, как всегда зная гораздо больше других.

— Глупая шутка, Айрин, — прорычал он, кусая меня за ухо. Я обиженно засопела. Мысль, что я едва не выпила его энергию насухо, просто сводила с ума.

— Поспи, — последовал невесомый поцелуй в шею. — Мы решим это. Слышишь?

Мерное дыхание быстро задремавшего мужчины успокаивало, но не усыпляло. Чужая сила требовала вырваться наружу. Мне хотелось бегать, танцевать и двигаться, но вместо этого я не могла пошевелиться. Страх кандалами приковывал к постели, мешая подняться. Во всем теле разлилась тяжесть безысходности перед будущим.

Я тихо всхлипнула, спрятав лицо в подушку и заглушив звуки. Проклятая магия, проклятая власть, проклятое царство Льен! Что оно сделало со мной? Я не знала, кто я. Провела тыльной стороной ладони по скулам спящего Дамиана. Под глазами непоколебимого князя залегли тени. Безмятежность, застывшая на лице, делала его уязвимым. Такой сильный, такой слабый и такой родной. Я лежала, напряженно слушая стук его сердца, больше всего боясь, что оно остановится.

А надо мной кружили демоны чужих снов...

Теперь я сама слышала Тьму. Слышала, как она завывала в крови Дамиана, взывая к себе, заклиная выполнить приказ. Слышала ее недовольное бурление. Тьму раздражало,

что какое-то слабое существо сопротивляется ее воле. Ей хотелось заполучить его дух. Она искушала, суля исполнение самых тайных желаний. Она угрожала, манипулируя привязанностями князя. Но он раз за разом говорил ей «нет», хотя чувствовал, что темная сторона души противится этому отказу. Внутренняя борьба изводила его, побуждая делать ошибки.

Еще немного и он бы сломался. Всего лишь один неосторожный шаг, и Тьму ничто не остановит. Каждый вздох мог стать последним.

Я оставила поцелуй на щеке Дамиана. С лица катились горячие слезы, разъедаая солью глаза. Как же страшно... А ведь я видела, как Тьма в князе все больше набирает силу.

— Тук-тук-тук.

Я положила голову ему на грудь, вслушиваясь в сердцебиение. Если бы только вернуть обратно забранную силу! Теперь я еще больше боялась его потерять. Конечно, даже родовая магия Фальксов не уничтожит такого сильного мужчину, как Дамиан Грасаль, но этого колдовства может оказаться достаточно, чтобы вмешалось другое — древнее, как сам мир, дикое, необузданное и не умеющее прощать. Тьма слишком зла на князя, чтобы отказаться от желания подчинить его себе.

Страшнее смерти любимого человека, только потеря не от костлявых рук Жнеца. Какого смотреть в любимые глаза, застланные Тьмой? Грасаль все больше менялся, и упадок сил мог окончательно уничтожить его сопротивление.

Мы совершили ошибку, едва не погубившую Дамиана. Еще трудно представить, какую цену придется заплатить за собственную слабость.

— Тук-тук!

Я ошарашенно распахнула глаза, осознав, что звук исходит из-за двери. Взгляд упал на часы — все-таки я задремала. Дамиан глубоко спал, даже не пошевелившись, когда снаружи раздался громкий стук. Взор в панике заметался по комнате. Разбросанные вещи, смятую постель и обнаженного мужчину в ней не спрятать при всем желании.

— Дамиан, — тихо позвала я, хотя понимала, что его сейчас лучше не тревожить. Князь не шелохнулся, но его тайные фантазии, пробудившиеся во снах, заставили меня ощутить жар. На мгновение я выпала из реальности, забыв о служанке, теряющей терпение за дверью, и с тоской вспомнила о произошедшем ранее, опрометчиво желая повторить.

— Миледи?

Я выдохнула, приводя мысли в порядок. Прислуга не попадет в комнату, ведь на той наложено заклятье. Или... О, нет! Если даже магия, закрывавшая мысли князя, истратила силу, то что говорить об иной?

Я подскочила, накидывая на плечи халат.

— Мне не здоровится! Оставьте меня.

Голос прозвучал резко и как будто рвано. Я сама себе бы точно не поверила.

— Миледи, — из-за преграды пробурчала служанка, — прибыла портниха. Вы должны примерить парадное платье.

— Я недостаточно ясно выразилась? Мне плохо!

Тишина за дверью прозвучала красноречивее любого ответа. Я почувствовала, как сглотнула служанка, не зная, что делать.

— Миледи, я сейчас же позову лекаря. Уверена, он поможет в кратчайшие сроки, и вы...

— Я не буду примерять никакое платье! — громко воскликнула я и недовольно нахмурилась, поглядывая на князя. Сначала испытала облегчение, поняв, что не разбудила, но потом заволновалась. Столь глубокий сон Дамиана пугал.

— Примерка займет всего несколько минут. Если вы откажетесь, у портнихи не хватит времени, чтобы успеть закончить работу до торжества, а его величество во всеуслышание заявил, что ваше присутствие обязательно.

— Да демоны с ним, с платьем! — непозволительно грубо для дочери царя выпалила я. — Возьмите то, что отдавали прачке! Пусть портниха возьмет с него мерки.

— Мерки с платья?..

— Да хоть с прачки, если потребуется!

— Хорошо, миледи, — служанка отчего-то медлила. Я плотнее прижалась спиной к двери, боясь, что она все-таки решит зайти внутрь, не дождавшись позволения. — Звать лекаря?

— Не стоит. Все нужные травы есть.

Когда снаружи раздались шаги, я выдохнула с облегчением. Но медлить нельзя. Собравшись с силами, всем весом навалилась на комод, придвигая его к двери. Незнакомое, сколько еще пробудет в забытьи князь, а новые посетители могут не заставить себя ждать. Вытерла со лба пот, и оглядела собственную «крепость».

М-да...

Если неприятностей в жизни не хватает, это значит, их нужно создать. Но все же некоторые ошибки стоят того, чтобы судьба потребовала за них плату.

Глава 27

Дамиан Грасаль спал целый день. Он спал, когда забеспокоившаяся служанка все-таки явилась с лекарем, спал, когда меня уговаривали выйти поесть, спал, когда я уже забеспокоилась, не дошли ли слухи о моем дурном самочувствии до отца. Ничто не нарушило покоя князя.

Вечером, когда желудок уже принялся рьяно напоминать о себе, в комнату снова постучали. Я взмолилась богине, чтобы это оказался не отец.

— Миледи, это я.

— Жером! — облегченно воскликнула я и кинула взор на Дамиана. Пробурчав что-то во сне, он зашевелился и распахнул веки. На лице князя была написана растерянность. Ему потребовалась секунда, чтобы оценить ситуацию.

— Миледи, нам нужно кое-что обсудить.

Грасаль кивнул, хотя я не спрашивала у него дозволения, и скрылся в ванной, чтобы привести себя в порядок.

— Вы один? — тем временем поинтересовалась у гостя.

Я знала, что за плечом лорда топчутся слуги, пребывающие в легком смятении из-за моего затворничества. Своим вопросом давала понять — желаю видеть только Брайля. Помедлив немного, Жером ответил:

— Да, миледи.

— Хорошо. Я буду ждать вас в малой гостиной через четверть часа.

Еще раз оглядела комнату. Пока Дамиан спал, я успела навести относительный порядок. Оставалось лишь спрятать и потом постирать простыни.

Чужое дыхание зашепотало шею. Я вздрогнула, ощутив поцелуй — такой невесомый, словно шеи коснулись крылья бабочки.

— Ты быстро.

— Ведешь дела с моим помощником у меня за спиной? — рука князя легла на бедро, притягивая к себе.

Жар его тела зажигал мое, и мысли поплыли, соблазняя забыться. Я закусила губу, сдерживая стон, когда Дамиан погладил атлас юбки и подвинул ладонь, приближаясь к самому сокровенному. Что он вытворял! Такое не позволительно в светском обществе. Но мне нравилось нарушать установленные правила.

Я хитро улыбнулась.

— Хочешь узнать, что произошло за время твоего отсутствия?

— Провоцируешь, фиалка? А что если я допрошу? Со всем пристрастием? — другая рука предупреждающе коснулась груди.

У этих новомодных фасонов слишком тонкий корсаж...

— Не боишься?.. — его дыхание участилось.

Я боялась. Я замерла в ужасе, понимая, что мы снова подобрались к опасной черте. Но мне нравилось ходить по краю, нравилось падать в пропасть, зная, что есть тот, кто меня поддержит. Соблазн был слишком велик.

Прикосновения такие обжигающие и горячие, а воздух холоден, будто за окном мороз. Тайны выдать легче, чем на допросе стражами в темнице.

— Я нашла с лордом Брайлем общий язык.

Пальцы погладили край платья, тонкое кружево защекотало грудь.

— Но ведь это не все?

— Не все... — прогнулась в спине, позволяя Дамиану Грасалю самые немислимые вольности. — Отец признал меня, чтобы защитить от королевы Сагасса, быстро подобравшей жениха.

Сзади раздался едва слышный рык или мне показалось?..

— Времени зря не теряла, да, фиалка?

Он прикусил мочку уха. Я застонала и крепче прижалась к мужскому телу, окутывающего меня легким мускусным запахом.

— Но ведь и это не все, — последовал поцелуй в шею.

— Обвинила царицу в измене, — выпалила как на духу еще одно прегрешение. — Почти раскрыла заговор...

Дамиан затрясся от смеха.

— Шанталь не столь глупа, чтобы лишиться короны.

— Она хотела меня убить.

Рука, выводящая замысловатые узоры под тканью корсажа, пробирающие до мурашек, резко замерла.

— Ты уверена?

— Да, она подсыпала яд... Погибла моя служанка. Ксана.

Я резко развернулась, чтобы взглянуть в его лицо. Во мне больше не было душащей ревности, просто сочувствие. Дамиан Грасаль быстро надел каменную маску, но я видела тень жалости в его глазах и слышала ее отголоски в мыслях. Ксана не заслужила подобной участи. Мы оба понимали это.

Я прикоснулась к его щеке.

— Мне очень жаль.

Не хотелось так сообщать о ее смерти. Глупая! Вот что мне стоило выбрать более подходящий момент?

— Меня это не волнует, Айрин, — так умело солгал князь, что, если бы не сапфировая диадема, не почувствовала бы фальши в голосе. Он приобнял меня за талию и сказал: — Не нужно заставлять Жерома так долго ждать.

Но я знала: это всего лишь способ уйти от ответа. Короткий поцелуй опалил мои губы, заставляя желать большего. Но я отстранилась, понимая, что Дамиан Грасаль как всегда прав.

— Как ты выйдешь? Прислуга не должна тебя заметить.

— У меня есть новый темный дар. Помнишь? — он горько рассмеялся, и я увидела, как вокруг его тела закрутилась Тьма. Черные крылья распахнулись за плечами князя, такие же чудовищные и невесомые, как у Лирана Фалькса.

Демонская сила вызывала нервную дрожь. Тьма, льющая к Дамиану пугала, и я боролась с собой, чтобы не закричать. Это было странно... Я ощутила себя так, словно оказалась в кошмарном сне. Хотелось бежать, как от преследователя, но ноги не слушались, и все тело налилось тяжестью. Необъяснимый страх защекотал нутро, прижался лезвием кинжала к шее и душил, душил, не оставляя шанса на спасение.

— Дамиан!

Он исчез. Я дрожала, будто в лихорадке. Вытерла испарину со лба. Все кончено. Тьмы больше нет. Но что-то все еще не давало расслабиться...

Не хотелось больше оставаться в комнате. Привычная остановка давила, высасывая все силы. Черные потоки исчезли, но я все еще чувствовала их присутствие в падающих тенях от предметов и резких очертаниях вещей, подсвеченных сзади закатным солнцем. Собственные покои пугали, горькая беспомощность стояла комом в горле.

Кинув последний взгляд в зеркало, я набросила на плечи шелковый шарф и открыла дверь. Только переступила порог, как за спиной послышался непонятный, трескающий звук:

— Хрусть!

Я замерла, не спеша поворачивать голову назад.

— Хрусть-хрусть!

Не похожий ли шум я слышала ночью? Медленно оглянулась, воровато заглядывая назад. В окутавшем комнату полумраке никого не было видно, да и не походил этот треск на издаваемый живым существом. Волнение понемногу отступило.

Я вернулась в покои и с недоумением оглянулась. Вокруг опустилась тягучая тишина, только ветер завывал снаружи, разговаривая с шелестящей листвой.

И вот снова, когда я уже решила, что мне все показалось, послышалось:

— Хрусть!

Фиолетовая фиалка казалась подсвеченной изнутри. Бархатные лепестки выглядели нежнее самой изысканной ткани, серебристые тычинки хрупче сельского кружева.

Неужели? Неужели не почудилось?

Цветы дрогнули, царапая с виду крепкое стекло, уже покрытое сетью трещин. Белая паутина быстро уплотнялась, расплзаясь по поверхности купола, пока некоторые ячейки не просели вниз и первые осколки не просыпались алмазной крошкой на землю. Едва ощутимый, сладковатый запах цветов защекотал ноздри.

Я неверяще погладила мягкие лепестки. Немыслимо! Фиалку же зачаровали, лишив шанса вырасти из своей тюрьмы. Она застыла, неизменная во времени, не увядающая и непоколебимая, но что-то пошло не так, и вечная магия иссякла, позволив хрупкому цветку восстать против решетки из стекла. Я поняла — даже слабейшее существо при должном упорстве одолеет могущественного врага.

Аккуратно, чтобы не порезаться битым стеклом, убрала руку и кинув последний взгляд на прощанье, вышла из покоев. Увиденное зажгло маленький огонек решимости в душе. Он трепыхался на ветру, но ни за что не собирался гаснуть.

Не успела закрыть за собой дверь, как услышала ворчливое:

— Миледи!

Служанки гуськом выстроились возле стены, как маленькая армия. Во главе — стояла курносая девушка с пухлыми губами и родинкой на виске, похожей на мотылька. Я отмахнулась от челяди, не желая выслушивать упреки в свой адрес. И так ясно — еще час затворничества, и стражи бы проломили в комнате дверь.

— Оставьте ужин в покоех, — уже совсем привычно приказала я и тут же себя одернула.

Ведь еще несколько недель назад я общалась с прислугой на равных, ничуть не стыдясь этого. Даже насмешки князя не поменяли моего решения. Но с тех пор много всего случилось: испортились отношения с Ксаной, произошла стычка с Марном, и я изменилась.

Как единственная наследница, я даже обязана была общаться свысока не только с простолюдинами, но даже со знатью. Однако такие перспективы меня пугали.

— В малой гостиной все уже накрыто, миледи, — смущаясь, потупила голову девушка, пряча румянец под чепцом. — Но если вы желаете...

— Так даже лучше, — поспешно вставила я, про себя удивившись предусмотрительности прислуги. Есть хотелось ужасно, и я не могла думать ни о чем, кроме еды.

Я услышала невероятный аромат мяса еще до того, как зашла внутрь. Запах стоял просто восхитительный. Не говоря ни слова, прошла в гостиную, ведомая этим вожденным духом, и села в кресло напротив Грасалья, уже с аппетитом поглощающего пищу. От жаркого, щедро посыпанного калунскими травами, вздымался пар. Я уловила хвойные нотки розмарина, душистые — базилика и холодящие — мяты. Поднеся ко рту первую ложку, зажмурилась от наслаждения. Мясо просто таяло во рту, оставляя приятное послевкусие.

— М-м-м...

Жером громко рассмеялся, заметив выражение моего лица.

— Только меня заодно не съешьте, миледи.

— Вы не вкусный, — окатила его оценивающим взглядом, — слишком жилистый, — съела еще один кусок, — и костлявый.

— Тогда мне ни в коем случае не стоит полнеть, — усмехнулся он.

Чабрец, шалфей и душица сливались в единую гармоничную мелодию, среди которой было нелегко разгадать благоухание других трав. Повар не поспешил на порции, но я знала, что не выйду из-за стола, пока все блюда не опустеют.

— У вас с князем одинаково кровожадный вид, — продолжал посмеиваться лорд, благородно отдав Грасалю на растерзание мясо, полагавшееся ему самому.

— Вы не голодны? — из вежливости спросила я, заранее зная, что он откажется, но все равно готовая поделиться с Брайлем, если он того пожелает.

Он не пожелал.

— Нет, миледи. Не отказывайте себе в удовольствии насладиться очередным шедевром повара его величества.

В тоне Жерома не прозвучало упрека, а я удивилась. Не знала, что для меня теперь готовит главный повар. Интересно, как давно? Стыдно признать, даже не заметила разницы. Еда, подаваемая на мой стол, всегда была на высшем уровне. Я уже и забыла, что когда-то питалась гораздо проще.

Дамиан Грасаль, потерявший много сил из-за моего дара, утолил первые признаки голода и вскинул голову, готовый слушать.

— Милорд, вы хотели нам что-то рассказать?

Жером сразу же принял серьезный вид.

— Леди Айрин интересовалась недавно появившейся в конюшне лошастью. Арманьельского мустанга купил князь Сельм-Рамст. Поистине королевская трата, но он может себе ее позволить: все-таки юго-восточная провинция в Льен — едва ли не самая богатая во всем царстве.

— Но это слишком много! — воскликнула я, на мгновение забыв об ужине.

— Его светлость собирается подарить кобылу государю. Это произойдет во время торжественного приема, на котором будут отмечать низвержение Лирана Фалькса.

— Хорошая взятка, — сразу догадался Грасаль.

— Поздно он спохватился, — фыркнула я. — Царь уже знает, что князь служил Шанталь. Но отец не настолько любит лошадей, чтобы простить подобное.

— Канор не сделал ничего непоправимого, чтобы навредило царству Льен, — не согласился Дамиан.

— Значит, ты знал?!

Я повернулась к бывшему советнику государя, не скрывая гнева. Не верилось, что он потворствовал строящемуся заговору.

— Конечно, Айрин. Но я спускал это Сельм-Рамсту с рук, пока он не переходил черту. Не всегда стоит сразу же карать людей за преступления, если из этого можно извлечь выгоду.

— Шантаж? — не удивившись, фыркнула я. — Но отец не посчитает лошадь достойной платой.

— Этого мы пока не знаем, — ухмыльнулся Дамиан, давая понять: уж он-то точно знает, как поступит Викар, и все закончится совсем не так, как я думаю.

— Отец не простит его!

— Арманьельские мустанги — одни из самых дорогих лошадей в мире, миледи, — тихо вставил Жером. — Они требовательны к уходу и своенравны, но, если правильно распорядиться этим даром, его величество многое приобретет из сделки. Тем более князь ни разу не навредил своими действиями государю.

— В любом случае это не совсем те сведения, на которые я рассчитывала, — вздохнула я.

— Вы велели узнать, кто из князей совершал большие траты в последнее время. Мой ответ — никто, кроме Сельм-Рамста, разумеется, — сообщил лорд. — Но я взял на себя смелость копнуть глубже. Возможно, мне удалось найти кое-что интересное...

Под строгим взглядом Грасаля он запнулся и добавил:

— Миледи попросила об услуге, однако ответ всплыл сам. Это случилось всего несколько дней назад. Мой хороший знакомый гостил у лорда Лейма, бывшего посла Льен в Сагассе, ныне удостоившийся места в совете, — я кивнула, не нуждаясь в пояснениях — ведь именно с моей легкой руки он так приблизился к царю, — и был обескуражен богатством стола. Леймы баловали посетителей медовыми леденцами, пышной сдобой, посыпанной пудрой, и засахаренными дольками лимонов. Такая щедрость потрясла моего друга до глубины души. Будь на месте Лейма любой другой, это не вызвало бы вопросов, но лорд всегда слыл большим скрягой. Только представьте, за время службы в Сагассе он родной дочери даже атласной ленточки на платье не послал!

Я забыла о ароматном кушанье, приготовленном личным поваром царя, и от нетерпения едва не подпрыгнула. Сахар! Неужели мы выяснили, кто стоял за поставками гомеомегии?

«Лорд Лейм?..» — одним взором поинтересовалась у Дамиана. Князь накрыл мою руку своей и переплел наши пальцы, крепко сжимая ее. Неужели мы подобрались к разгадке?

— Продолжайте.

Голос князя прозвучал привычно холодно, в душе разгорелось нетерпение сродни моему.

— Лорд Лейм не поскупился на изыски лишь потому, что сам купил сахар за бесценок.

— Но это же абсурдно! — не сдержалась я. — Такого не может быть! Сахар всегда стоил баснословно дорого, особенно в царстве Льен, где не растет тростник.

Мужчины обменялись странными взглядами. Они знали больше, чем хотели показать, но я все равно заглянула в их головы:

— Хотите сказать — нет?

Они промолчали. Все было ясно без слов.

Я поднялась и стала мерить шагами в комнату. В отношениях Сагасса и царства Льен

немало темных пятен. Сама не ожидала, какое облегчение испытаю, когда уверюсь в непричастности заморской страны в происходящем. Все ясно без слов: сахар не везли из Сагасса, его сотворили на моей настоящей родине — в Льен.

— Айрин, — поймал Дамиан меня за руку, — успокойся. Сядь.

— Интересно, когда ты намеревался сказать, что существует другой способ добычи сахара? И какой... Свекла! Обычная свекла. Так просто... Почему никто не додумался до этого раньше?!

Мой хмурый вид вызвал у Жерома улыбку.

— Миледи, князь не знал. Никто не знал.

— Но ты руководил исследованиями! — обвинила Грасаль, внаглую прочитав его мысли, и схватила веер, пытаясь успокоиться. Легкий ветерок едва остужал горящее лицо, хотя я яростно махала опахалом.

Дамиан устало протер виски.

— Я никогда не думал, что в этом направлении достигнут успеха. Твой дядя, занимавший трон до Викара, грезил избавиться от «сладкой зависимости», как он ее называл. Расценки Сагасса на сахар всегда вызывали головную боль. Ему даже удалось привлечь к работе известных магов, но, увы, ничего не вышло: нам не удалось найти более дешевый способ получения песка.

Жером хлопнул ладонью по столу.

— Возможно, именно с этих записей все и началось. Готов поспорить — именно они и вдохновили на новые поиски!

— Так вы расскажете нам, у кого Лейм купил сахар, милорд? — напомнила я, сменив гнев на милость.

— Разумеется, — кивнул Брайль. — Не знаю, как это скрыли, в нынешних-то обстоятельствах... В былые времена лорд водил дружбу с князем Калунским.

— Калунские со многими поддерживали связь. Мы не можем обвинять каждого, кто когда-то с ними общался, — веско вставил Дамиан.

— Миледи, вы знаете об этом роде?

Я кивнула. Таких трудно забыть! Князя лишили титула и казнили, а его сын из жажды мести едва не убил моего отца, за что сам поплатился. Перед глазами предстала отвратительная картина из прошлого: роскошно украшенный бальный зал и мертвый Гарун с пеной, текущей изо рта... Я передернула плечами.

Грасаль нахмурился, перебирая пальцами по подлокотнику кушетки.

— Князь много общался с магами, ведущими исследования. Неужели произошла утечка?

— По-видимому, ваша светлость. О Калунских все уже забыли, и если бы не вовремя проснувшееся желание Лейма пустить пыль в глаза знати — ответ бы еще долго не нашли. Оставшиеся Калунские возобновили связь с лордом, надеясь на его поддержку и защиту — ведь царские ищейки практически поймали след. Стражи по-прежнему тщательно следят за лекарскими лавками, выискивая гомеомагию. Надо признать, этот род немало обогатился за последнее время.

Вот как! Никакая преданность Шанталь не помешала алчности Лейма пойти на сделку с предателями.

— Вопрос, сколько монет осело в их кошельках...

Я сделала глоток уже остывшего чая и посмотрела на Дамиана.

— Считаешь, они помогали Лирану Фальксу?

— Даже не сомневаюсь в этом, Айрин. Им уже нечего терять, осталась лишь сводящая с ума ненависть. После всего произошедшего они готовы на все, чтобы лишить Викара трона. К счастью, ничего непоправимого не произошло. Калунские будут наказаны, все до единого. Не один из них не заслужил снисхождения.

Это прозвучало жестоко, но Дамиан был прав. Иногда нужно сжечь многоголового змея целиком, не отрубая по очереди ядовитые головы, чтобы сохранить в живых одну-единственную, лишенную клыков.

— Лирана Фалькса держат в темнице, — нахмурилась я. — Не понимаю, почему он до сих пор не сбежал.

— Ты предупреждала отца о его темном даре?

— Да, — кивнула.

— Тогда, вероятно, Викар поручил стражам заточить изменника в зачарованные служителями Треокого кандалы. Они лишают Тьму силы, хотя и не уничтожают целиком.

Я понативно хмыкнула, ожидая услышать нечто подобное в ответ. Его Святейшество не желал вступать в открытую борьбу с демонами, но хоть в чем-то помог. Осталось теперь решить, как пробраться в темницу...

— Придется подождать, — сразу догадался о моих мыслях Дамиан. — Сейчас Лирана постоянно допрашивают, и он не остается один.

— Стражей нужно отвлечь... — вставил Жером.

— И я даже догадываюсь как.

— Чем быстрее мы окажемся у места раскола, тем лучше, — задумалась я, накручивая на палец прядь.

— «Мы» никуда не отправимся, — моментально среагировал князь. — Ты не должна подвергаться такой опасности.

— А тебе, значит, можно? — смерила князя взглядом.

— Я взрослый мужчина, Айрин. Не боящийся боли, готовый сражаться до последней капли крови, обученный магии и военному делу. Ты же не держала в руках ничего тяжелее пальцев.

Воспоминания всплыли сами собой. Трудно забыть знакомство с «серым преподобием» царства Льен. Что бы ни утверждал Дамиан Грасаль, но именно от оставшихся в пальцах иголок пострадал тогда его человек... Я поджала губы и упрямо вздернула подбородок, давая понять, что от своего не отступлюсь.

— Но в твоих жилах течет Тьма. Кто знает, какие мысли она посеет в голову. Я должна быть там с тобой. Ни Жером, ни стражи. Я. Илис однозначно указывала на это, его святейшество тоже говорил, как важно мое присутствие. Я не оставляю тебя одного, даже если ты привык справляться с трудностями в одиночку.

— Храбрая и безрассудная фиалка, — сказал Дамиан, обхватывая мое лицо руками.

Глава 28

Прошло несколько дней...

Янтарные нити переливались как золотые перья взмывающего ввысь сокола на закатном небе. Я погладила ткань, сжала в пальцах шершавое кружево и провела ногтем по атласу, наблюдая за остающимся следом, исчезающим на глазах.

Вдох.

— Ее Высочество Айрин Фалькс! — голос глашатая, отрезанного от меня закрытой дверью, прозвучал необыкновенно глухо.

Я повернулась назад и вгляделась в полутьму коридора. Зажженные факелы разгоняли мрак, но он все равно не желал полностью уйти, оставаясь в падающих тенях и участках, куда не попадали огненные блики. Мне мерещился в этой мгле знакомый запах. Он дразнил и искушал, и я невольно сделала шаг назад — туда, где ощущалось присутствие силы больше всего.

— Ваше высочество, — склонил голову доверенный слуга, напоминая, что пора переступить порог и оставить прошлую жизнь позади. Всего несколько минут назад отец перед всеми объявил меня дочерью, и уже немного успевшие прийти в себя после шокирующего известия придворные жаждали со мной увидеться.

Я еще раз посмотрела назад и, заручившись поддержкой невидимого спутника, сказала:

— Я готова.

— Прошу, — сделал слуга приглашающий жест.

Первый, кого я увидела в наполненном людьми зале, — отец. Он сидел на троне и, не скрывая улыбки, смотрел на меня, не замечая никого более. Мне показалось, будто свет от всех свечей падал лишь в одну сторону, приковывая внимание к моей фигуре, хотя это было не так. Я с трудом сдержалась, чтобы не зажмуриться от яркого света. Перед глазами в хороводе плясали пятна.

Я невольно взглянула на Шанталь. Почувствовав мой взор, царица быстро отвела глаза в сторону, словно хотела что-то скрыть. С удивлением обнаружив отсутствие на ней защиты, погрузилась в мысли ее величества и едва не оступилась. Теперь понятно, почему я так давно не видела жену Викара. Она не пряталась, замышляя очередную каверзу, а залегла на дно по другой причине — отец неожиданно серьезно отнесся к моим обвинениям и тщательно обыскал покои супруги. Там его ждало множество сюрпризов: спрятанный под периной флакон с ядом шайларе и письма, которые никто не должен увидеть...

Опытная интриганка быстро натянула на лицо улыбку, хотя она и получилась больше похожей на оскал. Но стоило заметить эту смену эмоций царю — кривая усмешка исчезла без следа. Впервые Шанталь испугалась правителя царства Льен и впервые испытала к нему нечто такое, что слабо походило на уважение.

Викар не мог изгнать царицу, не мог расторгнуть с ней брак и не мог поступить так, как сделал бы не заслуживающий почтения мужчина. Пока Шанталь носила его ребенка, она находилась в безопасности, но теперь стражи отслеживали каждый ее шаг.

Придворные льстиво рассыпались в комплиментах и глубоко кланялись, словно впервые меня увидели. Впрочем, для них это так и было. Какая-то бастарда достойна разве что обсуждения слухов, а великая княжна, дочь царя, — неподдельного внимания.

Спину защекотал легкий холодок. Я ощутила касание невидимых рук на талии и смущенно улыбнулась, хотя никто не мог ничего понять.

— Ты прекрасна, фиалка, — последовал легкий укус мочки уха.

— Я знаю, — так же тихо ответила я, счастливая как никогда, но не от пристального внимания и не долгожданного признания отцом, а от слов человека, которого еще

недавно всем сердцем ненавидела. Впрочем, говорят, ненависть — всего лишь один из оттенков любви. Я бы поспорила с этим да не могла. Моя жизнь только подтверждала кем-то высказанную истину.

Заиграл нааль, отвлекая придворных от разглядывания моей персоны. Я снова кинула взор на правящую чету и вскинула брови, не в силах поверить своим глазам. Перед царем застыла в реверансе молодая вертихвостка, в которой с легкостью угадывалась дочь Сельм-Рамста. Сам князь тоже стоял рядом, ничуть не скрывая, что юная особа — дополнение к иному подарку, черногривой кобыле, переданной во владение монарху четверть часа назад. Владелец юго-восточных земель царства быстро забыл договор с Шанталь и даже не смотрел на поверженную царицу. Всем его вниманием завладел царь: оценит или нет дар по достоинству?

Златокудрая дева чуть наклонилась, демонстрируя аппетитную грудь, и стреляя глазами. Смушение, алевшее на ее щеках, лишь делало молодую княжну еще прекрасней.

Но меня удивило вовсе не поведение князя и не тень заинтересованности на лице царя. После последних месяцев во дворце подобный эпизод практически не заслуживал внимания. Нет, поражала неприкрытая ревность Шанталь. Она прожигала неопытную кокетку гневным взглядом, так сильно сжав подлокотники кресла, что пальцы приобрели оттенок свежеснежного снега.

Я ухмыльнулась. Царица не так уж неуязвима, как ей кажется! Пусть Шанталь убеждает себя дальше, что разозлилась на девушку, боясь еще больше усугубить свое положение, но я знала ответ. Ее пугала не неумелая игра молодой княжны, а реакция мужа на нее. Кто бы мог подумать, что ледяное сердце ее величества дрогнет.

Викар даже не взглянул на супругу, нарочно ее зля. Он улыбался, поощряя флирт княжны Сельм-Рамст. Я покачала головой. Показное игнорирование царицы не осталось без внимания знати.

— Новая фаворитка? — кивнула новоприбывшая дама своей подруге.

— Не думаю, — прикусила она губу. — Столь неопытная девица польстит только глупца. А его величество явно знает толк в женщинах...

— Значит, место в его сердце теперь свободно... — женщины хитро переглянулись и рассмеялись.

Я проводила удаляющихся дам взором и направилась прочь. С трудом найдя в переполненном зале укромный угол, горячо зашептала, глядя в пустоту:

— Еще не пора?

Мандраж колот подушечки пальцев. Я не видела Дамиана, даже не слышала его мыслей, скрытых пеленой Тьмы, только догадывалась о его незримом присутствии.

— Нет, — послышалось откуда-то сбоку. — Жером позаботился, чтобы в воду стражам подмешали сонные травы, но они не сразу подействуют. Нужно подождать. Я дам тебе знак.

Ему пришлось замолчать, когда рядом раздался шорох. Под нишу зашла дочь Сельм-Рамста в сопровождении отца. Я быстро юркнула за гардину. В воздухе прозвучал едва слышный смешок Грасаля, которого явно позабавили мои действия. Ну а что поделать, если иначе никак не выйдет обнаружить затевающийся заговор?..

Девушка была расстроена.

— Ты видел, как она смотрела? Да она меня живьем съест!

— Не драматизируй, Нала, — осадил ее отец. — Царь вышлет Шанталь, как только она разродится. Зато подумай, каких высот мы достигнем возле царя: наш род прославится, я займу место его правой руки, ну а ты, моя прелесть, будешь окружена небывалой роскошью.

— Я буду опозорена.

— Мы это уже обсуждали. Фаворитка имеет даже большую власть, чем царица. Подумай только! Тебе не надо волноваться о наследниках, хотя стоит понести — царь будет счастлив. Ты будешь всегда осыпана золотом, а придворные с замиранием — ловить каждое слово.

— Но лишь до той поры, пока это угодно государю... — слышался тяжелый вздох.

— Все зависит лишь от тебя. Не даром говорят, что сила женщины в ее слабости. Дай Викару то, что он хочет, и он даст то, что нужно тебе. Не бойся будущего. Царь достаточно благороден, чтобы позаботиться даже о наскучившей фаворитке, обеспечив ей хороший брак.

— Ты все уже распланировал, — с горечью произнесла Нала.

— Теперь, когда преграда в виде Грасаля устранена, я должен сделать все, чтобы закрепить свое положение.

Они ушли, а я протянула руки к шее, понимая, что уже задыхаюсь от гнева. Эти ненасытные пираньи не упустят шанса цапнуть побольнее! Убери одну, и налетит весь косяк. Только я обрадовалась, что Шанталь потеряла былое влияние, как ей быстро нашлась замена. Остается только надеется, что в следующий раз отец поступит осмотрительнее.

— Такова участь царя, — прозвучал задумчивый голос Дамиана.

— От этого не легче.

— Не думаю, что княжна Сельм-Рамст надолго завладеет вниманием Викара. Влюбленный мужчина видит только одну женщину.

— Судишь по себе?

— Не провоцируй, фиалка, — зарычал Грасаль, а я засмеялась.

— Пойдем. Нужно попрощаться с отцом, прежде чем мы отправимся к месту раскола.

— Вообще-то я все еще не дал своего согласия, — проворчал он, хотя мы оба понимали — иного выхода нет. — Мне не нравится, что ты окажешься там.

— Мы это уже обсуждали, — отрезала я. — Никто не знает, как поведет себя твоя темная сущность, когда рядом будет столько Тьмы. Я обязана туда отправиться!

— Не злись, — он притянул меня к себе, и я вдохнула запах кожи Дамиана, мгновенно успокаиваясь. — Мне неприятно думать, что ты подвергнешься опасности. Я хочу, чтобы ты находилась как можно дальше от демонов.

Я нежно коснулась воздуха, ничего не чувствуя под ним, но по замершему дыханию князя стало понятно — он ощутил то, что я хотела. Подхватив юбки, направилась к скучающему в ожидании отцу. Черeda знати иссякла, и теперь он мог расслабиться.

— Айрин! — возле уголков его глаз образовались морщинки.

— Папа! — воскликнула я, едва, по привычке, не согнувшись в реверансе. Как особа царских кровей, я могла стоять, когда от других требовалось опустить взгляд ниже.

Шанталь практически не шевелилась, сделавшись похожей на одну из тех статуй, что украшают галереи во дворцах. Белые волосы волнами лежали за спиной, не один волосок из прически даже не выбился из-за сквозняка. Только рука, невзначай лежащая на животе, указывала на то, что постигшее царицу поражение — лишь проигрыш одной битвы, а не провальное окончание всей войны. Ощувив на себе мой задумчивый взгляд, Шанталь чуть наклонила голову. Во льду ее глаз заискрился свет.

Я спешно посмотрела на отца. В чертах Викара появилась какая-то незнакомая суровость. Настоящий Фалькс — сильный и непоколебимый.

Я подняла глаза на царицу и незаметно кивнула. Та заметно расслабилась. Хотя ее величество и не боялась моей мести, вражда между нами заметно усложняла жизнь. Я

не верила, что Шанталь так быстро отступится. Она не из тех, кто быстро прощает обиды, но, что бы ни случилось между ней и Викаром, отец все еще ее любит.

— Не буду спрашивать, о чем ты думаешь, — покачал головой царь. — У тебя такой вид... Ох, Айрин, ты всегда прячешь глаза, когда хочешь что-то скрыть!

— Я люблю тебя, папа, — выпалила я. — Прости, если разочаровала тебя или... разочарую.

— Что бы ты ни задумала, мне это не нравится, — проворчал отец и мысленно добавил: «Будь осторожна. Ты давно уже повзрослела, и мне тебя не остановить. Боюсь, представить, что ты задумала. Пожалуйста, доченька, береги себя! И скажи своему... что я его с того света достану, если с тобой что-то случится!»

— Откуда ты... — начала было я, но отец приложил палец к губам. У него свои источники, и не мне задаваться вопросом, какие именно.

«Кому как не мне знать, как трудно запретить себе любить. Но это не значит, что я остановлю поиски. Если он достаточно глуп, чтобы попасться, значит, не достоин находиться рядом с моей дочерью. Ты свободна, Айрин. Королева Сагасса больше не в силах тебе приказывать, а я не стану мучить собственное дитя».

Я чуть подалась вперед и как можно тише произнесла, стараясь не обращать внимания на наострившую уши Шанталь:

— Значит, ты не держишь меня?

Я не удивилась тому, что отец догадался о еще даже не высказанном вслух. О том, о чем я запрещала себе думать. О том, что мелькало в мыслях Дамиана, когда он бросал на меня задумчивый взгляд.

Что будет дальше?

«Как царь, я обязан, прежде всего, думать о своей стране. Как отец — о ребенке. Ты моя плоть и кровь. Но мы Фальксы. А один Фалькс уже однажды покинул двор по зову сердца. Не мне тебя держать».

— Спасибо, — только и могла произнести я.

«Я люблю тебя, дочка. Будь счастлива, даже если твое счастье не здесь».

Я улыбнулась, благодарная отцу за ту свободу, которую он дал. Это решение далось ему нелегко, но мы оба понимали — мое место не во дворце. Здесь я заперта в клетке, хотя по наивности и мечтала когда-то о золотых прутьях. Прежде желанный титул потерял бывшее величие, став препятствием между мной и человеком, которого я больше всего желала. Забавно... Я великая княжна. Я больше не подчинялась королеве Сагасса и не обязана по ее требованию выходить замуж. Но именно в тот момент, когда титул официально мне достался, я потеряла право распоряжаться собственной жизнью. А отец, вопреки всему, его вернул.

«Спасибо, папа. Еще раз спасибо. И боги, как же ты был прав, когда надеялся спрятать меня подальше от интриг придворной жизни!» — стояло в моих глазах.

— Пора, — зашевелился рядом воздух. Догадался ли Грасаль об истинном значении беседы с отцом? Пока я этого еще не знала, но позволила невидимой руке найти мою и переплести наши пальцы.

— Я готова, — шепнула я и направилась к выходу из бального зала. Пришло время перевернуть эту страницу прошлого и начать новый том.

Вышла в пустующий коридор и оглянулась по сторонам.

— Никого нет, — мягко ответил Дамиан. — Боишься?

— Немного, — призналась я. Голос дрожал.

Воздух рядом сгустился, обрисовывая знакомую фигуру. Черные волосы Дамиана теряли

очертания на концах, исчезая, подобно дыму от костра. Прежде ярко-зеленые глаза потемнели, сделавшись не светлее болотного мха. С каждым днем в них становилось все больше Тьмы. Я не знала, поможет ли борьба с исчадиями бездны спасти князя. Переведется ли сила демонов в его крови, если избавиться от раскола?

Лицо Грасаля покрывала колючая щетина. Я провела по его щеке ладонью, но он поймал мою руку и запечатлел на ней поцелуй.

— Ты еще можешь передумать.

— Ни за что, — фыркнула я.

Поняв, что спорить бесполезно, Дамиан Грасаль притянул меня к себе. Я закрыла глаза, чтобы не видеть Тьму, уплотняющуюся вокруг нас коконом. Несмотря на опущенные веки, ее присутствие все равно пугало до дрожи в коленях. Я плотнее прижалась к полудемону, повелевающему этой темной силой. Тепло его груди и запах кожи немного успокаивал, но я все равно со всей силы вцепилась в ткань рубашки, когда под ногами исчез пол.

В панике забыла о желании забыться и не думать о происходящем вокруг. Сама не заметила, как открыла глаза и уставилась в бездну... А вокруг было черным-черно. Непроглядная паутина из неведомой силы шевелилась, как живая. Тревога звенела в каждой нити Тьмы, вьющейся вокруг черными змеями. Стены коридора исчезли: померкли золотистые узоры на ткани, потухли огни зажженных факелов, стих шум музыки и голосов... Только черная мгла, необъятная и страшная, заволокла все вокруг. Необузданная стихия походила на штормящее море. Нас качало на волнах, и я до боли в пальцах сжала плечи Дамиана, пытаюсь удержаться.

Но наконец все стихло. Тьма сложила крылья ночи, и черные клоки мглы растворились в воздухе, оставив нас стоять посреди темницы. Грасаль аккуратно отцепил мои пальцы и погладил их:

— Все хорошо, Айрин.

Что-то такое промелькнуло в моих глазах, отчего он сделал шаг в сторону. Я сама не понимала, почему так сильно боюсь Тьму, но самое ее присутствие рядом наводило ужас. По спине катился холодный пот.

Понятно, из-за чего Дамиан старался не пользоваться магией. В его даре кто угодно может почувствовать влияние темных сил, даже обычные заклинания не всегда выходили, как остальных. На нем чувствовался отпечаток бездны.

Я судорожно вздохнула, оглядываясь вокруг. Колдовство перенесло нас из коридора к Лирану Фальксу. Кузен сидел на голом полу, уставившись на нас черными глазами. На губах застыла безумная усмешка. Что-то в ней было такое... Страшное, опасное. Каких только усилий от меня потребовалось, чтобы не дрогнуть, глядя в его лицо.

Даже кандалы, оплетающие ноги и руки пленника, не притупляли этого животного ужаса. Не нужно читать мыслей, чтобы понять — от Лирана Фалькса лучше держаться подальше. Если когда-то он и был тем человеком, за которым народ готов шагнуть в бездну, то теперь от него не осталось и следа. Демон, завладевший телом, медленно, но верно уничтожил все светлое в душе.

— Боиш-ш-сья, высоче-шство? — прошипело запертое в клетке существо и громко рассмеялось. На секунду мне показалось, будто в его рту показался раздвоенный язык. Я вздрогнула. Померещилось. Язык обычный, человеческий.

Грасаль подошел вплотную к прутьям решетки, закрыв меня собой. Я в панике огляделась — все стражи спят, никто не поможет. Мы можем рассчитывать лишь на себя.

— Дамиан... — сказала я и осеклась. Мы пришли сюда, чтобы завладеть рубиновым перстнем. Без него — все напрасно. Но чем ближе князь находился к Лирану, тем сильнее билось сердце в моей груди. И пусть демон в кандалах, что сдерживают Тьму, пусть. Это все равно одно из самых могущественных и страшных существ, каких только можно представить.

— Переж-живает за ш-тбья, с-смесок, — ухмыльнулся он.

— Да, — спокойно произнес Дамиан и протянул вперед руку. На его ладони лежало что-то маленькое и блестящее, но затем оно стало увеличиваться в размерах, и я охнула, признав в предмете хризолитовую шкатулку — очередной артефакт царской власти. И как только князю удалось им завладеть?! Отец и словом ни обмолвился... Вряд ли он знает о пропаже!

Увидев шкатулку, демон мгновенно растерял былую смелость.

— Ты не посмееш-шь! — подскочил он.

— Посмею, — безо всяких эмоций произнес Дамиан Грасаль, открывая крышку.

Меня отбросило в сторону, как от удара. Поднялся ветер. Яростно завывая, он закружил вокруг. Над раскрытой шкатулкой образовалась воронка.

— Дамиан! — перекрикивая шум, воскликнула я. Он не шевелился, хотя на лице появилась гримаса боли. Я подскочила к нему и обхватила тело руками. Князь дрожал от напряжения.

Но куда хуже пришлось Лирану. Фигура кузена словно раздвоилась, и от него отделилась черная тень. На секунду мне померещилась распахнутая пасть. Зубы чудовища скрежетали от боли и ярости, а раздвоенный язык выпал наружу, но я не сдвинулась с места.

— Убирайся! — с ненавистью закричала я.

Ответом послужило шипение, полное бессильной злобы. Тень зашевелилась, пытаясь противостоять магии шкатулки, но она была сильнее. Миг — и демона затянуло внутрь. Последовал громкий хлопок. Крышка захлопнулась.

Не в силах выдержать на себе тяжесть тела Дамиана сползла по стене вниз.

— Глупый! — ругала его. — Какой же ты глупый! Сила шкатулки ведь и на тебя тоже действует.

Он прислонился к каменной кладке и вытер со лба пот.

— Ничего бы со мной не случилось. Я больше человек, чем демон.

Я покачала головой. В висках стучало.

Лиран Фалькс лежал на полу, не мигая уставившись в потолок. Мертвенно-бледная кожа казалась натянутой до предела, как у больного, усыхающего от неведанной болезни.

— Он... мертв?

— Нет, — произнес Дамиан. — Дышит.

Я ошарашенно посмотрела на князя. Неужели кузена еще можно спасти? Он сам пошел на сделку с демоном, обманом завладевшим контролем над телом. Но... он все-таки Фалькс. А у меня только отец из родни...

— Одержимость — худшее, что можно представить, фиалка. Если демона даже и удастся изгнать, то человек умирает, а если в нем еще теплится дух, то жизни остается меньше, чем в том цветке в твоих покоях.

Дамиан Грасаль достал из внутреннего кармана склянку с какой-то непонятной, мутной жидкостью.

— Отойди.

Я послушно отскочила в сторону. Князь бросил пузырек в висящий на решетке замок. Звон битого стекла, хлопок — и кусок покореженного железа упал вниз.

Дамиан открыл дверь и зашел внутрь. Я тоже не стала медлить. Пока князь снимал с

пальца моего родственника перстень, я сама осторожно прикоснулась к лицу кузена.

— Лиран? Вы слышите меня?

Даже ресницы, и те не дернулись. Он лежал на холодном полу, как восковая кукла, а не человек. Не настоящий. Только грудь едва заметно вздымалась, подтверждая, что в теле еще дремлют отголоски жизни.

— Бесполезно, — прокомментировал Дамиан мои потуги. — Обойдись без лишнего сострадания, Айрин. Не нужно его жалеть. Поверь мне, он бы тебя не пожалел. Вспомни, что Лиран сам провел ритуал, желая впустить демона внутрь, стать сильнее и убить твоего отца.

— Знаю, — пробормотала я и тем временем оглянулась вокруг: нет ли воды?

«Не нужно», — одернула себя, обнаружив глиняный кувшин. Ведь именно в жидкость Жером подмешал сонные травы. Все — и стражи, и немногочисленные пленники, — спали глубоким сном. Только на демона такие ухищрения не действовали, поэтому мы застали его бодрым и полным сил.

Дамиан покрутил кольцо, наблюдая, как лучи света преломляются в рубине.

— Ключ у нас.

Он протянул мне руку. Помедлив, кинула последний взгляд на кузена, и вложила свои пальцы в его. Я знала, что меня ждало впереди, но все равно оказалась не готовой к тому, что произошло.

И снова перемещение.

Черные крылья Тьмы, перья из бездны ночи, клокочущая мгла... Я уже спокойнее держалась, ощущая ее неживое присутствие. Она ничем не пахла и ни на что не походила. Это была не та темень, когда воздух полон свежести. Не та, когда слышится уханье сов. И даже не та, когда звезды ярко сияют, рассыпанные по темно-синему бархату неба. В ней чувствовалось дыхание Жнеца, ожидающего каждого, кто нарушит ее покой.

— Солнце, — так тихо сказал Дамиан, что я не сразу осознала — произнес вслух. Мы были на месте.

Он смотрел на меня, на мое платье, расшитое золотыми нитями, на пляшущие искры в волосах. Я стояла посреди мертвой земли. Голая почва покрывала все вокруг до самого горизонта.

— «Черная пустошь»...

— Возьми шкатулку, — дал мне реликвию моего рода Грасаль. — Демоны будут прорываться наружу, пока окончательно не сомкнутся края трещины.

— Ты чувствуешь их? — спросила и сама же утвердительно кивнула — слышит. Мысли тварей мучили Дамиана, как меня — человеческие, когда я впервые надела диадему.

Ветер жутко завывал вокруг. Я оглянулась и не сразу обнаружила ее — трещину. Черной лентой она извивалась по земле, точно рисуя узор. Я шагнула вперед.

Толчок.

Пошатнулась и оперлась руками о твердь. Ладони колот сизый пепел. Его поднявшиеся ветром частицы витали в воздухе, оставляя зудящее ощущение в носу.

— Что это было?

Земля гудела, словно раздираемая чем-то снизу. Края раскола дрожали и тряслись.

— Они почуяли! — с каким-то странным чувством воскликнул Дамиан и оттолкнул меня от трещины. — Не смей подходить!

— Дамиан!

Он же приблизился к самому краю. Полы черного плаща трепыхались на ветру, как крылья парящей птицы. Неестественно-бледная кожа на темном фоне выглядела так, будто ее нарисовали мелом. К горлу подкатил ком. Непонятная тревога разъедала изнутри. Я хотела закричать, но не могла. Где-то вдалеке кружила в яростном припадке буря, готовая уничтожить каждого, кто встанет на ее пути.

Дамиан протянул над местом раскола руку с надетым перстнем, и рубин в кольце ярко вспыхнул алым, как отлетевшая от костра искра. В этот же самый миг тряска еще более усилилась. Земля ходила ходуном под ногами, и я еле держалась, чтобы не упасть. Казалось, словно я стояла на палубе корабля, рассекающего штормящее море.

Из трещины повалил дым. Сначала показались одинокие струи, затем целые потоки... Я не сразу заметила в них оскаленные морды демонов. Случилось то, чего так боялся Грасаль. Почувывшие приближение опасности твари в спешке покидали укрытие.

Не медля ни секунды, раскрыла шкатулку. Красный свет озарял загноившуюся рану в земле, и, залечивая ее, смыкал края. Дамиан до крови кусал губы от боли. Темная кровь делала его беззащитным перед исчадиями бездны. Они в волю измывались над князем. Не знаю, какие требовались усилия, чтобы вот так, не дрогнув, стоять, но Грасаль не сдвигался с места, чтобы завершить дело, ради которого мы здесь оказались.

Хризолитовая шкатулка затягивала в себя мерзких тварей, но их было слишком много. Я потеряла счет пылающим ненавистью глазам посреди серого тумана и не могла больше вслушиваться в шипение, раздражающее слух. Все плыло. Меня мутило от их присутствия и от шатания земли. Вид вокруг смазывался в единое пятно, и я догадывалась о том, где стоит Дамиан, лишь по пятну красного света.

Лишь бы у него получилось!

Не ясно, где земля, а где — небо. Мрак стоял по всюду. Крик замер на губах. Я не слышала себя, отмахиваясь от тянущихся ко мне удавками потоков Тьмы. Магия шкатулки паутиной окутывала демонов, но некоторые из них все равно прорывали ловчую сеть.

Шипение раздалось в опасной близости от моего горла. Свободной рукой я захватила ком земли и бросила в оскаленное чудовище. Тварь с визгом отскочила. А ведь демоны мучили Дамиана еще больше... Понимая, что ему требуется помощь, я забыла о предостережениях и бросилась на помощь. Продираться через стену, кишашую исчадиями бездны, оказалось непросто: они делали все, чтобы мне помешать. Но наконец я подобралась к князю так близко, как только было возможно.

Весь измученный, он покачивался из стороны в сторону, направляя магию перстня. Вскользь посмотрев на медленно затягивающийся раскол, прижалась к Дамиану, позволяя ему опереться на меня. Его глаза, абсолютно черные, смотрели в пустоту.

«Зачем тебе эта девчонка? Убей ее, убей!» — звучали приказы демонов в его голове.

Мое сердце сжалось от страха, точно почуввав неладное.

Грасаль неторопливо повернул голову. В его взгляде промелькнуло нечто такое, что захотелось отшатнуться. Тьма мутила его разум, превращая истинное в ложное, а зло — в добро. Мир, представший перед его глазами, походил на отражение в кривом зеркале — такое же нелепое в своей абсурдности.

Мои ноги примерзли от ужаса к земле. Я оцепенела.

— Дамиан...

Тьма повсюду. Она в его голове, она за плечами.

«Сними перстень!»

— Нет, не делай этого! — взмолилась я, с ужасом вслушиваясь в хохот демонов.

Шкатулка в руках дрожала, поглощая тварей, но они все пребывали, из самой бездны проникая наружу. Их было ни счесть.

Края трещины практически сомкнулись, когда Грасаль резким движением снял рубиновый перстень с пальца и кинул его прямо в клокочущую Тьму.

— Нет!!!

Я упала на землю. Сломленная, посмотрела сначала на оставшуюся в земле щель, затем на Дамиана. По щекам лились горячие слезы. Во взоре Грасаля не осталось ничего человеческого — только мрак, застывший во взгляде, и безжизненный холод...

Он сделал шаг навстречу.

Я не шевелилась, но отчаяние раскачивало меня из стороны в сторону. На губах — вкус соли, глаза щипало от пыли и боли. Мы проиграли.

— Дамиан...

Я знала, что не достучусь до него. В этот раз — нет.

Краем взгляда заметила красный блеск. У меня была секунда, чтобы принять решение. Я отскочила в сторону, не позволяя Грасалю себя схватить и прижимая шкатулку, единственную защиту, к груди, и побежала.

Перепрыгнула через лежащий валун, метнулась в сторону, уходя от удара. Времени на раздумья не оставалось. Он не понимал, что я — это я.

— Я уничтожу тебя!

Грасаль не видел меня. Ослепленный Тьмой, он лицезрел лишь то, что ей хотелось. Не имел никакого смысла убеждать его в обратном. Я неслась по пустоши, глотая летящий пепел и слезы. Боль ударила в бок коварным кинжалом, но я сцепила зубы, не позволяя себе снизить темп. Дамиан был сильнее и быстрее.

Я подхватила перстень и быстро натянула его на палец. Только тогда позволила себе обернуться и подумать: «Почему мне это удалось?» Он ведь должен был успеть меня остановить. Должен!

Растерянно захлопала глазами, не обнаружив погони. Грасаль стоял все в том же месте, а напротив него... Напротив него застыл пылающий праведным гневом дух — Илис. Царица сражалась с Дамианом, орудуя призрачным мечом. Она наносила удары один за другим — князю только и оставалось уворачиваться. Он больше не мог ко мне подобраться.

— Заверши начатое! — закричала Илис, мельком взглянув в мою сторону.

И я побежала к трещине. Времени на раздумья не оставалось. Царица появилась как никогда вовремя, и стоило извлечь выгоду из ее неожиданного прихода.

Я не стала даже смотреть внутрь, просто протянула руку с перстнем и, взмолилась Берегине, чтобы этого оказалось достаточно. Так и оказалось. Рубин вспыхнул алым, прожигая Тьму красным лучом. Демоны, кружащие над расколом, с визгом отскочили в сторону. Земля снова дрогнула. Края трещины поползли навстречу друг другу, медленно смыкаясь. Наконец от прохода не осталось и следа.

Я вытерла со лба пот.

— Все кончено!

Шкатулка захватывала последних демонов, и новые уже не могли прорваться наружу, чтобы помочь собратьям. Я нутром почуяла, что и их влияние на Дамиана сошло на нет.

Я повернулась и поймала его взгляд. Радужка князя резко посветлела и к ней вернулся прежний насыщенно-зеленый цвет.

— Дами... — осеклась от потрясения.

Воспользовавшись тем, что Грасаль пришел в себя и отвлекся, посмотрев в мою сторону, Илис вскинула руку и пронзила тело противника мечом.

Он прошел насквозь.

«Фиалка», — мысленно произнес Дамиан, и в следующий же миг на пустошь опустилась оглушающая тишина. Все демоны исчезли, даже ветер стих, а я перестала различать голоса, даже те, что звучат в уме, а не на устах.

Это значило лишь одно: Дамиан Грасаль мертв.

— Что ты... — мой язык заплетался. — Что ты...

— Что я сделала? — вскинула голову царица. Ее глаза горели синим, точно подсвеченные изнутри. Прекрасная и ужасная. Такой бы я стала, одержи магия диадемы верх над моим духом. — Убила его.

— Ты... Он же одолел Тьму! — меня трясло, как в лихорадке. Я горела и дрожала одновременно. Казалось, это все неправда: сейчас князь поднимется и одарит меня одной из своих нахальных улыбок.

«Неужели ты поверила, фиалка? Я не могу так просто умереть», — хотелось, чтобы сказал Грасаль.

— Моя правнучка не свяжет жизнь с тем, кто осквернен Тьмой, — царица брезгливо поджала губы и пнула мыском туфли мертвого в бок. — Ты еще скажешь мне «спасибо».

Я почувствовала, как во мне закипает гнев. Ярость медленной волной пробежалась по телу и прильнула кровью к щекам. Не осознавая, что творю, нащупала привязанный к чулку нож — тот самый, с надписью: «Наша кровь — сила, наша душа — расплата». А затем со всей силы бросила его прямо в царицу.

Промазала.

Нож пролетел совсем рядом с Илис и с глухим звуком упал в пыль.

— Глупая девчонка! — раздраженно воскликнула царица. Ее глаза еще ярче вспыхнули.

Я подскочила и бросилась в ее сторону. Отчаяние плясало в дрожащих руках, которые я была готова сомкнуть на горле Илис. Царица взглянула на меня со странной смесью разочарования и удивления, а затем ее фигура начала меркнуть.

Я поняла, что сжимаю воздух.

От бессилия уставилась на свои руки, не осознавая, что происходит. Одна, посреди усыпанной пеплом земли. А рядом — тело человека, которого я не была готова потерять.

Кошмарный сон? Нет, реальность.

Ноги подкосились. Я упала в пыль, рядом с Дамианом. Меня качало из стороны в сторону. Я вцепилась в расшитый золотом темный камзол и начала его трясти.

— Очнись! Вставай, демоны тебя раздери!

Но он не шевелился. Меч, пронзивший его грудь, исчез вместе с уходом призрака, но зияющая рана осталась на месте. Я всхлипнула и поднесла к лицу окровавленные руки. Илис нанесла всего один удар, но уничтожила ни одного человека, а двух. Рана в моем сердце казалась такой же настоящей. Я дышала, но чувствовала себя мертвой.

— Ненавижу вас всех!!!

Я закричала так громко, что горло отозвалось саднящей болью. Но никто не откликнулся. Ни всеильные боги, ни проклятая царица, ни князь... Даже демоны, на веки вечные запертые в бездне, не могли вернуться и отомстить.

Я была одна.

Впервые.

— Ненавижу вас всех... Ненавижу вас... Ненавижу!.. — точно смеясь надо мной, разнесло эхо.

Я упала на Дамиана и зарыдала. Именно в этот миг пришло страшное осознание — князя уже не вернуть. Тело пронзило острая боль. Я бессильна.

Эпилог

Меня разбудил дождь. Веки дрогнули, когда по ним ударили холодные капли. Я открыла глаза и уставилась в небо. Внутри была пустота.

А дождь все лил...

Кап-кап-кап... Кап-кап-кап...

Запекшаяся кровь покрывала мои руки мертвенной краской. Я поднялась и села. Посмотрела на лежащее рядом тело. Сколько времени прошло?

Много?.. Мало?..

Все чувства выгорели дотла. Я была пуста. Ничего не осталось, даже горя. Я устала сгибаться от боли, устала вытирать с лица слезы и молить богов до хрипоты.

Что-то шевельнулось в душе, лишь когда я оглянулась вокруг. «Черная пустошь» изменилась до неузнаваемости. Сквозь серую корку пепла прорезались хрупкие ростки. Зеленый цвет странно смотрелся посреди безжизненного серого, но стало ясно — скоро он заполнит все вокруг.

Я долго смотрела на горизонт. Мокрое платье прилипло к телу, но я не ощущала холода. Дождь струился по лицу, стирая с него ненавистный красный цвет. Казалось, что все плохое уходит в прошлое вместе с льющей влагой, но рана в груди Дамиана и не думала затягиваться, как трещина в земле. Я практически не шевелилась, оцепенев от пережитого ужаса.

Теперь была готова простить Грасалю что угодно. Я забыла о непонимании между нами и высказанных обвинениях. Это все — так глупо!..

Ничего не имело былого значения, вся эта пустая болтовня. Не истолкуй я превратно слова Илис, и Дамиана можно было спасти. Наверное... Я не знала.

«Это настоящее», — стояли в голове слова Илис. Губы Дамиана возле моих губ, желание и ненависть, сплетшиеся воедино. Она не говорила о любви, а предупреждала об опасности подобной связи. Только наивная девчонка, вроде меня, могла поверить в обратное.

Я провела руками по лицу, стирая с него грязь. Умывшись дождевой водой, почувствовала себя немного лучше, если «лучшим» можно счесть чуть прояснившийся разум. Мысли по-прежнему путались, и хотелось выть от отчаяния.

Что делать дальше? Возможно ли это «дальше»?

Меня по-прежнему трясло. Больше из желания чем-то занять руки, чем привести себя в порядок, я расчесала пальцами спутавшиеся до колтунов волосы. Раздирая пряди, ощутила облегчение от нахлынувшей боли. Боль — это хорошо. Это значило, я еще испытываю хоть какие-то чувства.

Я добралась до левой части головы и замерла. Со всем произошедшим не сразу заметила: сапфировая диадема исчезла. Я так привыкла к ней, что ощущала практически частью себя. Несмотря на отсутствие рядом живых людей, нахлынуло странное осознание: как будто отрубили ногу или руку. Ее не доставало.

Я огляделась вокруг. Серый пейзаж вызывал щемящую сердце тоску. Но не исчез же венец бесследно?! Я прошла по кругу, увязая ногами в грязи. Дождь ручьями струился по земле, пробуждая ту к жизни.

Наконец в тусклых лучах солнца сверкнуло что-то синее. Я опустилась на землю и откапала практически целиком утопшую в черной жиже диадему. Прежде яркие камни словно потеряли прежнюю насыщенность. Я долго вглядывалась в дар покойной царицы, пока не поняла: сапфировая диадема сломана. По всей ее поверхности прошла глубокая трещина, испещрившая камень мертвым узором.

Как только я осознала это, с плеч словно свалился тяжелый груз.

Я посмотрела вверх, на утянутое тучами небо. Свинцовые облака медленно расходились, обнажая ослепительно-яркое солнце. Я уставилась на светило, а затем вынужденно зажмурилась от рези в глазах. Когда я снова подняла веки, перед взором стояли мушки. На мгновение ослепнув, почувствовала себя совсем беззащитной, когда горячие руки обхватили мое лицо.

Меня затянуло в зелень глаз Дамиана Грасалья.

— Но ты же... Ты же умер! Тебя убила Илис... — я зарыдала не то от счастья, не то от осмысления собственного безумия.

— Царица? Духи не материальны, Айрин. Проникнуть в наш мир — предел их возможностей.

Он снял с моих волос невесть как снова оказавшуюся на голове диадему. Камни так потускнели, что стали больше серыми, нежели синими. Теперь в них даже самый опытный ювелир не распознал бы сапфиры.

Я ошарашенно смотрела на князя, не зная, верить или нет своим глазам. Живой!.. Я провела ладонью по его лицу. Настоящий, не призрак...

— Демоны сделали все, чтобы проникнуть в твой разум, но им удалось лишь нарушить контур наложенного на венец заклинания.

— Ох, Дамиан... — только и смогла произнести я, попав в его объятия.

— Тише, фиалка. Теперь все позади. Что бы ты ни увидела — это не правда. Сломанный артефакт сработал не так, как было заложено. Вместо того, чтобы обнажить мысли других, он проникнул в твои собственные, отзеркалив самые ужасные страхи. Я еле до тебя достучался! — покачал он головой и крепче прижал меня к себе, — Уже сам успел нафантазировать всякого.

— А как же демоны?

Я оглянулась вокруг, все еще не готовая поверить — это правда. Бирюзовое небо было чисто и ясно. Солнце жарило, как летом, прошибая до пота, скатывающегося по спине. Землю все так же усыпал пепел, но в душу закралась стойкая уверенность, что вскоре от пустоши останется только название, а повсюду раскинется зелень. Проклятие исчезло вместе с уходом демонов, даже дышаться стало легче. Гнетущее ощущение, возникавшее в присутствии рядом исчадий бездны, полностью прошло.

— Демоны там, где им и положено, — заперты под землей, — сказал Дамиан Грасаль. — Больше никто не сможет призвать их в наш мир, пока они надежно спрятаны в бездне. Царство Льен может спать спокойно.

— А ты?

— Как видишь — жив, здоров и даже могу сразиться с кем-нибудь еще, если понадобится, — он усмехнулся и тут же посерьезнел: — Но диадему нужно уничтожить. Теперь она опасна как никогда.

Я улыбнулась, прислонившись к его груди. В объятиях Дамиана я ощущала себя в безопасности. Ну и что, если раньше мы были врагами. Главное — кто мы сейчас.

Где-то вдалеке раздался птичий крик. Я резко подскочила.

— Слышал?.. Слышал?

Прямо над нами пролетел златоперый сокол. Взмахнул мощными крыльями, крикнул что-то на птичьем наречии и исчез за горизонтом, как будто и не появлялся. А в душе разожглось тепло.

Позади прозвучал тихий шепот:

— Айрин, несносная девчонка, как же я тебя люблю.